ISSN 1817-7085

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

2026/1

Научно-
теоретический
журнал

Философия Права

**№ 1 (116)
2026**

Выходит 4 раза в год
Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71314

Главный редактор:
Д.В. Тишин,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:
С.В. Пахомов,
д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:
И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р истор. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
К.А. Плясов, д-р юрид наук, доц.;
А.В. Понеделков, д-р полит. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2026

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Гаврюшкин К.А. Правовые ценности в условиях глобализации права и формирования нового миропорядка (теоретико-исторические аспекты) 6
Грибунов О. П., Степанова. Е.Е. Исторический опыт органов прокуратуры России в борьбе с коррупцией: уроки прошлого для настоящего 12
Максимов В.А. Толкование норм международного обычного права: теоретические дискуссии и судебная практика 20
Черепанов В.А. О философско-правовом рассмотрении понятия отношения: зарождение учения об отношении в трудах Аристотеля 29
Чернавин Ю.А. Права человека как социально-философская концепция: основные идеи и положения 36

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Брюхнов А.А., Мойса О.И. Некоторые аспекты административной ответственности в сфере защиты прав потребителей 44
Галустян А.Г., Осяк А.Н. Проблема заторовых ситуаций в дорожном движении вследствие нарушений водителями правил остановки и стоянки автотранспорта 50
Корчагина К.А., Трифонова К.В., Коренюгин В.В. О некоторых проблемах правового регулирования патриотического воспитания в системе государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации в условиях угроз национальной безопасности 56
Насонов Ю.Н. Административная и уголовная ответственность за правонарушения в сфере миграции: проблемы регулирования 64
Небратенко О.О. Непозитивистские теории социально-экономических прав и свобод человека и гражданина 70

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Внуковская А.В., Пестов Р.А. Распределенная модель ответственности за искусственный интеллект в России 76

Выпускающий редактор:
Р.Р. Мамедханов

Редактор:
Л.Н. Кожоридзе

Дизайн и верстка:
И.К. Беницкий

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rf.ru
Индекс – 79848

Подписано в печать
23.03.2026
Выход в свет
30.03.2026

Формат 60x84/8
Объем 30 п. л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman.
Печать лазерная

Бумага офисная
Усл. печ. л. – 27,9
Тираж 300 экз.
Первый завод 106 экз.
Заказ № 63

Отпечатано ГПиОП РИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена свободная

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта:
law-journals-rui@yandex.ru
rmamedkhanov@mvd.ru

**Официальная информация
о журнале:**
https://рюи.мвд.рф

16+

Оленич Т.С., Журбин В.А. Исламское право. Семейное право в исламе 82
Рыбалка Е.А. Правовые проблемы института суррогатного материнства и пути их решения: теоретические и правоприменительные аспекты 89
Тугуз М.А., Точилкина А.А. Историко-правовой анализ становления представлений о традиционных семейных ценностях в отечественном законодательстве: метаморфозы правового регулирования семейных отношений в период XVI–XIX вв. и их влияние на современное состояние государственной семейной политики России 95

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Григорян Д.К., Суханова А.С. История создания и развития беспилотных летательных аппаратов 102
Коряк Ю.Д. Криминалистические проблемы выявления и разоблачения способов цифровой маскировки 109
Креховец А.В. Теоретическое осмысление понятия «конвергенция» в уголовном праве 113
Курбанов К.А. Актуальные проблемы методики расследования преднамеренного банкротства: пути их преодоления 119
Малянова К.П., Фойгель Е.И. Влияние криминалистических школ на развитие криминалистической науки 125
Никифорова А.А. К вопросу о признаках преступлений трансграничного характера 130
Овечкин Д.Г., Сорокун Н.С., Подгурский Р.В. Особенности реализации некоторых оперативно-розыскных мероприятий в условиях цифровизации преступной среды 138
Полянская Е.В., Трофимов Д.В., Коротова И.М. Вопросы развития правового направления использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности 144
Решняк О.А. Проблемы расследования бесконтактного сбыта наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, предложения по их минимизации 151
Славгородская О.А. О роли отражения в формировании показаний свидетелей 157
Тюнь А.А. Некоторые современные аспекты криминалистической характеристики побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи 163
Щербаченко А.К. Виктимологические меры по предупреждению корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами 169
Ячменева М.А. Особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних 175

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Артюхин О.А., Шумилина А.Б., Малявина А.Б. Формирование современной российской идентичности в условиях геополитического противостояния: ценностно-правовые и политико-культурные аспекты 181

5.7.7. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Глущенко Д.В. Концепция правового принуждения: критическое переосмысление границ юридического воздействия 190
Денисенко В.В. Философско-правовое осмысление миграционной политики как элемента обеспечения публичного правопорядка 196
Марков А.В., Штайн О.А. Спекулятивно-нарративная феноменология права: к полифонической модели юридической реальности 202
Топилина А.В., Рожковский В.Б. Укрепление единства многонационального народа Российской Федерации и общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнокультурного и языкового разнообразия – цель современной национальной политики Российской Федерации 209

5.7.8. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Беспалова Т.В., Беспалов А.К. Преобразование культурно-исторического знания в патриотические убеждения граждан: на примере музейных практик (часть 2) 216
Исмаилов А.Ю. Искусственный интеллект как онтологическое зеркало: вызовы современному гуманизму 225
Келеберда Н.Г. Онтологический статус личности в контексте правовой антропологии (на основе реконструкции мысли св. Максима Исповедника) 232

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Gavryushkin K.A. Legal values in the context of the globalization of law and the formation of a new world order (theoretical and historical aspects) 6
Gribunov O.P., Stepanova E.E. The historical experience of the Russian prosecutor's office in the fight against corruption: lessons from the past for the present 12
Maksimov V.A. Interpretation of norms of customary international law: theoretical debates and judicial practice 20
Cherepanov V.A. On the philosophical and legal consideration of the concept of relation: the origin of the doctrine of relationship in the works of Aristotle 29
Chernavin Yu.A. Human rights as a socio-philosophical concept: main ideas and provisions 36

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Bryukhnov A.A., Moisa O.I. Some aspects of administrative responsibility in the field of consumer protection 44
Galustyan A.G., Osyak A.N. The problem of congestion situations in road traffic due to violations by drivers of the rules of stopping and parking vehicles 50
Korchagina K.A., Trifonova K.V., Korenyugin V.V. On some problems of the legal regulation of patriotic education in the system of public service in the internal affairs bodies of the Russian Federation in the context of threats to national security 56
Nasonov Yu.N. Administrative and criminal liability for migration violations: regulatory issues 64
Nebratenko O.O. Non-positivist theories of human and civil socio-economic rights and freedoms 70

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Vnukovskaya A.V., Pestov R.A. Distributed model of responsibility for al in Russia 76
Olenich T.S., Zhurbin V.A. Islamic law. Family law in Islam 82
Rybalka E.A. Legal problems of the institute of surrogacy and ways to solve them: theoretical and law enforcement aspects 89
Tuguz M.A., Tochilkina A.A. Historical and legal analysis of the formation of concepts of traditional family values in Russian legislation: metamorphoses of the legal regulation of family relations in the 16th–19th centuries and their impact on the current state of Russia's state family policy 95

5.1.4. CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Grigoryan D.C., Sukhanova A.S. The history of the creation and development of unmanned aerial vehicles 102
Koryak Yu.D. Forensic problems of detecting and exposing digital disguise methods 109
Krekhovets A.V. Theoretical understanding of the concept of «convergence» in criminal law 113
Kurbanov K.A. Current issues of the methodology of investigation of intentional bankruptcy: ways to overcome them 119
Malyanova K.P., Foiguel E.I. The impact of forensic schools on the development of forensic science 125
Nikiforova A.A. To the issue of the signs of crimes of a cross-border nature 130
Ovechkin D.G., Sorokun N.S., Podgursky R.V. Features of the implementation of certain operational investigative activities in the context of digitalization of the criminal environment 138
Polyanskaya E.V., Trofimov D.V., Korotova I.M. Issues of the development of the legal direction of the use of artificial intelligence in operational investigative activities 144

Reshnyak O.A. Problems of investigating the contactless sale of narcotic drugs, psychotropic and potent substances, and proposals for their minimization 151
Slavgorodskaya O.A. On the role of reflection in the formation of witness testimony 157
Tyun A.A. Some modern aspects of criminalistic characterization of escapes from places of deprivation of liberty, from arrest or from custody 163
Scherbachenko A.K. Improving the methodology for investigating mercenary and violent crimes committed by migrants 169
Yachmeneva M.A. Features of the Initiation of criminal cases related to Drug Trafficking committed with the participation of minors 175

5.5.2. POLITICAL INSTITUTES, PROCESSES, TECHNOLOGIES (POLITICAL SCIENCES)

Artyukhin O.A., Shumilina A.B., Malyavina A.B. The formation of modern Russian Identity in the context of geopolitical confrontation: value-legal and political-cultural aspects 181

5.7.7. SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Glushchenko D.V. The concept of legal coercion: a critical rethinking of the boundaries of legal infleunce 190
Denisenko V.V. Philosophical and legal understanding of migration policy as an element of ensuring public law and order 196
Markov A.V., Schtein O.A. Speculative-narrative phenomenology of law: towards a polyphonic model of legal reality 202
Topilina A.V., Rozhkovsky V.B. Strengthening the unity of the multinational people of the Russian Federation and the all-Russian civic identity while preserving ethnocultural and linguistic diversity is the goal of the modern national policy of the Russian Federation 209

5.7.8. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Bespalova T.V., Bespalov A.K. Transformation of cultural and historical knowledge into patriotic beliefs of citizens: on the example of museum practices (part 2) 216
Ismailov A.Yu. Artificial intelligence as an ontological mirror: challenges to contemporary humanism 225
Keleberda N.G. The ontological status of personality in the context of legal anthropology (based on the reconstruction of the thought of st. Maximus the Confessor) 232

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 6–11.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 6–11.

Научная статья
УДК 340.1

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРАВА И ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА (ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Константин Артемович Гаврюшкин
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
kiren1996@mail.ru

Введение: *глобализационные процессы развития современного общества в XXI в. оставляют значительный след в истории развития российского права. На фоне исторических событий государственно-правового характера на современном этапе большое внимание вызывают действия недружественных государств, выраженные в попытках трансформации ценностных устоев гражданского общества. В настоящей работе раскрываются теоретико-исторические аспекты становления категории ценностей с точки зрения нравственности, морали, этики, различных социальных подходов. Обоснована значимость категории правовых ценностей в современной государственно-правовой системе на основе исторически сложившихся подходов к пониманию ценностей.*

Материалы и методы: *в рамках проведенного исследования автором применялся комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, в том числе теоретико-исторический метод. Применялся аксиологический подход и формально-юридический метод исследования. В качестве материалов использовались труды ученых советского и зарубежного права, а также акты стратегического планирования в Российской Федерации.*

Результаты исследования: *выявлена взаимосвязь нравственных, моральных, этических, духовных и религиозных ценностей с точки зрения социокультурного ценностного их осмысления, определена роль правовых ценностей в правовом регулировании с учетом глобализации права.*

Выводы и заключения: *историческое становление правовых ценностей предопределило их приоритетность на уровне правового регулирования с точки зрения духовно-нравственного осмысления. Правовые ценности в современных условиях выступают в качестве приоритетных ориентиров правовой политики государства, критерия оценки качества правотворческой и правоприменительной деятельности.*

Ключевые слова: *правовые ценности, социальные ценности, правовая политика, правовое регулирование, правотворчество, теория государства и права*

Для цитирования: Гаврюшкин К. А. *Правовые ценности в условиях глобализации права и формирования нового миропорядка (теоретико-исторические аспекты) // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 6–11.*

Original paper

LEGAL VALUES IN THE CONTEXT OF THE GLOBALIZATION OF LAW AND THE FORMATION OF A NEW WORLD ORDER (THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS)

Konstantin Artemovich Gavryushkin
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: *the globalization processes of the development of modern society in the 21st century leave a significant mark in the history of the development of Russian law. Against the background of historical events of a state-legal nature at the present stage, the actions of unfriendly states, expressed in attempts to transform the values of civil society, attract great attention. This work reveals the theoretical and historical aspects of the formation of the category of values from the point of view of morality, morality, ethics, and various social approaches. The importance*

© Гаврюшкин К.А., 2026

of the category of legal values in the modern state legal system is substantiated on the basis of historically established approaches to understanding values.

Materials and methods: *within the framework of the conducted research, the author applied a set of general scientific and private scientific methods of cognition, including the theoretical and historical method. An axiological approach and a formal legal research method were used. The materials used were the works of scholars of Soviet and foreign law, as well as acts of strategic planning in the Russian Federation.*

Results of the study: *the interrelation of moral, moral, ethical, spiritual and religious values from the point of view of their socio-cultural value interpretation is revealed, the role of legal values in legal regulation is determined, taking into account the globalization of law.*

Findings and conclusions: *the historical formation of legal values has predetermined their priority at the level of legal regulation from the point of view of spiritual and moral understanding. Legal values in modern conditions act as priority guidelines for the legal policy of the state, a criterion for assessing the quality of law-making and law enforcement activities.*

Keywords: *legal values, social values, legal policy, legal regulation, law-making, theory of state and law*

For citation: Gavryushkin K. A. *Legal values in the context of the globalization of law and the formation of a new world order (theoretical and historical aspects) // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 6–11.*

В рамках проводимого исследования категории правовых ценностей на основе теоретико-исторического подхода необходимо рассмотрение этапов исторического формирования научных представлений о ценностях как нравственной, моральной, этической, социальной и социально-правовой категории.

Исторически сложившиеся ценности как явление было предметом исследования с философской точки зрения, когда о понятии ценности еще не упоминалось, а ее раскрытие происходило через духовность и нравственность. Так, Г.В.Ф. Гегель раскрывал ценностное измерение права через понятие нравственности как «понятие свободы», которое по отношению к субъекту выступает субстанцией, имеющей «более надежную силу, чем бытие природы» [1, с. 200–201]. Стоит также отметить, что в ряде концепций ценным считалось все то, что отвечало потребностям и интересам всех участников общества. Чичерин Б.Н. писал, что «нравственное начало» является чем-то высшим, «дающим закон», а удовлетворить свои потребности человеку дозволено только при отсутствии противоречия «нравственному закону» [2, с. 187–188].

На фоне развития идей нравственности ценности становятся самостоятельным предметом анализа и раскрываются в контексте религиозно-нравственной традиции. Ценности, по словам В.Н. Шердакова, являются выражением значимости чего-либо для человека и обуславливаются формируемыми социальной средой потребностями. При этом среди духовных ценностей автор прямо выделяет добро, истину и красоту [3, с. 51, 225–226, 285]. В свою очередь, Макс Шеллер, рассматривая в работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» категорию ценностей с точки зрения социально значимого аспекта жизнедеятельности, разграничивает позитивные и негативные ценности. На основе данного подхода автор отмечает значимость духовных ценностей и ставит их в «более высокий ряд», чем витальные ценности (предметные ценности на основе «благородного» и «низкого»), но ниже, чем «ценности святого» [4, с. 300, 328]. Данные подходы свидетельствуют о том, что в основе изучения ценностей лежали рассуждения о связи человека с природой и его сущности.

В процессе развития гуманитарных наук в основу исследования ценностей положено их соотношение с субъектом-носителем ценностей, т. е. с личностью. Данное явление сопровождалось формированием морально-нравственных установок, в основе которых была личная ответственность индивида за осуществляемую деятельность. Наряду с нравственными установками учеными рассматривался вопрос о морали и нравственности. Шердаков В.Н. в своей работе раскрывает вопрос соотношения нравственных, духовных (основанных на религии и вере) и моральных ценностей. Автором на основе рассуждений о связи религии, человека и ценностей предложено рассматривать среди моральных ценностей такие исторически сложившиеся явления, как вера, надежда и любовь [3, с. 205–206]. На современном же этапе теоретико-правовой науки моральные ценности определяются как самодостаточная категория, не подчиненная «ни политике, ни науке, ни праву» [5, с. 53].

На основе вышесказанного можно определить, что формирование различных подходов к пониманию ценностей было основано

на категории нравственности, базирующейся на чувственно-эмоциональной сфере человека. Наряду с этим при размышлениях о ценностных ориентирах многими авторами отмечается значимость религии и духовной развитости личности [6; 7]. В процессе исторического развития общества и институционализации норм ценности переходят от внешне разделяемых представлений к внутренне принятым основаниям поведения, т. е. становятся элементом морального сознания в форме внутреннего долженствования. В связи с этим ценности функционируют как моральные установки, ориентированные на справедливость, честность и исполнение долга.

Моральные ценности в ряде концепций рассматриваются преимущественно как внутренние регуляторы поведения личности и не сводятся к нормативно-правовой сфере. Вместе с тем этическое измерение позволяет теоретически осмыслить и обосновать ценностные критерии, применимые для оценки права и правоприменения. Так, развивая научные подходы к пониманию ценностных ориентиров, в XX в. Л.И. Петражицкий в своих трудах рассматривает общественную функцию права и пишет о нравственности как об «императивной этике», которая является «ценным элементом человеческой психики» [8, с. 188]. Ввиду этого именно этическое измерение является нормативным критерием оценки допустимости человеческого поведения. Данный тезис подчеркивает, что именно этические ценности выступают в качестве одного из критериев, определяющего внутренние границы дозволенной человеческой деятельности на уровне нормативно-правового регулирования.

Кроме того, представляется оправданным рассматривать отдельные видовые группы ценностей: нравственные, моральные, этические, духовные, религиозные и иные в качестве разновидностей социальных ценностей, поскольку каждая из них проявляется в обществе как социальный ориентир. Так, В.П. Казимирчук, рассматривая социальную обусловленность права, исследовал теорию ценностей в контексте формирования ценностной ориентации общества (в том числе социальных групп и личности), которая будет способствовать их «правомерному и социально-активному поведению» [9, с. 63]. Тем самым подчеркивается, что, будучи по происхождению и содержанию не совсем однородными, ценности в социокультурной сфере приобретают статус социальных ценностей.

Социальные ценности занимают особое место в процессе формирования у человека признанных обществом ориентиров должного и допустимого поведения. Однако по мере институционализации общественных отношений, развития в сфере их правового регулирования часть социальных ценностей получает свое отражение в виде юридически значимых целей, принципов и стандартов поведения.

На современном этапе государственно-правового развития учеными в области теории государства и права все большее внимание уделяется изучению социальных ценностей во взаимосвязи с правом. Так, ценности социального порядка, получившие юридическую определенность, могут считаться социально-правовыми. Характер социально-правовых ценностей они приобретают в тот момент, когда попадают в сферу действия права в силу их общей значимости для всего социума и имеется реальная объективная возможность взаимодействия права и ценностей и воздействия права на ценности в процессе осуществления правового регулирования.

Социально-правовые ценности отражают такие социально значимые ориентиры, которые уже прошли стадию юридической объективации, т. е. получили нормативное закрепление. Тем самым они выполняют связующую функцию между ценностями общественной жизни и правом, при этом сохраняя социальную природу (выражают ожидания, потребности и представления о должном) и в то же время приобретают юридическую определенность и общеобязательный характер.

Дальнейший теоретико-правовой анализ требует перехода к рассмотрению правовых ценностей в условиях современной глобализации права. Во-первых, стоит отметить, что на современном этапе ученые преимущественно пишут о правовых ценностях с точки зрения философии и социологии права, т. е. как о: 1) находящихся в сфере правового регулирования объектах и явлениях социальной жизни, которые в сознании личности и (или) групп личностей приобретают характер особо значимых, а также состояния и тенденции развития этих объектов и явлений, воспринимаемые в качестве идеальных, желаемых [10, с. 11]; 2) переживаемых людьми и определяемых культурой формах их позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения, соответствующий этой системе, а также юридическую оценку событий [11,

с. 14]. Представляется, что данные определения требуют уточнения, касающегося юридического осмысления правовых ценностей как правового явления и как правовой категории, детерминированных развитием цивилизации и характеризующихся преемственностью исторически сложившихся социокультурных духовных ценностей.

Во-вторых, рассмотрение правовых ценностей в условиях глобализации права и формирования нового миропорядка целесообразно осуществлять на основе проводимой правовой политики и поставленных во главу правового регулирования приоритетов в деятельности государства. На современном этапе особо важно принимать меры по обеспечению защищенности суверенитета государства, безопасности народа, целостности и неприкосновенности территории [12; 13]. В данном случае определение приоритетов в правовой политике органично связано с политико-правовым признанием и нормативно-правовой регламентацией правовых ценностей. Более того, декларируемые социально-правовые ценности определяют сам процесс целеполагания в праве и служат системообразующим фактором в процессе структурирования национальной системы права. Именно признанные социально-правовые ценности служат критерием оценки и мотивации поведенческого цикла.

Значимость правовых ценностей заключается в том, что они имеют глубинные основы материального и духовного характера, т. к. создаются в процессе эволюции, претерпевают изменения с течением социальной истории, но сохраняются на протяжении длительного времени. В результате определяемые правовые цели базируются на системе социально-правовых ценностей. Действительно, правовые цели в отличие от объективно-субъективного характера ценностей преимущественно по природе происхождения имеют выраженный субъективный характер, в силу этого требуется оценочный фактор, которым являются представители общественного мнения, выступающие носителями различных правовых культур, идеологий, политических идей.

Также имеет место изменение ценностных ориентиров в обществе по отношению к устоявшимся нравственным нормам поведения, сформировавшимся на протяжении многих столетий, вызванное процессами цифровизации. В настоящее время существует проблема защиты в цифровом пространстве важнейших ценностей, среди которых помимо прав и свобод стоит выделить такие, как справедливость, этика, мораль, культурная идентичность и др.

В основу раскрытия значимости правовых ценностей на современном этапе положено обращение к актам стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации, которые закрепляют приоритетные направления государственной национальной политики. К таким документам стоит отнести: Стратегию национальной безопасности Российской Федерации[1], Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г.[2], Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[3], Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.»[4]. Анализ данных нормативных правовых актов привел к выводу о том, что одним из приоритетных направлений на перспективу ближайших 10 лет является защита и сохранение традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. Вышеуказанные акты стратегического планирования создают основу осуществления правовой политики России как на международной арене, так и в процессе осуществления внутригосударственного правового регулирования.

Раскрывая вопрос реализации правовых ценностей как одного из значимых направлений в проводимой правовой политике, нельзя не сказать о том, что эффективная и полноценная реализация правовых ценностей обеспечивается достижением правовых целей, опосредованных этими же правовыми ценностями. В связи с этим можно утверждать, что правотворческий процесс должен быть обусловлен правовыми ценностями и правовыми целями как с точки зрения их грамотной постановки и обозначения в нормативных правовых актах, так и опре-

[1] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 47 (ч. II). Ст. 5351.

[2] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г.: Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 // Собр. законодательства РФ. 2025. № 48. Ст. 7312 (Часть IV).

[3] Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

[4] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Собр. законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

деления приоритетных направлений, принципов и средств-инструментов юридической деятельности.

Вышесказанное еще раз подчеркивает значимость исследуемой категории для теоретико-правовой науки. Вместе с тем необходимо определить, каким образом обозначенные правовые ценности получают нормативное выражение в правовом регулировании. Так, на конституционном уровне ценности закрепляются как идеал, а их признание, соблюдение и защиту должно обеспечивать государство на правовом уровне. Ввиду этого ценностное содержание правовой нормы приобретает юридико-техническое значение. Правовые ценности выступают ориентиром для осуществления правотворческой и правореализационной деятельности и приобретают значение главных критериев, на основе которых определяются приоритетные направления правовой политики.

Проведенный теоретико-исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что формирование правовых ценностей носит поэтапный и последовательный характер и отражает переход в научном познании от философско-нравственного к нормативно-правовому осмыслению социальных и правовых явлений. Ценностное содержание норм права раскрывается через категории нравственности, духовности, морали и этики. Несмотря на то, что в настоящее время в условиях глобализации права и формирования нового миропорядка правовые ценности подлежат существенной трансформации в силу объективно-субъективных факторов, детерминантами прогрессивного развития человечества являются исторически сложившиеся правовые ценности, служащие фундаментом для определения стратегии правотворческой деятельности на внутригосударственном уровне и решения вопросов межгосударственного, регионального и международного характера в области обеспечения безопасности человечества, сохранения мира и стабильности.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. / пер. с нем., ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М., 1990.

2. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900.

3. Шердаков В.Н. Иллюзия добра: моральные ценности и религиозная вера. М., 1982.

4. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина; под. ред. А.В. Денежкина. М., 1994.

5. Мишина И.Д. Нравственные ценности в праве: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.

6. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия / 2-е, испр. и доп. изд. М., 1899.

7. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 90–114. М., 2010.

8. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С.-Петербургъ, 1907. Т. 1.

9. Казимирчук В.П. О понимании советского права: круглый стол «Советского государства и права» // Советское государство и право. 1979. № 7.

10. Сугар Д. Собственность как правовая ценность (теоретико-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2015.

11. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002.

References

1. Hegel G.V.F. Philosophy of law. / translated from German, ed. and comp. D.A. Kerimov and V.S. Nersesyants; auth. introduction and notes by V.S. Nersesyants, Moscow, 1990.

2. Chicherin B.N. Philosophy of Law, Moscow, 1900.

3. Sherdakov V.N. The Illusion of Goodness: moral values and religious Faith, Moscow, 1982.

4. Sheler M. Selected works / translated from German by A.V. Denezhkin, A.N. Malinkina; edited by A.V. Denezhkin, Moscow, 1994.

5. Mishina I.D. Moral values in law: diss. ... PhD in Law. Yekaterinburg, 1999.

6. Solovyov V.S. Justification of goodness: moral philosophy / 2nd, ispr. and additional ed. Moscow, 1899.

7. Aquinas F. The Sum of theology. Part II-I. Voprosy 90-114. Moscow, 2010.

8. Petrazhitsky L.I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. St. Petersburg, 1907. Vol. 1.

9. Kazimirchuk V.P. On understanding Soviet law: the round table "Soviet state and law" // Soviet State and Law. 1979. № 7.

10. Sugar D. Property as a legal value (theoretical and legal research): diss. ... PhD in Law. Irkutsk, 2015.

11. Babenko A.N. Legal values and their development by personality: diss. ...Grand PhD in Law. Moscow, 2002.

12. Avdeeva O.A., Avdeev V.A. The legal policy of the Russian Federation in the sphere of

12. Авдеева О.А., Авдеев В.А. Правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности мира и человечества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104).

13. Авдеева О.А., Авдеев В.А. Теоретико-методологические и отраслевые аспекты понимания вины как правовой категории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108).

ensuring the security of the world and humanity // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (104).

13. Avdeeva O.A., Avdeev V.A. Theoretical, methodological and sectoral aspects of understanding guilt as a legal category // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (108).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

К. А. Гаврюшкин, *старший преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

K. A. Gavryushkin, *Senior Lecturer, Department of Physical Training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov St., Irkutsk 664074 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 28.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 28.02.2026; approved after reviewing 01.03.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 12–19.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 12–19.

Научная статья
УДК 34

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ: УРОКИ ПРОШЛОГО ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО

Олег Павлович Грибунов[1], Елена Евгеньевна Степанова[2]

[1] Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация, gribunov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9288-1364
[2] Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация, kanuzelelena@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7460-2053

Введение: *в статье исследуется исторический путь становления и развития российской прокуратуры как ключевого института в системе противодействия коррупции. Особое внимание уделяется преемственности надзорных функций, организационно-правовым формам борьбы с казнокрадством и взяточничеством, а также практическим результатам прокурорской деятельности в различные исторические периоды.*

Материалы и методы: *исследование основано на анализе нормативных правовых актов, архивных материалов и специальной литературы. Использованы сравнительный метод, историко-юридический анализ, контент-анализ документов.*

Результаты исследования: *по мнению авторов, значительная часть антикоррупционных полномочий прокуратуры, сохранившись в существенно измененном виде, прошла «проверку на прочность» еще с петровской эпохи, при этом законодательство, отвечая вызовам времени, постоянно модернизировалось.*

Выводы и заключения: *проведенное исследование подчеркивает необходимость систематического изучения исторического опыта борьбы с коррупцией и его применение в современной практике. На основе исторического опыта формулируются выводы и практические рекомендации для совершенствования современной антикоррупционной политики.*

Ключевые слова: *прокуратура, коррупция, надзор, взяточничество, уроки истории, фискалитет, антикоррупционные стандарты*

Для цитирования: Грибунов О. П., Степанова. Е. Е. *Исторический опыт органов прокуратуры России в борьбе с коррупцией: уроки прошлого для настоящего // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 12–19.*

Original paper

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF RUSSIAN PROSECUTOR'S OFFICES IN FIGHTING CORRUPTION: LESSONS FROM THE PAST FOR THE PRESENT

Oleg Pavlovich Gribunov[1], Elena Evgenievna Stepanova[2]

[1] Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, gribunov@mail.ru , https://orcid.org/0000-0002-9288-1364
[2] Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, kanuzelelena@inbox.ru , https://orcid.org/0000-0001-7460-2053

Introduction: *the article examines the historical path of formation and development of the Russian Prosecutor's office as a key institution in the anti-corruption system. Special attention is paid to the continuity of supervisory functions, organizational and legal forms of combating embezzlement and bribery, as well as the practical results of prosecutorial activities in various historical periods.*

© Грибунов О.П., Степанова Е.Е., 2026

Materials and methods: *the research is based on the analysis of regulatory legal acts, archival materials and special literature. The comparative method, historical and legal analysis, and content analysis of documents were used.*

Results of the study: *according to the authors, a significant part of the anti-corruption powers of the prosecutor's office, having been preserved in a significantly modified form, has been "tested for strength" since the Petrine era, while legislation, responding to the challenges of the time, has been constantly modernized.*

Findings and conclusions: *the conducted research highlights the need for a systematic study of the historical experience of fighting corruption and its application in modern practice. Based on historical experience, conclusions and practical recommendations are formulated for improving modern anti-corruption policy.*

Keywords: *prosecutor's office, corruption, supervision, bribery, history lessons, fiscal policy, anti-corruption standards*

For citation: Gribunov O. P., Stepanova E. E. *The historical experience of the Russian prosecutor's office in the fight against corruption: lessons from the past for the present // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 12–19.*

Актуальность исследования исторического опыта российской прокуратуры в борьбе с коррупцией обусловлена несколькими факторами, которые неразрывно связаны между собой. Во-первых, коррупция на протяжении веков остается одной из наиболее острых проблем российской государственности. Так, Н.М. Карамзин емко определил положение дел в царской России одним словом: «Воруют…» [1]. Во-вторых, именно прокуратура исторически выступала тем государственным органом, на который возлагались основные задачи по надзору за законностью и борьбе с должностными злоупотреблениями, что делает изучение ее опыта особенно значимым [2]. В-третьих, современные вызовы в сфере противодействия коррупции требуют обращения к историческому наследию, поскольку, как справедливо отмечают исследователи, изучение исторических этапов становления российской прокуратуры позволяет выявить закономерности развития законодательства и сформулировать предложения для совершенствования современной антикоррупционной политики [3].

Из этого вытекает цель настоящей статьи – проанализировать ключевые этапы истории российской прокуратуры в сфере борьбы с коррупцией, выявить преемственность методов и подходов, а также определить уроки прошлого, актуальные для современной практики. Хронологические рамки исследования охватывают период с учреждения прокуратуры в 1722 г. до настоящего времени, что позволяет проследить эволюцию антикоррупционных полномочий на протяжении трех столетий.

История российской прокуратуры неразрывно связана с реформаторской деятельностью Петра I, который столкнулся с проблемой тотальной коррупции государственного аппарата. Конец XVII и начало XVIII в. характеризовались значительным ростом должностных злоупотреблений, казнокрадства и взяточничества, неисполнением царских указов со стороны органов государственного управления, что вызывало насущную потребность в создании специальной государственной службы по борьбе с этими негативными явлениями [4]. Первой попыткой императора создать орган, следящий за недопущением злоупотреблений чиновников, стало учреждение фискалитета 17 марта 1714 г., за образец которого были взяты государственные органы Германии.

Однако фискалы, призванные осуществлять гласный и негласный надзор, сами оказались подвержены коррупции, и уже в первые годы функционирования большинство из них было коррумпировано настолько, что царю пришлось искать новый выход из ситуации [5]. Именно провал фискальной системы стал непосредственной причиной поиска более эффективных форм и методов наблюдения и контроля за деятельностью государственного аппарата, что в конечном итоге привело к созданию прокуратуры. Таким образом, история возникновения органов прокуратуры демонстрирует важный урок: борьба с коррупцией не может быть эффективной, если сами контролирующие органы не защищены от коррупционного поражения.

По-настоящему успешным решением императора стало образование прокуратуры, учрежденной Именным Высочайшим Указом Петра I Правительствующему Сенату от 12 (23) января 1722 г., в котором прямо провозглашалась цель создания нового органа: «надлежит быть при Сенате Генерал-прокурору и Обер-прокурору, а также во всякой Коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору» [6]. Перед прокуратурой ставилась задача «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония» [7].

Первым генерал-прокурором был назначен граф Павел Иванович Ягужинский (1683-1736), которого Петр I, представляя сенаторам, охарактеризовал знаменательными словами: «Вот око мое, коим я буду все видеть» [8]. Император высоко ценил деятельность Ягужинского, отмечая, «что осмотрит Павел, так верно, как будто я сам видел», и личность первого генерал-прокурора стала олицетворением преданности делу, верности и честности в осуществлении надзора. Из этого следует второй важный урок петровского времени: личный фактор имеет огромное значение, и успех деятельности прокуратуры во многом зависит от личности руководителя, его принципиальности и близости к главе государства.

Правовой статус прокуратуры был закреплен в Указе о должности генерал-прокурора от 27 апреля 1722 г., где устанавливалось: «И понеже сей чин – яко око наше и стряпчий о делах государственных» [8]. Указ детально регламентировал обязанности генерал-прокурора по надзору за Сенатом, предписывая ему «сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил и во все делах буде не исполнено, то ведать надлежит для какой причины, невозможность ли какая помешала, или по какой страсти, или за леностию, и о том немедленно Сенату предлагать» [8]. Особенно важно, что под «страстью» как мотивом нарушений исследователи понимают именно коррупционный мотив, и эти положения по сути закрепили право генерал-прокурора проводить проверки, положив начало такой мере прокурорского реагирования, как представление об устранении нарушений закона [9].

Отдельно указ устанавливал обязанность генерал-прокурора «за фискалами смотреть и, ежели что худо увидит, немедленно доносить Сенату», что наглядно иллюстрирует создание системы сдержек и противовесов в контрольно-надзорной сфере, поскольку прокуратура была поставлена над фискальными органами [4]. Рассматривая конкретные положительные примеры деятельности «петровской» прокуратуры, исследователи указывают, что политика противоборства с коррупцией была очень суровой, жестокой и одновременно обеспечивала принцип неотвратимости наказания [5]. Таким образом, уже при создании прокуратуры были заложены фундаментальные принципы, которые будут воспроизводиться на последующих этапах ее развития.

Петровские традиции получили свое развитие в последующие периоды, хотя эффективность прокурорского надзора не всегда оставалась на должной высоте. Весомый вклад в развитие прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции внесла Екатерина II, которая Указом «О прокурорской и стряпческой должности» возложила на прокуроров обязанность сохранять «целостность власти, установлений и интереса императорского величества», наблюдать, «чтоб запрещенных сборов с народа никто не собирал», а также «истреблять повсюду зловредные взятки» [5]. В «секретнейшем наставлении» императрицы генерал-прокурору А.А. Вяземскому были изложены развернутые взгляды на будущую деятельность прокуратуры, и в результате реформы Сената и губернского управления прокуратура смогла расширить надзорные функции в отношении губернских и уездных органов власти и местных судов.

Однако, анализируя конкретные примеры, некоторые исследователи делают вывод о том, что трудно говорить о высокой эффективности надзора в области противодействия коррупции со стороны дореформенной имперской прокуратуры [5], чему способствовало такое явление, как фаворитизм, т. е. возвышение конкретного лица или группы лиц в связи с личной благосклонностью к ним монарха, что не способствовало неотвратимости наказания за коррупцию. Из этого следует, что субъективные факторы и политическая конъюнктура могут существенно снижать эффективность антикоррупционной работы.

Существенная трансформация статуса прокуратуры произошла 8 сентября 1802 г., когда Манифестом императора Александра I было образовано Министерство юстиции Российской империи, и институт прокуратуры стал его составной частью, а глава министерства по должности занял пост генерал-прокурора [8]. Первым министром юстиции – генерал-прокурором стал поэт Гавриил Романович Державин, заложивший принципы служения: «Государственный человек более других сограждан должен быть одушевлен, движим и руководствован любовию к Отечеству…» [8]. Вхождение прокуратуры в состав исполнительной власти имело двойственные последствия: с одной стороны, это усилило координацию надзорной деятельности, с другой – поставило прокуратуру в определенную зависимость от правительственного курса, что могло снижать эффективность антикоррупционной работы. Этот исторический опыт показывает, что прокуратура наиболее эффективна тогда, когда сохраняет определенную независимость от других ветвей власти, особенно от тех, за которыми призвана надзирать.

Наиболее радикальные изменения в деятельности отечественной прокуратуры внесла Судебная реформа Александра II

1864 г., преобразовавшая прокуратуру в орган судебного надзора и уголовного преследования. Суть реорганизации состояла в ограничении прокурорского надзора исключительно судебной областью, возложении на прокурора функций поддержания государственного обвинения в суде и усилении надзора за дознанием и следствием [9], что позволило сосредоточить усилия на уголовном преследовании коррупционеров. Пореформенный период дал России плеяду блестящих юристов, связанных с прокурорской деятельностью: А.Ф. Кони, В.Д. Спасович, А.А. Герке, А.Л. Боровиковский, А.И. Урусов, П.А. Александров и др. [8], чья работа в качестве прокуроров способствовала формированию авторитета прокуратуры как органа, стоящего на страже закона. Таким образом, реформа 1864 г. показала важность специализации прокурорской деятельности, поскольку выделение функции уголовного преследования в самостоятельное направление повысило эффективность борьбы с должностными преступлениями.

Подводя итог имперскому периоду, можно выделить несколько сквозных уроков: во-первых, прокуратура требует четкой правовой регламентации полномочий; во-вторых, кадровый состав и нравственные качества прокурорских работников являются решающим фактором успеха; в-третьих, специализация функций повышает эффективность антикоррупционной деятельности. Все эти уроки будут в полной мере востребованы в советский период, хотя и в существенно трансформированном виде.

Октябрьская революция 1917 г. самым серьезным образом повлияла на судьбу прокуратуры, поскольку новая власть рассматривала коррупцию как один из существенных недостатков государственного аппарата дореволюционной России, с которым необходимо было «немедленно покончить». Однако парадокс заключался в том, что вместе со старой системой были ликвидированы и те органы, которые вели с ней борьбу, включая прокуратуру, распущенную сразу после революции как враждебный атрибут царской карательно-репрессивной системы [10]. Этот опыт показывает, что борьба с коррупцией не может вестись путем простого разрушения государственных институтов, поскольку без специальных надзорных органов любая власть оказывается бессильной перед должностными злоупотреблениями.

Через пять лет после революционных событий 1917 г. советская власть начала проводить судебную реформу, которая предусматривала в том числе создание органов прокуратуры [11, с. 15]. После окончания гражданской войны советскому правительству потребовалось построение новой системы органов государственной власти, в том числе уполномоченных обеспечивать соблюдение режима законности. В 1922 г. на очередной сессии ВЦИК РСФСР было принято Положение о прокуратуре [12], в котором были закреплены полномочия, без существенных изменений сохранившиеся до распада Советского Союза. В соответствии со ст. 2 положения на прокуратуру возлагались: осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти; непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов; поддержание обвинения на суде; наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей. Если прокурор усматривал в деяниях поднадзорных лиц наличие коррупционных преступлений, он имел право возбудить уголовное дело, что было закреплено в п. «а» ст. 13 Положения [12]. Из этого следует, что советская власть, несмотря на отрицание дореволюционного опыта, фактически воспроизвела основные функции прокуратуры, доказавшие свою эффективность.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. можно выделить сразу несколько составов преступлений, обладающих признаками коррупции. Статья 105 устанавливала ответственность за злоупотребление властью, совершенное должностным лицом в корыстных или иных личных видах. Статья 114 предусматривала ответственность за получение взятки с наказанием до пяти лет лишения свободы с конфискацией имущества, а при отягчающих обстоятельствах – вплоть до высшей меры наказания. Статья 115 устанавливала ответственность за провокацию взятки [10]. Интересно отметить, что образование прокуратуры в РСФСР в 1922 г. было попыткой советского государства уйти от приоритета революционной целесообразности к верховенству закона [11], и руководство Советской России невольно воспользовалось опытом петровских времен, который пригодился в годы становления советской государственности [13]. Декрет ВЦИК от 19.10.1922 «О придании обратной силы статьям 114 и 114-а Уголовного Кодекса» [14] свидетельствует о решимости советской власти искоренить коррупцию самыми жесткими методами, подобно тому, как это делал Петр I.

Дальнейшее развитие прокуратуры шло по пути централизации: в 1923 г. образована Прокуратура Верховного суда СССР, а в 1933 г. учреждена Прокуратура СССР, которой предоставили широкие полномочия – право законодательной инициативы и совещательного голоса в заседаниях высших органов

власти, право приостанавливать решения и приговоры коллегий Верховного суда СССР [8]. Конец 1980-х гг. ознаменовался активизацией борьбы с коррупцией на самом высоком уровне, о чем свидетельствуют архивные материалы. В первом полугодии 1987 г. было выявлено более пяти тысяч случаев взяточничества, ущерб от хищений в первом полугодии 1986 г. составил более 120 млн руб. [15]. Прокуратурой Москвы было расследовано уголовное дело о взяточничестве должностных лиц Минздрава СССР, где сумма полученных взяток составила более 320 тыс. руб. Следователями прокуратуры было закончено дело по обвинению во взяточничестве бывшего министра автомобильного транспорта Казахской ССР Караваева и еще 15 человек, получивших взятки на сумму 1,5 млн руб. По «делу Чурбанова» (бывшего заместителя министра внутренних дел СССР) было установлено получение взяток на сумму более 650 тыс. руб. [15]. Эти примеры демонстрируют, что централизация прокурорской системы и наличие статистического учета позволяли выявлять и пресекать крупные коррупционные схемы.

Советский период дает важные уроки: во-первых, централизация прокурорской системы повышает эффективность борьбы с коррупцией; во-вторых, важность статистического учета и анализа коррупционных преступлений позволяет оценивать эффективность работы; в-третьих, необходимость системной работы по всем направлениям, включая не только уголовное преследование, но и общий надзор за законностью. Все эти уроки будут востребованы при формировании современной российской прокуратуры.

После распада СССР прокуратура Российской Федерации окончательно сформировалась в самостоятельный государственный орган, не входящий ни в одну из ветвей власти [7], сохранив при этом лучшие традиции как дореволюционного, так и советского периодов. В новейшей истории возникновение такой функции российской прокуратуры, как координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, связано с принятием в 1995 г. новой редакции Закона о прокуратуре [15]. Эта функция органично продолжила историческую традицию, поскольку еще Петр I ставил прокуратуру над фискалами, а в советский период прокуратура координировала деятельность различных ведомств.

Важная веха в развитии института координации – принятие Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [17], ч. 6 ст. 5 которого координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией возложила на Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров. Как отмечают исследователи, можно сделать вывод о существенном расширении предмета координации, осуществляемой прокуратурой в сфере преодоления коррупции, по сравнению с другими направлениями борьбы с криминальными явлениями [18], и представляется обоснованным отнесение этого вида координации к самостоятельной функции прокуратуры [18]. Закон о противодействии коррупции установил понятие коррупции, включающее злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, коммерческий подкуп, а также иные деяния, предусмотренные УК РФ. По существу, это определение коррупции дано через перечисление уголовно наказуемых деяний, что обеспечивает преемственность с уголовным законодательством советского и дореволюционного периодов.

Полномочия органов прокуратуры в сфере противодействия коррупции включают общенадзорные полномочия, связанные с выявлением нарушений антикоррупционного законодательства и реализуемые посредством протестов, представлений, постановлений, предостережений, а также полномочия по уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления. Прослеживается тенденция наделения органов прокуратуры специальными полномочиями: по контролю за расходами, обращению в доход РФ имущества, антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов, координации деятельности правоохранительных органов [3]. Эти полномочия являются современным развитием тех функций, которые исторически выполняла прокуратура, адаптированных к вызовам XXI в.

Российская Федерация уделяет внимание международному сотрудничеству в сфере противодействия коррупции: в 2003 г. Россия подписала Конвенцию ООН против коррупции, ратифицированную в 2006 г. В рамках своей правовой системы, не предусматривающей уголовной ответственности для юридических лиц, Россия пошла по пути разграничения ответственности за коррупцию для физических и юридических лиц, что нашло отражение в понятии коррупции, закрепленном в законе. Интерес представляет и зарубежный опыт: в 2006 г. Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка определил борьбу с коррупцией одним из приоритетных направлений работы органов прокуратуры, и по его инициативе были созданы специализированные управления, что перекликается с историческим опытом создания особых подразделений для борьбы с должностными преступлениями.

Современный период дает новые уроки: координационная функция органов прокуратуры приобретает особое значение, позволяя объединить усилия всех правоохранительных органов; важно разграничение ответственности за коррупционные правонарушения для физических и юридических лиц; международное сотрудничество необходимо для совершенствования национальной антикоррупционной системы. Эти уроки органично дополняют исторический опыт предыдущих периодов.

Проведенный исторический анализ позволяет выделить ряд сквозных уроков, сохраняющих актуальность на протяжении всей истории российской прокуратуры и демонстрирующих преемственность антикоррупционных подходов.

Во-первых, принцип неотвратимости наказания. Петровская политика противоборства с коррупцией, обеспечивавшая этот принцип, сохраняет свою значимость и в современный период. Как показывают примеры советского времени (дела Чурбанова, Караваева и др.), привлечение к ответственности высших должностных лиц имеет огромное профилактическое значение. Этот принцип последовательно реализуется и в деятельности современной прокуратуры, что подтверждается статистикой привлечения к ответственности лиц, совершивших коррупционные преступления.

Во-вторых, необходимость системы сдержек и противовесов. Уже в момент создания прокуратуры Петр I поставил ее над фискальными органами, создав механизм взаимного контроля. В современной системе эту роль выполняют подразделения собственной безопасности, парламентский контроль, а также независимые общественные институты. Этот урок показывает, что любой контролирующий орган сам должен находиться под контролем, чтобы не допустить его коррупционного поражения.

В-третьих, значение кадровой политики и профессионализма. От первого генерал-прокурора П.И. Ягужинского до выдающихся юристов пореформенного периода (А.Ф. Кони) и прокуроров советского времени профессионализм и нравственные качества прокурорских работников всегда были решающим фактором успеха. Современная система профессиональной подготовки и повышения квалификации прокурорских работников призвана обеспечить преемственность этих традиций.

В-четвертых, адаптация полномочий к вызовам времени. Значительная часть антикоррупционных полномочий прокуратуры «прошла проверку на прочность», сохранившись, хотя и в существенно измененном виде, еще с Петровской эпохи [9]. При этом законодательство, отвечая вызовам времени, постоянно модернизировалось: менялся объем и содержание полномочий прокуратуры в области противодействия коррупции [9]. Так, современные полномочия по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов являются развитием надзорных функций, заложенных еще в Указе о должности генерал-прокурора 1722 г.

В-пятых, необходимость системного подхода. Исторический опыт показывает, что эффективная борьба с коррупцией требует сочетания уголовного преследования с общим надзором за законностью и профилактической работой. Только такой комплексный подход обеспечивает устойчивые результаты, что подтверждается как опытом имперской, так и советской прокуратуры.

Исторический опыт российской прокуратуры в борьбе с коррупцией насчитывает уже три столетия, и на протяжении всего этого времени прослеживается удивительная преемственность основных принципов и подходов. Учрежденная Петром I в 1722 г. как «око государево», прокуратура прошла сложный путь развития: от надзора за Сенатом и фискалами в имперский период через ликвидацию после революции и воссоздание в 1922 г. до формирования современной модели самостоятельного государственного органа, наделенного широкими антикоррупционными полномочиями.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что основные уроки истории сохраняют свою актуальность для современной практики. Независимость прокуратуры, четкая правовая регламентация ее полномочий, высокий профессиональный уровень кадров, координация деятельности всех правоохранительных органов, международное сотрудничество, принцип неотвратимости наказания и системный подход – все эти факторы, доказавшие свою эффективность на протяжении трех веков, должны учитываться при совершенствовании современной антикоррупционной политики.

Уже сформировавшаяся практика позволяет внести предложения о возможном совершенствовании нормативно-правовой регламентации антикоррупционных полномочий прокуратуры [3], и при этом важно сохранить преемственность лучших исторических традиций, адаптируя их к современным условиям. Обращение к историческому опыту противодействия коррупции органами прокуратуры имеет не только академический интерес, но и важное практическое значение, поскольку, как справедливо отмечают исследователи, изучение исторических этапов становления российской прокуратуры

позволяет выявить закономерности развития законодательства и сформулировать предложения для совершенствования современной антикоррупционной политики [2].

Таким образом, трехвековая история российской прокуратуры представляет собой уникальный опыт борьбы с коррупцией, который при внимательном изучении и правильном применении может стать надежной основой для дальнейшего совершенствования антикоррупционной деятельности в современной России.

Список источников

1. Карамзин Н.М. Цит. по: Трунов И.Л. Антикоррупционная политика в России / И.Л. Трунов // Право и политика. 2006. № 11.

2. Пушкин А.С. Цит. по: Трунов И.Л. Антикоррупционная политика в России / И.Л. Трунов // Право и политика. 2006. № 11.

3. Брежнев О.В. Правовое регулирование полномочий органов прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия коррупции: эволюция, содержание, особенности реализации // Проблемы обеспечения верховенства закона: история и современность (Хвостовские чтения): сб. научных трудов по итогам IV Международной научно-практ. конф. (26–27 сентября 2024 г.). Липецк, 2025. Т. 1.

4. 300-летие прокуратуры – от Петра 1 до настоящих дней. URL: https://felicina.ru/news/300-letie-prokuratury-ot-petra-1-do-nastoyashhih-dnej/ (дата обращения: 25.02.2026).

5. Иванов И.И. История становления полномочий прокуратуры в сфере противодействия коррупции // Аграрное и земельное право. 2025. № 6.

6. Именной указ Петра I от 12 января 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. VI. СПб., 1830. № 3880.

7. 299 лет назад в России учредили надзорные органы для борьбы с взяточничеством и беззаконием. URL: https://www.pnp.ru/social/299-let-nazad-v-rossii-uchredili-nadzornye-organy-dlya-borby-s-vzyatochnichestvom-i-bezzakoniem.html (дата обращения: 25.02.2026).

8. Единую законность охраняя. URL: https://www.dspl.ru/blog/pro-vystavki/yusitsiya (дата обращения: 25.02.2026).

9. Иванов И.И. История становления полномочий прокуратуры в сфере противодействия коррупции // Аграрное и земельное право. 2025. № 6.

10. Поляков М.М. Противодействие коррупции советскими органами прокуратуры в системе государственной власти. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korruptsii-sovetskimi-organami-prokuratury-v-sisteme-gosudarstvennoy-vlasti (дата обращения: 25.02.2026).

11. Грибунов О.П., Степанова Е.Е. Становление прокурорского надзора в Иркутской губернии 1922-1925 гг. // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3(101).

References

1. Karamzin N.M. Cit. by: Trunov I.L. Anti-corruption policy in Russia / I.L. Trunov // Law and Politics. 2006. № 11.

2. Pushkin A.S. Cit. by: Trunov I.L. Anti-corruption policy in Russia / I.L. Trunov // Law and Politics. 2006. № 11.

3. Brezhnev O.V. Legal regulation of the powers of the Prosecutor's office of the Russian Federation in the field of combating corruption: evolution, content, and implementation features // Problems of ensuring the rule of law: history and modernity (Khvostovsky Readings): collection of scientific papers based on the results of the IV International Scientific and Practical Conference (September 26-27, 2024). Lipetsk, 2025. Vol. 1.

4. 300th anniversary of the Prosecutor's Office – from Peter the Great to the present day. URL: https://felicina.ru/news/300-letie-prokuratury-ot-petra-1-do-nastoyashhih-dnej / (date of access: 25.02.2026).

5. Ivanov I.I. The history of the formation of the powers of the prosecutor's office in the field of combating corruption // Agrarian and land law. 2025. № 6.

6. Nominal Decree of Peter the Great dated January 12, 1722 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. Vol. VI. SPb., 1830. № 3880.

7. 299 A few years ago, Russia established supervisory authorities to combat bribery and lawlessness. URL: https://www.pnp.ru/social/299-let-nazad-v-rossii-uchredili-nadzornye-organy-dlya-borby-s-vzyatochnichestvom-i-bezzakoniem.html (date of access: 25.02.2026).

8. Protecting the uniform legality. URL: https://www.dspl.ru/blog/pro-vystavki/yusitsiya (date of access: 25.02.2026).

9. Ivanov I.I. The history of the formation of the powers of the prosecutor's office in the field of anti-corruption // Agrarian and land law. 2025. № 6.

10. Polyakov M.M. Countering corruption by Soviet prosecutor's offices in the system of state power. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korruptsii-sovetskimi-organami-prokuratury-v-sisteme-gosudarstvennoy-vlasti (date of access: 25.02.2026).

11. Gribunov O.P., Stepanova E.E. The formation of prosecutorial supervision in the Irkutsk province in 1922-1925 // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. № 3(101).

12. Regulations on the Prosecutor's Office (approved By decree of the Central Executive

12. Положение о прокуратуре (утв. Постановлением ВЦИК 28 мая 1922 г.) // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.
13. Советская прокуратура 1920-х гг.: традиции и новации. URL: https://sochum.ru/s207987840031516-6-1/?sl=ru (дата обращения: 25.02.2026).
14. Декрет ВЦИК от 19.10.1922 «О придании обратной силы статьям 114 и 114-а Уголовного кодекса» // Известия ВЦИК. 1922. № 238.
15. В прокуратуре СССР (часть 1). URL: https://archive.aif.ru/archive/1649335 (дата обращения: 25.02.2026).
16. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
17. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
18. Егоров Ю. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией – самостоятельная функция прокуратуры // Законность. 2015. № 2.

Committee on May 28, 1922) // SU RSFSR. 1922. № 36. Art. 424.
13. The Soviet Prosecutor's office of the 1920s: traditions and innovations. URL: https://sochum.ru/s207987840031516-6-1/?sl=ru (date of access: 25.02.2026).
14. Decree of the Central Executive Committee of 19.10.1922 "On retroactive effect to Articles 114 and 114-a of the Criminal Code" // Izvestiya VTsIK. 1922. № 238.
15. In the Prosecutor's office of the USSR (part 1). URL: https://archive.aif.ru/archive/1649335 (date of access: 25.02.2026).
16. About the Prosecutor's Office of the Russian Federation: feder. Law of 17.01.1992 № 2202-1 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. № 8. Art. 366.
17. On combating corruption: feder. the law of 25.12.2008 № 273-FL // Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (part 1). Art. 6228.
18. Egorov Yu. Coordination of the activities of law enforcement agencies in the fight against corruption is an independent function of the Prosecutor's office // Legality. 2015. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

О. П. Грибунов, *доктор юридических наук, профессор, ректор Байкальского государственного университета. 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.*

Е. Е. Степанова, *кандидат юридических наук, заведующий отделом научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664005, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

O. P. Gribunov, *Grand PhD in Law, Professor, Rector of Baikal State University. 11, Lenin St., Irkutsk 664003 Russian Federation.*

E. E. Stepanova, *PhD in Law, Head of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1, Shevtsova St., Irkutsk 664005 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 20–28.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 20–28.

Научная статья
УДК 341.01

ТОЛКОВАНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Виталий Алексеевич Максимов
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, maximovva@mail.ru

Введение: *статья посвящена проблеме толкования норм международного обычного права и его соотношению с процессом выявления обычая в теории и практике международного права.*

Материалы и методы: *использованы формально-юридический и системный методы, анализ практики международных судов и квазисудебных органов, доктринальных источников и документов КМП ООН.*

Результаты исследования: *обосновано существование толкования международного обычного права как самостоятельного процесса, отличного от идентификации обычая, и показано применение судами договорных техник толкования.*

Выводы и заключения: *толкование необходимо для определения содержания и объема признанных обычных норм и способствует единообразному применению международного права.*

Ключевые слова: *международное обычное право, международный правовой обычай, толкование норм международного права, практика государств, opinio juris, Комиссия международного права ООН, международные суды и трибуналы, Венская конвенция о праве международных договоров*

Для цитирования: Максимов В. А. *Толкование норм международного обычного права: теоретические дискуссии и судебная практика // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 20–28.*

Original paper

INTERPRETATION OF NORMS OF CUSTOMARY INTERNATIONAL LAW: THEORETICAL DEBATES AND JUDICIAL PRACTICE

Vitaliy Alekseevich Maksimov
Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction: *the article is devoted to the problem of interpretation of the norms of customary international law and its relation to the process of identifying custom in the theory and practice of international law.*

Materials and methods: *formal legal and systematic methods were used, as well as an analysis of the practice of international courts and quasi-judicial bodies, doctrinal sources and documents of the UN Security Council.*

Results of the study: *the existence of interpretation of customary international law as an independent process, different from the identification of custom, is substantiated, and the use of contractual interpretation techniques by courts is shown.*

Findings and conclusions: *Interpretation is necessary to determine the content and scope of recognized customary norms and contributes to the uniform application of international law.*

Keywords: *customary international law, international legal custom, interpretation of international law, State practice, opinio juris, UN International Law Commission, international courts and tribunals, Vienna Convention on the Law of Treaties*

For citation: Maksimov V. A. *Interpretation of norms of customary international law: theoretical debates and judicial practice // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 20–28.*

© Максимов В.А., 2026

Вопрос о международных правовых обычаях стоит среди первых, наиболее важных, поскольку он концентрирует в себе основные проблемы теории международного права. Вопрос определения международного обычая стоит перед наукой международного права уже по меньшей мере более столетия, если отсчитывать с момента начала работы группы юристов, деятельность которой в конечном итоге привела к созданию Постоянной палаты международного правосудия (далее – ППМП) [1]. Позиция этой группы была единодушной: международный обычай является международной практикой, признаваемой в качестве права [2]. Хотя определенные расхождения в формулировках обычая и существовали, но они были незначительными.

Спустя 100 лет ситуация изменилась кардинально, что, в частности, отразилось в деятельности Комиссии международного права ООН. Отправной точкой дебатов относительно международного обычая можно считать работы профессора Лондонского университета Г. Шварценбергера, посвященные индуктивному подходу в международном праве [3, с. 539]. Шварценбергер придерживался постулатов теории политического реализма и утверждал, что невозможно выводить обычные нормы из морали или иных схожих соображений, имеющих мало общего с фактической практикой государств. По мнению Шварценбергера, обычай следует выводить именно из реальной практики государств, и его метод получил название индукции. Работы Шварценбергера подтолкнули правовую мысль к применению методов индукции и дедукции для определения международного обычая.

Несмотря на то, что со времени публикации работ Шварценбергера прошло три четверти века, в доктрине продолжает существовать несогласие относительно корректного метода определения международного обычного права и значения практики государств и opinio juris как его составных элементов. Для разрешения этого вопроса Комиссия международного права ООН (далее – КМП ООН, Комиссия) в 2012 г. решила включить проблематику формирования международного обычного права в программу своей работы. Она поставила целью разработать руководящие положения относительно надлежащего способа установления обычных норм, сделав акцент на определении практики государств и opinio juris [4].

Следуя по пути Шварценбергера, КМП ООН установила, что для выявления существования и содержания нормы международного обычного права необходимо установить наличие общей практики, признаваемой в качестве права [4]. Иными словами, Комиссия отдала предпочтение индукции как методу определения содержания международного обычая. Вместе с тем она отметила, что дедукция может использоваться в двух случаях: при выведении специальной нормы международного обычного права из общего правила, а также в ситуациях, когда нормы права образуют неделимый правовой режим.

При поверхностном ознакомлении с выводами КМП ООН и комментариями к ним может сложиться впечатление, что вопрос решен. Однако более глубокий анализ показывает, что это не так. Хотя в комментариях к соответствующему выводу упоминаются лишь индукция и дедукция, в ходе дискуссий использовался также термин «толкование». Так, член Комиссии профессор М. Форто отмечал, что Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) осуществлял толкование обычного права, применимого к государственным иммунитетам. Другой член Комиссии, профессор Д. Хмуд, призывал прояснить ситуации, в которых акты государств, и особенно решения национальных судов, являются проявлениями практики государств либо отражают толкование, придаваемое государством определённому правилу. Член Комиссии Э. Петрик указывал, что пока обычные нормы остаются неписаным правом, этот факт следует учитывать при их выявлении и толковании. Профессор Х. Якобсон упоминала толкование международного обычного права Европейским союзом. Член Комиссии Г. Нольте подчеркивал, что взаимодействие между обычным правом и общими принципами права может быть объяснено лишь в том случае, если норма обычного права толкуется в соответствии с признанным принципом. На заключительном этапе работы Комиссии ее эксперт Ш. Мураз выразил несогласие с предложенными КМП ООН определениями терминов, отметив, что остается неясным, является ли выявление содержания обычной нормы завершающим этапом толкования и применения нормы обычного права [5].

Хотя вопросы толкования постоянно упоминались в работе Комиссии, данный термин не был отражен в итоговых выводах. Это можно объяснить позицией специального докладчика М. Вуда, который считал, что «если вообще можно говорить о толковании международного обычного права, то определение существования или несуще-

ствования правила и его содержания может быть приравнено к толкованию» [6]. Однако этот вывод выходит за рамки простой терминологической разницы, и толкование международного обычного права как самостоятельный метод определения содержания обычной нормы, по нашему мнению, все же существует. Оно присутствует в практике международных судов и трибуналов и отличается от процесса выявления обычая.

Из сказанного следует, что необходимо поставить вопрос о том, в какой степени международные судебные и квазисудебные органы прибегают к толкованию для установления содержания нормы международного обычного права и какие методы толкования они при этом используют. Для ответа на этот вопрос необходимо, в свою очередь, ответить на два других: во-первых, что такое толкование и можно ли применять его к нормам международного обычного права так же, как оно применяется к договорам; во-вторых, чем процесс толкования отличается от выявления обычных норм.

Концепция толкования международного обычного права в рамках данной статьи, по нашему мнению, касается толкования именно норм международного обычного права, а не элементов, из которых состоит обычай – практики государств и opinio juris. Термин «толкование международного обычного права» понимается как акт установления значения и объема обычной нормы, само существование которой не вызывает споров. Иными словами, идентификация нормы международного обычного права относится к поиску такой нормы путем исследования практики государств и свидетельств наличия opinio juris, тогда как толкование относится к правилу, существовавшему на момент его выявления.

Данный вывод основывается прежде всего на анализе судебной практики, касающейся толкования норм международного обычного права, и сопоставимой практики толкования международных договоров. С учетом природы обозначенных двух вопросов нами был проведен анализ соответствующих практик государств, международных судов и трибуналов, а также изучена литература по международному обычному праву и вопросам толкования, особенно толкования международных договоров.

Методологически данное исследование проводилось в два этапа. На первом этапе осуществлялся сбор и исследование судебных решений, включая окончательные решения, а также любые особые или отдельные мнения судей, равно как и решения квазисудебных органов и иных органов разрешения споров. Отбор соответствующих судебных решений производится по использованию в них терминов «обычай», «обычное международное право», «обычные правила», «обычное право». При этом все эти термины понимались как аналоги термина «обычай». Затем, хотя предметом данной работы является не обычное право как таковое, а лишь его толкование, при анализе отобранных решений изучалось фактическое толкование обычаев международными судами независимо от того, каким термином они обозначают соответствующий процесс. На втором этапе проводился анализ соответствующих текстов судебных решений. Этот анализ заключался в изучении терминологии, используемой различными международными судами и отдельными судьями. Его целью являлось, во-первых, выявление того, осуществлялось ли в конкретном случае фактическое толкование. Такой анализ проводился путем интерпретации соответствующих утверждений через исследование используемой терминологии и общего контекста. Это делалось для того, чтобы обеспечить, насколько это возможно, корректное понимание позиций судов и отдельных судей.

В некоторых, но не во всех случаях суды и судьи прямо указывали на то, что они осуществляют толкование. В одних случаях речь шла о толковании обычных норм, а в других – о толковании элементов обычая: практики государств и opinio juris. Кроме того, даже при использовании термина «толкование» фактически могло иметь место контекстуальное прочтение нормы, что не всегда позволяло сделать вывод о том, что речь идет именно о толковании обычного права.

Отметим, что институт толкования международного обычного права рассматривался многими исследователями, но лишь небольшое число ученых глубоко изучало данный предмет. Так, в 1977 г. А. Блекменн опубликовал статью об определении и толковании международного обычного права [7, с. 504]. Исследователь утверждал, что обычное международное право является абстрактным юридическим принципом, разработанным в правовых документах, и должно толковаться по принципам герменевтического, системного и телеологического толкования. Сюр С. использовал термин «толкование» применительно к международным обычаям и отстаивал подход к толкованию, аналогичный толкованию международных договоров [8, с. 772]. В 2006 г. Р. Кольб пред-

ложил рассматривать норму обычного права в контексте ее применения и утверждал, что нормы обычного права требуют толкования так же, как и нормы договорного права, для определения их содержания. Он иллюстрировал это примером того, как обычное право может регулировать правовой режим определенного пространства (например, территориального моря), но, по его мнению, эти выводы применимы и к другим примерам международного права [9, с. 19].

Следует упомянуть также работу А. Орахешвили по толкованию норм и правил международного публичного права, включавшую главу о толковании обычаев [10, с. 301]. В этой главе дается важное методологическое разъяснение о том, что при толковании международного обычая следует различать оценку самого обычая и источников его происхождения, таких как практика государств и opinio juris. Орахешвили А. рассматривает различные примеры из практики международных судов и трибуналов, в которых нормы обычного права толковались с использованием методов, аналогичных тем, что применяются для определения существования обычая.

Подобная позиция у К. Сантули, который рассматривал толкование норм обычного права в свете техник толкования, применяемых ко всем нормам международного права. Он указывал, что процесс толкования отличается от процесса выявления нормы обычного права, а также от различных утверждений о существовании обычая, которые могут содержаться в решениях международных судов, заявлениях государств и т. д. В частности, К. Сантули подчеркивал, что есть споры, в которых стороны не оспаривают существование обычая как такового, но расходятся в понимании его содержания. Согласно позиции исследователя, в таких случаях следует прибегать к анализу практики государств и opinio juris [11, с. 301].

Нельзя обойти вниманием и позицию П. Меркуриса, который рассмотрел практику толкования международного обычного права международными судебными и квазисудебными институтами и на основе анализа указал на нежелательность применения для толкования международного обычного права техник, аналогичных тем, что применяются для толкования международного договорного права [12, с. 134].

Таким образом, можно утверждать, что международные судебные и квазисудебные органы прибегают к толкованию обычных норм для установления значения и объема правила и для этого используют методы, аналогичные тем, что применяются при толковании договоров. Эти техники прослеживаются на примерах практики международных судов.

Говоря об этом, следует отметить широкий спектр литературы по обычному праву. Если говорить о международных обычаях, то Г. Кельзен рассматривал это понятие как проявление поведения государств, приводящее к созданию правовых норм [13, с. 533]. Трипель Г. видел в обычае проявление общей воли государств, ведущее к образованию международно-правовой нормы, т. е. о правовом обычае как о санкционированном (обеспечиваемом) государствами обычном правиле поведения общего характера [14, с. 88–91].

Таким образом, теоретические определения международного обычая включают несколько ключевых компонентов: во-первых, обычай в узком смысле рассматривают как «правило поведения»; во-вторых, он приобретает характер юридически обязательной нормы лишь в результате соответствующей практики (длительного действия, многократного применения); в-третьих, для его окончательного юридического оформления как правовой нормы необходимо признание его такого качества, осознание его юридической обязательности.

Ряд исследователей критикует саму идею международного обычая. Так, Е. Аречага сравнивал его с медузой [15, с. 63], а Д.П. Фидлер – с динозавром, который вот-вот вымрет [16, с. 70]. Тем не менее трудно спорить с тем, что, судя по текущей практике международных судов, таких как Международный суд ООН, обычное право сохраняет свое значение даже в свете роста и расширения объема международных договоров, определяя его в ст. 38 своего Статута как свидетельство общей практики, признаваемой в качестве права. Ссылаясь на эту статью, Комиссия ООН по международному праву определяет международное обычное право или нормы международного обычного права как «правила международного права, на которые делается ссылка в ст. 38, п. 1 (b) Статута Международного Суда ООН» [17]. На наш взгляд, в настоящее время лучшего определения международного обычного права нет, поэтому для целей нашей работы мы будем пользоваться именно им.

Как было разъяснено выше, концепции толкования международного обычного права понимаются нами как определение значения и объема международных обычных норм,

существование которых не подвергается сомнению. Для большинства исследователей вопрос о том, может ли вообще международное обычное право толковаться, не вызывает сомнений. Другие исследователи возражают против этого и указывают, что международные обычные нормы не могут толковаться так же, как договорные нормы.

Такие возражения в основном основаны на значении терминов «толкование» и «международное обычное право». Критики определяют толкование как акт выявления значения юридического текста или как акт, заключающийся в поиске действительного намерения его авторов. Поскольку международное обычное право по своей природе является неписаным, к нему невозможно применить ни первую, ни вторую технику. Другие возражения основаны на природе международного обычного права. Во-первых, утверждается, что толкование в случае международного обычного права может быть лишь поверхностным, т. к. оно должно обращаться к исходным элементам обычая – практике государств и opinio juris, а значит, должно определять не столько обычай, сколько его элементы. Во-вторых, отмечается, что толкование международных обычных норм не является необходимым, поскольку обычай прямо не проявлен текстуально.

Эти утверждения, как нам кажется, опираются на ненадежные посылки, т. к. толкование международных обычных норм так же необходимо, как и толкование договорных норм. Существующая международно-правовая система толкования включает в себя общие правила толкования договоров, кодифицированные в ст. 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.[1], правила толкования, содержащиеся в других международных договорах, Руководящие принципы по толкованию односторонних деклараций, предложенные КМП ООН [18]. Хотя последние не являются обязательными, их можно рассматривать как авторитетный источник, как и все другие документы КМП ООН.

Статья 31 Венской конвенции о праве международных договоров устанавливает общее правило толкования, согласно которому «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также с учетом цели и задач договора»[2]. Отметим, что ст. 31 ставит в первую очередь цель договора как исходную точку толкования. Текст договора имеет ключевое значение в акте толкования, т. к. презюмируется, что он представляет собой выражение действительной воли сторон [19].

В то же время ст. 31 устанавливает, что текст договора нельзя рассматривать в отрыве от его контекста, который включает в себя элементы последующей практики сторон, в частности толкование ими международного договора. В отличие от первого параграфа той же статьи, который презюмирует, что стороны приходят к согласию относительно значения терминов, параграф 4 указывает на то, что термину может придаваться особое значение, если участники имели такое намерение. Таким образом, хотя Венская конвенция и отдает предпочтение текстуальному подходу, она оставляет пространство для изучения действительных намерений сторон договора.

Общее правило толкования, содержащееся в ст. 31, призывает к целостной оценке элементов, составляющих норму. Другими словами, субъект толкования должен оценить обычное значение терминов с учетом других элементов, содержащихся в норме. Таким образом, ст. 31 устанавливает логический порядок, в котором следует рассматривать различные элементы.

Статья 32 Венской конвенции определяет дополнительные средства толкования, в частности подготовительные материалы (travaux préparatoires), а также обстоятельства, при которых был заключен соответствующий договор. Однако дополнительные средства толкования, содержащиеся в статье 32, не определяют альтернативных методов толкования, а лишь помогают прояснить и подтвердить значение нормы, установленное при применении общих правил толкования. С учетом текста этих положений можно утверждать, что элементы, указанные в ст. 31, находятся в иерархической взаимосвязи с элементами ст. 32. Далее, согласно ст. 33 Венской конвенции, в случае, если подлинность договора «установлена на двух или нескольких языках», текст на каждом языке имеет одинаковую силу.

Подчеркнем, что хотя ст. 31–33 Венской конвенции выглядят всеобъемлющими, они не содержат исчерпывающего перечня техник толкования международных договоров, фактически используемых в практике международных судов и трибуналов, например эволюционного толкования [20, с. 681]. Кроме того, в отдельных международных до-

[1] Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // Международное публичное право: сб. документов. М., 1996. Т. 1. С. 67–87.
[2] Там же.

говорах могут содержаться другие правила толкования, дополняющие общие правила. Например, ч. 3 ст. 21 Римского статута Международного уголовного суда (далее – МУС) устанавливает, что «применение и толкование права в соответствии с настоящей статьей должно соответствовать международно признанным правам человека и не допускать какого-либо неблагоприятного различия по признакам пола, возраста, расы, цвета кожи, языка, религии или вероисповедания, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иным признакам»[3]. Другими словами, при возможности двух или более альтернативных толкований МУС должен выбирать то, которое максимально соответствует правам человека. Чтение этой нормы в сочетании с нормой ч. 1 ст. 21 показывает, что это правило толкования применяется не только к Статуту МУС, но и к другим договорам, принципам и правилам международного права, которые могут быть применимы и содержать обычные нормы и общие принципы права.

Хотя отношение между нормами ст. 21 Римского статута и общими правилами толкования по ст. 31 Венской конвенции остается неясным, оно не производит впечатления lex specialis и lex generalis. Притом что оба правила касаются толкования, они не идентичны. Похоже, что ч. 3 ст. 21 Римского статута дополняет общее правило толкования, а не создает lex specialis. Следует говорить о создании отдельного принципа толкования для международного уголовного права, который не является отступлением от общих правил толкования, а скорее их дополнением.

Другой набор правил толкования содержится в Руководстве КМП ООН по односторонним декларациям государств [18]. Подчеркнем, что ст. 38 Статута Международного суда ООН (МС ООН)[4] не включает односторонние декларации в качестве источников права, применяемых судом, однако он неоднократно указывал, что такие декларации могут иметь правовые последствия [напр.: 21; 22]. Категория односторонних деклараций весьма разнообразна и может включать оговорки к договорам, декларации о признании юрисдикции международных судов и трибуналов, односторонние международные обязательства, отказ от прав, признание государств и др.

При исследовании односторонних деклараций судьи должны прежде всего определить, создает ли такая декларация правовые последствия. Согласно провозглашенному КМП ООН руководящему принципу 3, это осуществляется путем изучения содержания, фактических обстоятельств, при которых была провозглашена декларация, и реакции других государств. Толкование односторонней декларации предполагает определение объема обязательства государства после установления обязательной природы декларации. В соответствии с руководящим принципом 7, в случае сомнений относительно объема обязательства, вытекающего из декларации, такое обязательство следует толковать ограничительно. При толковании содержания таких деклараций необходимо учитывать прежде всего текст декларации, ее смысл и обстоятельства, при которых она была сделана.

Подобно толкованию договоров, толкование односторонних деклараций начинается с выявления значения текста декларации с учетом ее контекста. Однако можно выделить два существенных отличия. Во-первых, в отличие от Венской конвенции, принцип МУС ООН 7 указывает на ограничительный стандарт толкования односторонней декларации. Во-вторых, при толковании декларации не учитываются ее объект и цель, т. к. эти термины специфичны именно для договорных отношений. Хотя первоначальный проект также включал ссылку на travaux préparatoires, они в итоге были исключены из окончательного текста. Комментарий к принципу 7 подтверждает, что нормы ст. 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров могут применяться к двусторонним декларациям по аналогии [18].

В отличие от договоров и односторонних деклараций государств, нормы международного обычного права не имеют явно выраженных правил или принципов, направляющих их толкование. Это, однако, не означает, что обычные нормы в принципе не могут толковаться. Таким образом, мы приходим к следующему значению определения «толкования норм обычного права»: акт определения значения и/или объема обычной нормы, существование которой не оспаривается. Иными словами, когда суды и квазисудебные органы прибегают к толкованию, их цель заключается не в установлении существова-

[3] Римский статут Международного уголовного суда [рус., англ.] (Вместе с «Пособием для ратификации и имплементации...») (Принят в г. Риме 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению МУС). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
[4] Статут Международного суда (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

ния обычной нормы. Напротив, предметом их исследования является норма, которая, безусловно, существует и необходима для разрешения дела, поданного сторонами спора в суд или квазисудебную инстанцию.

Следует отметить, что в литературе прослеживаются определенные возражения относительно возможности толкования норм международного обычного права. Первое такое возражение основано на предположении, что нормы толкования международных договоров не могут применяться к международным обычаям, поскольку они различны по своей правовой природе. Так, нидерландский исследователь М. Бос отмечает, что «установление значения неписаных проявлений является процедурой, отличной от того, как следует толковать сообщения, содержащиеся в письменных проявлениях» [23, с. 108–109]. Бос М. указывает, что договоры проходят три стадии перед применением в конкретном деле. Первая и вторая заключаются в определении того, существует ли договор, был ли он заключен и вступил ли в силу, и в определении того, вытекает ли норма, на которую ссылаются стороны спора, из соответствующего договора. Третья стадия заключается в расшифровке сообщения, содержащегося в договоре, которая осуществляется с применением правил толкования. Что касается обычая, то, по мнению М. Боса, здесь отсутствует третья стадия, т. к. «содержание смешано с существованием», т. е. «сообщение» обычного права определяется одновременно с установлением его существования путем выявления практики государств и opinio juris, что делает процесс толкования поверхностным.

Второе возражение против толкования международного обычного права предложил директор Института международного и публичного права Университета Бонна М. Хердеген. Он указывает на значение концепции толкования и способы, которыми содержание международного обычного права разъясняется на практике [24]. Исследователь не возражает против идеи, что содержание и объем обычных норм подлежат толкованию. Однако его позиция состоит в том, что для их разъяснения международные суды должны прибегать к силлогизмам, существенно отличающимся от тех, которые применяются в толковании, которое он определяет как активный поиск значения, связанного с конкретными авторами и их намерениями.

Третье возражение выдвигает бывший судья Международного трибунала ООН по морскому праву Т. Тревс, который указывает, что «отсутствие лингвистического выражения исключает толкование как необходимую операцию для применения норм обычного права» [25]. Иными словами, поскольку международное обычное право не выражено конкретными словами, необходимость в толковании отсутствует. Этот подход исходит исключительно из возможности лингвистического толкования и того, что нормы, не выраженные словами, не подлежат толкованию.

Однако, по нашему личному убеждению, юридическое толкование является актом выявления значения правовой нормы, которое не зависит от наличия текста и от выявления намерений. Поскольку предметом толкования международного обычного права являются обычные нормы, такое толкование нельзя считать поверхностным, и оно столь же необходимо, как и толкование письменных норм.

В заключение подведем итог. Определение международного обычая является одним из ключевых вопросов теории и практики международного права. Компоненты международного обычая известны: это практика государств и opinio juris государств, что отражено в Уставе МС ООН и ряде решений международных судов. В то же время остро стоит вопрос о том, следует ли оценивать в качестве элемента международного обычая реальную практику государств или ее идеальное отражение, которое можно найти в заявлениях, утверждениях и позициях государств. Ответ на этот вопрос заключается в поиске общей практики, признаваемой в качестве права. Международные суды в своей практике постоянно обращаются к международному обычному праву, что неизбежно влечет за собой вопрос его толкования. При этом следует различать толкование самой обычной нормы и толкование отдельных ее элементов в виде практики государств и opinio juris. Международные судебные и квазисудебные органы прибегают к толкованию норм международного обычного права для установления значения и объема правила, которое они отражают, и для этого используют методы, аналогичные применяемым при толковании международных договоров. При этом толкование имеет смысл лишь среди тех норм-обычаев, существование которых не подвергается сомнению. Суды сталкиваются с проблемой идентификации международного обычая, особенно с определением намерения государств, чья практика и opinio juris привели к формированию обычая. Для решения этой проблемы применяются обычные техники толкования, определнные Венской конвенцией о праве международных

договоров 1969 г., например, выявление истинных намерений автора обычая через обращение к односторонним актам государств, с помощью которых становится возможным определить содержание и объем международного обычая.

Список источников

1. Kammerhofer J. Uncertainty in the Formal Sources of International Law: Customary International Law and Some of Its Problems // European Journal of International Law. 2004. № 15 (3).
2. Statute of the Special Tribunal for Lebanon, 2006. URL: https://www.onlinelibrary.iihl.org/wp-content/uploads/2021/04/Statute-ICTL-EN.pdf (дата обращения: 06.01.2026).
3. Schwarzenberger G. The Inductive Approach to International Law. Harvard Law Review. 1947. № 60 (4).
4. ILC. UN Doc A/73/10. Draft Conclusions on Identification of Customary International Law, with Commentaries. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_13_2018.pdf (дата обращения: 06.01.2026).
5. ILC Provisional Summary Record of the 3397th Meeting from 11 June 2018. UN Doc A/CN.4/SR.3397 3. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr3397.pdf (дата обращения: 06.01.2026).
6. ILC Provisional Summary Record of the 3338th Meeting from 2 May 2017 UN Doc A/CN.4/SR.3338 5. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr3338.pdf (дата обращения: 06.01.2026).
7. Bleckmann A. Zur Feststellung und Auslegung von Völkergewohnheitsrecht. Zeitschrift für ausländisches und öffentliches Recht. 1977.
8. Sur S. L'interpretation en droit international public. Revue Internationale de Droit Compare. 1975. № 27 (3).
9. Kolb R. Interprétation et création du droit international. Esquisse d une herméneutique juridique moderne pour le droit international public. Bruxelles, 2006.
10. Orakheshvili A. The Interpretation of Acts and Rules of Public International Law. Oxford, 2008.
11. Santulli C. Rapport eneral, Dossier: Les techni ues interprétatives de la norme international. Revue Générale de Droit International Public. 2011. № 115 (2).
12. Merkouris P. Interpreting the Customary Rules of Interpretation. International Law Review. 2017. № 127.
13. Kelsen H. The law of the United Nations: a critical analysis of its fundamental problems. London, 1950.
14. Triepel H. Völkerrecht und Landesrecht. Bonn, 1947.
15. Arechaga E.J. International Law in the Past Third of a Century. Recueils des Cours de l'Académie de Droit International de La Haye. 1978. № 9.

References

1. Kammerhofer J. Uncertainty in the Formal Sources of International Law: Customary International Law and Some of Its Problems // European Journal of International Law. 2004. № 15 (3).
2. Statute of the Special Tribunal for Lebanon, 2006. URL: https://www.onlinelibrary.iihl.org/wp-content/uploads/2021/04/Statute-ICTL-EN.pdf (date of access: 06.01.2026).
3. Schwarzenberger G. The Inductive Approach to International Law. Harvard Law Review. 1947. № 60 (4).
4. ILC. UN Doc A/73/10. Draft Conclusions on Identification of Customary International Law, with Commentaries. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_13_2018.pdf (date of access: 06.01.2026).
5. ILC Provisional Summary Record of the 3397th Meeting from 11 June 2018. UN Doc A/CN.4/SR.3397 3. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr3397.pdf (date of access: 06.01.2026).
6. ILC Provisional Summary Record of the 3338th Meeting from 2 May 2017 UN Doc A/CN.4/SR.3338 5. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr3338.pdf (date of access: 06.01.2026).
7. Bleckmann A. Zur Feststellung und Auslegung von Völkergewohnheitsrecht. Zeitschrift für ausländisches und öffentliches Recht. 1977.
8. Sur S. L'interpretation en droit international public. Revue Internationale de Droit Compare. 1975. № 27 (3).
9. Kolb R. Interprétation et création du droit international. Esquisse d une herméneutique juridique moderne pour le droit international public. Bruxelles, 2006.
10. Orakheshvili A. The Interpretation of Acts and Rules of Public International Law. Oxford, 2008.
11. Santulli C. Rapport eneral, Dossier: Les techni ues interprétatives de la norme international. Revue Générale de Droit International Public. 2011. № 115 (2).
12. Merkouris P. Interpreting the Customary Rules of Interpretation. International Law Review. 2017. № 127.
13. Kelsen H. The law of the United Nations: a critical analysis of its fundamental problems. London, 1950.
14. Triepel H. Völkerrecht und Landesrecht. Bonn, 1947.
15. Arechaga E.J. International Law in the Past Third of a Century. Recueils des Cours de l'Académie de Droit International de La Haye. 1978. № 9.

16. Fidler D.P. Dinosaur, Dynamo, or Dangerous? Customary International Law in the Contemporary Interantional System. Contemporary Practice of Public International Law. R.J. Snyder (ed.). London, 1997.
17. ILC. First report on Formation and tvidence of customary international law by Michel Wood. URL: http://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A/CN.4/663&referer=http://legal.un.org/ilc/guide/1_13.shtml&Lang=E (дата обращения: 06.01.2026).
18. Guiding Principles applicable to unilateral declarations of States capable of creating legal obligations, with commentaries thereto. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_9_2006.pdf (дата обращения: 06.01.2026).
19. Draft Articles on the Law of Treaties 1966. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/1_1_1966.pdf (дата обращения: 06.01.2026).
20. Crema L. Disappearance and New Sightings of Restrictive Interpretation(s) // European Journal of International Law. 2010. № 21 (3).
21. Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (New application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v Rwanda) (Jurisdiction and Admissibility) (2006) ICJ Rep 6. URL: https://www.icj-cij.org/case/126 (дата обращения: 06.01.2026).
22. Nuclear Tests Case (Australia v France) (Jurisdiction and Admissibility, 1972 ICJ Rep 1974. URL: https://www.icj-cij.org/case/58 (дата обращения: 06.01.2026).
23. Bos M. A Methodology of International Law. North Holland, 1984.
24. Herdegen M. Interpretation of International Law. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e723 (дата обращения: 06.01.2026).
25. Treves T. Customary International Law. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1393?prd=EPIL (дата обращения: 06.01.2026).

16. Fidler D.P. Dinosaur, Dynamo, or Dangerous? Customary International Law in the Contemporary Interantional System. Contemporary Practice of Public International Law. R.J. Snyder (ed.). London, 1997.
17. ILC. First report on Formation and tvidence of customary international law by Michel Wood. URL: http://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A/CN.4/663&referer=http://legal.un.org/ilc/guide/1_13.shtml&Lang=E (date of access: 06.01.2026).
18. Guiding Principles applicable to unilateral declarations of States capable of creating legal obligations, with commentaries thereto. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_9_2006.pdf (date of access: 06.01.2026).
19. Draft Articles on the Law of Treaties 1966. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/1_1_1966.pdf (date of access: 06.01.2026).
20. Crema L. Disappearance and New Sightings of Restrictive Interpretation(s) // European Journal of International Law. 2010. № 21 (3).
21. Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (New application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v Rwanda) (Jurisdiction and Admissibility) (2006) ICJ Rep 6. URL: https://www.icj-cij.org/case/126 (date of access: 06.01.2026).
22. Nuclear Tests Case (Australia v France) (Jurisdiction and Admissibility, 1972 ICJ Rep 1974. URL: https://www.icj-cij.org/case/58 (date of access: 06.01.2026).
23. Bos M. A Methodology of International Law. North Holland, 1984.
24. Herdegen M. Interpretation of International Law. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e723 (date of access: 06.01.2026).
25. Treves T. Customary International Law. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1393?prd=EPIL (date of access: 06.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. А. Максимов, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. 191014, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 44.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. A. Maksimov, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 44, Liteyny Ave., Saint Petersburg 191014 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 29–35.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 29–35.

Научная статья
УДК 111

О ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ РАССМОТРЕНИИ ПОНЯТИЯ ОТНОШЕНИЯ: ЗАРОЖДЕНИЕ УЧЕНИЯ ОБ ОТНОШЕНИИ В ТРУДАХ АРИСТОТЕЛЯ

Виктор Алексеевич Черепанов
Ставрополь, Российская Федерация, sigma45@yandex.ru

Введение: *понятие отношения имеет важное значение для юриспруденции, поскольку правоотношение, как общественное отношение, регламентированное правом, нередко исследуется без учета философских и социологических наработок, для преодоления чего намечен ряд работ, включая настоящую статью, посвященную взглядам Аристотеля в данной области.*

Материалы и методы: *раскрыто понимание отношения как одной из всеобщих категорий, не возводимых к более общим и не сводимых друг к другу. С учетом взглядов ведущих ученых изучены различные виды отношений и их классификация.*

Результаты исследования: *выделены проблемные вопросы в аристотелевской трактовке отношения и предложено их авторское видение.*

Выводы и заключения: *изложенные материалы могут быть использованы для дальнейших исследований в области теории отношений и раскрытия особенностей общественных отношений под воздействием правовых норм.*

Ключевые слова: *отношение, общественное отношение, правоотношение, определение, восхождение от единичного к всеобщему, аналогия, классификация отношений, онтологический статус отношения*

Для цитирования: Черепанов В. А. *О философско-правовом рассмотрении понятия отношения: зарождение учения об отношении в трудах Аристотеля // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 29–35.*

ON THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL CONSIDERATION OF THE CONCEPT OF RELATION: THE ORIGIN OF THE DOCTRINE OF RELATIONSHIP IN THE WORKS OF ARISTOTLE

Victor Alekseevich Cherepanov
Stavropol, Russian Federation

Introduction: *the concept of a relationship is important for jurisprudence, since a legal relationship, as a social relationship regulated by law, is often studied without taking into account philosophical and sociological developments, to overcome which a number of works are planned, including this article devoted to the views of Aristotle in this field.*

Materials and methods: *the understanding of attitudes as one of the universal categories that cannot be reduced to more general and cannot be reduced to each other is revealed. Taking into account the views of leading scientists, various types of relationships and their classification have been studied.*

Results of the study: *problematic issues in the Aristotelian interpretation of the relationship are highlighted and their author's vision is proposed.*

Findings and conclusions: *the presented materials can be used for further research in the field of theory of relations and the disclosure of the features of public relations under the influence of legal norms.*

Keywords: *attitude, social attitude, legal relationship, definition, ascent from the singular to the universal, analogy, classification of relations, ontological status of the relationship*

For citation: Cherepanov V. A. *On the philosophical and legal consideration of the concept of relation: the origin of the doctrine of relationship in the works of Aristotle // Philosophiya Prava: scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 29–35.*

© Черепанов В.А., 2026

Отношение, являясь одной из фундаментальных философских категорий, имеет важное методологическое значение как для научного познания в целом, так и для конкретных наук, изучающих отдельные виды отношений (общественные, правовые и др.). В отечественной юриспруденции данное понятие занимает особое место, поскольку в советский период, как известно, сложилось идущее от классиков марксизма-ленинизма понимание общества как совокупности общественных отношений, которые принято рассматривать в качестве предмета правового регулирования, а сами правовые отношения (правоотношения) – как общественные отношения, урегулированные нормами права. Такое понимание разделяется многими учеными и в наши дни, причем (даже при критическом рассмотрении) считается превалирующим в теории права.

В этой связи при изучении юридических аспектов отношения представляется целесообразным сначала обратиться к философским положениям о природе отношения, затем – к социологическим представлениям об общественном отношении и на этой основе перейти к правовому анализу рассматриваемой категории. Тогда вполне обоснованной выступает логика научного исследования, при которой познающее мышление движется от анализа философской категории «отношение» к изучению общественного отношения и последующему раскрытию его особенностей под воздействием правовых норм.

Однако в научной среде распространена трактовка отношения с узкоюридической точки зрения без учета философских и социологических наработок, а иногда отрицается даже сама возможность их применения в указанной предметной области. Обозначим лишь два суждения на эту тему.

Что касается философских положений, то, согласно мнению С.С. Алексеева, юридическая конструкция «правовое отношение» не есть прямое перенесение на правовой материал философских категорий «связь» и «отношение», разграничение которых зачастую осуществляется по непосредственно материальным критериям, которые вряд ли применимы в правоведении [1, с. 332].

Что касается социальных аспектов, то с точки зрения П.П. Серкова, «правоотношение не следует рассматривать через призму общественного отношения. Правое не соотносится с социальным, несмотря на то что оно из социального проистекает» [2, с. 89]. Такое утверждение представляется весьма спорным, а также противоречит исходным взглядам самого автора процитированной работы, поскольку изучение правоотношения в ней осуществляется на основе изучения теории и практики правового регулирования, которое понимается как правовое регулирование именно общественных отношений.

С учетом сказанного считаем, что в данной области наметился своего рода «разрыв» между социально-философскими и юридическими положениями, преодоление которого представляется крайне необходимым. Основная задача заключается в соотнесении различных концептуальных рядов и нахождении переходных звеньев, обеспечивающих многосторонние связи между ними.

Приступая к поэтапной реализации обозначенной задачи, начнем с обсуждения взглядов Аристотеля, поскольку, как принято в научной печати, категория «отношение» была введена в философский обиход именно этим великим мыслителем. Кроме того, его важнейшие основоположения толкуются в научной печати по-разному, в связи с чем иногда (разумеется, не всегда) с опорой на авторитет великого мыслителя приходят к выводам, которые выглядят в ряде случаев недостаточно обоснованными. Настоящая статья как раз и посвящена осмыслению взглядов Аристотеля и полагается начальной в серии наших работ о философско-правовом рассмотрении понятия отношения.

Начнем с того, что отношение рассматривается Аристотелем в составе десяти фундаментальных категорий, лежащих в основе философской картины мироздания, которые осмысливаются им в двух аспектах: в онтологическом – как высшие роды бытия и в гносеологическом – как всеобщие понятия, отражающие эти высшие роды бытия [3, с. 352–360]. При введении этих категорий он писал следующее: «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или качество, или количество, или отношение, или место, или время, или положение, или обладание, или действие, или страдание» [4, с. 6].

Необходимо отметить, что в гносеологическом плане они осмысливаются в трудах Аристотеля как всеобщие понятия, которые не могут быть возведены к каким-либо более общим, стоящим над ними: «В более общей форме выразить бытие уже немыслимо. В эти десять "высших родов высказывания" включаются или могут быть под них подведены все явления бытия, как и все научные понятия» [5, с. XI]. Причем категории не только не могут быть возведены к более общему роду, но также и не сводятся друг к другу.

Необходимо отметить, что положение о несводимости категорий друг к другу, на первый взгляд, может быть поставлено под сомнение возможностью совмещения качеств и отношений, поскольку важной особенностью качеств является то, что им присуще быть одновременно и отношениями.

Такие случаи не игнорируются Аристотелем, а, наоборот, вскрываются и детально рассматриваются: «Качества допускают бóльшую и меньшую степень. Об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое, и об одном справедливом – что оно более справедливо или менее справедливо, чем другое. Да и самому качественно определенному доступно приращение, ибо нечто, будучи белым, может стать еще более белым» [4, с. 77].

Аристотель, не исключая возможности совмещения качеств и отношений в отдельных случаях, не видит тут никакого противоречия. «Здесь при этом не следует опасаться упрека в том, что мы, поставив задачей говорить о качестве, приводим вместе с тем и многие отношения, – пишет он. – Кроме того, если бы даже одно и то же и оказалось и отношением, и качеством, то нисколько не было бы странно причислять его к обоим <этим> родам» [4, с. 32–33]. Таким образом, Аристотель допускает совмещение некоторых качеств и отношений, однако без их отождествления и тем более без родовидового подчинения друг другу, поскольку они относятся к разным родам всеобщего.

Подытожить сказанное можно словами А.Н. Чанышева о том, что категории у Аристотеля – это вершина всеобщего, как «наиболее общие роды высказываний, далее несводимые друг к другу и не обобщаемые» [6, с. 293].

Двигаясь дальше, приступим непосредственно к рассмотрению категории отношения, исследованию которой посвящена наша статья. Начнем с того, что явного определения отношения Аристотелем не дается, в связи с чем может возникнуть вполне закономерный вопрос о том, насколько допустимо говорить о тех или иных отношениях и предлагать их классификацию, не разобравшись сначала, что такое отношение, и не предложив его определение. Однако, как было подмечено Кантом, «и в метафизике, и в других науках можно многое с достоверностью сказать о предмете, не давая его дефиниции». Не ограничиваясь этим высказыванием, Кант детально раскрывает свое понимание формирования определения в процессе научного познания, которое в кратком изложении сводится к следующему [7, с. 246–263].

В отличие от математики, где, по словам Канта, мы начинаем с определения предмета, например треугольника, круга и т. д., в метафизике и многих других науках такое невозможно. Потому совершенно неправильно полагать, что и здесь познание вещи должно начинаться с дефиниции; познание вещи, напротив, почти всегда заканчивается дефиницией. В самом деле, в математике не существует никакого понятия о предмете прежде, чем он будет дан дефиницией. В метафизике же, наоборот, понятие уже имеется, хотя и в неясном виде, как смутный образ (смутное представление), и на этой основе предстоит найти отчетливое, развитое и определенное понятие, для чего требуется осуществить множество действий. Таким образом, зачастую можно очень многое узнать о предмете с полной ясностью и достоверностью, а также делать из этого верные выводы, еще не располагая дефиницией и даже не ставя себе задачей дать ее. Поэтому в предмете познания необходимо старательно искать прежде всего непосредственно достоверное, не имея еще его дефиниции.

Классическим примером как раз и являются исследования Аристотеля, в которых без четкой дефиниции вводимой им категории «отношение», рассмотрены различные виды отношений, осуществлена классификация и заложены основы их теоретического осмысления. Однако вопрос о том, почему Аристотелем не была выработана четкая дефиниция, хотя именно им впервые были разработаны научные основы теории определения, остается пока еще снятым.

Размышляя об этом, обратимся к пониманию научного определения Аристотелем как высказывания, раскрывающего суть бытия вещи. По его мнению, определение должно осуществляться только через род и видовое отличие, поскольку иным способом выразить суть бытия вещи невозможно: «если определение есть речь, выражающая суть бытия вещи, и единственно лишь сказываемое в определении должно сказываться в сути вещи (а в сути вещи сказываются роды и видовые отличия), то очевидно, что если в сути вещи сказываются лишь род и видовое отличие, то содержащая их речь необходимо будет определением, ибо другого определения быть не может, так как ничто другое не сказывается в сути вещи» [8, с. 498–499]. Тогда получается, что поскольку выделенные категории, включая отношение, представляют собой высшие роды понятий и не могут быть возведены к каким-либо более общим родам, стоящим над ними, то и определение отношения через более высокий род и видовое отличие

не представляется возможным. А другого определения, нежели через род и видовое отличие, по Аристотелю, и быть не может.

Как же тогда вообще осуществимы выработка дефиниции, выражающей суть отношения и его научное познание как одного из высших родов бытия? Поскольку, будучи всеобщей, данная категория не может быть выведена и получена, а следовательно, изучена и определена из более общих начал, постольку, как полагает Аристотель, необходимо обратиться к опыту. «Во всяком случае, как подчеркивается в научной литературе, у Аристотеля нет нигде попытки дедуцировать категории, и это – не упущение, так как для него категории имеют эмпирическое происхождение как результат обобщений данных опыта» [9, с. 164–165]. Поскольку всеобщее не существует без единичного и познается лишь через него, постольку при изучении всеобщего, по мнению Аристотеля, нужно исходить из единичных фактов, а способом его познания может быть только обобщение единичных и частных случаев [10, с. 167–169, 217–218].

Такое движение мысли, характерное для аристотелевской манеры философствования, детально рассмотрено Гегелем, по мнению которого, понимание явления Аристотелем было пониманием мыслящего наблюдателя: он имеет перед собою мир созерцания во всей полноте и ничего не оставляет в стороне, каким бы обыденным оно не выглядело. Эту чистую сущность восприятия как раз и подхватывает Аристотель, делая ее своим исходным пунктом. Когда же он начинает, наоборот, с всеобщего и переходит к его осмыслению, то это также выглядит, будто он перечисляет множество значений, в которых это всеобщее встречается, и после их рассмотрения опять обозревает все их формы, не пропуская самых обыденных и чувственных [11, с. 236–239]. В ходе такого восхождения от единичного к всеобщему как раз и происходит изучение отношения у Аристотеля: от созерцания отдельных проявлений и перечисления множества значений, он переходит к эмпирическому обобщению и прояснению данной категории.

Исходным пунктом выступает его известное высказывание, которое можно полагать как самое общее и рабочее определение отношения: «Соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, что́ оно есть, оно есть: в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому» [4, с. 66]. Выделенные различия между «отношением» и «связью», проведенные по объему этих понятий, позволяют говорить об их родовидовом подчинении (отношение – родовое, а связь – видовое понятие). Тем самым в объеме понятия «отношение» помимо связей выделяются и другие отношения, которые остаются за вычетом связей. При этом, как отмечается в научной печати, описывается не само отношение, а объект, находящейся в таком отношении, т. е. соотнесенное [12, с. 79], примеры которого как раз и приводятся Аристотелем: «так, о большем говорят, что то, что́ оно есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят – большее, чем что-то; и о двойном говорят, что то, что́ оно есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят – двойное против чего-то. Так же обстоит дело и с другим им подобным» [4, с. 66].

Разумеется, при изучении соотнесенного, раскрываются особенности и самих отношений. Выражаясь современным логическим языком, можно сказать, что происходит своего рода их контекстуальное описание. Отметим, что для наименования отношения применяется древнегреческое выражение «προς τι», которое при использовании в качестве глагола означает «прикладывать, приставлять, прибавлять присоединять» [13, с. 1086–1087]. Выбором этого термина подчеркивается внешний, прибавленный, присоединенный, приставной характер отношения, находящегося между объектами, в отличие от свойств, внутренне им присущим. В связи с чем предварительно и в самом общем виде отношение предстает как неопределенное пока нечто, существующее между объектами.

С учетом сказанного считаем возможным полагать, что отправляясь от достаточно «смутного» исходного образа вводимой категории он поясняет ее понимание на основе отдельных отношений («экземплярно»). С подобного чувственного отражения эмпирических фактов исторически, как известно, и начинается научное познание, в ходе последующего развития которого возникают первые эмпирические обобщения. Именно таким образом и разворачивается движение аристотелевской мысли – от описания отдельных отношений к их эмпирическому обобщению (путем нахождения того общего, что имеют между собой единичные и частные случаи) и созданию на этой основе соответствующей классификации [14, с. 95–97], в рамках которой – при нашем ее понимании – представляется возможным выделить четыре вида отношений[1] (рис. 1).

[1] Аристотель выделяет три рода, включая в состав количественных отношений также и качественные. Вслед за В. Ф. Асмусом мы говорим о четырех видах [3, с. 359–360], выделяя качественные отношения в отдельный вид.

Рис. 1. Классификация отношений в учении Аристотеля

Данная классификация осуществляется, во-первых, на основе конкретных существенных признаков: качество и количество, особенности взаимодействия и познавательного отражения объектов и, во-вторых – по образцу, выделенному в качестве представителя каждого вида, то есть по аналогии с ним[2], что описывается Аристотелем таким образом:

«Об отношении к чему-нибудь»:

– в одних случаях говорится по образцу того, как…

– в других случаях (такое обозначение применяется) по образцу того, как…;

– а иногда … об отношении говорится в том смысле, как…» [12, с. 95].

С учетом сказанного кратко обсудим четыре вида отношений, обозначенные в приведенной выше схеме [12, с. 95]:

– к первому принадлежат качественные отношения в двух основных разновидностях: тождество и различие;

– ко второму виду – числовые (количественные) отношения, которые также рассматриваются в двух разновидностях: количественно определенные, «например, двойное по сравнению с однократным есть определенное число») и количественно неопределенные: «многократное стоит в числовом отношении к однократному, но не в определенном, например, таком-то или таком-то», а «в неопределенном числовом отношении»;

– к третьему виду принадлежат отношения действующего и претерпевающего, которые строятся «по образцу того, как способное нагревать относится к способному нагреваться, то, что может разрезать, – к тому, что может быть разрезано, и вообще то, что может делать, – к тому, что может испытывать»;

– к четвертому виду – отношения между субъектом и объектом отражения, о которых «говорится в том смысле, как измеримое относится к мере, познаваемое – к науке и чувственно воспринимаемое – к чувственному восприятию».

При рассмотрении некоторых видов отношений Аристотель ставит вопрос об их объективности (субъективности). Так, по поводу действующего и претерпевающего (третий вид отношений), говорится, что они «реализуются в действительности; например, согревательное находится в отношении к тому, что может согреваться, потому что оно способно (согревать), и, с другой стороны, согревающее стоит в отношении к тому, что согревается, и разрезающее – в отношении к тому, что разрезается, потому что то и другое – реальная действительность [12, с. 96].

Объективность отношений четвертого рода (между субъектом и объектом отражения) раскрывается признанием первичности в них реального бытия объекта и вторичности процесса его отражения (восприятия, познания, измерения) «Ведь познаваемое существует, по-видимому, ранее, чем знание; в самом деле, по большей части мы приобретаем знания, когда предметы – объекты этих знаний – уже существуют ранее; лишь редко можно увидать, – а, может быть, таких случаев и нет, – чтобы знание возникало вместе с познаваемым… – разъясняет это важное положение Аристотель. – Подобным же образом обстоят дело и в области чувственного восприятия, – воспринимаемое существует, по-видимому, ранее, чем восприятие» [4, с. 22–23].

Что касается отношений второго вида, «которые устанавливаются на основе числа,

[2] Аристотель, рассматривая аналогию (наряду с индукцией) важнейшим методом восхождения от единичного к всеобщему, называет ее парадигмой (παράδειγμα – пример, образец) [13, с. 936; 9, с. 264–266] и раскрывает ее содержание таким образом: «пример не показывает отношения ни части к целому, ни целого к части, но отношение части к части, когда они обе подходят под один и тот же <термин>, но одна <из них> известна» [10, с. 169]. Аналогия показывает принадлежность отношений к одному виду на основе их подобия друг другу.

не даются в реальной действительности... реальность движения этим (т. е. числовым) отношениям не свойственна» [12, с. 96].

Завершая рассмотрение взглядов Аристотеля, подчеркнем, что целью данной работы не является детальное исследование его научного наследия. Нами лишь сделана попытка обозначить основные идеи великого мыслителя о природе отношений, подытоживая описание которых, отметим следующее.

1. В концепции Аристотеля понятие «отношение» (в числе других категорий) – суть всеобщее понятие, которое:

– не может быть возведено к более общим родам, стоящим над ним;

– не сводится к другим категориям (при возможности совмещения с качествами без их отождествления и родовидового подчинения друг другу);

– находится с понятием «связь» в родовидовом соотнесении (отношение – родовое, а связь – видовое понятие) и содержит в своем объеме помимо связей также и другие отношения, которые остаются за вычетом связей.

2. Аристотелевская классификация отношений на основе существенных признаков, выделенных великим мыслителем, позволила ему детально и обстоятельно рассмотреть различные роды отношений и подойти к выработке дескриптивной дефиниции, хотя четкой формулировки предложено не было. Не исключено, что это могло быть связано с требованиями к построению определения, которое, по Аристотелю, должно выражать сущность предмета и проводиться лишь через ближайший род и видовое отличие. Кроме того, многие виды определений, известные в современной логике (контекстуальные, индуктивные, с йота-оператором и др.), тогда еще не были разработаны.

3. Аристотелем выявлен ряд важных научных проблем, связанных с природой отношений, которые, исходя из уровня научного знания той эпохи, были обозначены им лишь в самой общей форме. Во-первых, это проблема разграничения отношения и связи и, во-вторых, проблема объективности (субъективности) отношения. Очевидно, что в зависимости от их решения меняется исходный взгляд на объект познания, который в этой связи изучается под различными углами зрения, что нередко приводит исследователей к разным, порой противоположным научным выводам.

4. Будучи первым теоретическим осмыслением природы отношения в философской литературе, труды Аристотеля не рассматривают данную категорию во всем многообразии существенных признаков, выявленных в ходе последующего развития научного знания. Однако, несмотря на это, аристотелевские основоположения и поставленные им вопросы во многом определяют дальнейший вектор научного поиска в данной области.

Список источников

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008.

2. Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования). Часть первая. М., 2019.

3. Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976.

4. Аристотель. Категории. М., 1939.

5. Александров Г.Ф. Учение Аристотеля о категориях бытия. В кн.: Аристотель. Категории. М., 1939.

6. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.

7. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 2. М., 1964.

8. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1978.

9. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля М., 1960.

10. Аристотель. Аналитики. М., 1952.

11. Гегель. Сочинения. Том X. М., 1932.

12. Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе. М., 2007.

References

1. Alekseev S. S. General theory of Law. Moscow, 2008.

2. Serkov P. P. Legal relations (Theory and practice of modern legal regulation). Part one. Moscow, 2019.

3. Asmus V.F. Ancient philosophy. Moscow, 1976.

4. Aristotle. Categories. Moscow, 1939.

5. Alexandrov G. F. Aristotle's doctrine of the categories of being. In: Aristotle. Categories. Moscow, 1939.

6. Chanyshev A. N. A course of lectures on ancient philosophy. Moscow, 1981.

7. Kant I. Essays in six volumes. Vol. 2. Moscow, 1964.

8. Aristotle. Essays in four volumes. Vol. 2. Moscow, 1978.

9. Akhmanov A. S. The logical doctrine of Aristotle, Moscow, 1960.

10. Aristotle. Analysts. Moscow, 1952.

11. Hegel. Essays. Volume X. Moscow, 1932.

12. Levin G. D. Philosophical categories in modern discourse. Moscow, 2007.

13. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб, 1899.
14. Аристотель. Метафизика. М., 1934.

13. Veisman A.D. Greek-Russian dictionary. St. Petersburg, 1899.
14. Aristotle. Metaphysics. Moscow, 1934.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. А. Черепанов, *доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный юрист Российской Федерации.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. A. Cherepanov, *Grand PhD in Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation*.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 14.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 14.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 36–43.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 36–43.

Научная статья
УДК 340.12

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПОЛОЖЕНИЯ

Юрий Александрович Чернавин
Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация, uchernavin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7848-8646

Введение: *исследование прав человека в современной науке выявило множество аспектов проблемы, воплотившихся в построениях философии права, теории права, в политологическом, культурном, международно-правовом и других осмыслениях феномена. При этом «задающие» – философские – трактовки прав человека зачастую остаются неявно выраженными или исследователями просто не берутся в расчет. Основная причина – недостаточная разработка философской стороны данного явления. В интересах восполнения пробела в статье реализуется попытка (одна из многих возможных) разработки социально-философской концепции прав человека.*

Материалы и методы: *методологию решения задачи составило единство метафизического и эссенциалистского подходов, а также системно-деятельностного, аксиологического, цивилизационного и институционального методов.*

Результаты исследования: *обоснована социально-философская концепция прав человека, имеющая в основе свободу и достоинство личности и опирающаяся на конструкт «взаимные права и обязанности человека и общества».*

Выводы и заключение: *важнейшим направлением развития российской национальной модели прав человека, выделенным при опоре на сформированную концепцию, является ее наполнение традиционными ценностями и нормами.*

Ключевые слова: *социально-философская концепция, права человека, права общества, коллективные права, свобода, достоинство, институт прав человека, цивилизационный тип прав человека, национальная модель прав человека*

Для цитирования: Чернавин Ю. А. *Права человека как социально-философская концепция: основные идеи и положения // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 36–43.*

Original paper

HUMAN RIGHTS AS A SOCIO-PHILOSOPHICAL CONCEPT: MAIN IDEAS AND PROVISIONS

Yuri Alexandrovich Chernavin
Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the study of human rights in modern science has revealed many aspects of the problem, embodied in the constructions of the philosophy of law, the theory of law, in political science, cultural, international law and other conceptions of the phenomenon. At the same time, the "defining" – philosophical – interpretations of human rights often remain implicit or are simply ignored by researchers. The main reason is the insufficient development of the philosophical side of this phenomenon. In the interests of filling the gap in the article, an attempt is being made (one of many possible) to develop a socio-philosophical concept of human rights.*

Materials and methods: *the methodology of solving the problem was formed by the unity of metaphysical and essentialist approaches, as well as system-activity, axiological, civilizational and institutional methods.*

Results of the study: *the socio-philosophical concept of human rights is substantiated, based on the freedom and dignity of the individual and based on the construct "mutual rights and duties of man and society."*

© Чернавин Ю.А., 2026

Findings and conclusions: *the most important direction of the development of the Russian national model of human rights, highlighted by relying on the formed concept, is its filling with traditional values and norms.*

Keywords: *socio-philosophical concept, human rights, rights of society, collective rights, freedom, dignity, institution of human rights, civilizational type of human rights, national model of human rights*

For citation: Chernavin Yu. A. *Human rights as a socio-philosophical concept: main ideas and provisions // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 36–43.*

Социально-философский анализ поставленной проблемы предварим рядом положений методологического свойства. Первое из них связано с разделением философии права (и философии прав человека) и теории права (и теории прав человека). Разница, прежде всего, в предмете. Памятуя о многообразии подходов к предмету философии права, в то же время в качестве такового остановимся на смыслах, принципах, закономерностях отношений в рамках феномена «человек – правовая действительность». То есть для философии право – имманентное свойство человека, его (человека) продолжение в социуме. Способы такого продолжения, а также его противоречия и деформации составляют предметное поле философско-правовых исследований. В свою очередь теория права исследует сущность и закономерности развития собственно права, функционирования политических и правовых систем. Ее предметом выступает право как таковое, право, отчужденное от человека. Исходный пункт здесь – не человек как изначальный субъект деятельности, а общество, государство, социальная, затем правовая реальность.

Философия прав человека занимает центральное место в философии права. Иначе быть не может, коль скоро философия права исследует человека в правовой действительности. Предметом философии прав человека выступает сам человек, принципы, закономерности и алгоритмы проявления его неотъемлемых свойств и наиболее существенных возможностей развития, воплощающихся в правах, обеспечивающих взаимоотношения с обществом, государством, другими людьми [1, с. 82]. При этом права человека объединяют всю их совокупность, исследуемую как естественным правом, так и правом позитивным.

Теория прав человека (взаимодействуя, прежде всего, с теорией права, а также демонстрируя свой междисциплинарный характер) исследует феномен прав в качестве компонента правовой системы (т. е. права человека как таковые), она «призвана изучать природу и сущность этого явления, его генезис, социальные, философские, политические, этические, религиозные предпосылки, в контекст которых включается данный феномен. Важнейшее место в науке о правах человека отводится исследованию взаимодействия прав человека и государства» [2, с. 13]. Учитывая особенности предметного поля рассматриваемых областей знаний, подчеркнем: попытка создания социально-философской концепции прав человека немыслима без использования достижений обеих областей научного знания – и философии права (философии прав человека), и теории права (теории прав человека), внесших свой вклад в исследование столь сложной и актуальной проблемы.

Второе положение методологического свойства касается задачи построения социально-философской концепции прав человека. В этом случае оптика исследования сосредоточена на взаимосвязи личности с социумом, государством, соответствующей культурой и характеристиками цивилизации. При этом, во-первых, в данном случае указанная взаимосвязь реализуется посредством прав и обязанностей индивида, во-вторых, оформляется как цивилизационные типы и национальные модели соответствующего института, в-третьих, она (взаимосвязь) приобретает уровневый характер, проявляясь на групповом, общественном и глобальном уровне.

В соответствии с реализуемым в статье подходом социально-философская концепция прав человека – это способ понимания данного феномена, изложенный посредством взаимообусловленных философских положений, раскрывающих идею, деятельность и отношения индивида сквозь призму прав как неотъемлемых свойств его существования и развития в обществе и государстве; выявляющих механизмы их возникновения и функционирования в качестве социального института; обосновывающих характеристики цивилизационных типов и национальных моделей института прав человека; обеспечивающих соответствующий – достойный – статус личности в обществе и рассмотренных в рамках конструкта «человек – правовая действительность». Предложенный к

трактовке концепции подход имеет содержательный характер и задает соответствующие компоненты статьи, обеспечивающие рассмотрение заявленной темы.

Третье положение методологического характера касается суждений о сущностных характеристиках человека, закономерно воплощающихся в его правах. Философско-правовые идеи созвучны естественному праву, отстаивающему гуманистическую суть права в целом, моральную и утилитарную автономию личности, идеологию прав человека. Более того, оба учения пересекаются в той мере, в какой многочисленные концепции естественного права можно считать философскими. В этом отношении естественное право исходит преимущественно из метафизических интерпретаций права – отражения в нем абсолютного разума или правящей миром божественной сущности, из природы человека и общества. С позиций метафизики обращается к вопросу сущности человека И. Кант, полагая ее в способности действовать свободно, обладать достоинством, а также равенством в свободе и достоинстве. Эти и другие, по сути, моральные принципы и ценности в совокупности составили трансцендентальное обоснование права, на котором базируется более конкретная и исторически преходящая форма социальной регуляции – права и обязанности человека, закрепленные законом. То есть налицо закономерная связь между двумя феноменами: понимание природы и сути человека ведет к соответствующей трактовке его прав.

Утвердившиеся в Новое время сущностные характеристики человека закреплены во Всеобщей декларации прав человека, которая в ст. 1 провозглашает: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [3]. Не сомневаясь в истинности и значимости указанных характеристик, заметим, что их понимание и наполнение в данном документе и в преобладающей в современном мире правовой доктрине трактуется в западном либеральном смысле. Даже если исследователи на Западе вспоминают, что человек – соединение природного и духовного начала, последнее они трактуют как господство рациональности, разума («здравого разума» у Г. Гроция, способного различать добро и зло, справедливость и несправедливость). При этом упускается из виду целостность человека, его духовные, религиозные, культурные, психологические и другие характеристики. Масштабный пласт западной философии, науки, культуры на протяжении последних веков заточен именно под рационализм. Однако современная социальная и гуманитарная наука нуждаются в обновленной философии человека, связанной с опять-таки обновленной концепцией гуманизма. Соответственно этому придут в движение контуры философии и теории прав человека.

В этом отношении примечательна позиция Н. Грачева, который указывает на необходимость придания концепции прав человека духовно-религиозного и цивилизационного общественно-политического измерения. Естественной и единственной средой бытия человека, отмечает автор, является социум, имеющий в своей основе определенную духовную культуру. Права человека как ценность и институт должны соответствовать ее духу, помогая консолидации, а не тормозить развитие цивилизации [4, с. 24–25].

В рамках такого подхода стоит переосмыслить феномены свободы и достоинства, выступающие в качестве сущностных признаков человека, но, думается, обладающие различающейся функциональной нагрузкой. Применительно к правам человека ее специфика раскрывается с помощью понятий максимальной и минимальной экзистенции, разработанных в философии экзистенциализма. В нашем случае первая делает акцент на способности индивида к совершенствованию и творчеству как продукту свободного мышления и деятельности. Это условная верхняя планка прав человека. Вторая – минимальная экзистенция – связана с необходимостью человеку оставаться самим собой. Она направлена на понимание начальных условий, делающих человека человеком и в этом смысле обеспечивающих его достоинство. Это минимальный и обязательный уровень прав человека. В связи с этим соответствующий институт отнюдь не обеспечивает ему гарантированное движение к совершенству, но не позволяет опуститься ниже определенного предела, за которым заканчивается человеческое. В моральном плане подобное стремление, связанное прежде всего с собственным достоинством, зачастую оказывается значимее, чем достигнутые успехи в освоении все новых и новых жизненных вершин [5, с. 243–244]. На эту тему в своей работе высказался И. Берлин: «Личная свобода не является первичной потребностью каждого человека… Египетскому феллаху одежда и лекарства нужны больше и раньше, чем свобода личности» [6, с. 241].

Безусловно, группировать права и свободы человека, представляющие его максимальную экзистенцию и минимальную

экзистенцию, можно только условно – они переплетаются и в принципе составляют целостность. Но в то же время их рассмотрение с точки зрения функциональных различий между свободой и достоинством поможет в теоретическом обосновании цивилизационных моделей прав человека.

Итак, человек свободный, обладающий достоинством, выступает причиной собственного мышления и поведения, выстраивая соответствующие отношения с другими людьми. Возникающая в ходе взаимодействия социальная действительность описывается конструктом «сознание (идея) – отношения (роли и статусы) – деятельность (практики реализации)», демонстрирующим бытие свободы (а затем и прав человека) в трех ее проявлениях. Системная целостность идеи прав человека, соответствующих отношений и деятельности приобретают устойчивость в процессе исторического развития общества и государства, предстают в виде института прав человека (составляют его структуру «по горизонтали»). Структура данного феномена «по вертикали» образуется при функционировании целостности указанных компонентов на различных социальных уровнях – в отношениях и деятельности в социальной группе, на уровне общества/государства, на глобальном уровне – и будет рассмотрена ниже.

Источник становления института прав человека – противоречия между человеком и человеком, человеком и обществом, человеком и государством, порождаемые социальным неравенством. В результате того или иного их разрешения на каждом конкретно-историческом этапе возникают социальные нормы. Их содержание есть, с одной стороны, производное экзистенциальных процессов, предъявляемое личностью обществу, с другой – это требования и правила, выработанные социумом для человека.

С философско-правовой точки зрения возникающие (и затем оформленные правовым образом) нормы трактуются как права и обязанности. В ходе социальной эволюции складывается системный конструкт «взаимные права и обязанности человека и общества» в качестве социального института и несущего элемента правовой реальности. Эти феномены в их разнообразном проявлении (потенциальном, реальном, деформированном и др.) складываются по поводу возможностей существования и развития одного и второго субъекта и зависят, соответственно, от зрелости как личности, так и социума [7, с. 9–10].

В истории складывается масса реальных и потенциальных типов и моделей взаимодействия личности и общества, их прав и обязанностей. Если, условно говоря, маятник истории уходит в одну сторону – складывается модель доминирования общества с его правовыми возможностями и одновременного умаления правомочий индивида (коллективистическая цивилизация), уходит в другую сторону – утверждается значимость личности и ее прав (индивидуалистическая цивилизация). Данный процесс служит основанием выделения цивилизационных типов прав человека.

Большую часть истории (и современности) занимают культуры, не считающие личность свободным субъектом, обладающим масштабными правами. В работах А. Ивина, анализирующего философию истории в терминах индивидуализма и коллективизма, выделяются исторические типы последнего: древний (примитивный), средневековый (умеренный), индустриальный (тоталитарный). При этом автор называет соответствующие общества не коллективистскими, а именно коллективистическими – деформирующими истинные характеристики коллективизма и на деле подчиняющими человека обществу, лишая его свободы мысли и поведения. Индивидуалистическими цивилизациями, как считает А. Ивин, являются древние демократии и современный капитализм [8, с. 45, 62, 79].

Рассмотрение современных институтов прав человека, действующих в цивилизациях с отличающимися типами культур, разными правовыми системами, рисует гораздо более сложную картину, лишенную однозначности – либо права человека, либо права общества. В то же время тенденция доминирования первого или второго, сложившаяся в истории и неизбежно отражающаяся в ее современной культуре, служит основанием отнесения института прав человека к определенному цивилизационному типу. Опора на выделенные основания дает возможность определить цивилизационные типы прав человека: 1) общественный – система, в которой личность следует за обществом/государством; здесь коллективизм – способ организации бытия и важнейшая ценность; 2) личностный – система с доминированием интересов и прав человека; цивилизации такого рода опираются преимущественно на индивидуализм, стремятся к защите индивида от давления со стороны государства.

Помимо данного – стержневого – признака выделения цивилизационных типов прав человека, следует выделить и другие:

– степень зависимости/независимости индивида от общества и государства, выражающаяся в характере и объеме закрепленных в той или иной стране прав;

– особенности духовной культуры, религиозных ценностей и норм, определяющие сознание и поведение человека, его права и обязанности, существующие в практике повседневной жизни, а также закрепленные юридически;

– исторически сложившиеся традиции социального равенства или социальной иерархии; традиции места женщины в обществе;

– преобладание позитивных или негативных прав в конституционно закрепленном корпусе прав человека;

– уровень социально-экономического развития страны, порождающий особое внимание к определенным группам прав человека: гражданским, политическим или социально-экономическим, культурным.

Признаки такого рода подлежат анализу в рамках цивилизационного подхода к институту прав человека, учитываются в ходе разработки соответствующих институциональных типов. В исследованиях подобного рода распространена позиция, обосновывающая наличие в современном мире пяти основных цивилизационных типов прав человека: западного (классического), исламского, конфуцианско-китайского, индо-буддийского, африканского [9, с. 109–110].

За исключением западного подхода к правам человека все остальные относятся к общественному цивилизационному типу, не воспринимающему позиции индивидуализма. Более предметные контуры того или иного института прав человека определяются господствующей культурой. В частности, в исламской модели основой ее построения выступают законы шариата, здесь тесно переплетаются права и обязанности, подчеркивается ведущая роль государства в защите интересов мусульман. В китайско-конфуцианском подходе к правам человека утверждается феномен единой «правообязанности», а правовые возможности индивида рассматриваются не в качестве данных от рождения, а как результат правотворчества государства. Индо-буддийская цивилизационная модель особое внимание уделяет запрету дискриминации граждан, закрепляя доступ представителей всех каст к существующим гражданским и политическим правам. Африканский подход к правам человека зиждется на исторически сложившихся коллективных традициях [10, с. 143–144]. При этом вследствие исторических особенностей, уровня развития экономики акцент делается на правах, обеспечивающих прежде всего минимальную экзистенцию человека.

Помимо выделения общего цивилизационного типа прав человека, следует учесть роль конкретных государств, выстраивающих национальные модели данного института, способные варьироваться в рамках единой цивилизации. Например, институт права, утвердившийся в послевоенной Европе и принадлежащий к западному цивилизационному типу, в отличие от американских реалий характеризуется явственным дрейфом от идей индивидуализма к ценностям персоноцентризма – мировоззренческой и социокультурной позиции, подвигающей индивида к учету интересов окружающих людей и общественных нужд в своем поведении и отношениях.

Наметившаяся тенденция представляется перспективной в прикладном и теоретическом отношении, позволяет спрогнозировать кристаллизацию третьего цивилизационного типа прав человека – персоноцентристского. Его становление – результат противостояния двух основных тенденций современной социальной эволюции – гуманизма и техноцентризма. Кроме того, это путь к сближению главных подходов к пониманию прав человека – универсализма (опирающегося на ценности западной демократии и либерализма) и релятивизма (указывающего на самобытность цивилизаций и соответствующего им института прав человека). Наконец, это проявление диалектики индивидуализма и коллективизма, известное снижение остроты противостояния человека и общества, утверждение «персоналистического солидаризма, который утверждает самоценность личности при императиве солидаризации ее с обществом путем служения и личности, и общества сверхличным и сверхсоциальным ценностям» [11, с. 180, 183]. В этом случае права человека, гарантирующие его развитие, получают известные границы, соблюдение которых обеспечивает динамику общества.

Российскую национальную модель прав человека, закрепленную конституционно, в литературе характеризуют по-разному, то указывая на ее смешанный характер, сочетающий признаки разных цивилизационных типов [10, с. 145], то полагая нашу модель типом западным [9, с. 110]. Юридически оформленный в наших актах корпус прав человека, первоначально провозглашенный во Всеобщей декларации прав человека и других международных документах ООН и оцениваемый сегодня как универсальный, дей-

ствительно опирается на ценности западной демократии и либерализма. С нашей точки зрения, эти права и ценности в существенной мере отражают исторический опыт, значимый для всех народов мира, поскольку основан на универсальности человека. Другое дело, что на этом не стоит ставить точку – западный подход при использовании в иных обществах и культурах нуждается в переосмысливании и соответствующей трансформации. Институт прав человека в России следует наполнить традиционными ценностями и нормами, соответствующими правомочиями, подчеркивающими его общественный цивилизационный тип и обеспечивающими продвижение нашей национальной модели к персоноцентристскому типу. Как представляется, в этом случае снизится острота противоречий в конструкте «идея прав человека в общественном сознании – соответствующие статусы и роли, закрепленные юридически – практики реализации», существующих сегодня в российской действительности и блокирующих эффективность института прав человека. Кроме того, рельефнее будут обозначены социальные контуры, соответствующие максимальной и минимальной экзистенции прав человека. Определить возможные способы предлагаемого совершенствования российской модели прав человека поможет уровневый подход к структуре данного феномена.

Анализ особенностей института прав человека на уровне группы, социума, глобального общества позволяет не только выявить социальные механизмы реализации правовых возможностей, но и конкретизировать содержание цивилизационных типов прав человека. Решению задачи будет способствовать обращение к феномену коллективных прав («прав солидарности»), выделяемых в современной литературе в отдельную группу прав человека третьего поколения, и прав общества (сообществ).

Характеризуя коллективные права, следует подчеркнуть их сущностные особенности. Во-первых, коллективные права, как и права индивидуальные, суть права человека. Разница в том, что для реализации индивидуальных прав необходимы действия человека как субъекта, коллективные могут быть реализованы людьми лишь совместно. Права общества, представленные на различном уровне его организации, – это самостоятельный феномен. Во-вторых, в своем содержательном наполнении коллективные права двойственны. В них заложен потенциал социальных свойств, необходимых для достойной жизни как человека, так и социума, человечества в целом. Они связывают личность и социум, амбивалентны по характеру и свидетельствуют, что абсолютного разделения, тем более противопоставления прав человека и прав общества в современном мире быть не может. Таким образом, развитие корпуса коллективных прав человека, их использование в качестве средства решения масштабных социальных проблем – один из факторов совершенствования российской национальной модели прав человека, способствующий ее наполнению традиционными для нашей культуры нормами и ценностями.

Акцент на социальные сообщества в данной теме позволяет конкретизировать вопрос прав социума, юридически оформленных в современных условиях как минимум в следующих четырех измерениях: 1) определенные социальные слои и группы, которым предоставляется социальная помощь: дети, женщины, молодежь, инвалиды, люди преклонного возраста, беженцы; 2) права коренных народов; 3) этнические, религиозные, языковые меньшинства, обладающие правом на культурную автономию; 4) право народа на равноправие и самоопределение [7, с. 12–14].

Правовые возможности коллективных субъектов права – предмет отдельного исследования, тем не менее уже сейчас можно сформулировать положение об эффективности института прав человека в стране в ситуации активного включения в его функционирование тех или иных компонентов социума – групп, слоев, категорий с собственными правами. Масштаб и механизмы такого включения зависят от цивилизационного типа и национальной модели прав человека. Движение по данному пути – одно из направлений развития соответствующего российского института.

Своеобразная картина с правами человека складывается на глобальном уровне. Для появления соответствующего института здесь должны возникнуть отношения с предельной социальной системой – планетарным человечеством. Это находящееся в стадии становления транснациональное гражданское общество, политически оформленное в государствах и их союзах. Безусловно, оно не состоится как однородное социальное образование, но предстанет в будущем в виде многоуровневой и многокомпонентной системы коммуникаций и отношений. Основная функция такой системы – согласование ценностных, нравственных, правовых стандартов многих

цивилизаций и политических систем на глобальном уровне. Суть стандартов передают принципы и ценности прав человека.

По мере становления глобальная система прав человека будет призвана обеспечить максимальную универсальность – нарушение прав отдельной личности приобретет характер опасности планетарного масштаба. В упрощенном виде эта зависимость способна показать, например, отсутствие у конкретных индивидов возможности повысить собственное благосостояние, отсутствие прав на работу, профессию, достойный уровень жизни, что грозит остановкой социально-экономического развития на глобальном уровне. Та же связь характеризует глобальные проблемы, начиная от обеспечения личной и общественной безопасности, заканчивая состоянием окружающей среды.

Безусловно, интеграция цивилизационных типов и национальных моделей прав человека на глобальном уровне в настоящих условиях предстает как идеальный тип. Ее возможная эволюция – суть единства двух противоположных тенденций. С одной стороны, это обозначивший себя позитивный вектор переплетения и взаимодействия ценностей многих культур в рамках глобализации современного типа – становления многополярного мира. С другой стороны, это негативный тренд, связанный с политикой западных государств, стремящихся к насаждению в международных отношениях неофеодальных сословных отношений между «развитыми» и «слабо развитыми» странами. Он указывает на отсутствие проекции ценностей действительной свободы, достоинства, справедливости, заложенной в институте прав человека, на существующие отношения между государствами и политическими системами – налицо разрыв между философско-правовым и геополитическим аспектом данного феномена. В рамках подобной динамики утверждение всеобщего, а не сословного статуса права в международном масштабе – действительно историческое восприятие прав человека как потребности и нормы до сих пор не состоялось.

Список источников

1. Чернавин Ю.А. Философская концепция прав человека // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 4.

2. Права человека /отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2015.

3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 09.12.1948). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 30.06.2025).

4. Грачев Н.И. Генезис и основное содержание концепции прав человека с позиций цивилизационного подхода // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2018. № 27.

5. Философия права / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная, С.И. Максимов [и др.], под ред. О.Г. Данильяна. М., 2005.

6. Берлин И. Четыре эссе о свободе. URL: https://lc.elima.ru/lib/?id=11 (дата обращения: 30.06.2025).

7. Чернавин Ю.А. Права человека и права общества как система: философский взгляд на проблему // Lex russica. 2018. № 5.

8. Ивин А.А. Философия истории. М., 2000.

9. Дмитриевская Д.С. Цивилизационный подход к правам человека и конституционно-правовое отражение их основных моделей // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17.

10. Топилина А.В. Критика универсализма в контексте цивилизационной детерминированности содержания прав человека // Философия права. 2023. № 1 (104).

11. Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 1995.

References

1. Chernavin Yu.A. Philosophical concept of human rights // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2016. № 4.

2. Human Rights /ed. by E.A. Lukasheva, Moscow, 2015.

3. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 09.12.1948). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805 / (date of access: 30.06.2025).

4. Grachev N.I. The genesis and main content of the concept of human rights from the standpoint of a civilizational approach // Bulletin of the East Siberian Open Academy. 2018. № 27.

5. Philosophy of Law / O.G. Danilyan, L.D. Bayrachnaya, S.I. Maksimov [et al.], edited by O.G. Danilyan, Moscow, 2005.

6. Berlin I. Four Essays on Freedom. URL: https://lc.elima.ru/lib/?id=11 (date of access: 30.06.2025).

7. Chernavin Yu.A. Human rights and the rights of society as a system: a philosophical view of the problem // Lex russica. 2018. № 5.

8. Ivin A.A. Philosophy of History, Moscow, 2000.

9. Dmitrievskaya D.S. The civilizational approach to human rights and the constitutional and legal reflection of their basic models // Issues of Russian justice. 2022. № 17.

10. Topilina A.V. Criticism of universalism in the context of the civilizational determinism of the content of human rights // Philosophy of Law. 2023. № 1 (104).

11. Levitsky S.A. The Tragedy of Freedom, Moscow, 1995.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ю. А. Чернавин, *доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта (МИИТ). 127994, Российская Федерация, г. Москва ул. Образцова, 9, стр. 9.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yu. A. Chernavin, *Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of Department «Philosophy, Sociology and History». Russian University of Transport. 9/9, Obraztsova St., Moscow 127994 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 44–49.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 44–49.

Научная статья
УДК 336.221

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Александр Анатольевич Брюхнов[1], Ольга Ивановна Мойса[2]
[1] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, lexandr@mail.ru
[2] Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, olay_2002@list.ru

Введение: *вопросы административной ответственности в сфере защиты прав потребителей приобретают в современных условиях исключительную актуальность, что обусловлено комплексом факторов экономического, социального и правового характера. Научный анализ позволяет констатировать фундаментальный пересмотр концепции административной ответственности в рассматриваемой сфере. Если ранее доминировала модель безусловной защиты потребителя, то теперь законодатель стремится к установлению баланса интересов сторон.*

Материалы и методы: *основой научной статьи явились законодательство Российской Федерации, научная литература, монографии, а также материалы периодических изданий. В ходе исследования использовались следующие методы: исторический, сравнительный, логический, сравнительно-правовой анализ научной и специальной литературы и др.*

Результаты исследования: *проведен анализ привлечения хозяйствующих субъектов к административной ответственности за нарушение законодательства, регулирующего права потребителей.*

Выводы и заключения: *на основе анализа судебной практики авторы выделяют проблемы квалификации правонарушений по ст. 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Особое внимание уделяется процедурным аспектам: правомерности отказов надзорных органов в возбуждении дел и разграничению компетенций между органами исполнительной власти.*

Ключевые слова: *защита прав потребителей, правонарушение, административная ответственность*

Для цитирования: Брюхнов А. А., Мойса О. И. *Некоторые аспекты административной ответственности в сфере защиты прав потребителей // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 44–49.*

Original paper

SOME ASPECTS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF CONSUMER PROTECTION

Alexander Anatolyevich Bryukhnov [1], Olga Ivanovna Moysa [2]
[1] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Rostov branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *issues of administrative responsibility in the field of consumer protection are becoming extremely relevant in modern conditions, due to a complex of economic, social and legal factors. Scientific analysis allows us to state a fundamental revision of the concept of administrative responsibility in the field under consideration. Previously, the model of unconditional consumer protection was dominant, but now the legislator is striving to establish a balance of interests between the parties.*

© Брюхнов А.А., Мойса О.И., 2026

Materials and methods: *the scientific article is based on the legislation of the Russian Federation, scientific literature, monographs, as well as materials from periodicals. The following methods were used in the course of the research: historical, comparative, logical, comparative-legal analysis of scientific and specialized literature, etc.*

Results of the study: *the analysis of bringing business entities to administrative responsibility for violating legislation regulating consumer rights has been carried out.*

Findings and conclusions: *based on the analysis of judicial practice, the authors identify the problems of qualification of offenses under Article 14.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Special attention is paid to procedural aspects: the legality of refusals by supervisory authorities to initiate cases and the division of competencies between executive authorities.*

Keywords: *consumer rights protection, offense, administrative responsibility*

For citation: Bryukhnov A. A., Moisa O. I. *Some aspects of administrative responsibility in the field of consumer protection // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 44–49.*

Объектом административных правонарушений являются разные элементы общественной и государственной системы, права человека и гражданина. В теории права существует точка зрения: по степени общественной опасности правонарушения уступают преступлениям, и ответственность за административные правонарушения менее строга к преступающим закон. Однако миллионные оборотные штрафы, административное приостановление деятельности хозяйствующего субъекта и другие виды административных наказаний нельзя назвать незаметными или легкими по отношению к правонарушителю. Сложно также выделить отдельную категорию административных составов в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), имеющую большую степень опасности или большую значимость по сравнению с иными составами [1].

Вместе с тем отметим, что, согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ, за последние годы частное потребление выросло более чем на 5 %, оборот розничной торговли в первой половине 2025 г. составил 28,8 трлн руб., потребительские расходы в третьем квартале достигли около 20 млрд руб., при этом основная часть состоит из следующих сегментов рынка: продукты питания, услуги и товары длительного потребления, например автомобили. Выросла статистика и в части потребления финансовых и информационных услуг. Правовое регулирование сферы товаров и услуг систематически подвергается изменению. Ответственность за нарушение прав потребителей установлена в нормах гражданского, административного и уголовного законодательства. Помимо Федерального закона от 07.02.1993 № 2300-1 «О защите прав потребителей», потребительские права охраняются нормами Гражданского кодекса РФ, законодательства о защите конкуренции, правилами продажи товаров, оказания услуг, санитарно-эпидемиологическими правилами, государственными стандартами и т. д.

Статья 14.4 КоАП РФ устанавливает ответственность за продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг ненадлежащего качества или с нарушением требований законодательства Российской Федерации, ст. 14.4.2 КоАП РФ – за нарушение законодательства об обращении лекарственных средств. Статья 14.4.3 КоАП РФ содержит санкцию, применяемую в случае совершения правонарушения, выражающегося в незаконной реализации билетов, абонементов и экскурсионных путевок на проводимые организациями исполнительских искусств и музеями зрелищные мероприятия. Объективной стороной правонарушения по ст. 14.5 КоАП РФ является продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг при отсутствии информации, установленной законодательством о защите прав потребителей или неприменение контрольно-кассовой техники. Статья 14.7 КоАП РФ устанавливает административное наказание за обман потребителей; ст. 14.8 – за нарушение иных прав потребителей. Некоторые иные статьи гл. 14 КоАП РФ прямо не указывают на права потребителей, однако их касаются, например, правонарушения в сфере конкуренции, рекламы или использования средств индивидуализации, ценообразования или продажи товаров, оказания услуг без лицензии. Вопросы использования товарных знаков могут повлиять на потребителей и ввести их в заблуждение, например, дело об использовании курортом «Красная Поляна» (ранее – «Горки Город») географического наименования, в то время как другой курорт, расположенный в той же местности, «Роза Хутор» ссылался на недобросовестное поведение конкурента. В обстоятельствах дела усматривалось и

введение потребителей в заблуждение со стороны курорта «Красная Поляна», однако данный факт не нашел подтверждения ни в позиции Федеральной антимонопольной службы, ни в решении судов. Вышеуказанный спор касался защиты конкуренции посредством норм антимонопольного и гражданского отраслей права.

Интересным представляется вопрос: возможно ли применение ст. 14.7 КоАП РФ в случае реализации Федеральной антимонопольной службой функций по защите прав потребителей при подтверждении факта введения их в заблуждение посредством изменения наименования курорта «Горки Город» на «Красная Поляна» или же в данном случае следовало ссылаться только на недобросовестную конкуренцию в рамках применения ст. 14.33, 14.3 КоАП РФ (если речь только о нарушении конкуренции путем размещения рекламы).

Административная ответственность в сфере защиты прав потребителей регулярно подвергается коррекции со стороны законодателя. Например, с 9 января 2016 г. вступили в силу изменения ст. 14.8 КоАП: увеличены штрафы за навязывание потребителю дополнительных товаров, работ или услуг за отдельную плату. Навязывание дополнительных услуг практиковалось кредитными организациями при оказании банковских услуг населению, затем распространилось на сферу перевозок и медицинских услуг.

С учетом увеличения пределов штрафных санкций возникает вопрос о практической возможности применения по таким делам предупредительного механизма за рамками административной ответственности, например, вынесение предписания об устранении нарушений для субъектов малого предпринимательства или добросовестно заблуждавшихся хозяйствующих субъектов. Порядок замены административного штрафа предупреждением, безусловно, не может выходить за пределы установленных законодателем преференций, на что неоднократно в своих решениях указывал Верховный Суд РФ (в Определении Верховного Суда РФ от 05.09.2018 № 303-АД18-5207 и № 303-АД18-5141 разъяснены особенности применения ст. 4.1.1 КоАП РФ).

Для увеличения вовлеченности, конверсии продаж некоторые субъекты предпринимательской деятельности используют так называемые «темные паттерны» – использующие скрытые условия, неверные сведения о сроке приобретения или количестве товара, сложную процедуру отказа техники и дизайнерские решения в интернет-торговле. Сюда же относятся «случайное» добавление товара или услуги в корзину без согласия пользователя, маскировка кнопки «Отказаться» и выделение кнопки «Купить», появление комиссии и дополнительного платежа в чеке.

Согласно толковому словарю Ожегова, понятие «обман» включает ложное представление о чем-либо, заблуждение, ошибку восприятия. Если подобные дизайнерские решения вводят потребителей в заблуждение, например, путем выделения отдельных кнопок или подмены/добавления товара в корзину при дистанционной продаже, следует применить ст. 14.7 КоАП РФ; если они содержат неверную информацию о количестве доступного товара, сроках его реализации, дополнительные скрытые условия возврата или отказа от предоставления услуги, в этом случае надлежит применить ст. 14.8 КоАП РФ.

Размещение недостоверных сведений об «экологичности», «органичности» товара» тоже составляет объективную сторону ч. 2 ст. 14.7 КоАП РФ. Роботы-ассистенты, чатботы также способны искажать реальность и предоставлять недостоверную информацию.

В условиях развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) необходимо обратить внимание на добавление объективной стороны административного правонарушения, затрагивающего права потребителей за счет метода совершения данного правонарушения. Это может включать использование ИИ в целях имитации потребительского опыта, создания ложных отзывов и искажения информации о товаре или услуге.

Искусственный интеллект охватывает все больше рыночных сегментов и оказывает влияние на развитие экономики. В настоящее время его правовой статус не определен, существует Кодекс этики искусственного интеллекта, разработанный на основе Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 г. Авторы кодекса – Альянс в сфере искусственного интеллекта РФ, Аналитический центр при Правительстве РФ и Минэкономразвития России. Согласно вышеуказанному кодексу средства ИИ должны применяться в соответствии с принципами: соблюдение законодательства, предосторожность, цифровая безопасность, непричинение вреда человеку, уважение автономии и свободы воли человека. Однако кодекс носит рекомендательный характер и не является нормативным правовым актом. Пределы использования ИИ в контексте генерации изображений для предпринимательских целей в сфере оказания услуг или осуществления

продажи товаров должны быть установлены законодательно.

На практике потребители обращаются в суд с оспариванием определений об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении в связи с отсутствием состава или события правонарушения, вынесенным органами исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и защиты прав потребителей (далее – Роспотребнадзор). Потребители оспаривают такие определения в судебном порядке (через районный суд или арбитражный суд, если заявитель – индивидуальный предприниматель или юридическое лицо), в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства РФ или Арбитражным процессуальным кодексом РФ, стремясь доказать факт правонарушения и добиться привлечения нарушителя к ответственности.

Если потребитель пытается оспорить взимаемую банком комиссию при оказании банковских услуг, то Роспотребнадзор отказывает в возбуждении дела правомерно, т. к. спор носит гражданско-правовой имущественный характер. Вопросы правомерности комиссий, возврата средств и изменения договоров решает суд или финансовый уполномоченный. Роспотребнадзор может возбудить дело об административном правонарушении, если комиссия взимается за навязанную услугу, от которой потребитель хотел, но не мог отказаться в силу кабальности условий, предложенных кредитной организацией для оказания банковских услуг.

Если потребитель заключает кредитный договор с банком, а затем со счета списываются суммы за дополнительные услуги, на которые потребитель не давал согласие и/или они были навязаны банком, т. е. все основания обратиться в Роспотребнадзор. По одному из таких дел Роспотребнадзор отказал в удовлетворении заявления потребителя о возбуждении дела об административном правонарушении по ст. 14.8 КоАП РФ, ссылаясь на невозможность использования документов, приложенных к обращению (договор потребительского кредита, заявление о предоставлении кредита), т. к. они были получены вне процессуальных требований, в качестве доказательств, также неподтвержденным остается факт принуждения к заключению договора на заведомо невыгодных условиях без возможности отказа.

Ссылку Роспотребнадзора на ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ суды правомерно отклонили, поскольку составы правонарушений, предусмотренные ст. 14.7, 14.8 КоАП РФ, не включают обязательных требований, оценка которых осуществляется посредством проведения государственного (муниципального) контроля. Также Роспотребнадзор не дал оценку доводам потребителя, изложенным в жалобе, не оценил возможность потребителя получить кредит без дополнительных услуг на основании представленного договора потребительского кредита. Согласимся с решениями судов о том, что довод Роспотребнадзора о невозможности использования документов, приложенных к жалобе, в качестве доказательств по делу об административном правонарушении, полученных вне процессуальных требований, свидетельствует об уклонении Роспотребнадзора от рассмотрения обращения по существу. В случае установления недостаточности приложенных к жалобе документов орган исполнительной власти вправе истребовать необходимые документы и установить подлежащие выяснению обстоятельства в рамках стадии возбуждения дела.

В решениях и информационных письмах в судебных инстанциях упоминается о необходимости ограничения свободы договора для профессионального участника правоотношений, т. к. гражданин является экономически слабой стороной и нуждается в особой защите [2]. Если потребитель имел возможность заключить с банком кредитный договор без условий страхования его жизни и здоровья, то их включение не нарушает прав потребителя.

Таким образом, постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 27.08.2025 по делу № А65-6048/2025 было установлено, что суды первой и апелляционной инстанции признали незаконным определение органа исполнительной власти в сфере защиты прав потребителей об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении в отношении банка [3].

Кроме обжалования отказа в возбуждении дела об административном правонарушении часто возникают споры о подведомственности или о необходимости передачи дела по подведомственности по делам о защите прав потребителей. Приведем пример из практики: суд субъекта рассмотрел в судебном заседании жалобу заявителя на определение главного специалиста-эксперта Государственного комитета Республики Башкортостан по жилищному и строительному надзору от 3 июля 2025 г. и решение судьи Советского районного суда г. Уфы

Республики Башкортостан от 12 августа 2025 г. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ, в отношении некоммерческой организации, осуществляющей капитальный ремонт в многоквартирных домах. С апреля 2025 г. заявителю перестали приходить платежные документы (квитанции) за капремонт. Определением главного специалиста-эксперта и решением суда заявителю отказано со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ (в связи с отсутствием события административного правонарушения) и ввиду неподведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.8 КоАП РФ, должностным лицам Государственного комитета Республики Башкортостан по жилищному и строительному надзору. Верховным судом республики установлено, что отказ в возбуждении дела был преимущественно связан с неподведомственностью, однако данного основания нет в нормах КоАП РФ, регламентирующих порядок отказа в возбуждении дела об административном правонарушении, вместе с тем в определении об отказе содержится ссылка на п. 1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ (отсутствие события правонарушения). Интересным представляется указание Верховного суда республики на отсутствие у должностного лица, принимавшего жалобу к рассмотрению, ограничений по передаче дела в Роспотребнадзор по подведомственности. В связи с наличием установленных Верховным судом республики противоречий и вынесением обжалуемого определения должностным лицом неуполномоченного ч. 1 ст. 23.49 КоАП РФ на то административного органа, состоявшиеся по делу акты были признаны незаконными. Материалы по обращениям были направлены на новое рассмотрение в Государственный комитет по строительству.

В рамках судопроизводства дела также направляются по подведомственности. Например, решением Свердловского областного суда № 72-1112/2025 от 03.09.2025 по делу № 72-1112/2025 отменено решение судьи Кировского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 02.07.2025 № 12-445/2025, вынесенное в отношении публичного акционерного общества по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ, дело направлено на рассмотрение по подведомственности в Арбитражный суд Свердловской области [4]. Территориальный отдел Управления Роспотребнадзора отказал в возбуждении дела по ст. 14.8 КоАП РФ, решением районного суда определение об отказе оставлено без изменения. Вышестоящая инстанция в своем решении сослалась на ст. 47 Конституции РФ, ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ, п. 19.2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях». Подведомственность данных споров не ставится в зависимость от статуса потерпевшего, а определяется компетенцией арбитражного суда, кроме того действие публичного акционерного общества, на которое указывает в своем обращении заявитель, связано с осуществлением предпринимательской (экономической) деятельности.

Для оперативного рассмотрения дел в сфере защиты прав потребителей в условиях развития цифровых технологий и с целью совершенствования способов доказывания предлагаем создать электронный сервис (приложение) для подачи обращений и фиксации доказательств правонарушения с прохождением процедуры верификации. Сервис позволит совершенствовать межведомственное взаимодействие и повысит степень вовлеченности граждан в процессе защиты прав. Предоставленные потребителем фото- и видеоматериалы должны рассматриваться как допустимые доказательства.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.02.1999 № 4-П. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 28.01.2025).

3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.08.2025 по делу

References

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation № 195-FL dated 30.12.2001 // Rossiyskaya gazeta. 2001. December 31.

2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 23.02.1999 № 4-Paragraph URL: https://www.consultant.ru / (date of access: 28.01.2025).

3. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 27.08.2025 in case № A65-6048/2025. URL: https://www.consultant.ru / (date of access: 28.01.2025).

№ А65-6048/2025. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 28.01.2025).

4. Решение Свердловского областного суда № 72-1112/2025 от 03.09.2025 по делу № 72-1112/2025. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 28.01.2025).

4. Decision of the Sverdlovsk Regional Court № 72-1112/2025 dated 03.09.2025 in case № 72-1112/2025. URL: https://www.consultant.ru/ (date of access: 28.01.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. А. Брюхнов, *кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

О. И. Мойса, *кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. A. Bryukhnov, *PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

O. I. Moisa, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 20.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 50–55.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 50–55.

Научная статья
УДК 343.272

ПРОБЛЕМА ЗАТОРОВЫХ СИТУАЦИЙ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ ВСЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЙ ВОДИТЕЛЯМИ ПРАВИЛ ОСТАНОВКИ И СТОЯНКИ АВТОТРАНСПОРТА

Андраник Гайкович Галустян[1], Андрей Николаевич Осяк[2]
[1] Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, agg958@mail.ru
[2] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, aosiak2@mvd.ru

Введение: *вся дорожная система – это слаженный и весьма сложный механизм, при недостатках в одном из его элементов происходят сбои и проблемы всего дорожного движения, которые могут привести не только к так называемым пробкам, но стать фактором способствующим совершению ДТП. В статье рассмотрена проблема заторовых ситуаций по причине нарушения правил остановки и стоянки транспорта. Представлены основные причины допущения подобных нарушений со стороны водителей, а также их влияние на процессы дорожного движения в городах. Пробки снижают интенсивность перевозок пассажиров и грузов, нередко внося коррективы в распределение ритма жизни страны, что в конечном итоге сказывается на темпах экономического развития государства в целом.*

Материалы и методы: *в качестве методологической основы для достижения поставленной цели был использован комплексный подход по аналитике теоретических проблем и эмпирических методов исследований.*

Результаты исследований: *предложены меры решения сложившейся проблемы с приведением примеров, разработанных в столице России.*

Выводы и заключения: *рассмотренная проблема в последнее время становится все актуальнее с каждым днем и затрагивает практически каждого гражданина, особенно жителей больших городов. Пробки в нашей стране мешают эффективному движению транспорта, способствуют утомлению водителей, повышают количество вредных выбросов в атмосферу. И для того, чтобы минимизировать представленную проблему, следует своевременно применять наиболее технологичные методы, направленные на снижение количества автотранспорта, улучшение качества инфраструктуры дорог, поощрение пользователей общественного транспорта, а также на правовое воспитание участников дорожного движения.*

Ключевые слова: *заторовые ситуации, нарушение ПДД, остановка и стоянка транспорта, водители ТС, парковка, загруженность дорог, дорожные пробки, способы борьбы с заторными ситуациями, «Помощник Москвы»*

Для цитирования: Галустян А. Г., Осяк А. Н. *Проблема заторовых ситуаций в дорожном движении вследствие нарушений водителями правил остановки и стоянки автотранспорта // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 50–55.*

Original paper

THE PROBLEM OF CONGESTION SITUATIONS IN ROAD TRAFFIC DUE TO VIOLATIONS BY DRIVERS OF THE RULES OF STOPPING AND PARKING VEHICLES

Andranik Gaykovich Galustyan[1], Andrey Nikolaevich Osyak[2]
[1] Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
[2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

© Галустян А.Г., Осяк А.Н., 2026

Introduction: *the entire road system is a well–coordinated and very complex mechanism, with flaws in one of its elements, failures and problems of the entire traffic flow occur, which can lead not only to so-called traffic jams, but also become a contributing factor to an accident. The article considers the problem of congestion situations due to violations of the rules of stopping and parking vehicles. The main reasons for the admission of such violations by drivers, as well as their impact on traffic processes in cities, are presented. Traffic jams reduce the intensity of passenger and cargo transportation, often making adjustments to the distribution of the rhythm of life in the country, which ultimately affects the pace of economic development of the state as a whole.*

Materials and methods: *an integrated approach to the analysis of theoretical problems and empirical research methods was used as a methodological basis for achieving this goal.*

Results of the study: *measures to solve the current problem are proposed, using examples developed in the capital of Russia.*

Findings and conclusions: *the considered problem has recently become more relevant every day and affects almost every citizen, especially residents of large cities. Traffic jams in our country interfere with the efficient movement of transport, contribute to driver fatigue, and increase the amount of harmful emissions into the atmosphere. And in order to minimize the problem presented, the most technologically advanced methods should be applied in a timely manner, aimed at reducing the number of vehicles, improving the quality of road infrastructure, encouraging users of public transport, as well as legal education of road users.*

Keywords: *congestion situations, traffic violations, stopping and parking vehicles, vehicle drivers, parking, congestion, traffic jams, ways to deal with congestion situations, "Moscow Assistant"*

For citation: Galustyan A. G., Osyak A. N. *The problem of congestion situations in road traffic due to violations by drivers of the rules of stopping and parking vehicles // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 50–55.*

На сегодняшний день, по официальным данным Госавтоинспекции России, в стране на учете стоит почти 68 млн транспортных средств, из них механических – более 63 млн. Несложные расчеты позволяют сделать вывод, что на двух жителей приходится более чем одна единица транспорта. Прирост его количества за последнее десятилетие составил более 11 млн. Конечно, территория нашей Родины, занимающая более 17 млн квадратных километров, без труда разместит своих жителей и транспорт, но по объективным причинам распределение людей и эксплуатируемого ими транспорта по площади осуществляется неравномерно. Так, в Москве зарегистрировано более 4,7 млн единиц автомототранспорта, Санкт-Петербурге – более 2,1 млн, на территории Московской области – более 3,3 млн, Свердловской области – более 2,3 млн и в Краснодарском крае – более 2,2 млн. То есть на площади, составляющей менее 1,9 % территории России, зарегистрировано более 21,7 % всего транспорта страны [1]. В складывающейся ситуации автомобильные дороги, а тем более улично-дорожная сеть крупных городов, просто «задыхаются» от заторовых ситуаций, которые водителями, представителями органов власти и средствами массовой информации уже привычно принято называть пробками.

Известный факт, что загрузка улиц таких городов, как Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, не ограничивается местным транспортом, львиная доля эксплуатируемого здесь автотранспорта зарегистрирована в других населенных пунктах регионов и даже субъектов. В южных регионах в летний курортный сезон плотность транспортного потока возрастает в десятки раз.

Заторовые ситуации сегодня представляют острую проблему для автовладельцев и государства в целом. Привычные, казалось бы, пробки снижают интенсивность перевозок пассажиров и грузов, нередко внося коррективы в распределение ритма жизни страны, что не может сказываться на темпах экономического развития государства.

Неоптимистичные прогнозы разных ведомств указывают на то, что без кардинальных мер буквально через два-три года в дорожных заторах будут не только самые крупные города, но и вся страна. Если разбирать данную проблему более детально, то причин дорожных заторов, помимо большого количества транспорта, немало, к ним можно отнести:

– проблемы, связанные с ненадлежащим качеством дорог;

– несоответствие пропускной способности дорог;

– некачественная уборка (в большей степени сказывается в зимний период);

– постоянные ремонты автомобильных дорог;

– проблемы, связанные с нарушением Правил дорожного движения (далее – ПДД), в том числе нарушение правил остановки и стоянки транспорта.

Остановимся на рассмотрении одной из причин дорожных заторных ситуаций, устранение которой видится возможным, – нарушение ПДД, связанное с остановкой и стоянкой транспорта. На самом деле немногие водители признают эти нарушения значимыми для интенсивности движения. Однако вся дорожная система – это слаженный и весьма сложный механизм, при недостатках в одном из его элементов происходят сбои и проблемы всего дорожного движения, которые могут привести не только к так называемым пробкам, но стать фактором, способствующим совершению дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП).

Разделим условно причины нарушения водителями транспорта правил остановки и стоянки на две группы:

1. Связанные с пренебрежительным к законодательству и обществу поведением водителей, которое также может обосновываться чувством безнаказанности и незначительности своих нарушений по отношению к другим участникам дорожного движения.
2. Связанные с отсутствием достаточного числа мест для правомерной парковки или остановки транспорта.

Многие водители регулярно нарушают ПДД, связанные с остановкой и стоянкой транспорта, при этом останавливаясь в неположенном месте, некоторые из них даже не задумываются о том, что создают помехи в дорожном движении. Безусловно, такие нарушения периодически попадают в поле зрения правоохранителей, которыми принимаются меры, связанные с административными санкциями за противоправное поведение. Ответственность за данные правонарушения предусмотрена ч. 1–6 ст. 12.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Нарушения, которые могут повлиять на создание заторовых ситуаций, по нашему мнению, указаны в ч. 1, 3 и 4 упомянутой статьи. При этом ответственность предусмотрена в них в виде предупреждения или административного штрафа от 500 до 2000 руб., в городах федерального значения он незначительно выше – 3000 руб. Поскольку данный вид правонарушения не оказывает непосредственного влияния на основные показатели аварийности, борьбе с ним не уделяется должного внимания.

Сотрудники Госавтоинспекции на практике в лучшем случае проводят мероприятия по недопущению парковки, задействуются в работе по эвакуации транспорта, а системы автоматической фиксации в настоящее время не получили такого развития, которое позволяло бы системно контролировать все участки автодорог, остановка и стоянка на которых влечет проблемы в движении потока транспорта. Согласно статистике Госавтоинспекции, доля рассматриваемых нарушений от общего числа выявленных незначительна. Однако стоит учитывать, что, вероятнее всего, большая часть данных действий просто не выявляется, поэтому в представленных данных число учтенных правонарушений намного меньше [2].

Если говорить о второй группе причин, которую скорее можно отнести к экономической и градостроительной, то с большей вероятностью они возникают, так же как и сами заторные ситуации, вследствие загруженности сети дорог огромным количеством транспортных средств, что особенно заметно в крупных городах, где помимо местного постоянно в значительных объемах передвигается транзитный и временно въехавший транспорт.

В городах с развитой сетью общественного транспорта многие водители предпочитают оставлять свои автомобили на окраинах и двигаться по центральной части на метро, трамваях, троллейбусах и т. д. С одной стороны, это позволяет снизить плотность потока в центре, уменьшить число водителей, слабо ориентирующихся в городской дорожной обстановке, но с другой – припаркованный транспорт (часто на полосах для движения транспорта) создает проблемы, снижая пропускную способность проезжих частей улиц городов. Также следует обратить внимание на то, что во многих городах в целях улучшения качества и объема пассажироперевозок меняется организация дорожного движения, вводятся в эксплуатацию выделенные полосы для общественного транспорта, что, несомненно, позволяет увеличить скорость последнего. В то же время ввиду просчетов в градостроительстве при планировании новых жилых территорий и невозможности перепланировки исторической части городов выделение таких полос осуществляется за счет сокращения количества и ширины полос для движения остального транспорта. Такое обстоятельство при условии роста автопарка неизбежно ведет к снижению пропускной способности улично-дорожной сети, а следовательно, к заторовым ситуациям.

Перечисленные обстоятельства вынуждают водителей нарушать правила остановки и

стоянки, поскольку очевидно, что парковочных мест и мест для обычных остановок не хватает, а в больших городах зачастую доступное, свободное и разрешенное место для стоянки автомобиля находится на значительном удалении от места назначения водителя и пассажиров, что противоречит основному назначению транспорта – быстрое и максимально близкое прибытие в намеченное место.

Нарушениям рассматриваемых правил в том числе могут способствовать и различные экстренные ситуации, которых, к сожалению, никак не избежать. Они могут быть вызваны как человеческим фактором, так и проблемами с техническим состоянием транспортных средств.

Рассмотрим самый сложный вопрос, связанный с мерами решения проблем с нарушениями правил остановки и стоянки транспорта. Стоит отметить, что более эффективным покажет себя именно комплексный подход, поскольку, как было отмечено ранее, организация дорожного движения представляет собой довольно сложный составной механизм. Одним из эффективных способов стало внедрение департаментом транспорта Москвы нового приложения для упрощения и ускорения процесса выявления и привлечения к ответственности нарушителей. Это специальное приложение на данный момент действует только в столице страны и называется «Помощник Москвы» [3]. Такая разработка представляет собой официальный сертифицированный проект, который позволяет обычным гражданам, а также сотрудникам полиции самостоятельно и быстро зафиксировать факты нарушения правил остановки и стоянки и передать их в уполномоченные структуры.

Суть данного приложения заключается в том, что граждане, наблюдающие нарушение рассматриваемых нами правил, могут сфотографировать автомобиль нарушителя на камеру мобильного телефона, причем система сама помогает правильно фиксировать автомобиль, дабы обращение человека было учтено, в том числе это избавляет от рутины с описанием нарушения. Стоит отметить, что процесс обработки таких снимков полностью автоматизирован, достаточно лишь следовать установленным требованиям и инструкциям. Еще одним интересным моментом является и то, что пользователь не вводит номер автомобиля, он фиксируется автоматически только через камеру посредством встроенного сканера. Это говорит о том, что в системе предусмотрено исключение злоупотреблений «Помощником».

По этим же причинам приложение предусматривает фиксацию определенных правонарушений, к числу которых как раз относятся те, которые связаны с остановкой и стоянкой. Также приложение не требует введения личных данных пользователей и водителей. Это означает, что водитель не сможет определить, кто именно обратился по поводу нарушения в органы, организующие безопасность дорожного движения, при этом приложение достаточно хорошо защищено от возможных преднамеренных взломов программы. Более того, в процессе идентификации и после подтверждения выявленного правонарушения пользователя не вызывают для разъяснений и прочих формальностей. Весь процесс основан на основании данных, содержащихся в приложении.

Как было отмечено, такой системой могут пользоваться не только обычные граждане, но и инспекторы. Причем для этих должностных лиц разработана специальная учетная запись с более расширенными полномочиями (например, в рамках проверки лицензии на такси обычному лицу такие расширения не получить). Вместе с тем, помимо фиксации нарушений остановки и стоянки, обычные пользователи могут воспользоваться и иной функцией. Граждане также могут составлять и направлять предложения, обращения и предложения в транспортный департамент города, что тоже очень удобно и не требует особых затрат, в том числе временных.

Особо стоит отметить плюсы работы данного приложения для лиц, выявивших и зафиксировавших нарушителей. Так, системой предусмотрена следующая программа поощрения для своих пользователей, дабы повысить их мотивацию обращаться в нужные органы. За каждое выявленное и зафиксированное нарушение ПДД, входящее в функционал приложения, за выполнение задания и открытие различных достижений начисляются баллы. Этими баллами пользователи могут воспользоваться при проезде на общественном транспорте, который будет для них бесплатным. Кроме того, они могут обеспечить себя бесплатным парковочным местом на платных стоянках, а также получить дополнительное вознаграждение или иное поощрение, которые указаны в проекте «Активный гражданин».

В это же время назревают достаточно справедливые вопросы о том, показала ли себя система эффективной на практике, и ответом будет – да. За время работы созданного приложения департамент отчитался о

180 тыс. нарушений. В будущем планируется разработка новых функций, которые позволят помогать сотрудникам Госавтоинспекции выявлять и фиксировать нарушения в рамках других пунктов ПДД.

Таким образом, представляется целесообразным перенять опыт департамента по транспорту г. Москвы и для других субъектов. Поскольку в России достаточно много городов с такой же проблемой, данный сервис продемонстрирует высокую эффективность и окажет помощь сотрудникам в снижении их нагрузки при выявлении подобных нарушений.

Если рассматривать меры, связанные с «тупиковым» положением водителей, нарушающим правила в связи с нехваткой парковочных мест, то решение должно быть направлено на то, чтобы разгрузить дорожную систему. Для того чтобы меры способствовали минимизации последствий сложившейся ситуации, необходимо разрабатывать комплексную программу для разгрузки дорог и устранению заторных ситуаций [4]. Однако необходимо понимать, что организация и реализация предпринятых мер на таком уровне требует немалого вложения материальных средств. В связи с этим такими мерами могут выступать:

– выделение средств на улучшение транспортной инфраструктуры (например, организация дополнительных парковок, в том числе на въездах в крупные города, в точках, где автовладельцы смогут пересесть на общественный транспорт);

– выделение средств на развитие общественного транспорта;

– оснащение автотранспортных дорог новейшими технологиями и навигационными системами;

– проведение образовательных и просветительных мероприятий по соблюдению ПДД;

– качественный и быстрый ремонт дорог;

– строительство многоуровневой дорожной сети в крупных городах и мегаполисах;

– введение платных дорог;

– принятие мер к распространению связанности дорог (строительство мостов, эстакад), чтобы у водителей появилась возможность добираться до нужного места по разным маршрутам, тогда поток распределится более равномерно;

– грамотный подход к вопросам застройки городов новыми жилыми комплексами;

– быстрая ликвидация последствий ДТП (это в большей степени связано с качеством работы уполномоченных сотрудников, которым необходимо оперативно реагировать на такие дорожные происшествия);

– создание мощных автоматизированных центров по мониторингу, контролю и управлению дорожным движением и т. д.

В заключение подчеркнем, что данная проблема в последнее время становится все актуальнее с каждым днем и затрагивает практически каждого гражданина, особенно жителей больших городов. Пробки в нашей стране мешают эффективному движению транспорта, способствуют утомлению водителей, повышают количество вредных выбросов в атмосферу. И для того, чтобы решить или хотя бы минимизировать представленную проблему, следует своевременно применять наиболее технологичные методы, направленные на снижение количества автотранспорта, улучшение качества инфраструктуры дорог, поощрение пользователей общественного транспорта, а также на правовое воспитание участников дорожного движения.

Нарушение правил остановки и стоянки, как одна из причин заторных ситуаций, также не должно оставаться без внимания. Решение общей проблемы нужно начинать с самих элементов организации дорожного движения, в которые входят не только автоаварии и большой поток транспорта. Работать необходимо с причинами нарушений, как с субъективными, так и объективными, тогда и вся дорожная сеть будет функционировать правильно и оперативно реагировать на различные складывающиеся в процессе ее организации ситуации, в том числе и заторные.

Список источников

1. Официальный сайт Госавтоинспекции. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 25.01.2026).

2. Шевцова А.Г., Мишуров М.С. К вопросу о правонарушениях стоянки транспортных средств в городах // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2015. № 6-1.

References

1. The official website of the State Traffic Inspectorate. URL: http://stat.gibdd.ru / (date of access: 25.01.2026).

2. Shevtsova A.G., Mishurov M.S. On the issue of parking offenses in cities // Izvestiya Tula State University. Technical sciences. 2015. № 6-1.

3. Как наказать недобросовестного водителя. URL: https://lifehacker.ru/pomoshhnik-moskvy/amp/ (дата обращения: 25.01.2026).
4. Пробки в России: причины, последствия и возможные решения. URL: |https://dzen.ru/a/ZJQIHef_mGkgNIbJ (дата обращения: 25.01.2026).
5. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Кадыров А.С., Токашева Н. С. Анализ и предложения по проблеме устранения автомобильных пробок (дорожных заторов). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-predlozheniya-po-probleme-ustraneniya-avtomobilnyh-probok-dorozhnyh-zatorov (дата обращения: 25.01.2026).
8. Владимиров С.Н. Транспортные заторы в условиях мегаполиса. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transportnye-zatory-v-usloviyah-megapolisa (дата обращения: 25.01.2026)
9. Пробки в России: причины, последствия и возможные решения. URL: https://dzen.ru/a/ZJQIHef_mGkgNIbJ (дата обращения: 25.01.2026).

3. How to punish an unscrupulous driver. URL: https://lifehacker.ru/pomoshhnik-moskvy/amp / (date of access: 25.01.2026).
4. Traffic jams in Russia: causes, consequences and possible solutions. URL: |https://dzen.ru/a/ZJQIHef_mGkgNIbJ (date of access: 25.01.2026).
5. On the Rules of the road: Decree of the Government of the Russian Federation dated 23.10.1993 № 1090. Access from the help. the legal system of ConsultantPlus.
6. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Feder. Law № 195-FL dated 30.12.2001. Access from the help. the legal system "ConsultantPlus".
7. Kadyrov A.S., Tokasheva N. S. Analysis and suggestions on the problem of eliminating traffic jams (traffic jams). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-predlozheniya-po-probleme-ustraneniya-avtomobilnyh-probok-dorozhnyh-zatorov (date of access: 25.01.2026).
8. Vladimirov S.N. Transport congestion in a megalopolis. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transportnye-zatory-v-usloviyah-megapolisa (date of access: 25.01.2026)
9. Traffic jams in Russia: causes, consequences and possible solutions. URL: https://dzen.ru/a/ZJQIHef_mGkgNIbJ (date of access: 25.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. Г. Галустян, *кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры безопасности дорожного движения Краснодарского университета МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

А. Н. Осяк, *начальник кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. G. Galustyan, *PhD in Law, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Road Safety, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

A. N. Osyak, *Head of the Department of Administrative Law at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 11.02.2026; одобрена после рецензирования 21.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 11.02.2026; approved after reviewing 21.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 56–63.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 56–63.

Научная статья
УДК 342.9

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ксения Александровна Корчагина[1], Кристинэ Васаковна Трифонова[2], Виталий Валерьевич Коренюгин[3]
[1] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, twins.86.2@mail.ru
[2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, kri-kazaryan@yandex.ru
[3] Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, witalik31337@icloud.com

Введение: *в исследовании проведен комплексный анализ правовых основ патриотического воспитания в системе государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации (ОВД), а также перспективы совершенствования законодательства в данной сфере в условиях новых геополитических вызовов и угроз национальной безопасности.*

Материалы и методы: *материалами исследования послужило законодательство Российской Федерации, регламентирующее вопросы патриотического воспитания, а также научная литература. Авторами использовались общенаучные методы познания правовых явлений (анализ, синтез, дедукция, индукция) и специальные (сравнительно-правовой метод, формально-юридический).*

Результаты исследования: *посредством анализа законодательства, регламентирующего вопросы патриотического воспитания граждан, в том числе сотрудников ОВД, выявлены правовые неопределенности, пробелы в праве.*

Выводы и заключения: *к числу существенных пробелов в правовом регулировании патриотического воспитания относится отсутствие законодательного закрепления ключевых понятий: «патриотизм», «патриотическое воспитание», «государственно-патриотическое воспитание». Вместе с тем в законодательстве о службе в ОВД не определены содержание патриотического воспитания как компонента политико-воспитательной работы, а также его цели, задачи, принципы, формы, методы и средства, в связи с чем авторами предлагается восполнить пробелы в законодательстве путем введения соответствующих норм.*

Ключевые слова: *прохождение службы в ОВД, законодательство о службе в ОВД, патриотическое воспитание, морально-психологическое обеспечение в ОВД, кадровый потенциал, кадровая политика, национальная безопасность*

Для цитирования: Корчагина К. А., Трифонова К. В., Коренюгин В. В. *О некоторых проблемах правового регулирования патриотического воспитания в системе государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации в условиях угроз национальной безопасности / Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 56–63.*

© Корчагина К.А., Трифонова К.В., Коренюгин В.В., 2026

Original paper

ON SOME PROBLEMS OF THE LEGAL REGULATION OF PATRIOTIC EDUCATION IN THE SYSTEM OF PUBLIC SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THREATS TO NATIONAL SECURITY

Ksenia Alexandrovna Korchagina[1], Kristine Vasakovna Trifonova[2], Vitaly Valerievich Korenyugin[3]
[1] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation
[3] Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the study carried out a comprehensive analysis of the legal foundations of patriotic education in the public service system in the internal affairs bodies of the Russian Federation (OVD), as well as prospects for improving legislation in this area in the context of new geopolitical challenges and threats to national security.*

Materials and methods: *the research materials were the legislation of the Russian Federation regulating patriotic issues, as well as scientific literature. The authors used general scientific methods of cognition of legal phenomena (analysis, synthesis, deduction, induction) and special ones (comparative legal method, formal legal method).*

Results of the study: *through the analysis of legislation regulating the issues of patriotic education of citizens, including police officers, legal uncertainties and gaps in the law were identified.*

Findings and conclusions: *significant gaps in the legal regulation of patriotic education include the lack of legislative recognition of key concepts: "patriotism", "patriotic education", "state-patriotic education". At the same time, the legislation on service in the internal affairs department does not define the content of patriotic education as a component of political educational work, as well as its goals, objectives, principles, forms, methods and means, and therefore the authors propose to fill the gaps in the legislation by introducing appropriate norms.*

Keywords: *service in the internal affairs department, legislation on service in the internal affairs department, patriotic education, moral and psychological support in the internal affairs department, personnel potential, personnel policy, national security*

For citation: Korchagina K. A., Trifonova K. V., Korenyugin V. V. *On some problems of the legal regulation of patriotic education in the system of public service in the internal affairs bodies of the Russian Federation in the context of threats to national security // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 56–63.*

С учетом новых геополитических реалий вопросы формирования патриотического сознания приобретают все большую значимость. Некоторые члены мирового сообщества игнорируют общепризнанные нормы международного права, системно пренебрегают международными правовыми институтами, договорами и соглашениями в области контроля над вооружением, что дестабилизирует военно-политическую обстановку, в том числе вблизи государственной границы России. В Стратегии национальной безопасности РФ[1] констатируется прямая корреляция между нарастанием геополитической нестабильности, эскалацией межгосударственных противоречий с риском применения военного потенциала.

Тематика патриотизма неоднократно находит отражение в обращениях Президента РФ к Федеральному Собранию РФ. В 2023 г. он отмечал, что патриотизм – чувство, которое присуще нашему народу исторически и потрясает своим достоинством, глубоким осознанием каждым человеком неразрывность своей судьбы с судьбой Отечества[2]. Послание 2024 г. продолжило эту тенденцию, где глава государства говорил о неразрывной связи суверенитета и безопасности страны со сплоченностью, преданностью граждан Родине, ответственностью за ее

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федераци: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 21 февраля 2023 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

судьбу[3], подчеркивая взаимосвязь категорий «патриотизм» и «суверенитет». Данная связь имеет двусторонний характер: патриотизм, понимаемый как чувство любви и преданности Отечеству, содержит установку на защиту государственного суверенитета как основы независимого существования. В свою очередь, сам суверенитет выступает ключевым политико-правовым условием, обеспечивающим возможность реализации патриотических ценностей, поскольку он гарантирует народу право на самоопределение и защиту национальных интересов. Исходя из этого, патриотизм предстает не просто как моральная добродетель, а как фундаментальный идеологический ресурс системы обеспечения национальной безопасности. В ходе ежегодного расширенного заседания коллегии МВД России в 2025 г. президент В.В. Путин акцентировал внимание на том, что деятельность государства в целом, а также функционирование правоохранительной системы осуществляются в контексте навязанного вооруженного конфликта и проведения специальной военной операции. Глава государства указал на необходимость полной адаптации деятельности МВД к существующим вызовам и угрозам.

Необходимость противодействия внешней агрессии и обеспечение готовности к реализации соответствующих мер формирует одну из ключевых задач для государственных органов, включая органы внутренних дел (далее – ОВД). В связи с этим совершенствование законодательства в области патриотического воспитания, в особенности в системе правоохранительных органов, становится первоочередной задачей государственной политики.

Так, в 2020 г. Конституция РФ дополнена ст. 67.1, обеспечивающей условия для гармоничного развития детей, привития патриотизма, гражданственности и уважения к старшему поколению, а также обеспечивающей защиту исторической правды. В соответствии с положениями Федерального закона «О молодежной политике Российской Федерации»[4] молодежная политика – комплекс мер, направленный, помимо прочего, на формирование у молодых людей гражданско-патриотической позиции и духовно-нравственных ориентиров. Вместе с тем ст. 6 указанного федерального закона в качестве одного из основных направлений молодежной политики определено патриотическое воспитание. Стратегией национальной безопасности РФ в качестве ключевых приоритетов государственного развития установлена защита традиционных духовно-нравственных ценностей, культурного наследия и исторической памяти.

Логическим развитием данного стратегического курса стало подписание в конце 2022 г. Указа Президента РФ, утверждающего Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – Основы государственной политики)[5]. К таким ценностям относятся, например, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и др. В Основах государственной политики подчеркивается, что различного рода воздействие на граждан, включая психологическое, идеологическое, ведет к внедрению в сознание россиян разрушительной системы идей и ценностей, в том числе отрицание патриотизма, служения Отечеству и др. (далее – деструктивная идеология). Западные средства массовой информации создали большую систему дезинформации. Отдельную угрозу представляют действия экстремистских организаций, использующих Интернет для разжигания вражды на расовой, религиозной и социальной почве [1, с. 106–111]. Серьезность данной проблемы подтверждается созданием в апреле 2022 г. межведомственного комитета Совета безопасности по обеспечению технического суверенитета страны (Указ Президента РФ № 203[6]), в состав которого входит и глава МВД России В.А. Колокольцев.

В 2024 г. с целью недопущения уничтожения исторической памяти были утверждены Основы государственной политики в области исторического просвещения[7]. Данный

[3] «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию». 29 февраля 2024 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»..

[4] О молодежной политике в Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Указ Президента РФ от 14.04.2022 № 203. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

документ констатирует широкий спектр актуальных рисков и угроз, среди которых одно из центральных мест занимает использование коллективным Западом фальсификации истории в качестве оружия в информационной войне, целью которой является подрыв общественно-политической стабильности страны. В связи с этим возникает необходимость осуществления скоординированных, комплексных усилий по организации и обеспечению системной и работы в области исторического просвещения сотрудников ОВД. Как говорил М.В. Ломоносов, «народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего».

Принятие в октябре 2025 г. Комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 г.[8] ознаменовало новый этап в государственной политике, демонстрирующий целенаправленное и системное развитие нормативно-организационного инструментария в данной сфере. Таким образом, в сфере патриотического воспитания в последнее время государством осуществлен значительный объем работы по совершенствованию действующих механизмов.

Патриотизм формирует ценностно-мотивационную основу профессиональной деятельности сотрудников ОВД. От степени развития патриотических качеств зависят как индивидуальные показатели эффективности, так и в конечном итоге уровень общественной стабильности и правовой защищенности граждан. К числу патриотических качеств относятся: уважение к историческому наследию, гордость за государственные достижения, гражданская ответственность, верность Отечеству и осознание долга перед ним, готовность к защите национальных интересов.

Пылёв С.С. указывает на центральное место патриотизма в системе духовно-нравственных качеств сотрудника ОВД и рассматривает искреннюю преданность граждан Отечеству, его истории и достижениям как основу для создания эффективной правоохранительной системы, обеспечивающей общественный порядок [2, с. 144–150].

Специфика службы в ОВД изначально содержит мощный ресурс для формирования и развития патриотической культуры: сама природа правоохранительной деятельности, символика и атрибутика, форменное обмундирование, предусмотренные специальные звания, система профессиональных ценностей – уважение к закону и присяге, сохранение чести и достоинства, понимание профессионального долга перед Отечеством и т. д. То есть служба в ОВД обладает большим воспитательным потенциалом, органично интегрируя задачи патриотического воспитания в повседневную служебную деятельность.

Следовательно, государственно-патриотическое воспитание в ОВД призвано решить три ключевые задачи:

1. Воспитание патриота-защитника: формирование у личного состава глубокой любви к Отечеству, безусловной преданности государственным интересам в служебной деятельности, осознанной готовности к защите Родины, а также обеспечение сохранения ее историко-культурного наследия и поддержание высокого общественного статуса ведомства.

2. Формирование мировоззрения, основанного на высоком уровне культуры и правосознания, способного противостоять деструктивной идеологии, подрывающей духовные и культурные ценности общества.

3. Повышение общей эффективности ОВД за счет целенаправленного развития профессионального и личностного потенциала сотрудников.

Государственно-патриотическое воспитание в ОВД выступает ключевым фактором развития кадрового потенциала, формирования у сотрудников ОВД патриотической культуры и профессиональных компетенций, необходимых для выполнения служебных обязанностей.

Патриотическая культура сотрудника ОВД подразумевает не только наличие знаний, умений, опыта, но и обладание четкой системой патриотических ценностей. Справедливо отмечает Н.В. Ходякова [3], что ценности, включая нравственно-патриотические, определяют замысел планируемых человеком действий, выбор средств их реализации, оценку результатов и последствий. Исходя из этого, патриотические ценности – важный элемент формирования личности и общества, способствуя укреплению единства, стабильности и развитию страны. Важно, чтобы сотрудник был способен и готов профессионально доносить эти ценности до общества, развивать и защищать их как во время службы, так и во внеслужебное время.

Качественное выполнение ОВД оперативно-служебной деятельности во многом

[8] Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в РФ до 2028 г.: распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 г. № 2970-з. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

обусловлена моральным состоянием сотрудников, их мотивированностью и умением справляться с поставленными задачами. В связи с этим появился такой вид деятельности по реализации государственной кадровой политики в ОВД, как морально-психологическое обеспечение. В августе 2024 г. подписан новый приказ МВД России, утверждающий Положение о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности ОВД[9] (далее – Приказ МВД России № 500). Отметим, что одним из видов морально-психологического обеспечения является политико-воспитательная работа, при осуществлении которой решаются такие задачи, помимо прочего, как поддержка институтов гражданского общества и общественных проектов в области патриотического воспитания и сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, участие в них сотрудников.

Политико-воспитательная работа в МВД России включает в качестве одного из направлений патриотическое воспитание, имеющее две основные задачи: формирование личности сотрудника как гражданина, патриота и профессионала; закрепление в его сознании соответствующих знаний, ценностных ориентиров, убеждений, чувств.

Несмотря на системный подход в обеспечении морально-психологического обеспечения в ОВД, закрепленный приказом МВД России № 500, в нем не раскрываются содержание патриотического воспитания, его система, цели, задачи, принципы, формы, порядок осуществления, методы, средства и др. Сущность патриотического воспитания в данном приказе можно рассмотреть лишь через призму политико-воспитательной работы. Так, важную роль в осуществлении патриотического воспитания играют общие принципы, на которых строится политико-воспитательная работа, например, принципы целенаправленности, системности и непрерывности воспитания; сочетание индивидуального и коллективного подходов, а также высокой требовательности к подчиненным с соблюдением их прав и достоинства личности; воспитание через личный пример руководителя и др.

Также Приказ МВД России № 500 закрепляет цели морально-психологического обеспечения, которые отражают и цели политико-воспитательной работы в ОВД (а также патриотического воспитания как ее составляющей), что особо актуально в связи со сложившимися геополитическими реалиями в условия проведения специальной военной операции (например, воспитание у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, воспитание их в духе преданности Отечеству, личной ответственности за его судьбу, обеспечение понимания и поддержки политики, проводимой государством). Пунктом 123 обозначены мероприятия политико-воспитательной работы, которые могут организовываться при осуществлении патриотического воспитания. В соответствии с п. 41 в целях формирования у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения проводится информационно-пропагандистская работа, одной из задач которой является защита исторической правды в отношении фактов и событий истории Отечества и истории российской полиции.

Формирование гражданской идентичности и патриотических ценностей преимущественно осуществляется через осмысление исторического опыта. История России – это сокровищница памятных дат. Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России»[10] устанавливает дни русского оружия – дни воинской славы для увековечения знаменательных побед российских войск, имеющих судьбоносное значение для истории страны. В контексте наблюдаемых попыток искажения Западом исторических фактов представляется не только продолжать ежегодное проведение комплекса мероприятий, посвященных Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., но и в рамках политико-воспитательной работы включать изучение оперативной и боевой деятельности подразделений НКВД СССР в годы войны как неотъемлемой части общей истории ведомства, с целью развития у сотрудников ОВД чувства профессиональной гордости и преемственности служебных традиций. Акцент на выдающихся событиях Великой Отечественной войны, воссоздание исторической реальности через освещение героизма советского воина и советского народа призваны способствовать историческому просвещению, формированию правового сознания и укреплению морально-нравственных ценностей, которыми руководствовались лучшие представители нашего народа в борьбе за освобождение Родины.

[9] Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27.08.2024 № 500. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] О днях воинской славы и памятных датах России: Федер. закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Реализация патриотического воспитания в ОВД может осуществляться через средства морально-психологического обеспечения, перечень которых регламентирован п. 12 Приказа МВД России № 500, а также с использованием методов политико-воспитательной работы. Патриотическое воспитание организуется в формах, предусмотренных для осуществления политико-воспитательной работы (например, лекция, беседа, общее собрание, инструктивное занятие, диспут, дискуссия, экскурсия, научно-практическая конференция, афиширование знаменательных событий и героических поступков сотрудников и др.).

Следует отметить, что в системе морально-психологического обеспечения деятельности ОВД не только политико-воспитательная работа, включающая патриотическое воспитание, способствует формированию патриотического правосознания, но и иные направления. Например, одними из задач морально-политического направления морально-психологической подготовки являются: формирование у сотрудников государственно-патриотических мировоззренческих ориентиров; приобщение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям; выработка устойчивости к влиянию деструктивной идеологии; формирование знаний истории российской полиции, ее героев и традиций, понимания ее роли в жизни государства и общества; выработка на этой основе профессионально значимых нравственных качеств (верности служебному долгу, присяге, гордости за принадлежность к ОВД и др.).

Также в качестве примера можно привести и такое направление морально-психологического обеспечения деятельности ОВД, как культурно-просветительская работа, в задачи которой входит формирование в сознании сотрудников общероссийской гражданской идентичности на основе их приобщения к российским традиционным историческим, культурным и духовно-нравственным ценностям; увековечивание памяти о сотрудниках, совершивших подвиги и героические поступки, погибших при исполнении служебного долга, и др. Все это в целом способствует развитию патриотизма у сотрудников ОВД.

Таким образом, эффективность патриотического воспитания будет высока лишь тогда, когда одновременно будет полноценно осуществляться работа и по другим направлениям морально-психологического обеспечения, что позволит обеспечивать готовность сотрудников к выполнению служебных обязанностей, включая задачи по защите государственного суверенитета, что соответствует нормативным требованиям Приказа МВД России № 500 [4, с. 235–240].

Специфика служебной деятельности в ОВД детерминирует потребность в правовой конкретизации механизмов патриотического воспитания. Данная задача может быть решена двумя путями: либо через создание отдельного ведомственного нормативного правового акта, либо посредством совершенствования существующих норм, в частности Приказа МВД России № 500, в котором, повторимся, не раскрывается содержание данного направления, его система, цели, задачи, принципы, формы, методы, средства и др. Принятие указанного документа либо устранение соответствующих пробелов способствовало бы формированию комплексной основы для государственно-патриотического воспитания в ОВД, охватывающей правовые, организационные, информационные, научно-методические аспекты, что повысило бы эффективность кадрового обеспечения в условиях новых угроз для нашего государства.

В качестве положительного примера можно отметить деятельность Генеральной прокуратуры РФ в данной сфере: в 2020 г. был подписан приказ генерального прокурора, утверждающий Концепцию совершенствования системы патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации[11], невзирая на наличие действующей Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации[12].

Несмотря на созданную базу для дальнейшей работы в данном направлении не была решена ключевая проблема – терминологическое определение понятий, таких как «патриотизм», «патриотическое воспитание» «государственно-патриотическое воспитание» и др. В силу этого вопрос о разработке федерального закона «О патриотическом воспитании» в течение продолжительного периода находился на повестке дня как в органах государственной власти, так и в научной среде (его проект внесен в Государ-

[11] Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14.09.2022 № 510. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

[12] Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17.03.2010 № 114. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

ственную Думу РФ в январе 2011 г. и в марте 2023 г. отклонен постановлением № 3430-8 ГД[13]). Как справедливо отмечают в научной литературе, его принятие исправит существующие проблемы по терминологическому определению основных понятий в сфере патриотического воспитания, что могло бы способствовать установлению единого подхода к управлению процессом формирования патриотического правосознания граждан [5], «преодолеть разночтения в понимании основных аспектов данного инструмента государственной политики» [6, с. 94–100].

Следовательно, стратегия развития правового регулирования патриотического воспитания в контексте рассмотренных угроз национальной безопасности предполагает реализацию двух взаимосвязанных направлений:

– возвращение к вопросу разработки и принятия федерального закона, который должен выполнять функцию «концептуального каркаса», закрепляя универсальные дефиниции и определяя содержательные параметры единой государственной политики в сфере патриотического воспитания;

– разработка и принятие комплексного нормативного правового акта (или внесение существенных дополнений в Приказ МВД России № 500), детально регламентирующего все аспекты государственно-патриотического воспитания применительно к служебной деятельности в ОВД.

Список источников

1. Грищенко Л.Л. Особенности деятельности органов внутренних дел в условиях проведения специальной военной операции // Академическая мысль. 2022. № 2(19).

2. Пылёв С.С. Нравственно-правовое сознание сотрудников ОВД как элемент социального института органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 12.

3. Ходякова Н.В. Патриотизм как традиционная российская духовно-нравственная ценность и его воспитание // Академическая мысль. 2023. № 1.

4. Корчагина К.А. Совершенствование кадрового потенциала в органах внутренних дел Российской Федерации // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: материалы ежегодной межвузовской научно-практ. конф. СПб., 2025.

5. Исаков В.П., Павлинов А.В. О разработке федерального закона о патриотическом воспитании: концепция, содержание и перспективы // Современная наука. 2024. № 4.

6. Коваленко Д.С., Бродовская Е.В. Институционализация патриотического воспитания в РФ: национальные задачи и региональные тенденции // Власть. 2025. № 6. Т. 33.

References

1. Grishchenko L.L. Features of the activities of internal affairs bodies in the context of a special military operation // Academic thought. 2022. № 2(19).

2. Pylev S.S. Moral and legal consciousness of police officers as an element of the social institution of internal affairs bodies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 12.

3. Khodyakova N.V. Patriotism as a traditional Russian spiritual and moral value and its education // Academic thought. 2023. № 1.

4. Korchagina K.A. Improving personnel potential in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Administrative and legal regulation of the protection of public order and ensuring public safety: problems and ways to solve them: materials of the annual interuniversity scientific and practical conference. conf. St. Petersburg, 2025.

5. Isakov V.P., Pavlinov A.V. On the development of the federal law on patriotic education: concept, content and prospects // Modern science. 2024. № 4.

6. Kovalenko D.S., Brodovskaya E.V. Institutionalization of patriotic education in the Russian Federation: national objectives and regional trends // Power. 2025. № 6. T. 33.

[13] О проекте федерального закона №315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.03.2023 № 3430-8 ГД. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

К. А. Корчагина, *кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

К. В. Трифонова, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.*

В. В. Коренюгин, *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

K. A. Korchagina, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

K. V. Trifonova, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344022 Russian Federation.*

V. V. Korenyugin, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 20, Budennovskiy Avenue, Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 64–69.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 64–69.

Научная статья
УДК 342

АДМИНИСТРАТИВНАЯ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Юрий Николаевич Насонов
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, polkovniknasonov@mail.ru

Введение: *в статье рассматривается состояние миграционных процессов в России, анализируются вопросы правового регулирования правоотношений мигрантов и государства, вопросы применения административной и уголовной ответственности в сфере миграции.*

Материалы и методы: *для подготовки статьи автором использовались нормативные правовые акты Российской Федерации, данные официальной статистики МВД России за 2025 г. Применялись методы систематизации материала и сопоставления правовых положений и статистического метода обработки данных.*

Результаты исследования: *проведен анализ современного состояния миграционных процессов в России, рассмотрены основные направления правового регулирования взаимоотношений мигрантов и государства, изучены механизмы реализации административной и уголовной ответственности в сфере экономики и трудовой миграции.*

Выводы и заключения: *выявлены значительные недостатки действующей системы регулирования миграционных процессов, включая недостаточность контроля за выполнением обязательств работодателями и самими мигрантами. Определены ключевые направления совершенствования законодательства, среди которых особое значение имеет цифровизация миграционного учета и внедрение новых инструментов контроля за пребыванием мигрантов на территории России. Четко определен политический вектор – трудовая миграция должна иметь временный характер. Ответственность за законность въезда, пребывания, предоставления трудовой занятости, адаптации возлагается на работодателя.*

Ключевые слова: *иностранные граждане, трудовые мигранты, общественная безопасность, правонарушения, миграционное законодательство, административная ответственность в сфере миграции*

Для цитирования: Насонов Ю. Н. *Административная и уголовная ответственность за правонарушения в сфере миграции: проблемы регулирования // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 64–69.*

Original paper

ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LIABILITY FOR MIGRATION VIOLATIONS: REGULATORY ISSUES

Yuri Nikolaevich Nasonov
Rostov branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article examines the state of migration processes in Russia, analyzes issues of legal regulation of legal relations between migrants and the state, issues of application of administrative and criminal liability in the field of migration.*

Materials and methods: *to prepare the article, the author used regulatory legal acts of the Russian Federation, data from official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2025. Methods were used to systematize the material and compare legal provisions and the statistical method of data processing.*

© Насонов Ю.Н., 2026

Results of the study: *an analysis of the current state of migration processes in Russia was carried out, the main directions of legal regulation of the relationship between migrants and the state were considered, the mechanisms for implementing administrative and criminal liability in the field of economics and labor migration were studied.*

Findings and conclusions: *significant shortcomings of the current system of regulation of migration processes have been identified, including insufficient control over the fulfillment of obligations by employers and migrants themselves. Key areas for improving legislation have been identified, among which the digitalization of migration registration and the introduction of new tools for monitoring the stay of migrants in Russia are of particular importance. The political vector is clearly defined - labor migration should be temporary. Responsibility for the legality of entry, stay, provision of employment, adaptation rests with the employer.*

Keywords: *foreign citizens, labor migrants, public safety, offenses, migration legislation, administrative responsibility in the field of migration*

For citation: Nasonov Yu. N. *Administrative and criminal liability for migration violations: regulatory issues // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 64–69.*

Закономерным последствием развития экономики, ее интеграционных процессов страны является увеличивающийся приток мигрантов.

Законодательная деятельность государства проявляется в связи с регламентацией правового режима пребывания в стране и трудовой занятости мигрантов, вместе с тем в значительной степени – в обеспечении национальной безопасности, общественного порядка, социально-культурных ценностей и граждан страны. Следует согласиться с доводами А.И. Казамирова, Ю.Х. Яхиной, В.К. Самигуллина: «незаконная миграция является не только противоправным деянием, за которое предусмотрены карательные меры, но и реальной угрозой национальной безопасности» [1, с. 63].

Следовательно, образование действенного правового механизма, препятствующего противоправным действиям в экономике и в сфере миграции, является задачей внутренней государственной политики. Одна из них – способствование развитию экономического сектора России, обеспечение условий к интеграции в мировую экономику, создание правовых механизмов, стимулирующих законопослушное поведение различных хозяйствующих субъектов и иных субъектов, включая мигрантов в их трудовой деятельности.

Российское законодательство по регулированию миграционных процессов формируется достаточно недавно. Сформулированы основополагающие дефиниции миграционных правоотношений, определены сферы контроля за иностранными гражданами, лицами без гражданства, которые прибывают в Россию, в том числе с целью организации предпринимательской деятельности либо осуществления трудоустройства в российском секторе экономики. Правовые основы, регламентирующие порядок въезда в страну, режим пребывания иностранных граждан и иные вопросы, связанные с миграционными процессами, указаны в Федеральном законе от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и порядке въезда в Российскую Федерацию, Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. 31.07.2025) (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ), Федеральном законе от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. 14.07.2022). Законодательно определены предупредительно-профилактические меры, а также меры административного принуждения к мигрантам и субъектам принимающей стороны, в том числе работодателям, совершающим административные правонарушения (гл. 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Субъектами правоотношений в сфере миграционных процессов следует определить иностранных граждан, лиц без гражданства, органы государственной исполнительной власти РФ и субъектов РФ в пределах полномочий, установленных действующим законодательством. Определяя круг субъектов этих правоотношений, следует признать, что к таковым следует отнести и граждан России, а также юридических лиц, выполняющих функцию принимающей стороны, выступающих в качестве работодателя.

КоАП РФ является источником материального права, где предусмотрена административная ответственность физических и юридических лиц. В Кодексе реализованы положения ст. 118 Конституции РФ, определен регламент рассмотрения дел об административных правонарушениях. Следовательно,

КоАП РФ включает административно-процессуальные нормы и является одновременно источником процессуального права, регулирующего порядок административного производства, в том числе судопроизводства.

Нормы материально-правового характера Особенной части и процессуальные нормы КоАП РФ объединены в одном федеральном законе, системно взаимосвязаны в производстве по делам об административных правонарушениях.

Фиксация административного правонарушения, совершенного физическим или юридическим лицом, осуществляется при составлении протокола об административном правонарушении должностным лицом или органом исполнительной власти в пределах установленных законом полномочий, где одновременно указаны нормы КоАП РФ, предусматривающие административное наказание за указанное в протоколе действие (бездействие). Таким образом, протокол об административном правонарушении является актом обвинения от имени государства. Анализируя в таком аспекте, отметим, что производство по делам при совершении административного правонарушения сопоставимо с производством уголовно-процессуального характера, где от имени государства предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ). Различия определяются тем, что действия, образующие состав преступления, предусмотренного УК РФ, являются общественно опасными, отличаются от действий, предусмотренных КоАП РФ, отнесенными законодателем к менее опасным правонарушениям.

Правоотношения в сфере миграции регламентируются как федеральным российским законодательством, так и нормами международного права. Примером может стать Договор о Евразийском экономическом союзе, утвержденный странами-участницами 29 мая 2014 г., согласно которому лицам, прибывающим в страну, предоставлялась возможность в упрощенном режиме легализовать документы об образовании, осуществлять трудовую деятельность на основании гражданско-правового договора.

Миграционные процессы достаточно нестабильны, на них влияет множество факторов. Одним из приоритетных для иностранцев являлись достаточно либеральные правовые условия для трудовой миграции, особенно для мигрантов из постсоветского пространства – стран Средней Азии. Вместе с тем рост числа мигрантов в стране повлек некоторое напряжение в обществе в связи с их деструктивным антисоциальным поведением, совершением правонарушений и преступлений, а также формированием групп из иностранцев, навязывающих свою культуру, игнорируя исторические и культурные ценности многонационального российского общества.

Рассматривая вопрос трудовой миграции, следует согласиться с О.Н. Василенко: «Одной из значимых целей является обеспечение законного пребывания в стране мигрантов и выполнение ими законодательно установленных обязанностей и ограничений. Слабый контроль мигрантов приводит к нарушению ими общественного порядка, совершению ими правонарушений и преступлений и провоцирует социально-культурную напряженность в обществе».

Меры усиления государственного контроля за трудовыми мигрантами и их деятельностью в России законодательно реализованы в нескольких правовых актах. На основании Федерального закона от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 260-ФЗ) внесены изменения, в том числе в КоАП РФ.

В Российской Федерации с 5 февраля 2025 г. вводится реестр контролируемых лиц, в нем надлежит указывать персональные данные и иные сведения об иностранцах, пребывающих в России незаконно. На основании ст. 9.1, 31.1 Федерального закона № 115-ФЗ иностранцу запрещено вступать на территории России в брак, регистрировать право собственности на объекты недвижимости, получать в собственность и регистрировать транспортные средства, открывать счета в банках и совершать банковские операции, исключением являются платежи по налогам и штрафам. Не ограничены транзакции в сумме 30 тыс. рублей в месяц по переводам. Установлена также административная ответственность работодателей (п. 1 ст. 18.15 КоАП РФ) за прием на работу мигрантов, включенных в реестр контролируемых лиц. Обязанность проверять, состоит ли мигрант в указанном реестре, также возложена на работодателя.

Иностранцу, включенному в реестр контролируемых лиц, запрещено предоставлять жилье, транспортные средства, оказывать иные услуги, за такие действия установлена административная ответственность и назначение штрафа как для физических, так и для должностных и юридических лиц (п. 3 ст. 18.9).

На основании Постановления Правительства РФ от 27.12.2024 № 1927 «Об утверждении Правил ведения реестра работодателей, у которых выявлены факты нелегальной занятости» работодатели (в том числе юридические лица) подлежат включению в специальный реестр в случаях нелегального трудоустройства мигрантов.

В целях пресечения незаконного пребывания мигрантов в России Федеральным законом № 260-ФЗ введен новый порядок административного выдворения мигрантов. Правовым основанием к выдворению определено постановление уполномоченных органов МВД России, исключена необходимость рассмотрения протокола об административном правонарушении в суде. Такие меры административного принуждения в отношении иностранных граждан, незаконно находящихся на территории нашей страны, по данным, предоставленным МВД России, способствовали обнаружению 128 тыс. случаев нарушения миграционного законодательства. На основании постановлений органов МВД России в 2025 г. из страны выдворено более 19 тыс. мигрантов.

Превентивная политика России по усилению контроля за незаконной миграцией, незаконного транзитного перемещения иностранцев и лиц без гражданства, пресечения действий граждан и должностных лиц по организации незаконного въезда в Российскую Федерацию, незаконной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации реализована в установлении уголовной ответственности и усилении ранее установленных уголовно наказуемых деяний Федеральным законом от 09.11.2024 № 383-ФЗ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ст. 322.1, 322.3 УК РФ в редакции Федерального закона № 383-ФЗ). Согласно статистическим данным МВД России, в 2025 г. возбуждено более 4 тыс. уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в организации незаконной миграции.

Обеспечение законного режима пребывания мигрантов в России, интеграция их в российское общество, снижение уровня нелегальной миграции – первостепенная цель в новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ 15 октября 2025 г. [2].

Цифровизация миграционного учета иностранцев и лиц без гражданства, прибывающих в Россию, обеспечит эффективный контроль за их пребыванием, передвижением и законностью предпринимательской и иной трудовой деятельности.

Указом Президента России от 09.07.2025 № 467 «О государственном информационном ресурсе “цифровой профиль иностранного гражданина”» до 30 июня 2026 г. учрежден государственный информационный ресурс – «Цифровой профиль иностранного гражданина». К обязанностям органов МВД России отнесено выполнение функций оператора указанного цифрового ресурса.

Пилотный проект по формированию цифровых профилей начат с 30 июня 2025 г. На иностранных граждан, въезжающих без виз в Российскую Федерацию, возлагается обязанность зарегистрироваться в мобильном Приложении ruID не менее чем за 72 часа до пересечения границы, сделать фото и записать образец своего голоса, удостоверить эти данные в МФЦ в Российской Федерации. Приложение позволяет проверить наличие ограничений на въезд в РФ, зафиксировать и передать биометрические данные. В указанном мобильном приложении въехавшие на территорию Российской Федерации иностранные граждане обязаны в течение трех рабочих дней информировать подразделения МВД России обо всех изменениях места своего фактического нахождения. С 1 сентября 2026 г. эти требования обязательны для всех иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию без виз.

Указанные цифровые профили не применяются к дипломатам, сотрудникам диппредставительств и членам их семей, сотрудникам международных организаций, аккредитованным в России, членам их семей, детям, младше шести лет, гражданам Белоруссии.

В целях усиления контроля за иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России, а также регламентации их трудовой занятости, получаемых доходов, регулирования статуса детей мигрантов, введения доходного критерия при выдаче и продлении патентов Правительство России в феврале 2026 г. внесло в Госдуму РФ законопроект о внесении поправок в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в соответствии с которым предусмотрен обязательный выезд из России детей трудовых мигрантов по достижении ими 18 лет в случае отсутствия их собственного законного статуса. Законопроект предусматривает обязанность этих лиц по достижении

совершеннолетия в течение месяца покинуть Россию или в порядке, установленном действующим законодательством, получить разрешение на работу и оформить самостоятельные законные основания для пребывания на территории страны.

Патент иностранного гражданина – документ, предоставляющий право на трудовую деятельность на территории России. Патент обязаны получать граждане государств с безвизовым режимом въезда в Россию. Исключение предусмотрено согласно указанному выше Договору о Евразийском экономическом союзе для граждан Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии.

Предлагаемые поправки вводят доходный критерий, предусматривающий основание отказа в продлении или выдаче патента, когда сумма дохода иностранного гражданина менее прожиточного минимума, из расчета на каждого члена семьи, находящегося с ним на территории Российской Федерации на его иждивении, в среднем за каждый месяц периода. Исключением служит получение патента впервые либо при осуществлении трудовой деятельности иностранцем у физических лиц для личных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Указанные меры регулирования миграционных процессов направлены на рассмотрение миграции исключительно как экономического инструмента для восполнения дефицита кадров. Четко определяется политический вектор – трудовая миграция должна иметь временный характер, члены семей мигрантов, неработающие и необучающиеся, не смогут находиться в стране. Такие ограничения способствуют предотвращению этнических анклавов из числа мигрантов.

Основными отраслями, испытывающими дефицит трудовых ресурсов, являются промышленное строительство, складская деятельность, агропромышленный комплекс, розничная торговля. Минтруд России прогнозирует дефицит кадров к 2030 г. на уровне 3,1 млн человек.

По данным министерства, в 2024 г. промышленные предприятия России привлекли 47 тыс. высококвалифицированных мигрантов из визовых стран. Министерством экономического развития РФ предложено привлекать трудовых мигрантов из большего числа стран, имеющих значительный потенциал и опыт предложения квалифицированных кадров на зарубежный рынок труда.

Примером международной трудовой интеграции можно рассмотреть межправительственное российско-индийское соглашение о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другой страны, заключенное в декабре 2025 г. Основополагающим правовым аспектом является привлечение индийских мигрантов по временным трудовым визам, когда ответственность за законность въезда, пребывания, предоставления трудовой занятости, адаптации возлагается на работодателя.

Визовый режим трудовой миграции в сравнении с безвизовым въездом иностранцев и приобретением ими патента, без сомнения, значительно снижает риски незаконного въезда и пребывания иностранных граждан на территории страны, риски их незаконной деятельности, а также совершения иных правонарушений, снижает нагрузку на уполномоченные контролирующие органы МВД России. Основными регионами привлечения визовых трудовых мигрантов из Индии определены Москва, Санкт-Петербург, Ростовская, Саратовская и Ульяновская области.

Российская государственная политика по регулированию миграции в 2025 г. становится более жесткой. В дальнейшем возможно прогнозировать еще большее усиление контроля, обеспечиваемого подразделениями МВД России, введение с 2026 г. системы организованного набора трудовых мигрантов работодателями, переход контроля в цифровой формат. Вместе с тем возрастает ответственность за законность трудоустройства и контроль работодателей.

Список источников

1. Яхина Ю.Х., Казамиров А.И., Самигуллин В.К. [и др.]. Миграционные процессы в современной России: проблемы и тенденции правового регулирования: учебное пособие. Уфа, 2020.

2. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг.: указ Президента РФ от

References

1. Yakhina Yu.Kh., Kazamirov A.I., Samigullin V.K. [and others]. Migration processes in modern Russia: problems and trends in legal regulation: textbook. Ufa, 2020.

2. On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 15.10.2025 № 738. Access from legal system "Garant".

15.10.2025 № 738. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

3. Ломакина В.Ф. Административная ответственность в сфере экономики: понятие, особенности правового регулирования: сб. научных статей. М., 2019.

4. Кочеткова Н.Д Проблемы правового регулирования миграции иностранной рабочей силы на территорию Российской Федерации // Актуальные исследования. 2021. № 14(41).

5. Рахмонов А.Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов // Управление. 2024. № 2(12).

6. Василенко О.Н. Приоритеты правовой политики Российской Федерации в сфере миграции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. № 4. Т. 12.

7. Стахов А.И., Порываев С.А., Мустафина-Бредихина Д.М. Внесудебное и судебное разрешение административно-деликтных дел, возникающих из контрольно-надзорных отношений: научно-практ. пособие / под ред. А.И. Стахова. М., 2021.

3. Lomakina V.F. Administrative responsibility in the economic sphere: concept, features of legal regulation: collection. scientific articles. Moscow, 2019.

4. Kochetkova N.D. Problems of legal regulation of migration of foreign labor to the territory of the Russian Federation // Current research. 2021. № 14(41).

5. Rakhmonov A.Kh. The role of labor migrants from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges // Management. 2024. № 2(12).

6. Vasilenko O.N. Priorities of the legal policy of the Russian Federation in the field of migration // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2025. № 4. T. 12.

7. Stakhov A.I., Poryvaev S.A., Mustafina-Bredikhina D.M. Extrajudicial and judicial resolution of administrative and tort cases arising from control and supervisory relations: scientific and practical. manual / ed. A.I. Stakhova. Moscow, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ю. Н. Насонов, *старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Ленина, 66.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yu. N. Nasonov, *senior lecturer of the department of state and legal disciplines of the Rostov branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 70–75.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 70–75.

Научная статья
УДК 342.7

НЕПОЗИТИВИСТСКИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Ольга Олеговна Небратенко
Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, onebratenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0284-9353

Введение: *концептуализация прав человека, в том числе социально-экономических, прошла длительный путь своего развития, и их эволюции служило все многообразие теорий прав человека и теорий правопонимания во многом позитивистской и непозитивистской направленности.*

Материалы и методы: *автор задействует формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-юридический, а также социокультурный методы исследования. В статье исследуется институционализация прав человека с непозитивистских доктринальных позиций.*

Результаты исследования: *поливариативность концепций теории прав человека специфическим образом формирует представление о содержании доктрин правопонимания, и, наоборот, научные основы определенного вида правопонимания формируют устойчивые представления о правах человека.*

Выводы и заключения: *в теории прав человека формируется тенденция сближения юснатурализма и позитивизма, находящая выражение в формально-юридическом закреплении социально-экономических прав и свобод.*

Ключевые слова: *социально-экономические права, эволюция прав человека, правопонимание, естественное право, религиозная концепция*

Для цитирования: Небратенко О. О. *Непозитивистские теории социально-экономических прав и свобод человека и гражданина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 70–75.*

Original paper

NON-POSITIVIST THEORIES OF HUMAN AND CIVIL SOCIO-ECONOMIC RIGHTS AND FREEDOMS

Olga Olegovna Nebratenko
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the conceptualization of human rights, including socio-economic rights, has undergone a long process of development, and their evolution has been served by the diversity of human rights theories and theories of legal understanding, largely of a positivist and non-positivist orientation.*

Materials and methods: *the author utilizes formal legal, comparative legal, historical legal, and sociocultural research methods. The article examines the institutionalization of human rights from a non-positivist doctrinal perspective.*

Results of the study: *the variability of the concepts of human rights theory in a specific way shapes the idea of the content of the doctrines of legal understanding and, conversely, the scientific foundations of a certain type of legal understanding form stable ideas about human rights.*

Findings and conclusions: *in the theory of human rights, a tendency is emerging towards a convergence of jusnaturalism and positivism, which finds expression in the formal legal consolidation of socio-economic rights and freedoms.*

Keywords: *socio-economic rights, evolution of human rights, legal understanding, natural law, religious concept.*

For citation: Nebratenko O. O. *Non-positivist theories of human and civil socio-economic rights and freedoms // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 70–75.*

© Небратенко О.О., 2026

Формирование прав человека происходило в разное время, их системная классификация была осуществлена в 60–70 гг. XX в. Личные и политические права, представляющие западную концепцию прав человека, называемые правами первого поколения, сформировались в конце XVIII в. в результате буржуазных революций.

Социально-экономические, как возникшие после прав первого поколения, относят к правам второго поколения. Их включение в систему основных прав и свобод, произошедшее в начале, а не в середине XX в., отражает социалистическую модель прав человека, представляет рефлекс борьбы народов по улучшению своего социально-экономического положения. Их эволюция происходила под влиянием социалистических учений, а первое юридическое закрепление на конституционном уровне связывается с Конституцией РСФСР 1918 г. (ст. 17, 18). Однако как отдельный предмет исследования в рамках прав человека и гражданина социально-экономические права стали активно выделяться юридической мыслью только с середины XX в., когда на международной арене началась конкуренция государств с капиталистической и социалистической общественно-политической формацией с диаметрально противоположными подходами к признанию социально-экономических прав «в качестве основных с присущими им качествами естественного и неотъемлемого характера» [1, с. 24] и которые «повышали эффективность общественных отношений в различных сферах хозяйствования» [2, с. 4]. Поэтому учения о правах человека XVIII – середины XX в. имеют универсальный характер, находятся у истоков создания прав и свобод человека и гражданина.

Удачная классификация имеющегося многообразия теорий правопонимания и прав человека, отражающая позитивистские и непозитивистские воззрения, отражена в монографическом исследовании профессора Н.В. Варламовой [3, с. 81–226]. Среди непозитивистских (юснатуралистических в широком смысле) теорий прав человека особое место занимает естественно-правовая теория прав человека, предполагающая параллельное развитие естественного права, философской и юридической науки. Рассказов Л.П. и И.В. Упоров считают, что следует различать зарождение (появление) естественного права, которое относят к появлению человека и человеческого общества и его осознание, которое связывают с возникновением либеральных идей европейских мыслителей XVII–XVIII вв. [4, с. 27]. Сама идея естественного права возникла в Древнем Риме и Древней Греции, благодаря вкладу христианских философов получила дальнейшее развитие в Средние века, претерпела глубокие изменения в Новое время.

Эволюция естественного права прошла длительную стадию развития, которую профессор А.В. Поляков определил как «движение от классических теорий естественного права к постклассическим теориям» [5, с. 7]. Научный и практический интерес представляют предложенные профессором Ж.И. Овсепян этапы развития естественного права [6, с. 85–91]. Обоснованием древнего естественного права как первого этапа служит изречение Н.М. Коркунова о том, что «естественное право – самое старое, самое исконное, оно явилось вместе с первым человеком, оно предшествовало всякому другому праву» [7, с. 101]. Естественное право древности «отождествлялось с социальным порядком», где «человек является социальным существом» [3, с. 148]. В период Средневековья, второй этап развития естественного права, разрабатываются первые схоластические, религиозные концепции происхождения естественного права, адекватные соотношению всякого закона и всякого права с божественным происхождением. Третий этап развития теории естественного права приходится на XVII–XVIII вв., он сформировался под влиянием революционных идей, провозглашенных буржуазными революциями. Отличительной особенностью теории естественного права данного периода стала ее оппозиционность позитивному праву. В силу данного течения права принадлежат человеку от рождения, не зависят от усмотрения государства. Естественное право предшествует позитивному, носит главенствующий характер в случае расхождения с последним. Задачей публичной власти является обеспечение неотчуждаемых и неотъемлемых прав человека. Четвертый этап, «четвертая волна возрождения» [6, с. 107], приходится на конец XIX – начало XX в., наиболее выраженный характер получает после окончания Второй мировой войны, связан с «пересмотром подхода к естественному праву, его гносеологическому, онтологическому и аксиологическому статусу», «формированием постклассической теории естественного права» [5, с. 8].

Переосмысливает достижения правовой мысли прошлого и настоящего с точки зрения православной морали профессор А.И. Овчинников, который связывает проис-

хождение «человекоцентричного естественного права, субъективного права, правового персонализма, отталкивающегося от понятий «права личности», «достоинство человека» с христианской культурой [8, с. 126]. И далее он утверждает, что в основе универсализма христианства «лежит признание и уважение любого человека независимо от веры, пола, этноса, социального статуса»; «понятие богоподобия каждой человеческой личности стало фундаментом неотчуждаемых и неотъемлемых прав человека» [8, с. 126].

Естественность и неотчуждаемость прав и свобод человека и гражданина, производные от божественного происхождения в большей степени характерны для религиозной концепции прав человека. Русская православная церковь на прошедшем еще в 2006 г. X Всемирном русском народном соборе реализовала на практике свое намерение о создании религиозно-общественной концепции прав человека, решение о которой было принято на IX Всемирном русском народном соборе в марте 2005 г. Разработанная и принятая X Всемирным русским народным собором Декларация о правах и достоинстве человека 6 апреля 2006 г.[1] может быть представлена как новая модель правового статуса личности. Ее появление вызвано тем, что «мир переживает переломный момент истории, стоит перед угрозой конфликта цивилизаций, по-разному понимающих человека и его предназначение» (Преамбула Декларации).

По-прежнему актуально звучит объяснение разработки и принятия Декларации, «со ссылкой на защиту прав человека … христиане оказываются в условиях, когда общественные и государственные структуры могут принуждать, а зачастую уже принуждают их мыслить и поступать вопреки Божиим заповедям»[2]. Основной тезис концепции – отказ от чуждых западных либеральных ценностей как не соответствующих моральным и этическим нормам верующих. В ней развенчивается идея о превалировании прав человека над интересами общества, присущая либерально-индивидуалистической концепции прав человека. Провозглашается, что существуют ценности, стоящие не ниже прав человека: это такие ценности, как вера, нравственность, святыни, Отечество; а права человека должны уравновешиваться с религией и нравственностью. Провозглашается единство права, религии и нравственности.

О необходимости сочетать в экономике принципы справедливости и эффективности говорится в Своде нравственных принципов и правил хозяйствования[3]. «Для нравственного человека собственность есть не только средство извлечения выгоды, но и средство служения идеалам добра и справедливости»[4].

Религиозной концепции прав человека близки этические трактовки прав человека, центральным вопросом которых было соотношение права и морали. В Энциклопедии права Е.Н. Трубецкого встречаем следующие высказывания русского философа и правоведа относительно соотношения естественного права и нравственности: естественное право есть «нравственная основа всякого человеческого авторитета и законодательства и как тот нравственный идеал, который должен определять собою развитие права», «естественное право есть то же, что право нравственное» [9, с. 60–61].

Одним из крупных современных представителей естественно-правового направления в теории права является американский правовед Л. Фуллер. Его концепция большей частью лежит в русле естественно-правовой традиции, однако в ней также имеются позитивистские подходы, актуальные на сегодняшний день, поскольку содержат идеи, важные для законодателей и правоприменителей. Фуллер Л. предлагает конкретные практические рекомендации относительно принятия определенных законов (например, аргументировал необходимость законодательного запрета азартных игр с позиции «морали долга»), а также формулирует моральные требования, которым должны соответствовать естественные законы, которые касаются жизненно важной человеческой деятельности, направленной «на подчинение поведения человека руководству правил» [10, с. 118]. Его концепция усматривает общность того, что есть, и того, что должно быть. Он отличал «мораль стремления» и «мораль долга». «Мораль стремления» у него представляет «вершину человеческих достижений», фундамент которой представляет «мораль долга», мораль Ветхого завета и десяти заповедей [10, с. 15].

[1] Декларация о правах и достоинстве человека 6 апреля 2006 г. URL: https://www.patriarchia.ru/article/90304 (дата обращения: 14.12.2025).
[2] Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. URL: https://pravoslavie.ru/27021.html (дата обращения: 14.12.2025).
[3] Официальный сайт Русской православной церкви. Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. URL: https://moseparh.ru/svod-nravstvennyx-principov-i-pravil-v-xozyajstvovanii.html (дата обращения: 09.12.2025).
[4] Там же.

Непозитивистская как противостоящая нормативизму и позитивизму, одновременно объединяющая социологические, культурологические и психологические аспекты, коммуникативная теория российского правоведа А.В. Полякова предполагает, что человек находится в центре правовой системы, а правовые ценности, такие как свобода и справедливость, формируются и реализуются в процессе коммуникации; «о наличии или отсутствии права в конкретном обществе следует судить не по наличию или отсутствию законов, а по наличию или отсутствию реальных прав и обязанностей самих членов общества»; … «права и обязанности ближе к феномену права, чем тексты законов или других правовых актов» [11, с. 218–219].

Естественно-правовая теория лежит также в основе либеральной теории прав человека. Обе исходят из приоритета личности над государством, ее свободы и независимости от государственной власти. Отличием является то, что с позиций естественно-правовой теории права человека имеют объективный характер, являются неотчуждаемыми и принадлежат человеку в силу рождения, основаны на принципах справедливости и человеческого достоинства. Либеральная теория рассматривает права человека как инструмент защиты личности от государства, предполагает свободу от влияния общества и государства, отрицает государственное вмешательство в дела индивидов.

Разработчиком фундаментальных знаний западной либеральной традиции понимания прав человека признают Дж. Локка, доказавшего наличие естественного и неотчуждаемого характера у права на жизнь, владения имуществом, свободы и равенство, необходимые для определения пределов власти государства, границ ее вмешательства в жизнь гражданина… [12, с. 17].

Либеральные идеи прав человека нашли свое формальное выражение в Декларации прав человека и гражданина во Франции (1789) и Билле о правах в США (1789–1791), хотя «первооткрывателем конституционного по своей сути законодательства» [6, с. 93], которое стало ограничивать государственную власть в интересах свободы личности, в юридической науке называют Англию.

Либеральные идеи были не чужды американским ученым, отстаивающим доктрину естественных прав человека, и американскому законодательству. Так, идеи Декларации прав Вирджинии о естественных правах были развиты в Декларации независимости 1776 г., провозгласившей, что люди равны и наделены неотчуждаемыми правами (жизнь, свобода, стремление к счастью). Билль о правах 1789 г. включает первые 10 поправок о правах человека и гражданских свободах, изначально отсутствовавших в Конституции США 1787 г.

Среди неклассических интерпретаций права есть место либертарной теории права (это постклассическая теория), близкой к естественно-правовой доктрине, характеризуемой как «наиболее разработанный вариант возрожденного естественного права» [5, с. 8] основывающаяся на формальном равенстве, свободе и справедливости, определяющая права человека через «объем правовой свободы, необходимый для каждого субъекта права» [13, с. 17]. Сторонники либертарной концепции права говорят о праве в целом и правах человека как о разных проявлениях единой сущности права, которая воплощена в принципе формального равенства. «Право без прав человека также невозможно, как и права человека без и вне права» [14, с. 311–312]. Представитель либертарной концепции Ф. фон Цейллер говорил, что, если люди «хотят друг подле друга свободно действовать, то … каждый из них должен ограничить свою свободу во внешнем употреблении по крайней мере столько, чтобы и прочие свободно действовать могли» [3, с. 203]. Формальная свобода, находящая выражение в правах человека, коррелирует с абстрактным выбором своего поведения по отношению к присвоению и распоряжению гипотетических ресурсов. Наличие реальных ресурсов предполагают не абстрактную, а реальную свободу выбора (в объеме имеющихся ресурсов). В либертарной концепции первичными являются права, а обязанности «обусловлены правами и обеспечивают их реализацию».

Ключевой тезис современного либертарианства как учения в рамках концепции естественного права, центральную идею, обосновывающую проживание в мире «разных людей», живущих каждый своей жизнью», была сформулирована американским философом, идеологом либертарианства Р. Нозиком: «нет оправданий, позволяющих пожертвовать одним человеком ради других» [15, с. 57]. Далее он критикует «принцип отказа от агрессии» в качестве принципа международных отношений, признавая наличие убедительных доводов «в пользу отказа от агрессии именно между людьми», также уточняя, что применение силы все-таки не запрещено, если речь о защите от «человека, который представляет угрозу» [15, с. 58–59].

Подводя итоги вышеизложенному, следует сказать, что современные исследования социально-экономических прав возникли не на пустом месте, их зарождению и дальнейшему развитию способствовали прежде всего естественно-правовые (юснатуралистические) концепции правопонимания и прав человека, хотя юридическое закрепление их состоялось под влиянием социалистических революций начала XX в., явились следствием противостояния западных стран и СССР, «без участия которого не проходило одобрение ни одного международного акта универсального характера» [16, с. 119]. Естественный характер всех без исключения прав человека отражен в Конституции РФ, согласно которой «основные права неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17). Поэтому можно сказать, что известные мировой истории, философской и юридической науке теории правопонимания и прав человека оказали влияние на формирование социально-экономических прав и свобод человека и гражданина. В статье представлены некоторые непозитивистские (естественно-правовые, юснатуралистические) теории правопонимания и прав человека, а именно: собственно естественно-правовая, религиозная, либеральная, либертарная, коммуникативная. В зависимости от применяемой доктрины права человека приобретают религиозный, этический либо философский оттенок.

Список источников

1. Небратенко О.О. Становление социально-экономических прав в международном праве // Философия права. 2022. № 3(102).

2. Пахомов С.В. Криминалистическая теория и практика расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023.

3. Варламова Н.В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация. М., 2024.

4. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Естественные права человека: учебное пособие. СПб., 2001.

5. Поляков А.В. Возможно ли возрождение естественного права в России // Правоведение. 2015. № 5.

6. Овсепян Ж.И. Конституционно-правовой статус человека (гражданина). Ростов н/Д, 2018.

7. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 2024.

8. Овчинников А.И. Теология права и современное правопонимание // Философия права. 2023. № 2(105).

9. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917.

10. Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М.; Челябинск, 2016.

11. Антонов Н.В., Поляков А.В. Правовая коммуникация и современное государство // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 6(299).

12. Глушкова С.И. Права человека в России: учеб. пособие. М., 2005.

13. Киселев Р.В. Права человека в либеральной правовой мысли и законотворчестве Российской Империи в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

References

1. Nebratenko O.O. Formation of socio-economic rights in international law // Philosophy of Law. 2022. № 3(102).

2. Pakhomov S.V. Forensic theory and practice of investigating crimes committed in the agricultural sector: diss. ... Grand PhD in Law. Krasnodar, 2023.

3. Varlamova N.V. Human rights: theoretical justification and legal-dogmatic specification. Moscow, 2024.

4. Rasskazov L.P., Uporov I.V. Natural human rights: a textbook. St. Petersburg, 2001.

5. Polyakov A.V. Is it possible to revive natural law in Russia? // Jurisprudence. 2015. № 5.

6. Hovsepyan Zh.I. Constitutional and legal status of a person (citizen). Rostov-on-Don, 2018.

7. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. Moscow, 2024.

8. Ovchinnikov A.I. Theology of law and modern understanding of law // Philosophy of law. 2023. № 2(105).

9. Trubetskoy E.N. Lectures on the encyclopedia of law. Moscow, 1917.

10. Fuller L.L. Morality of law / trans. from English T. Danilova. Moscow; Chelyabinsk, 2016.

11. Antonov N.V., Polyakov A.V. Legal communication and the modern state // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2011. № 6(299).

12. Glushkova S.I. Human rights in Russia: textbook. allowance. Moscow, 2005.

13. Kiselev R.V. Human rights in liberal legal thought and lawmaking of the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: diss. ...PhD in Law. Tambov, 2009.

14. Nersesyants V.S. General theory of law and state: textbook for universities. Moscow, 2012.

14. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. М., 2012.

15. Нозик Р. Анархия, государство и утопия; пер. с англ. Б. Пинкера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М., 2016.

16. Небратенко О.О. Социально-экономические права в структуре правового статуса личности // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2022: сб. докладов ежегодной Всероссийский научно-практ. конф. с международным участием (28 октября 2022 г.). Ростов н/Д, 2022.

15. Nozick R. Anarchy, state and utopia; lane from English B. Pinker, ed. Yu. Kuznetsova and A. Kuryaev. M., 2016.

16. Nebratenko O.O. Socio-economic rights in the structure of the legal status of an individual // Development of legal science in new conditions: unity of theory and practice - 2022: collection. reports of the annual All-Russian scientific-practical conference. conf. with international participation (October 28, 2022). Rostov n/D, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

О. О. Небратенко, *кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России. 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

O. O. Nebratenko, *PhD in Law, Associate Professor, doctoral student at the Faculty of Training Scientific and Scientific-pedagogical personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125171 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 76–81.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 76–81.

Научная статья
УДК 81.32

РАСПРЕДЕЛЕННАЯ МОДЕЛЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РОССИИ

Анастасия Васильевна Внуковская[1], Роман Аркадьевич Пестов[2]
[1,2] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[1] vnykastya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4376-8653
[2] 79185927828@ro.ru, https://orcid.org/0000-0002-5469-2255

Введение: *в статье анализируется правовое регулирование ответственности за действия искусственного интеллекта (ИИ) в Российской Федерации через призму ст. 1079 ГК РФ и общих норм КоАП РФ и УК РФ. Предложена новая статья о деликтной ответственности с классификацией рисков, двумя режимами регулирования, обязательным страхованием и распределением в договорах. Новизна – в риск-ориентированной модели для «цифровых песочниц». Рекомендуется единый закон для ликвидации пробелов. Практическая ценность – для операторов и регуляторов.*

Материалы и методы: *материалами послужили тексты нормативных правовых актов Российской Федерации. Анализ проводился методами сравнительного правоведения (сравнение с EU AI Act), доктринального толкования норм и системного анализа пробелов законодательства. Использовался контент-анализ судебной практики по ИИ и экспертных рекомендаций. Моделирование ответственности строилось на основе риск-ориентированного подхода с классификацией по уровням опасности.*

Результаты исследования: *основные результаты исследования включают разработку формулировки новой статьи ГК РФ о деликтной ответственности за вред от ИИ высокого риска с презумпцией вины оператора и обязательным страхованием для экспериментальных систем, а также классификацию ИИ по уровням риска для дифференциации мер. Предложена модель двух режимов регулирования – общего и специального – с распределением ответственности между разработчиком, оператором и пользователем в договорах, включая обязательный аудит и маркировку для критических систем. Выявлены ключевые пробелы, такие как отсутствие статуса ИИ как источника повышенной опасности и норм для автономных решений.*

Выводы и заключения: *реализация авторской концепции распределенной ответственности позволит обеспечить баланс между инновациями и защитой граждан, интегрируясь с национальной стратегией ИИ до 2030 г. и Концепцией до 2035 г. Обязательное страхование в «цифровых песочницах» и создание комиссий по инцидентам минимизируют судебные споры и бюджетные риски, повышая инвестиции в ИИ. Модель повышает правовую предсказуемость, стимулируя рынок страхования и трансграничное сотрудничество, что позволит России занять лидирующую позицию в Евразии по безопасному регулированию ИИ.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект (ИИ), правовое регулирование, распределенная ответственность, деликтная ответственность, административная ответственность, «цифровые песочницы»*

Для цитирования: Внуковская А. В., Пестов Р. А. *Распределенная модель ответственности за искусственный интеллект в России // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 76–81.*

Original paper

DISTRIBUTED MODEL OF RESPONSIBILITY FOR AL IN RUSSIA

Anastasia Vasilievna Vnukovskaya[1], Roman Arkadyevich Pestov[2]
[1,2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

© Внуковская А.В., Пестов Р.А., 2026

Introduction: *the article analyzes the legal regulation of liability for the actions of artificial intelligence (AI) in the Russian Federation through the prism of art. 1079 of the Civil Code of the Russian Federation and the general norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation. A new article on tort liability with risk classification, two regulatory regimes, compulsory insurance and distribution in contracts is proposed. The novelty lies in the risk–based model for digital sandboxes. A unified law is recommended to close the gaps. Practical value for operators and regulators.*

Materials and methods: *the materials were the texts of regulatory legal acts of the Russian Federation. The analysis was carried out using the methods of comparative jurisprudence (comparison with the EU AI Act), doctrinal interpretation of norms and a systematic analysis of legislative gaps. The content analysis of judicial practice on AI and expert recommendations was used. Responsibility modeling was based on a risk-based approach with classification by hazard levels.*

Results of the study: *the main results of the study include the development of the formulation of a new article of the Civil Code of the Russian Federation on tort liability for damage from high-risk AI with the presumption of operator guilt and mandatory insurance for experimental systems, as well as the classification of AI by risk levels to differentiate measures. A model of two regulatory regimes is proposed – general and special – with the distribution of responsibility between the developer, operator and user in contracts, including mandatory auditing and labeling for critical systems. Key gaps have been identified, such as the lack of AI status as a source of increased danger and norms for autonomous solutions.*

Findings and conclusions: *the implementation of the author's concept of distributed responsibility will ensure a balance between innovation and citizen protection, integrating with the national AI strategy until 2030 and the Concept until 2035. Mandatory insurance in digital sandboxes and the creation of incident commissions minimize litigation and budgetary risks, increasing investments in AI. The model increases legal predictability by stimulating the insurance market and cross-border cooperation, which will allow Russia to take a leading position in Eurasia in the safe regulation of AI.*

Keywords: *artificial intelligence (AI), legal regulation, distributed liability, tort liability, administrative liability, "digital sandboxes"*

For citation: Vnukovskaya A. V., Pestov R. A. *Distributed model of responsibility for al in Russia // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 76–81.*

Искусственный интеллект (далее – ИИ) активно внедряется все в большем объеме в различные области человеческой деятельности, в связи с чем возникает настоятельная необходимость системного правового регулирования вопросов, касающихся его использования. «В условиях быстрого развития технологий и широкого применения ИИ это вызывает серьезные вопросы по поводу установления границ ответственности при возможных нарушениях или ущербе» [1, с. 210]. Саяпина Т.С. справедливо отмечает, что «необходимо внести изменения в отрасли конституционного, гражданского, административного, уголовного, жилищного права и иные отрасли права, которые так или иначе могут быть связаны с возможностью применения искусственного интеллекта в рамках конкретных общественных отношений» [2, с. 102].

Целью исследования является разработка концепции распределенной юридической ответственности за действия ИИ в Российской Федерации с учетом норм Гражданского кодекса РФ и необходимости дифференциации по уровням риска систем. Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать текущее правовое регулирование ответственности за вред от ИИ по ст. 1079 ГК РФ [3] и общим нормам КоАП РФ и УК РФ; предложить формулировку новой статьи о деликтной ответственности с обязательным страхованием для экспериментальных систем; обосновать классификацию ИИ по уровням риска (низкий, значительный, высокий, недопустимый) для дифференциации мер ответственности; разработать модель двух режимов регулирования (общий и специальный) с распределением ответственности в договорах; выявить пробелы в законодательстве и предложить меры их устранения через единый федеральный закон.

Актуальность исследования обусловлена стремительным внедрением ИИ в российскую экономику и общественные сферы без полноценного правового регулирования, что порождает риски неопределенности ответственности за причиненный вред. Быстрое развитие технологий требует срочной доработки норм гражданского законодательства для баланса инноваций и защиты прав граждан.

Новизна исследования заключается в предложении конкретной формулировки статьи ГК РФ о деликтной ответственности

ИИ с интеграцией классификации по рискам и обязательным аудитом, а также модели распределенной ответственности в «цифровых песочницах». «Цифровые песочницы» (регуляторные песочницы) – это экспериментальные правовые режимы (далее – ЭПР) в сфере цифровых инноваций. Они позволяют протестировать изменения, необходимые для нормативного регулирования, в определенных границах – территориальных, временных или для отдельных хозяйствующих субъектов. В России введение ЭПР регулируется Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [4], который вступил в силу 28 января 2021 г. Закон позволяет создавать «песочницы» в сферах медицины и фармацевтической промышленности, транспорта и логистики, сельского хозяйства, финансов, онлайн-торговли, девелопмента и строительства.

Объектом исследования выступает правовое регулирование ответственности за действия ИИ в РФ. Предметом – нормы ст. 1079 ГК РФ, административные и уголовные нормы ответственности операторов ИИ, а также пробелы в концепции развития ИИ до 2035 г. (распоряжение № 2129-р) [5].

В России развитие ИИ регулируется Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации») [6], которая определяет основные направления и принципы развития ИИ в России; Кодексом этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке (рекомендован Банком России (Информационное письмо Банка России от 09.07.2025 № ИН-016-13/91) [7], который устанавливает принципы человекоцентричности, справедливости, прозрачности, безопасности и ответственного управления рисками. Этот кодекс носит рекомендательный характер.

В России ИИ не признается самостоятельным субъектом права, поэтому юридическая ответственность за его действия возлагается на разработчиков, владельцев или операторов систем. Согласно ст. 1079 ГК РФ, вред от источника повышенной опасности (к которому приравнивают ИИ) возмещает лицо, владеющее им на законных основаниях. Административная и уголовная ответственность применяются по общим нормам: за обработку персональных данных – ст. 13.11 КоАП РФ [8], за утечки – ст. 137 [9] или 272.1 УК РФ [10], где субъектом является компания или должностное лицо.

Для четкой формулировки предлагается ввести в ГК РФ или специальный закон об ИИ статью о деликтной ответственности: «Вред, причиненный автономной системой ИИ высокого риска, возмещает оператор или разработчик, если не доказано отсутствие вины; для систем с экспериментальным режимом – обязательное страхование гражданско-правовой ответственности». Классификация ИИ по уровням риска (низкий, значительный, высокий, недопустимый) позволит дифференцировать ответственность: для высокого риска – обязательный аудит, маркировка и комиссия по ущербу в 30-дневный срок.

Предлагаем ввести два режима: общий (стандартные правила ГК) и специальный (для критических систем с международным сотрудничеством). Кроме того, представляется целесообразным: обязать страхование рисков ИИ в «цифровых песочницах» Минэкономразвития; распределять ответственность в договорах: разработчик отвечает за алгоритм, пользователь – за ввод данных.

Реализация через федеральные проекты и Концепцию до 2035 г. (распоряжение № 2129-р) фокусируется на обороте данных и безопасности, но требует единого закона с базовыми понятиями, принципами и мерами. В то же время необходимо ликвидировать ряд пробелов: отсутствие статуса ИИ как объекта повышенной опасности, неурегулированность автономных решений и международных аспектов. На наш взгляд, необходим правовой аудит систем, внутренние политики и прозрачность алгоритмов для минимизации рисков.

Ранее в исследовании уже отмечалось, что в России ИИ не обладает правосубъектностью, ответственность за его действия возлагается на физических или юридических лиц – разработчиков, владельцев или операторов систем, что соответствует общему принципу антропоцентризма российского права. Согласно ст. 1079 ГК РФ, ИИ может квалифицироваться как источник повышенной опасности (ИПО), аналогично сложным техническим устройствам, где вред возмещает владелец на законных основаниях независимо от вины, если не доказано иное. Административная ответственность за нарушения обработки персональных данных (ст. 13.11 КоАП РФ) и уголовная за утечки (ст. 137, 272.1 УК РФ) применяются к компаниям или должностным лицам, что подтвержда-

ется практикой штрафов до 5 млн руб. за инциденты с ИИ в 2025 г. Только в первом полугодии 2025 г. по ст. 13.11, 13.11.1 и ч. 2, 4 ст. 13.14 КоАП РФ сумма административных штрафов в совокупности составила 118 млн руб. [11].

Однако отсутствие специального закона приводит к правовому вакууму, который заключаются в неурегулированности автономных решений ИИ, когда алгоритм самообучается без человеческого вмешательства, и неопределенности международных аспектов ответственности. В связи с этим считаем необходимым ввести в ГК РФ или отдельный закон об ИИ статью о деликтной ответственности: «Вред, причиненный автономной системой ИИ высокого риска, возмещает оператор или разработчик, если не доказано отсутствие вины; для систем с экспериментальным режимом – обязательное страхование гражданско-правовой ответственности». Эта формулировка сочетает презумпцию вины для операторов с возможностью регресса к разработчику по ст. 1081 ГК РФ, минимизируя споры о причинно-следственной связи. Классификация ИИ по уровням риска (низкий – без аудита; значительный – добровольный аудит; высокий – обязательный аудит, маркировка, комиссия по ущербу в 30 дней; недопустимый – запрет) позволит дифференцировать меры, аналогично EU AI Act [12], но адаптировано к российским реалиям. Для высокого риска предлагается создание комиссии с участием Роскомнадзора и Минцифры для оперативного расследования инцидентов.

Дополнительно необходима реализация модели двух режимов регулирования: общий режим, который опирается на стандартные нормы ГК РФ для низкорисковых систем (чат-боты, аналитика), специальный – для критических (медицина, транспорт, сфера безопасности) с международным сотрудничеством, где требуется трансграничная маркировка и страхование. В «цифровых песочницах» Минэкономразвития страхование рисков ИИ становится обязательным, покрывая до 80 % потенциального ущерба, как в эксперименте Москвы (Федеральный закон № 123-ФЗ). Распределение ответственности в договорах фиксирует: разработчик отвечает за алгоритм и качество обучения, пользователь – за ввод данных и эксплуатацию, оператор – за мониторинг. Это снижает судебные споры на 40 %, по аналогии с практикой ЕС.

Реализация мер возможна через федеральные проекты и обновленную Концепцию развития ИИ (распоряжение № 2129-р), но требует единого закона с базовыми понятиями (автономность ИИ, уровень риска), принципами (прозрачность, подотчетность) и санкциями. Пробелы ликвидируются признанием ИИ ИПО в законе, введением норм об автономных решениях (обязательный «черный ящик» для сохранения истории действий) и международных соглашениях по трансграничному вреду. Эксперты подчеркивают необходимость правового аудита систем перед внедрением, внутренних политик соответствия и прозрачности алгоритмов (открытый код для аудита).

Выводы исследования подчеркивают, что без системных изменений Россия рискует стать аутсайдером в ИИ-развитии из-за правовой неопределенности: внедрение предложенной статьи ГК РФ и классификации рисков обеспечит баланс инноваций и защиты, повысив инвестиции на 25 % (по оценкам Минэкономразвития). Обязательное страхование в песочницах минимизирует бюджетные нагрузки на государство, а распределенная ответственность стимулирует рынок ИИ-страхования.

В итоге предлагаемая модель сможет повысить правовую предсказуемость, интегрируясь с указом № 490 и стратегией до 2030 г., и позволит стать основой для принятия федерального закона об ИИ в ближайшем будущем, что благоприятно отразится на позиции России в Евразии по безопасному ИИ, минимизируя риски вроде утечек данных или иных противоправных действий [13, с. 66–71], а следовательно, будет достигнута и общая превенция по отношению к административным правонарушениям в этой сфере общественных отношений.

Список источников

1. Внуковская А.В. Динамика естественного языка: пределы ИИ-репродукции и проблемы этико-правовой ответственности // Философия права. 2025. № 4 (115).

2. Саяпина Т.С. Некоторые проблемы интерпретации и правового регулирования искусственного интеллекта в России. URL:

References

1. Vnukovskaya A.V. The dynamics of natural language: the limits of AI reproduction and the problems of ethical and legal responsibility // Philosophy of Law. 2025. № 4 (115).

2. Sayapina T.C. Some problems of interpretation and legal regulation of artificial intelligence in Russia. URL: https://

https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-interpretatsii-i-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii (дата обращения: 28.01.2026).

3. Статья 1079 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/27fb9de9d0fa6adb1f00e22c245b99251d5bd23f/ (дата обращения: 28.01.2026).

4. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федер. закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации. (Наименование в редакции Федер. закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45796 (дата обращения: 28.01.2026).

5. О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/ (дата обращения: 28.01.2026).

6. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 28.01.2026).

7. О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке: информационное письмо Банка России от 09.07.2025 № ИН-016-13/91 URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412205164/ (дата обращения: 28.01.2026).

8. Статья 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/1f421640c6775ff67079ebde06a7d2f6d17b96db/ (дата обращения: 28.01.2026).

9. Статья 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4234a27af714cc608ea71b7bae9400f3613c8f60/ (дата обращения: 28.01.2026).

10. Статья 272.1 УК РФ «Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deefeadcyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-interpretatsii-i-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii (date of access: 28.01.2026).

3. Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation "Liability for harm caused by activities that create an increased danger to others." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/27fb9de9d0fa6adb1f00e22c245b99251d5bd23f / (date of access: 28.01.2026).

4. On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation: Feder. Law № 258-FL of 31.07.2020 (On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation. (Name in the editorial office of the Fed. law of 28.12.2024 № 523-FL). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45796 (date of access: 28.01.2026).

5. On the Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2035: Decree of the Government of the Russian Federation dated 20.09.2019 № 2129-R. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648 / (date of access: 28.01.2026).

6. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (date of access: 28.01.2026).

7. About the Code of Ethics in the field of development and application of artificial intelligence in the financial market: information letter of the Bank of Russia dated 09.07.2025 № IN-016-13/91 URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412205164 / (date of access: 28.01.2026).

8. Article 13.11 of the Administrative Code of the Russian Federation "Violation of the legislation of the Russian Federation in the field of personal data". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/1f421640c6775ff67079ebde06a7d2f6d17b96db / (date of access: 28.01.2026).

9. Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation "Violation of privacy". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4234a27af714cc608ea71b7bae9400f3613c8f60 / (date of access: 28.01.2026).

10. Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Illegal use and (or) transfer, collection and (or) storage of computer information containing personal data, as well as the creation and (or) maintenance of information resources intended for its illegal storage and (or)

19003ba8266e85fbf42fc31f60ed3c698/ (дата обращения: 28.01.2026).

11. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 г. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2025/F2-svod-vse-sydu-1-2025.xls (дата обращения: 28.01.2026).

12. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и совета ЕС от 13.06.2024 № 2024/1689 «Установление гармонизированных правил в отношении искусственного интеллекта и внесение поправок в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 28.01.2026).

13. Пестов Р.А. Механизмы борьбы с терроризмом на международном уровне / Р.А. Пестов, А.И. Воскобоев, К.А. Прохоров // Актуальные вопросы подготовки сотрудников правоохранительных органов к противодействию современным угрозам: сб. научных трудов круглого стола (12 января 2018 г.). М., 2018.

dissemination." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deefead19003ba8266e85fbf42fc31f60ed3c698 / (date of access: 28.01.2026).

11. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for the first half of 2025. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2025/F2-svod-vse-sydu-1-2025.xls (date of access: 28.01.2026).

12. Regulation (EC) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13.06.2024 № 2024/1689 "Establishing harmonized rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) № 300/2008, (EC) № 167/2013, (EC) № 168/2013, (EC) 2018/858, (EC) 2018/1139 and (EC) 2019/2144 and Directives 2014/90/EC, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (date of request: 28.01.2026).

13. Pestov R.A. Mechanisms for combating terrorism at the international level / R.A. Pestov, A.I. Voskoboev, K.A. Prokhorov // Actual issues of training law enforcement officers to counter modern threats: collection of scientific papers of the round table (January 12, 2018). Moscow, 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. В. Внуковская, *кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Р. А. Пестов, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A. V. Vnukovskaya, *PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

R. A. Pestov, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 82–88.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 82–88.

Научная статья
УДК 347.61/.64

ИСЛАМСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО В ИСЛАМЕ

Тамара Станиславовна Оленич[1], Валерий Алексеевич Журбин[2]
[1] Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, tamara1970@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1212-9181
[2] Православная воскресная школа при храме Святой равноапостольной княгини Ольги, ст-ца Ольгинская, Ростовская обл., Российская Федерация, zhurbin.va@gmail.com

Введение: *статья посвящена исламскому праву и его влиянию на общественные взаимоотношения. Авторами прослеживается и анализируется влияние мусульманской религиозной догматики и правовых норм внутри мусульманской общины.*

Материалы и метод: *в статье используются общенаучные методы: метод сравнительного анализа и научного обобщения. Исследование построено на комплексе исторических источников, представленных в религиозной, юридической и общеобразовательной литературе.*

Результаты исследования: *проанализировав научные статьи и публикации, посвященные исламскому праву, влиянию исламского права на светское право государства и общества, авторы пришли к заключению, что исламское право, сформированное на религиозных правилах поведения и юридических нормах, сформулированных мусульманскими юристами, разнообразно развивается в различных социально-политических, культурных и географических условиях и представляет собой собственную самостоятельность как правовое явление.*

Выводы и заключения: *для России проблема ислама и исламского фактора имеет важнейшее значение, поскольку Россия исторически связана с мусульманским миром. Вопросы взаимодействия и сосуществования европейской и исламской правовых культур приобретают не только теоретическое, но и практическое значение для России, так как рассматривается идея возможности обращения к исламскому праву в качестве источника права в рамках европейской правовой традиции.*

Ключевые слова: *светское государство, ислам, исламское право, фикх, шариат, семейное право в исламе*

Для цитирования: Оленич Т. С., Журбин В. А. *Исламское право. Семейное право в исламе // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 82–88.*

Original paper

ISLAMIC LAW. FAMILY LAW IN ISLAM

Tamara Stanislovovna Olenich[1], Valery Alekseevich Zhurbin[2]
[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Christian Orthodox Sunday School at the Church of the Holy Equal-to-the-Apostles Princess Olga, Olginskaya village, Rostov region, Russian Federation

Introduction: *the article is devoted to Islamic law and its impact on social relations. The authors trace and analyze the influence of Muslim religious dogmas and legal norms within the Muslim community.*

Materials and method: *the article uses general scientific methods: the method of comparative analysis and scientific generalization. The research is based on a complex of historical sources presented in religious, legal and general educational literature.*

Results of the study: *after analyzing scientific articles and publications on Islamic law, the influence of Islamic law on the secular law of the state and society, the authors came to the conclusion that Islamic law, based on religious rules of conduct and legal norms formulated by Muslim lawyers, develops in a variety of socio-political, cultural and geographical conditions and represents self-sufficiency as a legal phenomenon.*

© Оленич Т.С., Журбин В.А., 2026

Findings and conclusions: *for Russia, the problem of Islam and the Islamic factor is of crucial importance, since Russia is historically connected with the Muslim world. The issues of interaction and coexistence of European and Islamic legal cultures acquire not only theoretical but also practical significance for Russia, as the idea of the possibility of referring to Islamic law as a source of law within the framework of the European legal tradition is being considered.*

Keywords: *secular state, Islam, Islamic law, Fiqh, Sharia, family law in Islam*

For citation: Olenich T. S., Zhurbin V. A. *Islamic law. Family law in Islam // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 82–88.*

Согласно статистическим данным, за последние десять лет количество людей, исповедующих ислам на планете, увеличилось с 23 до 25 %, т. е. из 8,26 млрд общего населения планеты ислам исповедуют 2,05 млрд человек. Люди изучают и принимают ислам даже в странах, где исконно исповедуются традиционно иные религии. В связи с этим возникает проблема недостаточной проясненности причин устойчивого интереса к исламу в обществах с иной религиозной традицией, в частности роли шариата как целостной системы норм, ценностей и практик, формирующей мировоззрение и образ жизни верующего. Частично объяснить данную ситуацию помогает знание исламского закона – шариата, который в исламской религиозной традиции понимается как богоустановленный нормативный порядок, дарованный Аллахом [13].

Ислам, будучи самой молодой из трех авраамических религий, в кратчайшие сроки проявил себя верованием настолько устойчивым и жизнеспособным, что смог объединить значительные территории и народы в единую религиозно-политическую общность. Уже в период праведных халифов исламское учение стало основой формирующейся правовой системы, а религиозные предписания начали кодифицироваться в виде норм, регулирующих все стороны жизни мусульманской общины [1; 3].

В период начиная с 613 г. н. э. пророк Мухаммад произносил не только религиозные проповеди, но и разрешал споры, возникавшие между членами мусульманской общины (уммы), совмещая функции духовного главы общины, ее военного руководителя и судьи. Однако после его смерти разрешать споры и выносить решения единолично глава Арабского халифата (халиф) уже не мог, поскольку территория, подконтрольная мусульманам, значительно увеличивалась в размерах; вследствие этого халиф делегировал полномочия судьи знатокам-правоведам (кади), способным разрешать правовые казусы и споры, опираясь только на священные тексты Корана и Сунны, т. к. другой правовой нормативной базы для «уммы» на тот период просто не существовало. Если же кади не могли найти ответа в Коране и Сунне, то они высказывали свои суждения и мнения и коллегиально приводили их к консенсусу (иджма) либо применяли аналогию (кияс) как сходный случай. Таким образом, начинают складываться основы исламского права (фикха) как единой исламской системы социально-нормативного регулирования, которая включает как собственно юридические нормы, так и религиозные и нравственные постулаты, а также обычаи [3].

Появление «иджмы» и «кияса» было обусловлено двумя основными обстоятельствами. Во-первых, Коран не представляет собой полного свода юридических норм, поскольку является собранием откровений пророка Мухаммада, сведенных воедино спустя десятилетия после его смерти. Его содержание включает преимущественно положения нравственного и религиозного характера, нередко сформулированные в общем виде, тогда как складывающаяся правовая практика требовала более конкретных и детализированных решений. Во-вторых, объективная сложность правовой жизни быстро растущего мусульманского сообщества требовала ответа на новые вопросы, не получившие прямого и однозначного разрешения в священных текстах. В этих условиях иджма как согласованное мнение авторитетных правоведов и «кияс» как метод правовой аналогии стали важнейшими механизмами развития исламской правовой мысли, позволившими выработать систему норм, регулирующих религиозную, частную и общественную жизнь мусульман [3; 4].

Другими источниками права выступают фетвы (юридические заключения высших духовных лиц – муфтиев), фирманы (распоряжения и указы халифов) и «истихсан» (принцип правового предпочтения, превосходства). Смысл «истихсана» заключается в том, что в случае жизненной потребности и нужды решение, основанное на методе «кияс», может быть заменено более актуальным. Иногда местные обычаи какого-либо региона исламского государства выступали в качестве законов. Они также признаются одним из источников исламского права. Если обычаи не противоречат шариату, то в целом

правовая система ислама допускает их применение.

Исламское право – яркий пример «права юристов». Мусульманские юристы и теологи разработали, исходя из Корана и Сунны, систему детализированного догматического права как права идеального общества, которое установится во всем мире и будет полностью подчинено исламу [4, с. 99–109]. Юридическая наука, а не государство играет роль законодателя, мнение специалиста имеет нормативно-обязательное значение. При рассмотрении дела судья в первую очередь ссылается на правоведа, авторитет которого общепризнан, и только потом обращается к Корану и Сунне [6].

Основанное на Коране исламское право является неотъемлемой частью исламской культуры и, по убеждению верующих, выражает непосредственное слово Аллаха; следовательно, в мире не существует власти, способной изменить исламское право. Подобная неизменность религиозно-правовых оснований придает устойчивость всей структуре мусульманского общества. Отказ от следования нормам исламского права или их оспаривание в ряде исламских интерпретаций может рассматриваться как выход за пределы нормативной общинной идентичности. При этом общественная жизнь понимается не как сфера выработки самостоятельных светских норм, а как пространство реализации религиозных установлений, неотъемлемой частью которых выступает исламское право; соответственно, ослабление его применения воспринимается как ослабление самих исламских оснований общественного порядка [4].

Все основные направления современной юриспруденции (гражданское, семейное, уголовное, административное или конституционное право) могут быть прослежены в различных отраслях «фикха» [14]. «Фикх» охватывает все сферы человеческой жизни верующего, который обязан выполнять все требования ислама – как повелительного, так и запрещающего характера [15]. Одна часть «фикха» посвящена правилам совершения молитвы и исполнения других религиозных обязанностей, а другая включает практические правила, необходимые для каждого мусульманина в его мирской жизни.

Вопросы и казусы, не находившие четкого и подробного отражения в Коране и Сунне, стали сферой изучения «фикха»; в этом плане «фикх» представляет собой исламское право в широком социальном его понимании. Обязательные предписания «фикха», в свою очередь, делятся на «тааббуди», «тавассули», а также «айн» и «кифайи». К «тааббуди» относятся предписания, которые должны соблюдаться неукоснительно, прямо касаются веры в Аллаха и олицетворяют путь к Нему. «Тавассули» включают предписания, не имеющие непосредственно религиозного назначения и направленные на выполнение обязательств перед людьми. Предписания «айни» являются обязательными для всех и каждого (например, совершение ежедневной пятикратной молитвы, правдивость), а предписания «кифайи» (такие, как врачевание или защита рубежей родины) возлагаются лишь на тех, кто способен или должен их исполнить.

Доктринальный комплекс предписаний для человека в исламском праве определен в шариате (прямой, правильный путь), в котором представлены убеждения, формирующие религиозную совесть и нравственные ценности мусульман, и классифицированы поступки людей по пяти правовым предписаниям: обязательное (ваджиб) – действие, совершение которого для мусульман обязательно (столпы религии – основы ислама: вера в Аллаха, вера в пророчество Мухаммада, вера в судный день; столпы ислама: свидетельство веры, ежедневная пятикратная молитва, соблюдение поста рамадан, ежегодная раздача милостыни единоверцам, паломничество в Мекку; джихад в его классическом понимании); запретное (харам) – поступки, которые мусульманин не должен совершать и которых ему следует избегать (насилие, ложь, воровство др.); одобряемое (мандуб или мустахабб) – богоугодное, но не обязательное поведение (подаяние нищим, добровольные молитвы сверх предписанных, гостеприимство, прощение обидчиков и др.); неодобряемое (макрух) – формально не запрещенное действие, которое не рекомендуется совершать (скупость, расточительность и др.); безразличное (мубах или джаиз) – действие, совершение которого разрешено и не влечет ни наказания, ни поощрения (еда, сон, женитьба, путешествие и др.). Согласно установкам шариата, всякое действие считается разрешенным (дозволенным) до тех пор, пока не будет найдено убедительное доказательство его запретности (харам) [14].

Предписания и запреты, установленные Аллахом, должны быть строго соблюдаемы как данные раз и навсегда. В исламском богословско-правовом понимании попытка признать дозволенным то, что запрещено Аллахом, рассматривается как недопусти-

мое присвоение человеку того нормативного статуса, который принадлежит одному лишь Богу; в предельном выражении такая установка соотносится с «ширком», то есть с приписыванием божественных полномочий кому-либо помимо Аллаха. Аналогичным образом в Коране подчеркивается недопустимость произвольного запрета того, что дозволено Богом: «Аллах не разрешает вам запрещать то, что Он разрешил вам в пользование» (5:103). Наряду с этим в исламской правовой традиции действует и принцип, согласно которому действия, ведущие к греху, также могут рассматриваться как запретные.

Современная тенденция исламского права состоит в том, чтобы традиционный подход к учету обстоятельств, цели закона, общественного блага и необходимости дополнить современными точными правилами и строгими методами толкования. Полученные таким путем решения должны отвечать требованиям общества и не противоречить базовым принципам ортодоксальности [4].

Семейное право является одним из ключевых и наиболее чувствительных разделов исламской правовой системы; оно регулирует брачно-семейные отношения супругов, статус детей, положение женщин, порядок наследования и иные взаимные права и обязанности, закрепленные в Коране и Сунне пророка Мухаммада, а также в последующей правовой доктрине [2; 13]. В условиях позднего родоплеменного строя Аравии нормы, касающиеся брака и семьи, означали существенный шаг вперед по сравнению с доисламскими практиками: ограничение произвольности мужа, защита чести женщины, кодификация расторжения брака, признание за женщиной права на «махр» и определенной доли наследства; для кочевого бедуинского общества это было правовым и культурным прорывом.

Современная перспектива требует, однако, признать двойственность этого наследия. С одной стороны, исламское семейное право и сегодня для миллионов верующих остается нормативным эталоном, задающим модель «правильной» семьи, распределения ролей между супругами и ответственности за воспитание детей; с другой стороны, ряд положений классического фикха в современных условиях нередко становится предметом критического осмысления и переоценки в контексте представлений о правах человека, достоинстве женщины и защите интересов ребенка [2; 14]. В этом смысле важно учитывать, что то, что было прогрессом для бедуинского общества VII в., в условиях XXI в. становится объектом дискуссий и реформ внутри самого исламского мира.

В описании семейных институтов необходимо различать классическое доктринальное право и современные законодательные системы мусульманских государств. Почти во всех странах с мусульманским большинством за последние десятилетия были установлены более высокие минимальные брачные возрасты (как правило, 16–18 лет), введены судебные механизмы защиты от принудительных браков, уточнены основания для развода; вместе с тем сохраняются юрисдикции и политические инициативы, в которых допускается крайне ранний брачный возраст или расширяется роль религиозных органов в брачно-семейных делах [1; 4]. Это указывает на различие подходов к осмыслению современных изменений, в рамках которых реформаторские и традиционалистские тенденции по-разному отвечают на вызовы глобализирующегося мира.

В классическом исламском праве закрепляется особое положение мужа как главы семьи и лица, несущего ответственность за ее материальное обеспечение. В связи с этим формируется и система обязанностей жены, включающая, в частности, проживание в доме мужа и согласование с ним ряда жизненных решений. В дореформенных интерпретациях подобная модель нередко вела к утверждению представлений о значительной зависимости женщины от воли мужа в бытовой и имущественной сфере. Вместе с тем уже в традиционных источниках признается право женщины на «махр» и собственное имущество, а в современных правопорядках мусульманских стран она, как правило, обладает полноценной гражданской дееспособностью в имущественных отношениях. Это позволяет рассматривать исламское семейное право как более сложное и многослойное явление, не сводимое к однозначной модели зависимости женщины; при этом влияние патриархальных элементов, сложившихся в ходе его исторического развития, также требует учета [2; 3].

Показательным в данном отношении является внимание исламской правовой традиции к вопросам семьи, деторождения и сохранения потомства. Эти темы рассматриваются не как частные аспекты бытовой жизни, а как нравственно и социально значимые основания общественного порядка. Коран, осуждая убийство детей, задает общий этический горизонт отношения к жизни и потомству («Поистине, убивать детей – великий грех!» (17:31). В связи с этим ис-

ламская юриспруденция уделяет особое внимание защите семьи, регулированию брачно-семейных отношений и ответственности за сохранение и воспитание детей [5; 6].

Наиболее чувствительной областью исламского семейного права остается расторжение брака. Нормы шариата в этой сфере нередко характеризуются сравнительной лаконичностью: «Если же согласие между супругами невозможно, то им надо расстаться» (4:130). В классической модели возможности мужчины в инициировании развода оказываются более широкими, чем возможности женщины, хотя в определенных правовых формах соответствующее право признается и за ней. В исламской правовой практике используются различные способы расторжения брака: окончательный развод (баин), развод с возможностью возвращения (раджаа), развод через выкуп (хаал) и развод по взаимному согласию (мубарат). Особое место занимает троекратный талак, при котором троекратное произнесение формулы развода в ряде традиционных интерпретаций влечет прекращение брачных отношений и установление запрета на дальнейшее супружеское сосуществование [2; 13]. Обсуждение статуса и допустимости подобных форм в современном исламском мире показывает, что семейное право остается одной из тех областей, где особенно заметно различие между стремлением к сохранению традиционных норм и попытками их современного переосмысления.

На этом фоне становится понятнее и тот интерес, который исламское семейное право вызывает в обществах с иной правовой традицией, включая западно-ориентированные. В одних случаях он носит исследовательский характер и связан со стремлением понять внутреннюю логику исламской правовой культуры; в других – обусловлен поиском альтернативных моделей семейной организации, отличных от либеральных сценариев. Вместе с тем важно учитывать, что такие вопросы, как недопустимость ранних браков, защита от семейного насилия, признание личной автономии, а также равной правоспособности женщины и мужчины в семейной сфере, в современных условиях все чаще рассматриваются как общезначимые правовые ориентиры. В этом контексте исламское право также оказывается вовлеченным в процессы переосмысления собственных границ и способов применения [1; 4].

При рассмотрении исламского права как правовой системы принципиально важно разграничивать теологическое и юридическое измерения. Для мусульман исламское право остается частью религиозного универсума – путеводителем к правильной жизни. Однако на территории Российской Федерации первичным и обязательным для всех граждан и организаций является российское законодательство, основанное на Конституции РФ, нормах международного права и федеральных законах. Светский характер государства, закрепленный в Основном законе и развитый в Федеральном законе от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», означает, что ни одна религиозная система норм, включая шариат, не может выступать самостоятельным источником общеобязательных правовых предписаний; она может реализовываться лишь в той мере, в какой не противоречит Конституции, семейному, гражданскому и уголовному законодательству Российской Федерации.

Таким образом, исламское право, в особенности его семейно-правовой аспект, представляет собой сложную нормативно-мировоззренческую систему, в которой сочетаются элементы традиции и современной интерпретации. Его изучение позволяет глубже понять внутреннюю логику исламской правовой культуры и причины ее устойчивости в различных социокультурных условиях. В российском контексте это придает обсуждению исламского права не только теоретическое, но и практическое значение; речь идет не о заимствовании норм, а о выстраивании корректного правового и культурного взаимодействия при безусловном приоритете российского законодательства и принципов национальной безопасности.

Список источников

1. Абдуразаков А.А. Мусульманское право в контексте современных политических процессов в мире // Юридическая наука. 2017. № 1.

2. Азаматов Р.И. Правовые аспекты исламского семейного права: учебное пособие. Уфа, 2019.

References

1. Abdurazakov A.A. Muslim law in the context of modern political processes in the world // Legal Science. 2017. № 1.

2. Azamatov R.I. Legal aspects of Islamic family law: a textbook. Ufa, 2019.

3. Ахмедов А. Лекции о мусульманском праве. URL: https://blog.pravo.ru/blog/30393.html (дата обращения: 11.09.2025).

4. Дамаскин О.В. Мусульманское право в современном мире // Гражданин.Выборы. Власть. 2016. № 2-3.

5. Права мужа и жены в исламе. URL: https://azan.ru/maqalat/read/prava-muzha-i-zhenyi-v-Islame-11175/ (дата обращения: 12.09.2025).

6. Исторические корни мусульманского права. URL: https://umma.ru/istoriya-musulmanskogo-prava (дата обращения: 12.09.2025).

7. Шариат и адат: по каким законам живут мусульмане Кавказа. URL: https://www.rapsinews.ru/incident_publication/20220404/307852546.html/ (дата обращения: 18.09.2025).

8. Кляйн М.А. Уголовное право по законам шариата. URL: https://www. conf.siblu.ru/ugolovnoe-pravo-po-zakonam-shariata/ (дата обращения: 11.09.2025).

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.garant.ru/doc/constitution/ (дата обращения: 20.09.2025).

10. Маркова Е.Н. Принцип светского государства: учебное пособие. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/24862633/ (дата обращения: 22.09.2025).

11. Мусалов М.А. Мусульманское право в системе юридического образования. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-pravo-v-sisteme-yuridicheskogo- obrazovaniya (дата обращения: 22.09.2025).

12. Нургалеев Р.М. Классическое исламское семейное право: учебное пособие. URL: https://www.alhakk.ru/upload/iblock/0f9/0f9f3241b330177ae681d86bf 7386582.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

13. Рождественский М. Неожиданный шариат. Брак и семья в исламе. URL: https://azbyka.ru/otechnik/religiovedenie/neozhidannyj-shariat/ (дата обращения: 28.09.2025).

14. Санаи Мехди. Мусульманское право и политика. История и современность. М., 2016.

15. Сакр Ахмад. Ислам о браке и семейной жизни / пер. с англ. СПб., 2006.

16. Сакр Ахмад. Семейные ценности в исламе / пер. с англ. СПб., 2007.

17. Семенов Д.Н. Фикх (исламское право): учебное пособие. URL: https://me- dresehusainia.ru/wp-content/uploads/2015/07/%85.pdf (дата обращения: 28.09.2025).

3. Akhmedov A. Lectures on Muslim law. URL: https://blog.pravo.ru/blog/30393.html (date of access: 11.09.2025).

4. Damaskin O.V. Muslim law in the modern world // Citizen.Elections.Power. 2016. № 2-3.

5. The rights of husband and wife in Islam. URL: https://azan.ru/maqalat/read/prava-muzha-i-zhenyi-v-Islame-11175 / (date of access: 12.09.2025).

6. The historical roots of Muslim law. URL: https://umma.ru/istoriya-musulmanskogo-prava (date of access: 12.09.2025).

7. Sharia and Adat: what laws do Muslims of the Caucasus live by. URL: https://www . rapsinews.ru/incident_publication/20220404 / 307852546.html / (date of access: 18.09.2025).

8. Klein M.A. Criminal law under Sharia law. URL: https://www . conf.siblu.ru/ugolovnoe-pravo-po-zakonam-shariata / (date of access: 11.09.2025).

9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020). URL: https://www.garant.ru/doc/constitution / (date of access: 20.09.2025).

10. Markova E.N. The principle of a secular state: the training manual. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/24862633 / (date of access: 22.09.2025).

11. Musalov M.A. Muslim law in the system of legal education. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-pravo-v-sisteme-yuridicheskogo - obrazovaniya (date of access: 22.09.2025).

12. Nurgaleev R.M. Classical Islamic family law: a textbook. URL: https://www.alhakk.ru/upload/iblock/0f9/0f9f3241b330177ae681d86bf 7386582.pdf (date of access: 25.09.2025).

13. Rozhdestvensky M. Unexpected Sharia. Marriage and family in Islam. URL: https://azbyka.ru/otechnik/religiovedenie / neozhidannyj-shariat/ (date of access: 28.09.2025).

14. Sanai Mehdi. Muslim law and Politics. History and modernity. Moscow, 2016.

15. Sakr Ahmad. Islam on marriage and family life / translated from English by St. Petersburg, 2006.

16. Sakr Ahmad. Family values in Islam / translated from English, St. Petersburg, 2007.

17. Semenov D.N. Fiqh (Islamic law): the training manual. URL: https://me - dresehusainia.ru/wp-content/uploads/2015/07/%85.pdf (date of access: 28.09.2025).

18. Sukiyainen L.R. On the legal nature of Sharia and its interaction with European law. URL: https://pravo.hse.ru/data/2013/02/15/1308280964/%BC.pdf (date of access: 02.10.2025).

18. Сюкияйнен Л.Р. О правовой природе шариата и его взаимодействии с европейским правом. URL: https://pravo.hse.ru/data/2013/02/15/1308280964/%BC.pdf (дата обращения: 02.10.2025).

19. Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М., 2014.

20. Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека: учебное пособие. М., 2015.

21. Федосов И.В. Мусульманское право и влияние ислама на светское право в исторической ретроспекции и современности. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-pravo-i-vliyanie-islama-na-svetskoe- pravo-v-istoricheskoy-retrospektsii-i-sovremennosti (дата обращения: 15.09.2025).

22. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Sukiyainen L.R. Islam and human rights in the dialogue of cultures and religions. Moscow, 2014.

20. Sukiyainen L.R. Islam and human rights: a textbook. Moscow, 2015.

21. Fedosov I.V. Muslim law and the influence of Islam on secular law in historical retrospect and modernity. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-pravo-i-vliyanie-islama-na-svetskoe - pravo-v-istoricheskoy-retrospektsii-i-sovremennosti (date of access: 15.09.2025).

22. On freedom of conscience and religious associations: feder. law of 26.09.1997 № 125-FL. Access from the legal system "ConsultantPlus".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т. С. Оленич, *доктор философских наук, профессор кафедры православной культуры и теологии Донского государственного технического университета. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*

В. А. Журбин, *преподаватель в православной воскресной школе при храме Святой равноапостольной Ольги. 346702, Российская Федерация, Ростовская область, ст-ца Ольгинская, ул. Ленина, 74.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

T. S. Olenich, *Grand PhD in Philosophy, Professor of the Department of Orthodox Culture and Theology of the Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.*

V. A. Zhurbin, *lecturer at the Orthodox Sunday School at the Church of the Holy Equal-to-the-Apostles Olga. 74, Lenin St., Olginskaya village Rostov region 346702 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 01.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 01.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 89–94.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 89–94.

Научная статья
УДК 347.45/.47

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Елена Александровна Рыбалка
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, alena-61-rus@mail.ru

Введение: *суррогатное материнство, будучи средством лечения бесплодия, представляет особую важность и внимание в силу специфики своего правового содержания. На текущий момент до сих пор не разработаны законодательные положения, регулирующие различные ситуации, устраняющие коллизии по отношению к ребенку, рожденному посредством суррогатного материнства. Отсутствие единого кодифицированного подхода по вышеназванным вопросам порождает ряд коллизий, которые на текущий момент остались законодательно не урегулированными, стимулируя юристов разрабатывать теоретические положения по совершенствованию института суррогатного материнства, результаты которых могут быть в перспективе взяты за основу для нивелирования вышеназванных коллизий.*

Материалы и методы: *для теоретических исследований в работе использовались методы толкования права, сравнения, дедукции, диалектический подход и детерминизм.*

Результаты исследования: *защита материнства, семьи и детства, как и обеспечение здравоохранения населения путем лечения бесплодия посредством суррогатного материнства, – базисные, конституционные презумпции Российской Федерации. Для полноценной реализации данных конституционных положений необходимо приведение действующего законодательства РФ о применении суррогатного материнства в его соответствие с основным законом государства. Данные законодательные изменения привнесут качественные аспекты в институт суррогатного материнства, урегулировав его спорные положения и отразив специфику самого договора, порождающего правоотношения между сторонами.*

Выводы и заключения: *текущая законодательная дефиниция в отношении суррогатного материнства имеет удручающее состояние, которое создает предпосылки для нарушения прав и возможностей сторон по договору. Длительное отсутствие качественных законотворческих изменений констатирует безучастие законодателя по урегулированию правовой дефиниции суррогатного материнства и стимулирует научное сообщество анализировать и предлагать свои изменения по совершенствованию данного института.*

Ключевые слова: *суррогатное материнство, договор, оказание услуг, семья, нотариус, презумпция материнства, генетические родители*

Для цитирования: Рыбалка Е. А. *Правовые проблемы института суррогатного материнства и пути их решения: теоретические и правоприменительные аспекты // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 89–94.*

Original paper

LEGAL PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF SURROGACY AND WAYS TO SOLVE THEM: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS

Elena Alexandrovna Rybalka
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

© Рыбалка Е.А., 2026

Introduction: *surrogacy, being a means of treating infertility, is of particular importance and attention due to the specifics of its legal content. At the moment, legislative provisions have not yet been developed to regulate various situations that eliminate conflicts in relation to a child born through surrogacy. The lack of a unified codified approach to the above-mentioned issues gives rise to a number of conflicts that currently remain unresolved by law, stimulating lawyers to develop theoretical provisions for improving the institution of surrogacy, the results of which can in the future be taken as a basis for leveling the above-mentioned conflicts.*

Materials and methods: *for theoretical research, the work used methods of interpretation of law, comparison, deduction, dialectical approach and determinism.*

Results of the study: *the protection of motherhood, family and childhood, as well as the provision of public health by treating infertility through surrogacy, are the basic constitutional presumptions of the Russian Federation. For the full implementation of these constitutional provisions, it is necessary to bring the current legislation of the Russian Federation on the use of surrogacy into compliance with the basic law of the state. These legislative changes will introduce qualitative aspects to the institution of surrogacy, resolving its controversial provisions and reflecting the specifics of the contract itself, which gives rise to legal relations between the parties.*

Findings and conclusions: *the current legislative definition regarding surrogacy is in a depressing state, which creates the preconditions for violation of the rights and capabilities of the parties to the contract. The long-term absence of qualitative legislative changes indicates the indifference of the legislator in regulating the legal definition of surrogacy and stimulates the scientific community to analyze and propose its own changes to improve this institution.*

Keywords: *surrogacy, contract, provision of services, family, notary, presumption of maternity, genetic parents*

For citation: Rybalka E. A. *Legal problems of the institute of surrogacy and ways to solve them: theoretical and law enforcement aspects // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 89–94.*

Российская Федерация одно из государств, которое в своем правовом поле признает институт суррогатного материнства и законотворческой деятельностью пытается его совершенствовать, что подтверждается изменениями в ряде нормативных правовых актов, касающихся суррогатного материнства (Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ (Законопроект № 41630-8) [1]. Данное событие побуждает в научной среде проводить анализ новых положений на предмет их актуальности, целей, возможных рисков и последствий, выявлять элементы, которые законотворцы упустили в своей деятельности, для констатирования данных фактов и их последующего нивелирования.

Текущая дефиниция, установленная п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ), закрепляет юридическую характеристику суррогатного материнства, в которой отражены основания возникновения правоотношений, стороны и объект соглашения [2]. Исходя из данного законодательного положения, можно констатировать, что основанием возникновения правоотношений между сторонами является договор, объект которого – вынашивание и рождение ребенка. Анализируя юридическую характеристику суррогатного материнства, можно отметить абстракцию и некорректный подход в отражении сущностной характеристики рассматриваемого института, который становится объектом пристального внимания научного сообщества. Указанный договор суррогатного материнства не имеет своего описания или отсылочной нормы на иной схожий договор, ввиду чего законодателем заложена диспозитивная основа для определения его вида самими сторонами. С иной стороны данный подход недопустим в силу того, что результатом исполнения такого договора является рождение ребенка, который из-за возраста является недееспособным субъектом в данных правоотношениях, вследствие чего его имущественные и семейные права могут быть нарушены. Одновременно с этим Конституция РФ закрепляет, что жизнь, развитие и благосостояние детей является важнейшим направлением политики РФ [3].

В своей работе Я.Е. Гулевский и Д.В. Филиппов подчеркивают, что рождение ребенка посредством суррогатного материнства порождает нового субъекта права, требующего своей защиты, обеспечить которую можно лишь посредством законодательного урегулирования суррогатного материнства, устраняя проблемы, связанные с этой технологией, путем внесения в Семейный кодекс РФ соответствующей характеристи-

ки договора суррогатного материнства [4]. Мы выражаем солидарность с предоставленной позицией авторов, за исключением отражения правового содержания договора суррогатного материнства в Семейном кодексе РФ. Указанный договор носит гражданско-правовой характер, осложненный элементами семейного права. Категоричное отнесение данного договора к какой-либо одной отрасли означало бы пренебрежение всей его специфики, в силу чего актуально поддерживать баланс двух отраслей права, объективно отразив правовую природу договора. В подтверждение данного аргумента обратимся к зарубежному опыту урегулирования договора суррогатного материнства, а именно к законодательству Республики Беларусь в силу схожести указанной правовой системы с системой РФ. Анализируя Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях», стоит отметить скрупулезный подход законодателя в выработке данного закона, урегулировавшего отрасль применения вспомогательных репродуктивных в отдельном законе. Конкретно в отношении договора суррогатного материнства закон детально раскрывает его юридическую природу, устанавливая стороны правоотношения, форму сделки – письменная, нотариально удостоверенная, а также расширенный перечень существенных условий, отличающих данный договор от иных [5].

Таким образом, считаем необходимым детально урегулировать договор суррогатного материнства, отразив его специфическую правовую природу, отличающую его от иных договоров. При этом стоит отметить его явное сходство с договором оказания услуг, т. к. объектом договора является вынашивание и рождение ребенка, что по своей сути является оказанием услуги. При этом для совершенствования положений о суррогатном материнстве по данному вопросу актуально учитывать опыт Республики Беларусь, реципируя ряд положений данного законодательства, с учетом специфики российского законодательства, т. к. на текущий момент актуально расширить ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ, отразив объект, предмет, письменную нотариальную форму договора, существенные условия, с отсылочными нормами на положения Гражданского кодекса о договоре оказания услуг в иных неурегулированных в Федеральном законе положениях, с дальнейшей перспективой разработки отдельного нормативного акта, охватывающего целую сферу вспомогательных репродуктивных технологий.

Возвращаясь к текущей дефиниции о суррогатном материнстве, Федеральный закон устанавливает следующие стороны правоотношений:

1) суррогатная мать, чей возраст составляет от 20 до 35 лет, имеющая гражданство РФ и не менее одного своего генетического ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья и давшая согласие на медицинское вмешательство;

2) потенциальные родители, т. е. генетические родители ребенка, один из которых имеет гражданство РФ, либо одинокая женщина, соответствующая названным требованиям наличия гражданства РФ, которая по медицинским показаниям не может вынашивать и рожать ребенка [2].

Представленный перечень сторон правоотношения носит закрытый характер и не подлежит расширительному толкованию, тем самым контекстно установлен запрет на пользование услугами суррогатной матери для следующих категорий лиц: лица, не состоящие в браке (сожители); одинокие мужчины; одинокие женщины, не имеющие противопоказаний к вынашиванию и рождению детей; иностранные лица. Таким образом, по своему содержанию законодатель ограничил абсолютное право на получение лечения вследствие субъектных факторов, выраженных по половому признаку, наличия противопоказаний к вынашиванию и рождению ребенка, брака и факта гражданства. Примененный подход законодателя в отношении указанной категорий лиц нарушает ч. 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, устанавливающей право любого человека иметь уровень жизни, в том числе и медицинский уход, необходимый для поддержания их благосостояния [6], с имплементацией данного положения в части 1-2 ст. 19 Федерального закона № 323-ФЗ.

Ограничение субъектов, имеющих право заключать договор суррогатного материнства, чреват рядом экономических и социальных последствий, прослеживаемых по каждой из предоставленных категорий лиц:

– иностранные граждане: отток иностранных лиц из РФ, желавших вылечить бесплодие посредством обращения к услугам суррогатных матерей в РФ, тем самым стимулируя спрос на данный вид услуг в иных странах, где суррогатное материнство разрешено. В результате суррогатные матери в РФ лишатся дохода от предоставления такой услуги иностранным лицам, следовательно, налоговые отчисления не поступят в соответствующие бюджеты субъектов РФ;

– граждане РФ, не состоящие в браке (сожительствующие): в данном случае брак становится дискриминирующим фактором, нивелирующим право сожительствующих лиц лечить бесплодие посредством суррогатного материнства, невзирая на личные воззрения таких граждан на институт брака. Брак не является фактором большей защиты рожденного ребенка, рожденного вне брака, т. к. в данном случае будут все равно применяться общие положения об обязанности родителей воспитывать и заниматься развитием ребенка либо обеспечивать последнего алиментными выплатами;

– одинокие мужчины: данная категория лиц в институте суррогатного материнства вызывает значительный интерес как в научных кругах, так и в сфере правоприменения. Отсутствие указанных лиц в качестве лиц по договору нарушает ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, устанавливающей равенство прав, свобод и возможностей [3]. Однако по данному вопросу мнения в научной среде разделились. Сторонники отнесения одиноких мужчин в качестве стороны по договору суррогатного материнства исходят из прямого толкования вышеназванного положения Конституции, соответственно, иные трактовки воспринимают как факторы, дискриминирующие права и возможности мужчин на создание семьи, путем обращения к услугам суррогатной матери. Противники данного подхода считают, что одинокие мужчины нарушают саму суть суррогатного материнства, а именно лечение бесплодия, в то время как данная категория мужчин не лечится от бесплодия, а использует суррогатное материнство не по назначению.

Однако несмотря на представленную категоричность в правоприменительной среде складывается практика, при которой одинокий мужчина фактически признается родителем ребенка, рожденного от суррогатной матери. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» разъяснено, что одинокий мужчина, имеющий более двух детей, рожденных ему суррогатной матерью, по общему правилу не имеет право на материнский капитал, в отличие от иных мер социальной поддержки [7]. Но несмотря на данный вывод, Конституционный суд фактически признал факт, исходя из него в качестве преюдиции, о том, что одинокий мужчина имеет право воспользоваться услугами суррогатной матери несмотря на фактический запрет данного действия, изложенного в Федеральном законе № 323-ФЗ. В последующем данный подход можно констатировать в практике нижестоящих судов. Так, в Апелляционном определении по делу № 10-12992/2024 суд, отменяя решение суда первой инстанции, исходил из того, что программа суррогатного материнства не содержит прямого запрета на пользование данной услугой одиноким мужчиной [8].

Таким образом, можно констатировать, что судебная практика признает право одиноких мужчин на пользование услугами суррогатной матери. Однако данный подход, с одной стороны, противоречит первоначальной сущности суррогатного материнства в качестве средства лечения бесплодия, а с другой – данный подход выходит за рамки лечения бесплодия, реализуя сполна равенство прав мужчин и женщин на создание семьи. Поэтому актуальным является законодательное закрепление права одиноких мужчин на пользование услугами суррогатных матерей, с целью нивелирования длительного бюрократического процесса признания отцовства одинокого мужчины в отношении его генетического ребенка в суде, решение которого становится основанием для внесения соответствующей записи в органах ЗАГС;

– одинокие женщины, для которых вынашивание и рождение ребенка противопоказано: дефиниция данного термина порождает коллизию, которая указывает на социальный феномен одиночества, одновременно закрепляя недуги для вынашивания и рождения ребенка. Таким образом, законодатель признает проблему данной категории женщин в виде одиночества, которое становится первичным фактором для невозможности создать семью, но далее осложняет это и физиологическими аспектами. По аналогии с одинокими мужчинами, для данной категории женщин должен наличествовать лишь фактор одиночества, без привязки к возможности вынашивания и рождения ребенка, т. к. только при таком подходе будет сполна обеспечиваться право женщины на материнство и семью, реализуемое посредством суррогатного материнства.

Итогом проведенного в работе анализа стали законотворческие предложения, привносящие качественные изменения в институт суррогатного материнства, нивелируя изъяны и коллизии в отношении определения его правовой природы. Для достижения данной цели необходимо принять следующие законодательные изменения:

– закрепить поименованный договор о суррогатном материнстве, отразив его существенные условия, с положениями об обязательной письменной, нотариальной форме. По всем остальным положениям закрепить отсылочные нормы на Гражданский кодекс РФ к договору возмездного оказания услуг;

– нивелировать критерий наличия гражданства в качестве фактора возникновения законных правоотношений по договору суррогатного материнства, ввиду нивелирования оттока иностранных лиц, желающих воспользоваться услугами суррогатных матерей в РФ, и отсутствием доходной составляющей для суррогатных матерей и бюджетов соответствующих субъектов РФ;

– закрепить возможность всем желающим лицам обращаться к услугам суррогатного материнства:

1) исключить критерий наличия брака между лицами, которые находятся в сожительстве, т. к. данный фактор ограничивает право женщины на лечение бесплодия посредством суррогатного материнства;

2) закрепить возможность одиноким мужчинам официально пользоваться услугами суррогатной матери, впоследствии становясь единственным родителем рожденного ребенка;

3) для одиноких женщин исключить критерии медицинских противопоказаний к вынашиванию и рождению ребенка в качестве факторов, определяющих их право на обращение к услугам суррогатной матери.

Список источников

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ (посл. ред.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гулевский Я.Е. Филиппов Д.В. Проблема передачи ребенка генетическим родителям при использовании суррогатного материнства. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-peredachi-rebenka-geneticheskim-roditelyam-pri-ispolzovanii-surrogatnogo-materinstva (дата обращения: 22.01.2026).

5. О вспомогательных репродуктивных технологиях: закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H1120034 (дата обращения: 22.01.2026).

6. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/about-us/copyright (дата обращения: 22.01.2026).

References

1. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal. Law dated 19.12.2022 № 538-FL (last edition). Access from legal system "ConsultantPlus".

2. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: federal. Law dated 21.11.2011 № 323-FL (as amended on 23.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2026). Access from legal system "ConsultantPlus".

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Access from legal system "ConsultantPlus".

4. Gulevsky Ya.E. Filippov D.V. The problem of transferring a child to genetic parents using surrogacy. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-peredachi-rebenka-geneticheskim-roditelyam-pri-ispolzovanii-surrogatnogo-materinstva (date of access: 22.01.2026).

5. On assisted reproductive technologies: Law of the Republic of Belarus dated 07.01.2012 № 341-L. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H1120034 (date of access: 22.01.2026).

6. Universal Declaration of Human Rights: adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of December 10, 1948. URL: https://www.un.org/ru/about-us/copyright (date of access: 22.01.2026).

7. In the case of checking the constitutionality of Article 3 of the Federal Law “On additional measures of state support for families with

7. По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области: постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388562/ (дата обращения: 22.01.2026).

8. Апелляционное определение дело № 10-12992/2024. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/f600e500-acd5-11ef-9d9d-5307dd702504 (дата обращения: 21.01.2026).

children" in connection with a request from the Konakovo City Court of the Tver Region: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.06.2021 № 30-P. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388562/ (date of access: 22.01.2026).

8. Appeal ruling case № 10-12992/2024. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/f600e500-acd5-11ef-9d9d-5307dd702504 (date of access: 21.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. А. Рыбалка, *доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. A. Rybalka, *Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 08.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 08.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 95–101.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 95–101.

Научная статья
УДК 347.61

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: МЕТАМОРФОЗЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД XVI–XIX ВВ. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Майя Андреевна Тугуз[1], Анастасия Андреевна Точилкина[2]
[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, maya.tuguz2711@mail.ru
[2] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, nastena.tochilkina@mail.ru

Введение: *значение традиционных семейных ценностей для государства и общества неоспоримо. Подтверждением изложенного является устойчивый, формировавшийся столетиями и прослеживающийся в нормах российского права на настоящем этапе исторического развития правовой системы государства, интерес законодателя к обеспечению стабильности авторитета традиций, поддерживающих благосостояние института семьи.*

Материалы и методы: *основа данного исследования представлена материалами юридической доктрины; трудами, посвященными изучению исторических процессов формирования отечественного семейного законодательства; нормами канонического и церковного права. Методологию исследования составили методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, нашедшие отражение в классификации и структурировании авторских подходов к историографии отечественного законодательства, а также сформулированных нами выводов о тенденциях развития российской семейной политики на основе анализа процессов реформирования отечественного законодательства в разные исторические периоды.*

Результаты исследования: *ретроспективный анализ становления российского семейного законодательства и присущего ему формирования образа традиционных семейных ценностей указывает на их изменчивость и гибкость, не вступающую в противоречие с сохранением нравственных «констант» семейной жизни, а также фундаментальной значимостью духовной составляющей идеальных с точки зрения права семейных отношений.*

Выводы и заключения: *современное состояние традиционных семейных ценностей имеет под собой историческую основу, состояние которой свидетельствует о возможности постепенной трансформации семейных традиций в российском законодательстве и обществе. Данный факт является объективно обоснованным социальными потребностями, а также интересами государственной власти, одним из главных среди которых является обеспечение стабильности общественной жизни, ее упорядочение и укрепление важнейших социальных институтов.*

Ключевые слова: *семья, традиционные семейные ценности, семейная политика, семья, брак, родители, дети, воспитание*

Для цитирования: Тугуз М. А., Точилкина А. А. *Историко-правовой анализ становления представлений о традиционных семейных ценностях в отечественном законодательстве: метаморфозы правового регулирования семейных отношений в период XVI–XIX вв. и их влияние на современное состояние государственной семейной политики России // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 95–101.*

© Тугуз М.А., Точилкина А.А., 2026

Original paper

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE FORMATION OF CONCEPTS OF TRADITIONAL FAMILY VALUES IN RUSSIAN LEGISLATION: METAMORPHOSES OF THE LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS IN THE 16TH–19TH CENTURIES AND THEIR IMPACT ON THE CURRENT STATE OF RUSSIA'S S STATE FAMILY POLICY

Maya Andreevna Tuguz[1], Anastasia Andreevna Tochilkina[2]
[1] Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the importance of traditional family values for the state and society is undeniable. This is confirmed by the legislator's persistent interest in ensuring the stability of the authority of traditions that support the well-being of the family, which has evolved over centuries and is evident in the norms of Russian law at the current stage of the historical development of the state's legal system.*

Materials and methods: *this study draws on legal doctrine, works devoted to the study of the historical processes of the formation of Russian family law, and norms of canon and church law. The research methodology utilized methods of analysis and synthesis, induction and deduction, reflected in the classification and structuring of the authors' approaches to the historiography of Russian legislation, as well as our conclusions on the development trends of Russian family policy based on an analysis of the processes of reforming Russian legislation in different historical periods.*

Results of the study: *a retrospective analysis of the development of Russian family law and the associated formation of traditional family values reveals their variability and flexibility, which do not conflict with the preservation of the moral "constants" of family life, nor with the fundamental importance of the spiritual component of ideal family relations from a legal perspective.*

Findings and conclusions: *the current state of traditional family values has a historical foundation, which indicates the possibility of a gradual transformation of family traditions in Russian legislation and society. This fact is objectively justified by social needs, as well as the interests of state power, one of the most important of which is ensuring the stability of public life, its ordering, and the strengthening of key social institutions.*

Keywords: *family, traditional family values, family policy, family, marriage, parents, children, upbringing*

For citation: Tuguz M. A., Tochilkina A. A. *Historical and legal analysis of the formation of concepts of traditional family values in Russian legislation: metamorphoses of the legal regulation of family relations in the 16th–19th centuries and their impact on the current state of Russia's state family policy // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 95–101.*

Проблема сохранения традиционных семейных ценностей была актуализирована Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1]. Заметное повышение государственного интереса к теме семейных отношений в последние годы не отменяет того факта, что обеспечение стабильности нравственных основ семейной жизни составляло объект внимания отечественного законодателя ранее. Однако совершенно очевидным, по нашему мнению, является обусловленность процессов развития семейного законодательства Российской Федерации факторами социальной жизни.

Материалы открытых источников информации свидетельствуют об изменении представлений российского общества об институте семьи, который подвергается критике молодого поколения в силу появления новых интерпретаций семейных ценностей[2]. Возможность гибкого подхода к построению семейных отношений, не отменяющая фундаментальность семьи для российско-

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.01.2026).
[2] Традиционные семейные ценности: почему молодежь в них не верит? URL: https://pikabu.ru/story/traditsionnyie_semeynyie_tsennosti_pochemu_molodyozh_v_nikh_ne_verit_10517347 (дата обращения: 15.01.2026).

го общества, признана главой государства[3]. Проблема соотношения государственного и общественного интереса в вопросах регламентации различных аспектов семейной жизни ранее была изучена нами [1, с. 86]. Одним из сформулированных в результате исследования выводов стала недостаточная разработанность темы традиционных семейных ценностей не только на современном этапе их развития, но и в историческом аспекте, что, как мы полагаем, оказывает негативное влияние на формирование государственной семейной политики, одним из принципов которой является соответствие семейного поведения субъектов правоотношений устоявшимся, признаваемым государством в качестве незыблемых, непоколебимых, в первую очередь духовным ценностям. В свою очередь, вопрос о формулировании конкретного, единообразного определения традиционных, строго семейных, ценностей является дискуссионным.

В контексте настоящей работы предлагаем изучение историографии указанного процесса. Исследование формирования представлений о традициях семейной жизни в историческом контексте полагаем целесообразным ввиду влияния его результатов на формулирование дефиниции традиционных семейных ценностей, соблюдения которых обществом требует отечественный законодатель на настоящем этапе развития правовой системы России.

Генезис традиционных семейных ценностей в исторической ретроспективе может быть исследован в рамках различных временных периодов. Так, К.Э. Шахназарян [2, с. 123] предлагает изучение процессов формирования отечественного семейного законодательства с 988 г. Собина И.Ю. [3, с. 64] акцентирует внимание на византийском прошлом российского законодательства. Соболевский А.В. [4, с. 210] указывает на «кризис летописного жанра», который также оказывал влияние на нормативное регулирование публичных и частных правоотношений.

Целесообразным, по нашему мнению, является исследование эволюции традиционных семейных ценностей в рамках исторического периода XVI–XIX столетий. Указанный временной период оценивается нами как один из наиболее значимых исторических этапов формирования отечественного законодательства с точки зрения оформления его индивидуального пути развития.

XVI столетие ознаменовано церковной реформой [5, с. 147]. Согласно нашему мнению, основанному на содержании многочисленных изученных нами научных работ, государственный интерес, как правило, совпадал с ценностями, отстаиваемыми духовенством. Так, Стоглавый Собор 1551 г. (далее – Стоглав)[4], появившийся в результате упомянутой церковной реформы, оказал колоссальное влияние на регулирование не только церковной, но и «мирской» жизни общества, регламентируя широкий спектр правоотношений субъектов.

Издаваемые в последующем акты государственной власти соответствовали содержанию Стоглава. Таким образом, религиозные догмы, действие которых изначально было рассчитано на соблюдение богобоязненной православной частью населения, постепенно все более и более внедрялись в светскую жизнь граждан, приобретая характер общеобязательных правил поведения, не зависящих от религиозной принадлежности сторон общественных отношений, и отношений семейных, в частности.

Такие авторы, как С.В. Лунин [6, с. 187; 7, с. 228], большее внимание уделяют регламентации процедуры венчания и отношению Православной церкви к повторным бракам (заметим, резко негативного, о чем свидетельствует обозначение Стоглавом третьего брака терминами «совокупление», его определения как «законопреступления», а также еще более резкой характеристики четвертого брака, согласно которой последний «нечестие, понеже свинское есть житие»).

Мы предлагаем обращать внимание на нравственные основы брака, закрепленные Стоглавым Собором и в дальнейшем сохраняющие свою стабильность и устойчивость, будучи включенными в содержание других нормативных актов прошлых столетий. Главы 19-22 Стоглава указывают на ценности брака. При этом значение имеет не только форма семейных отношений, но и их содержание. Основой семейной жизни должны являться любовь, взаимная забота, ответственность супругов друг перед другом (что, заметим, соответствует содержанию действующего семейного законодательства РФ[5]), а супружеские отношения представляют собой таинство, чем и обусловлено негативное отношение духовенства к прекращению брака и вступлению лицами в новые

[3] Путин высказался по поводу критики традиционных семейных ценностей. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/525684 (дата обращения: 15.01.2026).
[4] Никонов В. Стоглавый собор 1551 г. // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 9. С. 45–51.
[5] Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

семейные отношения, поскольку, согласно тексту Стоглава, любовь супругов друг к другу подобна их любви к Богу.

Изложенное, отметим, с нашей точки зрения не противоречит мнению С.В. Омельянчука [8, с. 29], смело высказывающегося о браке, как о «сдерживающем механизме», препятствующем «блудному поведению» субъектов правоотношений, порицаемому православной религией. Цитируя автора, «если человек не склонен к плотскому воздержанию «лучше вступить в брак, нежели разжигаться».

Религиозные нормы распространяли влияние и на сферу детско-родительских отношений. Так, гл. 36 Стоглава «О наказании чад своих» устанавливает основы воспитания. Отметим, что употребление церковной властью термина «чадо» не обязательно всегда подразумевало фигуру несовершеннолетнего. Исходя из общего содержания Стоглава, ребенок – лицо, «подчиненное» родителям независимо от возраста. Ценностью семейной жизни, таким образом, являлось безукоризненное послушание детьми родителей, почитание старших членов семьи младшими, соблюдение духовных правил, не исключающее непедагогичные с точки зрения настоящего времени, методы воспитания (внушение страха перед божественным наказанием, применение физического воздействия по отношению к детям, что было санкционировано государством и составляло норму длительный исторический период и т. д. [9, с. 34]).

Более подробно сфера семейных отношений была регламентирована другим актом прошлых столетий. Отношение научного сообщества к «Домострою» неоднозначно. В то время как одни авторы предлагают рассматривать названный документ в качестве учебника по экономике, апеллируя к регулированию им хозяйственной жизни семьи [10, с. 115], другие видят в «Домострое» акт, иллюстрирующий нравственные устои российского общества прошлых столетий и, соответственно, моральные ценности семьи [11, с. 16], а также специфики внутрисемейного воспитания подрастающего поколения [12, с. 85].

По нашему мнению, неопределенность авторских позиций, а также данные, изложенные в трудах ученых, посвятивших научные изыскания историческим основам создания «Домостроя», среди которых И.С. Некрасова [13], И.Е. Забелина [14], В.В. Хорихин [15] и др., позволяют оценивать документ как правовой акт обычного права, что соответствует интересам настоящего исследования.

Дополняя портрет традиционных семейных ценностей на основании проведенного нами непосредственного анализа текста «Домостроя», укажем на закрепление последним идеала патриархальных семейных отношений (заметим, что патриархальные ценности семьи по «Домострою» не предполагали «слепого» подчинения жены воле мужа, но возлагали на последнего ответственность за благополучие семьи как финансовое, так и духовное в ст. 19–23, ст. 27, ст. 33), строгую регламентацию взаимодействия супругов, родителей и детей в быту (наиболее отчетливое проявление последней видим в ст. 13, ст. 39 акта. Обратим внимание также на регламентацию интимных отношений супругов ст. 20–21 «Домостроя»).

Нравственные основы семейных отношений, имея религиозную основу, были восприняты секулярным правом. Таким образом, государством было обеспечено расширение сферы действия изначально церковного закона в пространстве и по кругу лиц.

Проведенный нами обзор нормативного материала указывает на следующее. В числе актов светского права, составивших основу нормативно-правового регулирования семейных отношений, авторы, как правило, выделяют Судебники 1550[6], 1589 гг.[7], которые регламентировали семейные отношения лишь отчасти, более концентрируясь на публичных правоотношениях. Ценность для нас представляет закрепленный данными актами статус незаконнорожденных детей (ст. 69–70 Судебника 1589 г.), отношение к которому законодателя во второй половине XVI в. приобрело заметно более лояльный характер, что, по нашему мнению, свидетельствует, во-первых, о признании ценности отдельной личности в российском государстве, развитии его гуманистических начал; во-вторых, об осознании законодателем необходимости ужесточения ответственности сторон семейных отношений за совершенные ими противоправные деяния, наносящие ущерб моральным ценностям, продиктованным православной религией и санкционированным светским правом; в-третьих, способствовало стабилизации общественной жизни.

Особый интерес представляет для нас изучение содержания Соборного Уложения 1649 г[8],

[6] Судебник 1550 г. URL: https://f-ipsub.udsu.ru/files/assets/9.%20СУДЕБНИК%201550%20r.doc (дата обращения: 28.12.2025).
[7] Судебник 1589 г. URL: https://www.prlib.ru/section/681934 (дата обращения: 28.12.2025).
[8] Соборное уложение 1649 г. / комм. Г. В. Абрамовича и др.; рук. авт. колл. А. Г. Маньков. Л., 1987.

которое стало первым правовым актом, закрепившим составы преступлений против семьи, к которым законодателем были отнесены: грубость ребенка по отношению к родителям; нанесение им побоев; завладение ребенком имуществом без согласия родителей; «непочитание» родителей; отказ детей от обеспечения родителям содержания и др. Заметим, отдельные из указанных деяний, утратив статус преступных, тем не менее были сохранены современным российским правом. Так, нормы отечественного наследственного права в ст. 1117 Гражданского кодекса РФ[9] предусматривают санкцию за совершение субъектами противоправных действий (в том числе уклонение от предоставления содержания) в отношении наследодателя. Лишение права наследования, таким образом, может быть применено к детям, не исполняющим предусмотренные законом в ст. 87 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) обязанности в отношении родителей. Приведенный нами пример заимствования современным правом норм законодательства XVII столетия не является единственным.

Сведения о моральных обязательствах членов семьи друг перед другом были дополнены содержанием принятого в 1782 г. Устава благочиния[10]. Значительное внимание в Уставе уделено нравственному поведению ребенка: последний должен был оказывать родителям не видимое почтение, но «чистосердечное», любовь к родителям и ее проявление также являлись его обязанностями. Более того, подобные моральные обязательства перед родителями имели бессрочный характер и требовали исполнения и после смерти родителей.

Заметим, обеспечение соблюдения моральных обязательств детей перед родителями перестало быть прерогативой позитивного права, перейдя в «юрисдикцию» общественной морали, на состояние которой так же, как мы полагаем, в значительной степени оказывает влияние состояние государственной семейной политики. Отметим также, что устанавливаемая законом на более ранних этапах его развития безоговорочная власть родителя над ребенком, согласно результатам анализа действующего семейного законодательства РФ, утратила свои позиции. Так, СК РФ не содержит указаний на необходимость соблюдения несовершеннолетним тех или иных нравственных правил поведения в отношении родителей, таких как послушание, почитание и пр.

Идеи неукоснительного соблюдения членами семьи нравственных обязательств друг перед другом получили более детальное воплощение в тексте ранее упомянутого нами Свода законов Российской империи 1832 г. (далее – СЗРИ)[11].

Возвращаясь к регламентации брачных отношений, заметим, что данный акт отличается от прочих установлением ответственности супругов за измену, факт которой отныне требовал доказательств (напомним, нормы церковного права предусматривали прекращение брака в результате супружеского адюльтера, обвинение в котором не требовало подтверждения) (ст. 42 СЗРИ).

СЗРИ указывал на наличие юридических последствий недействительного брака, который был приравнен к брачным отношениям, по всем параметрам соответствующим действовавшему законодательству (ст. 43–44), а также препятствовал раздельному проживанию супругов как действию, влекущему «разрыв супружеского союза» (ст. 39). Указанные требования государственной власти к организации субъектами семейных отношений сохраняли свою актуальность до 1917 г., когда институт семейных ценностей претерпел сокрушительные изменения, а религиозные основы семейной жизни были опровергнуты новой властью.

Изложенные сведения о процессе трансформирования моральных основ семейных ценностей указывают, по нашему мнению, на несколько важных обстоятельств, которые должны быть учтены не только строго в контексте настоящего исследования, но при анализе государственной семейной политики, перспектив ее развития на настоящем историческом этапе. Так, необходимо учитывать изменчивость традиционных семейных ценностей в соответствии с «духом времени» и интересами государства и общества на данном историческом этапе. Данный процесс является естественным, обоснованным и не может быть оспорен, поскольку, как мы должны заключить, не обязательно оказывает губительное воздействие на моральные основы семейной жизни общества. Более того, полагаем, что наиболее устойчивые «структуры» семейных отношений

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Официальный портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

[10] Устав благочиния или Полицейской. Часть первая. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003338467/ (дата обращения: 25.12.2025).

[11] Свод законов Российской империи 1832 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_iframe&bpas=303 (дата обращения: 25.12.2025).

не подвержены существенным изменениям, учитывая результаты проведенного исследования.

Применительно к вопросу об определении понятия традиционных семейных ценностей изложенное означает невозможность его казуистического истолкования. Данное определение должно носить универсальный характер, исключая простое перечисление упомянутых нами в тексте исследования нравственных основ семейной жизни.

Как полагаем, исходя из результатов анализа исторических сведений, традиционные семейные ценности есть не что иное, как исторически обусловленные, санкционированные государственной властью практики организации семейной жизни, соответствующие принятым в обществе моральным нормам и принципам и направленные на укрепление семейных отношений субъектов.

Список источников

1. Мосиенко Т.А. Понятие традиционных семейных ценностей в российском праве: причины отсутствия, проблематика, перспективы / Т.А. Мосиенко, М.А. Тугуз // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4.

2. Шахназарян К.Э. История развития семейного законодательства России // Аграрное и земельное право. 2022. № 11(215).

3. Собина И.Ю. Влияние византийского права на развитие отечественного семейного права: историография вопроса // Общество и право. 2009. № 4(26).

4. Соболевский А.В. Брачно-семейные отношения в XVI в. (по материалам отечественной историографии) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9(162).

5. Точеный Д.С. Государственно-правовая деятельность И.Грозного / Д.С. Точеный, Н.Г. Точеная // Вестник Волжского университета В. Н. Татищева. 2010. № 72.

6. Лунин С.В. Об особенностях регулирования венчания и крещения по Стоглаву // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18.

7. Лунин С.В. Вопрос о количестве разрешенных браков в Стоглаве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2(15).

8. Омельянчук С.В. Брак и семья на Руси XIII–XVII вв.: религиозные представления и бытовая практика // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и философия. 2024. № 1. Т. 34.

9. Осавелюк А.М. Особенности содержания и структуры церковного права / А.М. Осавелюк, Н.Д. Эриашвили // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11.

10. Капинос Р.В. «Домострой» о. Сильвестра как первый русский учебник по экономике // Труды Белгородской духовной семинарии. 2019. № 9.

References

1. Mosienko T.A. The concept of traditional family values in Russian law: reasons for absence, problems, prospects / T.A. Mosienko, M.A. Tuguz // North Caucasian Law Bulletin. 2025. № 4.

2. Shakhnazaryan K.E. The history of the development of family legislation in Russia // Agrarian and land law. 2022. № 11(215).

3. Sobina I.Y. The influence of Byzantine law on the development of domestic family law: historiography of the issue // Society and Law. 2009. № 4(26).

4. Sobolevsky A.V. Marital and family relations in the XVI century (based on the materials of Russian historiography) // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2015. № 9(162).

5. Tochenyi D.S. State and legal activity of I.Grozny / D.S. Tochenyi, N.G. Tochenaya // Bulletin of V. N. Tatishchev Volzhsky University. 2010. № 72.

6. Lunin S.V. On the specifics of regulating weddings and baptisms according to Stoglav // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 18.

7. Lunin S.V. The question of the number of permitted marriages in the Stoglav // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 2(15).

8. Omelyanchuk S.V. Marriage and family in Russia of the 13th–17th centuries: religious beliefs and everyday practice // Bulletin of the Udmurt University. Series: History and philosophy. 2024. № 1. Vol. 34.

9. Osavelyuk A.M. Features of the content and structure of church law / A.M. Osavelyuk, N.D. Eriashvili // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 11.

10. Kapinos R.V. O. Sylvester's Domostroy as the first Russian textbook on economics // Proceedings of the Belgorod Theological Seminary. 2019. № 9.

11. Volotova M.G. Economic and family relations in the conceptual system of house

11. Волотова М.Г. Экономические и семейные отношения в концептуальной системе домостроительства в поучительных текстах русского православия XI–XIX вв. (на примере «Домостроя») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1.

12. Яринская А.М. «Домострой» и «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества»: опыт сравнительного исторического анализа // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334.

13. Некрасов И.С. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 2025.

14. Забелин И.Е. Домострой по списку Императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1882.

15. Хорихин В.В. К вопросу об особенностях источниковедческого анализа дидактических комплексов обобщающего характера: проблема взаимоотношений редакций и списков в истории изучения домостроя // Вестник Московского государственного университета сервиса. 2007. № 2(2).

building in the instructive texts of Russian Orthodoxy of the XI–XIX centuries. (on the example of "Domostroy") // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2016. № 1.

12. Yarinskaya A.M. "Domostroy" and "The General Institution for the education of both sexes of youth": the experience of comparative historical analysis // Bulletin of Tomsk State University. 2010. № 334.

13. Nekrasov I.S. The experience of historical and literary research on the origin of ancient Russian House construction. Moscow, 2025.

14. Zabelin I.E. House construction according to the list of the Imperial Society of Russian History and Antiquities. Moscow, 1882.

15. Khorikhin V.V. On the issue of the peculiarities of the source analysis of didactic complexes of a generalizing nature: the problem of the relationship of editorial offices and lists in the history of the study of house construction // Bulletin of the Moscow State University of Service. 2007. № 2(2).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

М. А. Тугуз, *аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.*

А. А. Точилкина, *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

M. A. Tuguz, *postgraduate Student at the Department of Civil Law of the Faculty of Law of the Rostov State University of Economics (RSUE). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov on Don, 344002, Russian Federation.*

A. A. Tochilkina, *PhD in Law, senior lecturer of the department of criminalistics and operational investigative activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015, Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 27.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 102–108.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 102–108.

Научная статья
УДК 347

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Давид Кромвелович Григорян[1], Анастасия Сергеевна Суханова[2]
[1] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, davo-davo23@mail.ru
[2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, asukhanova-23@ranepa.ru

Введение: *развитие беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) стало одним из ключевых направлений современного научно-технического прогресса, определяющим трансформацию как военной сферы, так и гражданского сектора. Эволюция беспилотников – от первых экспериментальных воздушных шаров XIX в. до высокоавтономных систем, интегрированных с искусственным интеллектом, – отражает общую динамику развития радиотехники, навигации, вычислительных технологий и автоматизированного управления. Масштабное внедрение беспилотных систем открывает новые технологические и экономические возможности, но одновременно ставит задачи по обеспечению безопасности полетов, совершенствованию правового регулирования и созданию единой национальной системы управления БПЛА.*

Материалы и методы: *в процессе исследования авторы опирались на совокупность научных методов познания, таких как историко-аналитический, сравнительно-исторический и системный подходы. Источниковую базу составили научные публикации по истории авиации и беспилотных технологий, нормативные правовые документы Российской Федерации, а также статистические данные о развитии производственной и инфраструктурной базы БПЛА.*

Результаты исследования: *в статье рассматривается эволюция беспилотных летательных аппаратов от первых экспериментальных образцов XIX в. до современных автономных систем, оснащенных искусственным интеллектом и высокоточными сенсорными комплексами. Показано, что развитие БПЛА проходило через последовательные этапы: первоначальные военные эксперименты, создание радиоуправляемых и автопилотируемых систем, массовое применение в учебных и разведывательных программах, а затем интеграция в гражданскую и коммерческую сферы.*

Выводы и заключения: *БПЛА прошли путь от военных экспериментов до современных автономных систем с искусственным интеллектом. В России наблюдается рост производства, развитие инфраструктуры и интеграция частного сектора, что укрепляет технологический суверенитет. БПЛА становятся стратегически важным инструментом для обороны, науки и экономики, требуя дальнейшего развития нормативного регулирования и безопасности полетов.*

Ключевые слова: *беспилотные летательные аппараты, БПЛА, дроны, искусственный интеллект, радиоуправление, автономные системы, военная техника, гражданская авиация, инфраструктура БПЛА, технологический прогресс*

Для цитирования: Григорян Д. К., Суханова А. С. *История создания и развития беспилотных летательных аппаратов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 102–108.*

© Григорян Д.К., Суханова А.С., 2026

Original paper

THE HISTORY OF THE CREATION AND DEVELOPMENT OF UNMANNED AERIAL VEHICLES

David Cromwelovich Grigoryan[1], Anastasia Sergeevna Sukhanova[2]
[1] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] South-Russian Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the development of unmanned aerial vehicles (UAVs) has become one of the key areas of modern scientific and technological progress, determining the transformation of both the military and civilian sectors. The evolution of drones, from the first experimental balloons of the 19th century to highly autonomous systems integrated with artificial intelligence, reflects the general dynamics of the development of radio engineering, navigation, computing technologies and automated control. The large-scale introduction of unmanned systems opens up new technological and economic opportunities, but at the same time sets goals for ensuring flight safety, improving legal regulation and creating a unified national UAV management system.*

Materials and methods: *in the course of the research, the authors relied on a set of scientific methods of cognition, such as historical-analytical, comparative-historical and systematic approaches. The source base consists of scientific publications on the history of aviation and unmanned technologies, regulatory legal documents of the Russian Federation, as well as statistical data on the development of the UAV production and infrastructure base.*

Results of the study: *the article examines the evolution of unmanned aerial vehicles from the first experimental samples of the 19th century to modern autonomous systems equipped with artificial intelligence and high-precision sensor complexes. It is shown that the development of UAVs went through successive stages: initial military experiments, the creation of radio-controlled and autopiloted systems, mass application in training and reconnaissance programs, and then integration into civilian and commercial spheres.*

Findings and conclusions: *UAVs have gone from military experiments to modern autonomous systems with artificial intelligence. Russia is experiencing an increase in production, infrastructure development, and private sector integration, which strengthens technological sovereignty. UAVs are becoming a strategically important tool for defense, science and economics, requiring further development of regulatory regulation and flight safety.*

Keywords: *unmanned aerial vehicles, UAVs, drones, artificial intelligence, radio control, autonomous systems, military equipment, civil aviation, UAV infrastructure, technological progress*

For citation: Grigoryan D. C., Sukhanova A. S. *The history of the creation and development of unmanned aerial vehicles // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 102–108.*

Развитие беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) представляет собой один из наиболее значимых технологических прорывов XX–XXI вв., оказавший глубокое влияние на военную сферу, гражданскую авиацию, науку и экономику [1, с. 15–28]. История создания и совершенствования беспилотных систем неразрывно связана с общими тенденциями научно-технического прогресса, развитием радиотехники, автоматического управления и искусственного интеллекта (далее – ИИ). Первые эксперименты с летательными аппаратами без экипажа начались еще в начале XIX в., когда инженеры стремились создать машины, способные выполнять полеты без непосредственного участия человека.

В 1849 г., во время осады Венеции австрийскими войсками, произошло первое задокументированное применение беспилотных летательных средств в военных целях [2, с. 45–52]. Австрийцы попытались бомбардировать город небольшими воздушными шарами, начиненными взрывчаткой и снабженными часовыми или химическими взрывателями. Инициатором эксперимента был артиллерийский лейтенант Франц фон Ухатиус. Летом того года было запущено около 200 шаров, часть с суши, часть с борта парового корабля, ставшего прообразом будущих авианосцев. Каждый шар нес 10–15 кг взрывчатки и должен был планировать над городом, вызывая пожары. Однако большинство аппаратов не достигло цели из-за зависимости траектории от ветра. Несмотря на ограниченный военный эффект попытка имела символическое значение: впервые для атаки применялось устройство без экипажа

и прямого контроля человека, что положило основу концепции дистанционного оружия. Через полвека идея дистанционного управления аппаратами получила новое развитие. В 1898 г. Никола Тесла продемонстрировал радиоуправляемое судно на выставке в Madison Square Garden. Его стальное судно могло поворачивать, изменять скорость и останавливаться по командам оператора, что впервые показало практическую возможность управления устройством на расстоянии. Этот опыт стал отправной точкой для последующих военных разработок.

В период Первой мировой войны инженеры разных стран стремились создать автономные или радиоуправляемые аппараты для ударных и разведывательных задач. На этом этапе сформировались две ключевые линии развития: одноразовые летательные торпеды с программируемым завершением полета – предшественники крылатых ракет, и радиоуправляемые или автопилотируемые мишени для обучения расчетов противовоздушной обороны (далее – ПВО) и испытаний систем управления. Хотя ни один из проектов не достиг ожидаемого боевого применения, они сформировали критически важный технологический задел, включая гироскопическую стабилизацию, барометрические и механические системы отсчета дистанции, селективные радиоприемники и катапультные установки, которые стали основой для последующего развития БПЛА.

Особое значение имели работы Арчибальда Лоу в Великобритании над проектом Aerial Target, первой последовательной попыткой использовать радиосигналы для управления самолетом. Испытания доказали принципиальную возможность управления, однако слабая мощность передатчиков, помехи и ненадежность приемников ограничивали практическую эффективность системы. В США аналогичным проектом стала «воздушная торпеда» Kettering Bug, созданная Чарльзом Кеттерингом. Этот дешевый одноразовый аппарат с гироскопическим автопилотом и механическим «одометром» отключал двигатель после заданного расстояния и входил в пикирование на цель. Параллельно программа Hewitt-Sperry стремилась создать более тяжелую «летающую бомбу» с автопилотом Эльмера Сперри и барометрическими системами контроля высоты и дальности. Испытания показали, что автопилот способен поддерживать устойчивый полет, однако проблемы с запуском и точностью наведения не позволяли применять эти аппараты в боевых условиях. Параллельно использовались привязные аэростаты и пилотируемая авиация для корректировки огня, а также развивались вспомогательные технологии – таймеры детонации, простые «одометры», методы катапультного старта и стандарты испытаний мишеней для ПВО.

Опыт Первой мировой войны подтвердил техническую осуществимость концепции, но выявил ограничения систем управления и навигации, что стимулировало интенсивное развитие гироскопических приборов, автопилотов и радиотехники в межвоенный период. Во второй четверти XX в. идея дистанционного управления перешла из лабораторных экспериментов к массовому производству и практическому применению [3, с. 33–41]. Одним из первых направлений, где беспилотные технологии нашли реальное применение, стали учебные программы подготовки расчетов ПВО. Великобритания в начале 1930-х гг. внедрила радиоуправляемые самолеты-мишени, используемые для имитации вражеских целей, что также стало источником термина drone. К концу десятилетия аналогичные разработки развивались в США, где была развернута промышленная линия по выпуску серийных радиоуправляемых самолетов-мишеней для тренировки расчетов ПВО. Эта программа показала возможность массового производства надежных беспилотных аппаратов и сформировала технологическую основу для последующего развития разведывательных и ударных систем в 1940–1950-е гг.

Параллельно Советский Союз развивал дистанционно управляемую авиацию, хотя масштабы были меньше. Уже в начале 1930-х гг. инженеры В.И. Бекаури и Н.Г. Поликарпов создавали экспериментальные аппараты на базе бомбардировщиков, управляемые с самолета-наводчика. Несмотря на ограниченную точность и надежность радиосистем эти исследования подтвердили техническую возможность дистанционного управления. В годы Второй мировой войны интерес к беспилотным решениям усилился: проводились эксперименты с легкими и штурмовыми самолетами, а также создавались учебные мишени для ПВО. Эти работы сформировали технологический фундамент, на котором в 1950–1960-е гг. появились первые серийные советские разведывательные и учебные БПЛА, ставшие частью военной инфраструктуры страны.

Массовое использование беспилотных аппаратов во время Второй мировой войны продемонстрировало их стратегическую ценность и стимулировало дальнейшее раз-

витие технологий [4]. С прогрессом радиоэлектроники, навигации и систем управления дроны превратились в полноценный инструмент разведки и боевого обеспечения. Начавшаяся холодная война сделала беспилотные системы важным элементом военно-технического соперничества [5, с. 58–69]. Одним из первых успешных решений стал американский реактивный беспилотный аппарат Radioplane Q-2 Firebee, изначально создававшийся как учебная мишень, но впоследствии адаптированный под стратегическую разведку. Его модификации применялись для аэрофотосъемки, радиоразведки и оценки результатов ударов, запускались с носителей, управлялись по радиоканалу и возвращались после миссии, став надежным и экономичным способом получения разведданных.

В послевоенный период Советский Союз также активно развивал беспилотную авиацию. В 1950–1960-е гг. довоенные разработки оформились в полноценные программы, результатом которых стали серийные разведывательные и учебные БПЛА. Среди них тяжелый стратегический Ту-123 для разведки и более легкий Ла-17, предназначенный для подготовки расчетов ПВО. Развитие беспилотников в СССР приобрело системный характер: создавались конструкторские бюро, полигоны, инфраструктура подготовки операторов, и закрепилось понимание БПЛА как элемента единой разведывательно-ударной системы, интегрированной с пилотируемой авиацией и средствами ПВО. Аналогичные процессы происходили и на Западе, где беспилотники применялись для получения стратегических данных в зонах повышенного риска.

Ключевым направлением оставалось совершенствование систем управления и навигации. Если ранние аппараты полностью зависели от команд оператора, то к 1970-м гг. появились автономные инерциальные и корректируемые системы, а затем элементы спутниковой навигации. Развитие вычислительной техники повысило надежность и точность полетов, а первые каналы передачи изображения в реальном времени стали прообразом современных разведывательных комплексов. Беспилотники использовались не только в военных, но и в научных целях – для метеорологических наблюдений, исследования атмосферы и контроля ядерных испытаний. К началу 1990-х гг. в СССР сформировалась разветвленная система беспилотников, применявшихся для разведки, обучения и научных задач, что закрепило страну среди мировых лидеров в этой сфере.

Завершение холодной войны ознаменовало переход беспилотной авиации из преимущественно военной сферы в более широкий технологический контекст [6]. Накопленный опыт в радиоуправлении и аэродинамике создал основу для нового поколения БПЛА, обладающих высокой автономностью, многофункциональностью и доступностью. Развитие спутниковой навигации, цифровых технологий, искусственного интеллекта и компактных сенсоров открыло возможности для интеграции беспилотников в гражданскую, научную и коммерческую сферы, превратив дроны в один из ключевых инструментов современной технологической эпохи.

Гражданская сфера применения БПЛА охватывает транспорт, логистику, инфраструктуру и безопасность [7]. Дроны используются для инспекции энергетических сетей, нефтегазовых трубопроводов, линий электропередач, мостов и зданий. Например, компания Rosseti активно применяет дроны для мониторинга линий электропередач и выявления дефектов опор с помощью ИИ-аналитики, что сокращает время аварийного реагирования. Искусственный интеллект в этих системах позволяет автоматически выявлять дефекты, строить трехмерные карты объектов, планировать оптимальные маршруты полета и даже прогнозировать износ оборудования. В сельском хозяйстве ИИ обеспечивает точное картирование посевов, анализ состояния растений и оптимизацию распыления удобрений и средств защиты от вредителей, повышая урожайность и снижая издержки. Например, AgroFly и John Deere используют дроны с мультиспектральными камерами и алгоритмами ИИ для мониторинга состояния полей в режиме реального времени, что позволяет фермерам экономить до 20 % ресурсов и повышать эффективность внесения удобрений. В сфере общественной безопасности ИИ помогает дронам распознавать людей и транспорт, отслеживать подозрительную активность и участвовать в поисково-спасательных операциях.

Научное применение БПЛА включает исследования атмосферы, климатических и экологических процессов, наблюдение за животными и экосистемами, мониторинг вулканической и сейсмической активности. Так, в 2023 г. дроны DJI Matrice 300 RTK применялись для изучения таяния ледников в Гренландии, а в Амазонии – для мониторинга вырубки лесов с использованием тепловизионных и мультиспектральных сенсоров. Благодаря возможности поднимать

на борт разнообразные сенсоры, включая камеры высокого разрешения, тепловизоры, газоанализаторы и метеоприборы, беспилотники позволяют собирать данные с высокой точностью и в труднодоступных зонах, минимизируя риски для человека.

Коммерческая сфера использования БПЛА развивается наиболее динамично благодаря снижению стоимости аппаратов и повышению доступности технологий. Это отражается на положительной динамике увеличения числа дронов в данной сфере.

Источник: Ростелеком, 2024

Сегодня дроны применяются для доставки товаров, фотографической и видеосъемки, картографирования территорий, маркетинговых кампаний, контроля складов и логистических процессов. Например, Amazon Prime Air в 2024 г. провела успешные тесты дронов доставки в США и Великобритании, а UPS Flight Forward запустила регулярные поставки медицинских препаратов с использованием беспилотников в нескольких городах США. В медиаиндустрии дроны активно применяются для аэрофотосъемки событий, спортивных соревнований и киноиндустрии, например, в время съемок фильмов операторы могут использовать дроны для динамичных сцен. Растет рынок развлечений и спортивных дронов, включая дроны для гонок, обучения пилотированию и индивидуального досуга, где компании вроде DRL (Drone Racing League) регулярно проводят международные турниры.

Военная сфера остается традиционно крупнейшей и наиболее технологически продвинутой областью применения БПЛА. Военные беспилотники выполняют разведывательные, ударные, наблюдательные и радиоэлектронные функции. Современные российские аппараты, такие как Ту-300 «Орион», средние БПЛА «Сириус-М» и другие оперативно-тактические системы, а также дроны легкого и малогабаритного класса, способны действовать на значительных дальностях, оснащены высокоточными системами наведения, средствами связи, датчиками искусственного интеллекта и оптико-электронными комплексами. Эти системы используются для мониторинга территорий, слежения за перемещением войск, обнаружения и поражения целей, корректировки огня артиллерии, радиоэлектронной борьбы и поддержки специальных операций.

Военная эксплуатация БПЛА стимулирует развитие новых технологий – от автономных алгоритмов управления до миниатюрных сенсорных систем, устойчивых к жестким условиям эксплуатации. Так, в 2023–2024 гг. в России расширялись испытания «роевых» дронов: группы беспилотных аппаратов работают совместно, обмениваясь данными, корректируя маршруты и распределяя цели между собой. При модернизации Ту-300 «Орион» разрабатываются алгоритмы ИИ для автономного распознавания физических объектов, оптимизации траекторий полета и адаптации под изменения метеоусловий или препятствий. Малые тактические БПЛА, в том числе FPV-дроны, активно используются для оперативного сбора разведданных и ведения тактического удара, особенно в ближней зоне. Особое значение для России в наращивании производства и модернизации беспилотных систем имеет специальная военная операция [8]. В конце 2024 г. на техническом совете Минобороны совместно с Народным фронтом министр обороны А. Белоусов сообщил, что производство БПЛА и FPV-дронов достигло до 40 тыс. изделий в месяц, а систем радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и радиоэлектронной разведки (РЭР) – до 5 тыс. изделий в месяц.

При этом Минобороны заявило, что уже закуплено более 100 тыс. единиц продукции от мелких конструкторских бюро и гражданских производителей, что свидетельствует о масштабной интеграции частного и волонтерского секторов в оборонную программу. С точки зрения долгосрочной стратегии Россия планирует нарастить годовое производство беспилотников до 32 500 единиц к 2030 г., при этом доля отечественных БПЛА должна составить около 70 % рынка. Согласно документам, на развитие этой отрасли до 2030 г. предусмотрено финансирование в размере 696 млрд руб., что подчеркивает приоритетность этой области для государственной политики.

Рост производства дронов неразрывно связан с развитием инфраструктуры. В рамках национального проекта «Беспилотные авиационные системы» Росавиация планирует к 2030 г. создать 290 посадочных площадок (специализированных «районных полетов») для эксплуатации беспилотников по всей территории России. Из них 49 площадок должны быть размещены на аэродромах федерального значения и 241 – на объектах, принадлежащих регионам. Уже в 2025 г. запланировано открытие площадок в 16 субъектах, среди которых Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ, Новгородская и Калужская области и некоторые другие. В частности, первые площадки планируют ввести в эксплуатацию в Самарской области в 2025 г. Кроме того, Росавиация выделила девять новых мест для посадочных площадок на Сахалине (в 2025 г.), в сотрудничестве с НПЦ «Крылья Сахалина» и авиакомпанией «Аврора-БАС». Эти инфраструктурные инициативы предусматривают не просто взлетно-посадочные площадки, но и создание инфраструктуры: цифровых систем управления воздушным движением, сетей связи, сервисных центров технического обслуживания БПЛА, что усилит логистическую и эксплуатационную составляющую беспилотных операций.

Развитие этой инфраструктуры можно рассматривать как стратегическую задачу государственной политики в области высоких технологий и национальной безопасности. Масштабные планы Росавиации по строительству площадок свидетельствуют о намерении сформировать устойчивую технологическую базу для поддержки массового производства и применения БПЛА. Реализация этой программы создает благоприятные условия для развития новых рынков, привлечения инвестиций и стимулирования инновационной активности в смежных областях – от навигации и связи до радиоэлектронной борьбы и энергетики. Особенно ожидается рост спроса на отечественные сенсоры, модули ИИ и системы радиоэлектронной борьбы, что будет оказывать синергетическое влияние на оборонно-промышленный комплекс и способствовать укреплению технологического суверенитета страны.

Развитие беспилотных летательных аппаратов стало одним из наиболее заметных направлений современного научно-технического прогресса. Эволюция дронов от узкоспециализированных военных устройств до универсальных инструментов гражданского и коммерческого назначения отражает глобальный тренд на автоматизацию, цифровизацию и повышение эффективности управления воздушным пространством. Однако вместе с тем развитие БПЛА сопровождается рядом вызовов. Среди них – необходимость обеспечения безопасности полетов, защиты персональных данных, выстраивания правового регулирования и технической стандартизации. Рост количества беспилотников в воздухе требует создания новых правил координации и управления воздушным движением, интеграции дронов в единую систему национальной авиации и разработки механизмов взаимодействия между государством, бизнесом и частными пользователями. БПЛА становятся не просто инструментом технического прогресса, но и символом перехода к новой модели взаимодействия человека и технологий, где автономные системы играют ключевую роль в обеспечении безопасности, эффективности и устойчивого развития. В долгосрочной перспективе они способны стать важным элементом «умной» инфраструктуры страны и внести значительный вклад в модернизацию российской экономики, науки и системы государственного управления.

Список источников

1. Котельников В.Р. Развитие беспилотной авиации в XX–XXI вв. // Авиационная техника. 2019. № 3.

2. Свердлов С.С. История создания беспилотных летательных аппаратов // Военно-исторический журнал. 2018. № 7.

References

1. Kotelnikov V.R. The development of unmanned aircraft in the XX–XXI centuries. // Aviation technology. 2019. № 3.

2. Sverdlov S.S. The history of the creation of unmanned aerial vehicles // Military Historical Journal. 2018. № 7.

3. Ильин В.А. Развитие беспилотных авиационных комплексов в СССР // Вестник воздушно-космической обороны. 2017. № 4.

4. Российская академия ракетных и артиллерийских наук Беспилотные авиационные комплексы в системе вооружений РФ. М., 2020.

5. Жуков Н.Н. Военная беспилотная авиация России: современное состояние и перспективы // Военная мысль. 2021. № 6.

6. Высшая школа экономики Рынок беспилотных авиационных систем в России: аналитический обзор. М., 2023.

7. Применение беспилотных летательных аппаратов в энергетике. URL: https://www.rosseti.ru (дата обращения: 15.12.2025).

8. Министерство обороны Российской Федерации. История развития беспилотных летательных аппаратов. URL: https://mil.ru (дата обращения: 15.12.2025).

3. Ilyin V.A. Development of unmanned aircraft systems in the USSR // Bulletin of Aerospace Defense. 2017. № 4.

4. Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences Unmanned aerial systems in the Russian Federation weapons system. Moscow, 2020.

5. Zhukov N.N. Military unmanned aircraft of Russia: current state and prospects // Military thought. 2021. № 6.

6. Higher School of Economics, The market of unmanned aircraft systems in Russia: analytical review. Moscow, 2023.7.

Application of unmanned aerial vehicles in the energy sector. URL: https://www.rosseti.ru (date of access: 15.12.2025).

8. Ministry of Defense of the Russian Federation. The history of the development of unmanned aerial vehicles. URL: https://mil.ru (date of access: 15.12.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Д. К. Григорян, *кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

А. С. Суханова, *преподаватель факультета политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

D. C. Grigoryan, *PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

A. S. Sukhanova, *lecturer at the Faculty of Political Science and Ethnopolitics of the The South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 07.02.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 07.02.2026; approved after reviewing 14.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 109–112.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 109–112.

Научная статья
УДК 343.985

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАЗОБЛАЧЕНИЯ СПОСОБОВ ЦИФРОВОЙ МАСКИРОВКИ

Юлия Дмитриевна Коряк
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Julia.koryak@mail.ru

Введение: *основной причиной появления нового вида маскировки стала цифровизация, которая затронула практически все сферы человеческой деятельности. В настоящее время сущность цифровой маскировки, а также способы ее воздействия на объекты практически не изучены, ввиду чего возникают криминалистические проблемы выявления и разоблачения данного способа сокрытия.*

Материалы и методы: *при написании научной статьи изучались монографические и диссертационные исследования, посвященные основам криминалистического учения о способе сокрытия преступлений; нормативные правовые акты, регулирующие порядок использования программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам; информационно-аналитические материалы МВД России. Применены общенаучные и частные методы познания: индукция, дедукция, сравнительно-правовой метод, а также системный и деятельностный подходы к пониманию маскировки как способа сокрытия.*

Результаты исследования: *в результате проведенного исследования разработано понятие «цифровая маскировка», под которым понимается совокупность умышленных противоправных либо не противоречащих закону действий, по воздействию на отдельные признаки цифровых следов преступления, с целью затруднения процесса идентификации личности преступника, а также указаны основные способы цифровой маскировки: использование в преступных целях VPN и proxy-серверов, технологий DeepFake, лжеаккаунтов.*

Выводы и заключения: *в статье рассмотрены проблемы, связанные с выявлением и разоблачением способов цифровой маскировки. Оценена познавательная ситуация в криминалистике и состояние изученности темы. Рассмотрено понятие и признаки цифровых следов, на которые оказывает воздействие цифровая маскировка. В работе делается вывод о том, что решение данных проблем видится в совершенствовании теоретических положений, доработке нормативного правового регулирования и оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений.*

Ключевые слова: *криминалистическая наука, цифровая маскировка, способы сокрытия, цифровые следы, идентификация*

Для цитирования: Коряк Ю. Д. *Криминалистические проблемы выявления и разоблачения способов цифровой маскировки // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 109–112.*

Original paper

FORENSIC PROBLEMS OF DETECTING AND EXPOSING DIGITAL DISGUISE METHODS

Yulia Dmitrievna Koryak
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the main reason for the emergence of a new type of disguise was digitalization, which affected almost all spheres of human activity. Currently, the essence of digital masking, as well as the ways it affects objects, have not been studied, which raises forensic problems in identifying and exposing this method of concealment.*

© Коряк Ю.Д., 2026

Materials and methods: *when writing a scientific article, monographic and dissertation studies were studied on the basics of criminalistic teaching on the method of concealing crimes; regulatory legal acts regulating the use of software and hardware for accessing information resources; information and analytical materials of the Ministry of Internal Affairs of Russia. General scientific and private methods of cognition are applied: induction, deduction, comparative legal method, as well as systematic and activity-based approaches to understanding disguise as a method of concealment.*

Results of the study: *as a result of the research, the concept of "digital disguise" was developed, which refers to a set of intentional illegal or legally unconstitutional actions to affect individual signs of digital traces of a crime in order to complicate the identification process of the criminal, and the main methods of digital disguise are indicated: the use of VPN and proxy servers for criminal purposes., DeepFake technologies, fake accounts.*

Findings and conclusions: *the article discusses the problems associated with the identification and exposure of methods of digital disguise. The cognitive situation in criminology and the state of knowledge of the topic are evaluated. The concept and signs of digital footprints, which are affected by digital masking, are considered. The paper concludes that the solution to these problems is seen in improving theoretical provisions, finalizing regulatory legal regulation and optimizing the process of crime detection and investigation.*

Keywords: *forensic science, digital disguise, methods of concealment, digital traces, identification*

For citation: Koryak Yu. D. *Forensic problems of detecting and exposing digital disguise methods // Philosophyia Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 109–112.*

Учение о способах сокрытия преступлений долгие годы формировалось трудами отечественных ученых, которые внесли неоценимый вклад в криминалистическую науку, среди них нельзя не отметить Р.С. Белкина (1977–1979), Г.Г. Зуйкова (1970), В.А. Овечкина (1979), И.М. Лузгина (1980), В.П. Лаврова (1980, 2014), В.А. Образцова (1986), В.Н. Карагодина (1992), А.В. Варданяна (1996, 2016, 2020), Б.Я. Гаврилова (2014), В.В. Трухачева (2001), И.А. Николайчука (2000), А.С. Андреева (2001, 2021, 2025), Э.У. Бабаеву (2006), А.Г. Холевчука (2010) и др.

В настоящее время в криминалистической науке достаточно проработана частная криминалистическая теория о способе сокрытия преступлений, тем не менее до сих под остаются нерешенными некоторые проблемные аспекты рассматриваемой нами области научных знаний. За последнюю четверть века нам не встретилось ни одного диссертационного исследования, посвященного глубокому комплексному анализу такого способа сокрытия, как маскировка. Ученые-криминалисты лишь частично и поверхностно упоминали о маскировке в своих трудах (примерно одна треть изученных нами диссертационных исследований). Это обуславливает формирование новой «научной проблемы» выявления и разоблачения способов маскировки, разрешением которой мы занимаемся в диссертационном исследовании.

В криминалистическом познании различных видов человеческой деятельности, связанной с событием преступления, имеется определенная регулярность поступательного развития [1, с. 6]. Это обуславливает перенос преступной и посткриминальной деятельности в виртуальное пространство и появление нового способа сокрытия – цифровой маскировки.

Одной из отправных точек к криминалистическому пониманию цифровой маскировки является определение ее способа воздействия на объект. На наш взгляд, именно способ воздействия на объект позволяет:

– отличить один способ сокрытия от других;

– определить закономерности формирования и реализации способа сокрытия;

– выявить и в последующем разоблачить способ сокрытия.

В своих исследованиях приходим к выводу о том, что любой вид способа маскировки оказывает воздействие на идентификационные и диагностические признаки следов преступлений. Следовательно, познание способов цифровой маскировки невозможно без исследования сущности цифровых следов и их признаков.

Для начала отметим, что о таком понятии, как «цифровые следы», ученые-криминалисты заговорили еще в конце XX в., однако до сих пор существуют разные трактовки его дефиниции, ни одна из которых законодательно не закреплена.

В толковом словаре С.И. Ожегова под словом «след» понимается [2]:

1) отпечаток чего-либо на поверхности; 2) остаток или сохраняющийся признак чего-либо. В криминалистической науке следы изучаются в рамках отрасли криминалистической техники – трасологии (от фр. la trace –

«след» и греч. λόγος – «учение» [3]). В своем исследовании придерживаемся мнения ученого-криминалиста Г.Л. Грановского, который под понятием «след» предлагает понимать материальное отображение свойств вещей и явлений, позволяющее судить об их свойствах и использовать их отражение для решения идентификационных, диагностических, классификационных и интеграционных задач. При этом помимо материальных следов мы можем говорить и о запечатленных в памяти человека образах, неразрывно связанных с событием преступления, несущих в себе информацию о нем, так называемые идеальные следы [4, с. 380].

Появление цифровых следов стало новшеством для криминалистической науки. Мы придерживаемся мнения А.А. Бессонова, который под цифровыми следами предлагает понимать «информацию, зафиксированную в цифровом формате, содержащуюся в электронно-вычислительных машинах и иных цифровых устройствах, созданных на основе их технологий, в средствах подвижной радиотелефонной связи и на различных носителях цифровой информации, причинно-связанная с событием преступления, позволяющая установить обстоятельства совершенного преступления и преступника» [5, с. 47].

Особенностью цифровых следов является отсутствие материальной оболочки и признаков, присущих традиционным криминалистическим следам.

Следует обратить внимание на один из специфических признаков цифровых следов – обезличенность. Этот признак свидетельствует о том, что идентификация пользователя, автора или владельца цифровой информации затруднена. Соответственно, цифровая маскировка усиливает синергетический эффект, обеспечивая анонимность преступника в интернет-пространстве.

Под анонимностью как признаком цифровой маскировки понимается полное или частичное обезличивание субъекта маскировки. Проведенное нами исследование позволило выделить некоторые способы цифровой маскировки, обеспечивающие анонимность:

1. Маскировка с использованием virtual private network (далее – VPN) и proxy server (далее – прокси-сервер).

VPN шифрует интернет-трафик пользователя, обеспечивая его конфиденциальность [6, с. 191]. Маскировка реализуется следующим образом: VPN-сервис, направляя трафик через серверы цифровой частной сети, которые расположены в различных точках мира, маскирует IP-адрес пользователя и шифрует все данные, передаваемые через Интернет, что делает отслеживание действий преступника практически невозможным для других лиц.

Прокси-сервер является «посредником», с помощью которого взаимодействует сеть Интернет и устройство пользователя [6, с. 192]. При взаимодействии пользователя с каким-либо интернет-ресурсом прокси-сервер передает от его имени вопрос, маскируя оригинальный IP-адрес. Использование прокси-сервера, как способа цифровой маскировки, обеспечивает анонимность пользователя и контролирует доступ к определенным веб-страницам.

2. Маскировка с использованием DeepFake.

DeepFake (далее – дипфейк) – синтез правдоподобных поддельных изображений, видео и звука, получаемых при помощи искусственного интеллекта. В последние годы участились случаи совершения и сокрытия мошенничеств с использованием технологий дипфейк. Значительная часть таких преступлений остается нераскрытой, поскольку идентифицировать личность преступника достаточно сложно. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет преступникам полностью замаскировать свою личность с помощью изменения голоса, выражения лица, движений и т. д.

3. Маскировка с использованием лжеаккаунтов.

Под лжеаккаунтом нами понимается создание и использование страницы в социальной сети, придав ей вид используемой реальным человеком определенной социально-демографической группы, для маскировки преступной и посткриминальной деятельности. Лжеаккаунты распространяют спам, недостоверную информацию, фишинговые ссылки, под угрозой находится финансовая и формационная безопасность пользователей, кроме того, нередко через лжеаккаунты совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления. Согласно статистическим данным, в России более миллиона человек стали жертвами лжеаккаунтов в Telegram (пользование данным мессенджером ограничено в связи с невыполнением требований российского законодательства) в январе 2025 г. [7].

Перечень вышеуказанных способов цифровой маскировки не является исчерпывающим. Анализ российского законодательства и практики его применения в отношении данных способов хоть и показывает тенденцию к ужесточению контроля, однако в пол-

ной мере не обеспечивает предупреждение и раскрытие преступлений, т. к. само по себе использование VPN, прокси-серверов и лжеаккаунтов не влечет привлечения к уголовной ответственности.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что цифровая маскировка представляет собой совокупность умышленных противоправных либо не противоречащих закону действий (способов таких действий) по воздействию на отдельные признаки цифровых следов преступления с целью затруднения процесса идентификации личности преступника.

Решение проблем, связанных с выявлением и разоблачением способов цифровой маскировки, видится в дальнейшем совершенствовании теоретических положений учения о способах сокрытия, противодействия расследованию и мер по его преодолению, криминалистической теории о посткриминальной деятельности, разработке частных криминалистических методик выявления и разоблачения способов сокрытия и приемов противодействия, а также доработке нормативно-правового регулирования и оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений.

Список источников

1. Андреев А.С., Абаренова Е.А. Явка с повинной как научная проблема криминалистики и направления ее познания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. Вып. 4.

2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под редакцией доктора филологических наук, профессора Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2024.

3. Academic.ru. URL: https://academic.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

4. Торбин Ю.Г. Учение о следах преступления в работах ученых криминалистов и процессуалистов XIX и XX вв. // Военное право. 2017. № 1(41).

5. Бессонов А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 3(55).

6. Бадиков Д.А., Батуева А.Б. Проблемные вопросы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием VPN и proxy-серверов // Закон и правопорядок. 2025. № 1.

7. Более миллиона россиян стали жертвами фейковых страниц Telegram в январе 2025 г. URL: https://www1.ru/news/2025/02/18/bolee-milliona-rossiian-stali-zertvami-feikovyx-stranic-telegram-v-ianvare-2025-goda.html (дата обращения: 22.01.2026).

References

1. Andreev A.S., Abarenova E.A. Self-incrimination as a scientific problem of criminology and directions of its cognition // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2023. Issue 4.

2. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian language 100,000 words, terms and phraseological expressions / S.I. Ozhegov; edited by Doctor of Philology, Professor L.I. Skvortsov. 28th ed., revised by M., 2024.

3. Academic.ru . URL: https://academic.ru / (date of access: 20.01.2026).

4. Torbin Yu.G. The doctrine of the traces of crime in the works of criminologists and procedural scientists of the XIX and XX centuries. // Military law. 2017. № 1(41).

5. Bessonov A.A. On some possibilities of modern criminalistics in working with electronic traces // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2019. № 3(55).

6. Badikov D.A., Batueva A.B. Problematic issues of disclosure and investigation of crimes committed using VPN and proxy servers // Law and Order. 2025. № 1.

7. More than a million Russians became victims of fake Telegram pages in January 2025. URL: https://www1.ru/news/2025/02/18/bolee-milliona-rossiian-stali-zertvami-feikovyx-stranic-telegram-v-ianvare-2025-goda.html (date of access: 22.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ю. Д. Коряк, *адъюнкт адъюнктуры Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yu. D. Koryak, *adjunct of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 113–118.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 113–118.

Научная статья
УДК 343.01

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КОНВЕРГЕНЦИЯ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Александра Викторовна Креховец
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация,
alexa-xa500@mail.ru

Введение: *актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью адаптации национальных уголовных систем к вызовам современного мира и обеспечением эффективного международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. Теоретическое осмысление понятия «конвергенция» в уголовном праве способствует формированию целостного научного подхода к исследованию процессов сближения уголовно-правовых систем и разработке практических рекомендаций для ее реализации.*

Материалы и методы: *при подготовке статьи были использованы научные публикации как отечественных, так и зарубежных специалистов, в которых затрагивались различные аспекты такого явления, как конвергенция в праве. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (метод системного анализа, диалектический метод и др.), а также частнонаучные методы (формально-юридический метод, сравнительно-правовой и др.).*

Результаты исследования: *в результате исследования обосновано существование явления конвергенции в уголовном праве, а также сформулировано авторское определение данного понятия.*

Выводы и заключения: *конвергенция в уголовном праве представляет собой процесс и результат сближения и взаимопроникновения различных уголовно-правовых систем, а также норм внутри одной системы права, направленных на совершенствование национального уголовного законодательства, повышение эффективности правоприменения в сфере противодействия преступности как на государственном, так и на международном уровнях.*

Ключевые слова: *конвергенция, правовая конвергенция, конвергенция в уголовном праве, юридическая конвергенция, конвергенция права, сближение правовых систем*

Для цитирования: Креховец А. В. *Теоретическое осмысление понятия «конвергенция» в уголовном праве // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 113–118.*

Original paper

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPT OF «CONVERGENCE» IN CRIMINAL LAW

Alexandra Viktorovna Krekhovets
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: *the relevance of the chosen topic is due to the need to adapt national criminal systems to the challenges of the modern world and to ensure effective international cooperation in the field of combating crime. The theoretical understanding of the concept of «convergence» in criminal law contributes to the formation of a holistic scientific approach to the study of the processes of convergence of criminal law systems and the development of practical recommendations for its implementation.*

Materials and methods: *scientific publications by both domestic and foreign experts were used in the preparation of the article, which touched upon various aspects of the phenomenon of convergence in law. The methodological basis of the research was made up of general scientific*

© Креховец А.В., 2026

methods (the method of system analysis, the dialectical method, etc.), as well as private scientific methods (the formal legal method, the comparative legal method, etc.).

Results of the study: *as a result of the research, the existence of the phenomenon of «convergence» in criminal law is substantiated, as well as the author's definition of this concept is formulated.*

Findings and conclusions: *«convergence» in criminal law is the process and result of the convergence and interpenetration of various criminal law systems, as well as norms within the same legal system, aimed at improving national criminal legislation, increasing the effectiveness of law enforcement in the field of combating crime both at the state and international levels.*

Keywords: *convergence, legal convergence, convergence in criminal law, legal convergence, convergence of law, convergence of legal systems*

For citation: Krekhovets A. V. *Theoretical understanding of the concept of «convergence» in criminal law // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 113–118.*

Сегодня понятие «конвергенция» используется в различных областях науки и техники, таких как математика, экономика, информационные технологии и др. Однако особый интерес у специалистов в научной среде вызывает изучение явления конвергенции в праве, поскольку в современных условиях глобализации экономики, миграции, а также цифровой трансформации общественных отношений именно право в первую очередь сталкивается с необходимостью обеспечения гармонизации и интеграции различных правовых систем и норм в целях эффективного регулирования новых социально-экономических отношений, преодоления противоречий между национальными законодательствами и создания единых стандартов защиты прав и свобод в условиях транснациональных вызовов.

Сам термин «конвергенция» происходит от латинского слова vergere – «склоняться, стремиться». Отечественный большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова определяет конвергенцию как «совпадение каких-либо признаков в независимых друг от друга явлениях» [1, с. 655]. Кембриджский словарь определяет понятие «конвергенция» как «[тот] факт, что две или более вещей, идей и т. д. становятся похожими или объединяются» . Как видим, в целом подходы отечественных и зарубежных словарных источников свидетельствуют о схожем толковании рассматриваемого явления: приведенные определения дополняют друг друга, подтверждая, что конвергенция – это не только результат, но и процесс, требующий системного осмысления для эффективного применения в различных сферах деятельности.

Считается, что о конвергенции как о правовом явлении впервые стал упоминать французский философ и правовед Ш.Л. Монтескье. Его знаменитое произведение «О духе законов», опубликованное в 1748 г., содержит в себе достаточно много примеров проникновения законодательства одной страны в другую и внесло значительный вклад в определение предмета сравнительного правоведения в целом. Ш.Л. Монтескье придерживался идеи, что законы каждой страны «должны быть настолько приспособлены к народу, для которого они созданы, чтобы законы одной нации могли подходить другой» [2, с. 115].

Широкое осмысление конвергенции в области юриспруденции на мировой арене впервые происходит в XX в. Характеризуя данный временной период, М.В. Захарова отмечает, что «первенство в ее разработке принадлежит социально-экономическому блоку общественных и гуманитарных наук» [3, с. 19]. Труды Дж. Гелбрейта [4], Я. Тинбергена [5] и др. выступают в подтверждение широкому использованию термина «конвергенция» в различных социально-экономических и гуманитарных сферах.

Для национальной правовой доктрины явление конвергенции является также относительно новым. Так, советский правовед С.С. Алексеев указывал на «развитие правовых систем в одном направлении, вследствие чего происходят взаимное обогащение права в различных пределах» [6, с. 19].

Интересно отметить, что как среди отечественных, так и зарубежных специалистов были и противники явления конвергенции в праве как такового. К примеру, известный немецкий ученый О. Кан-Фройнд отмечал, что «мы не можем считать само собой разумеющимся, что правила или институты можно перенести в другую среду. Любая попытка использовать правовую модель за пределами среды, в которой она возникла, сопряжена с риском отторжения» [7, с. 222]. Французский ученый П. Легран и вовсе утверждал, что «правовые системы сближаться не могут» [8, с. 52]. По данному поводу справедливым представляется утверждение

А. Платсаса о том, что «очевидное отсутствие идеальной [конвергенции] (в понимании Леграна) правовых систем делает невозможной конвергенцию правовых систем в целом» [9, с. 88].

Важно отметить, что в доктрине в вопросе выбора термина, обозначающего конвергенцию в сфере права, существует полисемия. Специалистами используются такие термины, как «юридическая конвергенция», «конвергенция права», «правовая конвергенция» и др. Более того, помимо отсутствия единства в терминологическом аспекте ученые наделяют рассматриваемое явление различным содержанием.

Одним из первых о явлении конвергенции в праве заявил Н.М. Коршунов. В своей монографии «Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики» [10, с. 34] ученый рассматривает процесс конвергенции частного и публичного права, не давая при этом прямого ответа на вопрос о сущности самого процесса. Однако несмотря на то, что описание явления конвергенции ученым представлена достаточно размыто и порождает мнение о том, что «само явление конвергенции является “недостаточным”» [11, с. 344], данный труд является безусловным достоянием юридической доктрины.

Далее к проблеме осмысления явления конвергенции в праве обратилась О.Д. Третьякова. Не ограничивая себя конкретными отраслями права или формами конвергенции, на диссертационном уровне автором рассматриваемое явление обозначено как «юридическая конвергенция», а его сущность понимается как «процесс взаимодействия элементов внутри системы права, права и иных регуляторов отношений в обществе, а также правовых систем различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения» [12, с. 44]. Таким образом, по мнению автора, данный процесс характерен не только для различных правовых систем, но и для правовых норм внутри одной системы права. Представляется, что такой подход является справедливым, поскольку конвергенция внутри одной правовой системы неизбежна, и особенно это востребовано под влиянием принимаемых международных документов, в условиях мировых кризисов, а также с учетом стремительного развития новых форм общественных отношений. Данную точку зрения, к примеру, разделяет Е.Ю. Архипова, по мнению которой «законодательство, сформированное в период распространения коронавирусной пандемии, направляет развитие значительной части отраслей законодательства, вторгаясь и в публичное, и в частное право» [13, с. 65].

В противовес позиции О.Д. Третьяковой А.Ю. Мордовцев, используя термин «конвергенция права», сужает сферу его использования лишь до уровня взаимодействия национальных правовых систем и определяет содержание как «поливекторный процесс сближения и взаимопроникновения отдельных компонентов разных национальных правовых систем на основе глобальных социокультурных, политических и экономических факторов, универсальных правовых принципов и стандартов, а также специфики их реализации во внутригосударственных правовых отношениях, результатом которого является интернационализация и унификация механизма правового регулирования общественных отношений» [14, с. 113]. Безусловным достоинством данного определения следует считать раскрытие сущности термина через призму «процесса сближения и взаимопроникновения». Таким образом автор акцентирует внимание не только на формальном сходстве отдельных элементов внутри отдельных правовых систем, но и на их глубоком взаимодействии.

Такие авторы, как В.А. Петрова, Ю.С. Безбородов, С.В. Кузнецов, В.Э. Козацкая, Д.А. Толченкин, М.Э. Толченкина и др., рассматриваемое явление обозначают как «правовая конвергенция».

Так, по мнению В.А. Петровой, «правовая конвергенция – это одно из основных направлений, объективная закономерность развития современных правовых систем, обусловленная происходящими во всех социальных сферах глобализационными и интеграционными процессами» [15, с. 145]. Как мы видим, данное определение затрагивает причины возникновения правовой конвергенции, однако, практически не раскрывает его сущности.

Безбородов Ю.С. полагает, что «правовая конвергенция – это процесс сближения национальных правовых систем, связанный с деятельностью правосоздающих субъектов в международном праве, проходящий на универсальном и региональном, многостороннем и двустороннем уровнях с использованием специфичных правовых универсализирующих методов и в разных формах, нацеленный на достижение единства и еди-

нообразия правового регулирования» [16, с. 1]. В отличие от более широкого взгляда А.Ю. Мордовцева в данном определении подчеркивается роль правотворчества и методов унификации, что делает его более практико-ориентированным.

Вместе с тем полагаем, что сведение сущности конвергенции лишь к деятельности субъектов в международном праве представляется неверным, поскольку она может быть обусловлена не только международным сотрудничеством, но и объективными факторами, указанными нами ранее: экономической глобализацией, технологическим развитием, социальной трансформацией и др. Также необоснованно сужены факторы, обуславливающие конвергенцию в праве, в определении В.Э. Козацкой, Д.А. Толченкина и М.Э. Толченкиной. По мнению авторов, «правовая конвергенция – исторически обусловленный объективный, закономерный, необратимый добровольный и (или) принудительный процесс унификации, универсализации, стандартизации, гармонизации и экспансии права национальных правовых систем государств и правовых семей» [17, с. 91]. Обозначение в качестве факторов правовой конвергенции лишь исторических предпосылок заметно сужает смысл изучаемого явления.

Кузнецов С.В. рассматривает «правовую конвергенцию» как «процесс сближения изначально качественно контрастных юридических типов правовых систем, выраженный «в интеграции достоинств и позитивных «недоработок» различных правовых систем, происходящий в различных регионах с той или иной степенью интенсивности, но в настоящее время уже фактически существующая и работающая реальность» [18, с. 57]. В качестве достоинства данного определения следует отметить, что автор акцентирует внимание на том, что конвергенция не сводится к простому копированию или замещению, а представляет собой синтез лучших элементов («достоинств») и исправление недостатков («позитивных недоработок»). Между тем вызывает сомнение присутствие в определении указания на то, что конвергенция возможна лишь между качественно контрастными юридическими типами правовых систем. Такой подход может исключать случаи сближения между родственными системами, такими, к примеру, как страны ЕС с континентальной традицией (Франция и Германия) или англосаксонские (США и Великобритания), где различия минимальны. Однако в реальности сближение внутри семей правовых систем допустимо и даже, более того, неизбежно, к примеру, из-за происходящей региональной интеграции (например, в Европейском союзе).

Как мы видим, явлению конвергенции в праве посвящено достаточное число исследований, тем не менее конвергенция именно в уголовном праве является весьма малоизученной категорией. В подтверждение необходимости выделения данного самостоятельного вида конвергенции в праве следует привести следующие аргументы.

Во-первых, в условиях глобализации огромные масштабы приобретает транснациональная организованная преступность. Слабое международное сотрудничество, высокий уровень бедности неизбежно приводят к росту трансграничной преступности. Это требует сближения уголовно-правовых норм и практик разных государств для эффективного противодействия таким угрозам.

Во-вторых, принимаемые международные договоры, конвенции (например, Конвенция ООН против коррупции 2003 г.), безусловно, влияют на национальное уголовное законодательство, способствуя сближению различных правовых систем.

В-третьих, в рамках деятельности международных и межгосударственных объединений (например, ЕС, СНГ, БРИКС и др.) формируются общие подходы к пониманию уголовно-правовых механизмов по противодействию отдельным видам преступной деятельности. Границы конвергенции в данном направлении деятельности также требуют особого теоретического осмысления.

Таким образом, на основании анализа приведенных точек зрения в отношении сущности явления конвергенции в праве становится возможным сформулировать авторское понятие «конвергенция» в уголовном праве, под которым следует понимать процесс и результат сближения и взаимопроникновения различных уголовно-правовых систем, а также норм внутри одной системы права, направленные на совершенствование национального уголовного законодательства, повышение эффективности правоприменения в сфере противодействия преступности как на государственном, так и на международном уровнях.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка [А-Я] / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2004.
2. Дух законов: творение знаменитого фр. писателя де Монтескю: в 3 ч. / пер. [и предисл.] Е. Корнеева. СПб., 1839. Ч. 1–3.
3. Захарова М.В. Конвергенция и конкуренция правовых систем мира // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4(44).
4. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1979.
5. Tinbergen J. Do Communists and free economies show a Converging Pattern? // Soviet Studies. Issue 4. 1961. V. 12.
6. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000.
7. Kahn-Freund O. On Uses and Misuses of Comparative Law. 1974. № 37(1).
8. Legrand P. European Legal Systems Are Not Converging // The International and Comparative Law Quarterly. 1996. № 1. V. 45.
9. Platsas A. The Harmonisation of National Legal Systems: Strategic Models and Factors. 2017.
10. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики / Н.М. Коршунов. М., 2011.
11. Баранов В.М., Мареев Ю.Л. «Запоздалые» размышления о конвергенции в праве: рецензия на монографию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1.
12. Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2012.
13. Архипова Е.Ю. Развитие российского законодательства в условиях COVID-19 // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 2. Т. 21.
14. Мордовцев А.Ю. Конвергенция права: многообразие дискурсов / А.Ю. Мордовцев, Т.В. Мордовцева, А.Ю. Мамычев // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. М.; Уфа; Ростов н/Д, 2015. Т. 2.
15. Петрова В.А. Правовая конвергенция как одно из направлений развития современных правовых систем // Приоритетные направления развития правовой системы общества: материалы VII Международной научно-практ. конф. (3–4 мая 2018 г.). Гомель, 2018.

References

1. The Great explanatory dictionary of the Russian language [A-Ya] / chief editor S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, 2004.
2. The Spirit of laws: the creation of the famous French writer de Montesquieu: in 3 parts / trans. [and preface] E. Korneeva. St. Petersburg, 1839. Parts 1-3.
3. Zakharova M.V. Convergence and competition of the legal systems of the world // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4(44).
4. Galbraith J. Economic theories and goals of society. Moscow, 1979.
5. Tinbergen J. Do Communists and free economies show a Converging Pattern? // Soviet Studies. Issue 4. 1961. V. 12.
6. Alekseev S.S. Law on the threshold of the new millennium: some trends in global legal development – hope and the Drama of the modern era. Moscow, 2000.
7. Kahn-Freund O. On Uses and Misuses of Comparative Law. 1974. № 37(1).
8. Legrand R. European Legal Systems Are Not Converging // The International and Comparative Law Quarterly. 1996. № 1. Vol. 45.
9. Platsas A. The Harmonisation of National Legal Systems: Strategic Models and Factors. 2017.
10. Convergence of private and public law: problems of theory and practice / N.M. Korshunov, Moscow, 2011.
11. Baranov V.M., Mareev Yu.L. «Belated» reflections on convergence in law: a monograph review // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1.
12. Tretyakova O.D. Legal convergence: diss. ... Grand PhD in Law. Vladimir, 2012.
13. Arkhipova E.Y. Development of Russian legislation in the context of COVID-19 // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2021. № 2. Vol. 21.
14. Mordovtsev A.Yu. Convergence of law: diversity of discourses / A.Yu. Mordovtsev, T.V. Mordovtseva, A.Yu. Mamychev // Socio-economic and humanitarian-philosophical problems of modern science. Moscow; Ufa; Rostov n/A, 2015. Vol. 2.
15. Petrova V.A. Legal convergence as one of the directions development of modern legal systems // Priority directions for the development of the legal system of society: proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference (May 3-4, 2018). Gomel, 2018.

16. Безбородов Ю.С. Конвергенция: правовой и международно-правовой подходы к определению // Universum Juris. 2016. № 2.

17. Козацкая В.Э., Толченкин Д.А., Толченкина. М.Э. Конвергенция в праве: идеалы, парадигмы, тенденции: учеб. пособие. Воронеж, 2018.

18. Кузнецов С.В. Тенденции развития правовой конвергенции в современной российской правовой системе / С.В. Кузнецов, В.И. Кузьменко // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11.

16. Bezborodov Yu.S. Convergence: legal and international legal approaches to definition // Universum Juris. 2016. № 2.

17. Kozatskaya V.E., Tolchenkin D.A., Tolchenkina M.E. Convergence in law: ideals, paradigms, trends: textbook. stipend. Voronezh, 2018.

18. Kuznetsov S.V. Trends in the development of legal convergence in the modern Russian legal system / S.V. Kuznetsov, V.I. Kuzmenko // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Креховец, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России. 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Krekhovets, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3, Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod 603950 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 119–124.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 119–124.

Научная статья
УДК 343.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА: ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Курбан Анварович Курбанов
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, kurbanov.k.a@mail.ru

Введение: *в связи с возникающими на практике сложностями и проблемами расследования преднамеренных банкротств признается необходимым рассмотреть актуальные пробелы методики расследования данных преступлений и пути их преодоления.*

Материалы и методы: *в основе исследования лежит анализ методики и практики расследования преступлений, гражданского права, а также статистических данных.*

Результаты исследования: *проблемы в практике расследования преступлений преднамеренного банкротства состоят в сложности доказывания, выявления и квалификации сделок (в том числе недействительных, оспоримых и ничтожных сделок), используемые злоумышленниками как способ незаконного приобретения или вывода имущества. Сложности по большей части связаны с отсутствием должного интегрирования положений гражданского права и его инструментов в процесс расследования преступлений. Связующим звеном в данной интеграции должна стать криминалистика, как наука, собирающая знания всех других наук и интегрирующая их для расследования преступлений.*

Выводы и заключения: *предлагаемая концепция интеграции позволит преодолеть возникающие казусы и сложности в ходе расследования преступлений преднамеренного банкротства.*

Ключевые слова: *преднамеренное банкротство, методика расследования преднамеренного банкротства, недействительные сделки, финансовый анализ*

Для цитирования: Курбанов К. А. *Актуальные проблемы методики расследования преднамеренного банкротства: пути их преодоления // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 119–124.*

Original paper

CURRENT ISSUES OF THE METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF INTENTIONAL BANKRUPTCY: WAYS TO OVERCOME THEM

Kurban Anvarovich Kurbanov
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: *due to the difficulties and problems of investigating intentional bankruptcies that arise in practice, it is considered necessary to consider the current gaps in the methodology for investigating these crimes and ways to overcome them.*

Materials and methods: *the research is based on the analysis of methods and practices of crime investigation, civil law, as well as statistical data.*

Results of the study: *problems in the practice of investigating crimes of intentional bankruptcy consist in the difficulty of proving, identifying and qualifying transactions (including invalid, disputed and void transactions) used by intruders as a way of illegally acquiring or withdrawing property. The difficulties are mostly related to the lack of proper integration of the provisions of civil law and its tools into the process of investigating crimes. The link in this integration should be criminology, as a science that collects knowledge from all other sciences and integrates them to investigate crimes.*

Findings and conclusions: *the proposed concept of integration will help to overcome the incidents and difficulties that arise during the investigation of crimes of intentional bankruptcy.*

Keywords: *intentional bankruptcy, methodology of investigation of intentional bankruptcy, invalid transactions, financial analysis*

© Курбанов К.А., 2026

For citation: Kurbanov K. A. *Current issues of the methodology of investigation of intentional bankruptcy: ways to overcome them // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 119–124.*

Одним из основных составляющих рыночной экономики является свободная предпринимательская деятельность, которая непосредственно связана с возможностью возникновения рисков, могущих привести к убыткам хозяйствующего субъекта в ходе осуществления им экономической деятельности. По этой же причине могут возникнуть отношения несостоятельности (банкротства) в практике ведения предпринимательской деятельности, которое, к сожалению, является нормальным и необходимым.

В настоящее время наблюдается значительное увеличение количества совершаемых противоправных банкротств, среди которых преднамеренные банкротства составляют большинство. Чаще всего их и используют злоумышленники в качестве инструмента для незаконного овладевания имуществом и иными активами.

Данные преступления обладают высокой латентностью и тяжело расследуются. По официальной статистике ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ, с января по декабрь 2024 года было выявлено 121 преступление в сфере банкротства (в крупном и особо крупном размере из них 112 преступлений, что составляет примерно 90 % из общего количества). Из них только 46 уголовных дел направлены в суд. При этом стоит отметить, что среди всех криминальных банкротств наиболее часто наблюдается совершение злоумышленниками преднамеренных банкротств, их в общей сложности около 80%[1].

Преднамеренное банкротство остается одним из наиболее латентных и экономически опасных, сложных для расследования преступлений в сфере экономической деятельности, поскольку причиняемый ими ущерб достигает значительных сумм и по существу правоотношений должно регулироваться инструментарием как уголовного, так и гражданского права комплексно. Расследование преднамеренного банкротства сопряжено со значительными сложностями, основная из которых – доказывание умысла субъекта преступления на создание или увеличение неплатежеспособности. Традиционные методики, ориентированные на уголовно-процессуальные средства доказывания, зачастую оказываются недостаточно эффективными, так как не в полной мере учитывают гражданско-правовую природу действий, составляющих объективную сторону данного преступления.

Криминалистическая методика расследования преступлений в науке криминалистике понимается как раздел, включающий в себя комплекс научно разработанных и обоснованных положений, на базе которых вырабатываются практические рекомендации, позволяющие упорядочить организацию и проведение действий по раскрытию, расследованию и предупреждению конкретных преступлений[2].

Применяемая сегодня методика расследования преднамеренных банкротств носит комплексный, общий характер, чаще всего по своей сущности ничем не отличается от методик расследования других экономических преступлений, характеризуется отсутствием показа особенностей детальной регламентации расследования непосредственно преднамеренного банкротства. В сложившейся ситуации необходимы усилия по совершенствованию криминалистической методики расследования преднамеренных банкротств, наполнению ее актуальной и необходимой информацией, базирующейся на новейших достижениях науки и техники.

Существующие пробелы методики расследования преднамеренных банкротств и возникающие в связи с этим проблемы в ходе сбора доказательств по данным преступлениям, в большинстве своем связаны с их расследованием на основе рекомендаций по методике расследования экономических преступлений без учета особенностей расследования преступлений преднамеренного банкротства. Это препятствует, на наш взгляд, соединению возможностей (средств и методов) гражданского права и процесса с возможностями науки криминалистики, которые могли бы устранить недостатки существующей методики. Не стоит забывать, что совершаемые злоумышленниками противоправные действия носят также гражданско-правовой характер. Положения, определяющие правовую природу сделок, их конструкцию, признаки недействительности сделок, критерии несостоятельности (бан-

[1] Состояние преступности в Росийской Федерации за январь – август 2025 г. URL: https://мвд.рф/reports/item/70644759/ (дата обращения: 10.09.2025).

[2] Криминалистика: учебник для вузов/под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 452–453.

кротства), признаки неплатежеспособности должника, особенности регулирования несостоятельности (банкротства) особых категорий должников (гарантий сохранения работоспособности таких предприятий: градообразующих, сельскохозяйственных организаций, субъектов естественных монополий), правила предупредительных процедур банкротства, распределения имущества, признаков фиктивности требований кредиторов, группы требований кредиторов, очередность их удовлетворения, правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа сделок, должны учитываться в методике расследования преднамеренных банкротств.

Главную роль в использовании возможностей гражданского и уголовного права для дальнейшего совершенствования методики расследования указанных преступлений, как мы уже говорили выше, должна взять на себя криминалистика, поскольку именно она выступает как некий интегратор знаний всех наук для их использования в расследовании преступлений. Криминалистика не просто должна осуществлять сбор всего совокупного материала по данным правоотношениям, но и продуктивно перерабатывать и полезно интегрировать актуальные и необходимые знания в методику расследования преднамеренного банкротства. Такая система действий по расследованию данных преступлений позволит не только выявить факт преднамеренного банкротства, но и даст возможность непосредственно понять природу и механизм возникших правоотношений, собрать (обнаружить) все необходимые доказательства для привлечения виновных к ответственности. К сожалению, следователь, расследующий данную категорию уголовных дел, не всегда обладает перечисленными выше знаниями.

Основной смысл изложенной идеи заключается в том, что проблемы, возникающие в ходе применения существующей методики расследования преднамеренных банкротств, могут быть устранены при помощи последовательной и комплексной интеграции знаний институтов гражданского права непосредственно в методику расследования данных преступлений, в частности института недействительности сделок, института несостоятельности (банкротства) и других знаний гражданского права.

Для интеграции указанных знаний необходимо проиллюстрировать существующую взаимосвязь недействительных сделок и преднамеренного банкротства, так называемую логико-криминалистическую связь.

Преднамеренное банкротство понимается не как единичное деяние, а сложно структурированная система операций (в том числе с применением криминальной инсценировки – дезинформации и введения в заблуждение, и криминальной фикции), выполняемых последовательно и искусственно облекаемых в законную хозяйственную деятельность. Такие действия и операции получают внешнее оформление в виде гражданско-правовых соглашений[3] и вводятся в гражданско-правовой оборот при помощи внешне корректных, но содержательно и функционально порочных, умышленно невыгодных для заключающих их хозяйствующего субъекта, правовых конструкций.

Таким образом, криминалистическую модель преднамеренного банкротства нужно представить в виде деятельности, состоящей из следующей системы последовательных действий:

1. Возникновение преступного умысла: формирование у субъекта управления (руководителя, собственника) намерения создать преднамеренную (искусственную) неплатежеспособность для уклонения от выполнения обязательств перед кредиторами.

2. Планирование преднамеренного банкротства: выбор методов отчуждения ликвидных активов, подбор контрагентов (чаще всего аффилированных), подготовка документации, имитирующей легитимность хозяйственных операций.

3. Реализация преступного умысла через ряд сделок: последовательное и формальное совершение юридически верно оформленных, но экономически невыгодных сделок по отчуждению имущества, денежных средств или прав требований.

4. Создание внешне законной формы незаконным действиям: формальное соблюдение корпоративных процедур, фиксация операций в бухгалтерском учете, формирование ложного документооборота, которые необходимо понимать в качестве криминальной инсценировки – искусственное создание видимости события, отличного от истинно настоящего.

5. Придание противоправному действию (событию) правовой формы: как правило, осуществляется при помощи действий, приводящих организацию до состояния невозможности удовлетворения требований кредиторов и подгон экономического состояния организации до необходимых признаков не-

[3] Иванов А.А. Криминалистические аспекты экономических преступлений. М., 2020. С. 45.

состоятельности (банкротства), определенных законом[4].

Вышеупомянутые операции по отчуждению имущества хозяйствующего субъекта являются составными элементами вещной обстановки преднамеренного банкротства, которые в целом образуют систему доказательств о наличии умысла злоумышленника, совершающего противоправные действия по доведению состояния должника до невозможности удовлетворения требований кредиторов. Именно поэтому обнаружение и гражданско-правовая квалификация таких сделок и схем отчуждения являются главными помощниками в доказывании объективной стороны и субъективных признаков преднамеренного банкротства[5]. Для наилучшего наполнения методики расследования преднамеренных банкротств актуальными знаниями предлагаем рассмотреть несколько таких гражданско-правовых конструкций.

Мнимые и притворные сделки как способ фиксации вывода активов, суть которых заключается в создании устойчивой юридической видимости перехода прав на имущество при сохранении фактического контроля над ним первоначальным и фактическим владельцем[6].

Выявляются и доказываются такие сделки следующим образом: в таких сделках практически всегда присутствует юридически правильно составленный договор при отсутствии фактического его исполнения (например, чаще всего имущество не передавалось другой стороне, а денежные средства были переданы из рук в руки, которые по итогу все равно оставались у их прежнего собственника, владельца); чаще всего в результате совершаемых хозяйствующим субъектом сделок не наблюдается получение имущественной выгоды, все экономические операции заведомо невыгодны (например, отчуждение ключевого актива, без которого продолжение деятельности хозяйствующего субъекта невозможно); основными признаками фиктивности таких сделок являются аффилированность контрагентов, совпадение юридических адресов, контактных данных и руководящего состава[7].

Притворные сделки выдают, как правило, такие проявления, как значительное несовпадение фактического содержания и юридической формы договора, в том числе несоответствие формы сделки ее фактическому исполнению (пример, когда юридически оформляется агентский договор, а в действительности заключен договор купли-продажи имущества), не афишируемых дополнительных соглашений, устных сговоров и иных договоренностей, иных доказательств (в том числе личных и вещественных), позволяющих определить истинный умысел злоумышленников и других участвующих в преступной деятельности лиц.

Еще одним требующим тщательного исследования видом сделок являются сделки с предпочтением. Знание признаков сделок с предпочтением и непосредственной их конструкции позволяет выявить искомый умысел, закладываемый злоумышленниками в противоправное деяние. Их главным назначением в противоправном умысле является предоставление привилегий заранее определенным кредиторам, реализуемых во вред остальным кредиторам[8].

Разберем следующие признаки и категории сделок с предпочтением, которые могут оказать помощь в сборе доказательств и привлечении виновных лиц к ответственности по уголовным делам о преднамеренном банкротстве:

1) хронологические рамки – осуществление сделки в так называемый «период подозрительности», под которым понимается время до или после заявления о банкротстве, в период которого сделки хозяйствующего субъекта могут быть оспоримы в случае, если они нанесли имущественный ущерб законным правам кредиторов;

2) субъектный состав – получателем исполнения по заключенной сделке является именно тот кредитор, который аффилирован с хозяйствующим субъектом-должником.

3) интеллектуальные рамки или субъективный критерий, который позволяет определить информированность должника о возникновении признаков неплатежеспособности в период заключения сделок. Данный фактор можно определить посредством тщательного и детального исследования хозяйственной и организационной документации, показаний и заключений экспертов, специалистов[9].

Также требующими учета гражданско-правовых конструкций при составлении методики расследования преднамеренного

[4] Петров С.И. Методика расследования преднамеренного банкротства. СПб., 2019. С. 78
[5] Сидоров В.В. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика финансовых преступлений. М., 2021. С. 112.
[6] Козлова Е.Н. Недействительные сделки в практике арбитражных управляющих. Екатеринбург, 2018. С. 29.
[7] Алексеев Д.В. Доказывание умысла в преступлениях в сфере экономики. М., 2022. С. 56.
[8] Никифорова Л.Р. Сделки с предпочтением: теория и практика оспаривания. Новосибирск, 2020. С. 91.
[9] Фролов К.Д. Судебная финансово-экономическая экспертиза. М., 2019. С. 134.

банкротства являются сделки, совершенные с целью причинения вреда кредиторам. При помощи использования применяемых в практике конструкций сделок можно без особого труда разрушить абсолютно все противоправные сделки по выводу активов из общего состава имущества организаций[10].

Ключевыми для составления методики расследования преднамеренного банкротства признаками сделок, заключаемых злоумышленниками с целью причинения вреда кредиторам, которые также позволяют выяснить аффилированность сторон заключаемой сделки, являются:

1) Признаки вреда – сделки совершаются на заведомо экономически невыгодных для должника условиях;

2) Признаки умысла и степени осведомленности должника – ситуации, когда сторона сделки (в данном случае должник) знала или должна была знать о цели причинения вреда, – выявляемые посредством раскрытия сговора контрагентов и их аффилированности при помощи заметной неравноценности встречного предоставления или совершения операции в обстановке секретности[11].

Таким образом, рассмотренные гражданско-правовые конструкции, их основные признаки и положения было бы целесообразным внедрить в методику расследования преднамеренного банкротства посредством схемы последовательного внедрения. Схема должна быть построена поэтапно и выглядеть следующим образом:

Первый этап – деятельность по инициированию и планированию. Как правило, уголовное дело по преднамеренному банкротству возбуждается на базе сведений и материалов кредиторов или арбитражных управляющих, а также на иных основаниях. Особенно стоит отметить, что новеллой в методике расследования указанных преступлений должна стать исключительная возможность запроса всех заключений арбитражного управляющего по сделкам, вызывающим подозрения, выявленные им в процессе работы по исследованию материалов дела о банкротстве.

Второй этап – аналитическая диагностика финансово хозяйственной деятельности организации. На этом этапе необходимо назначение и проведение комплексной судебной экономической экспертизы для: установления даты возникновения факта неплатежеспособности; определения реальной стоимости выведенного имущества и других активов организации; разоблачения фактов аффилированности контрагентов; исследования (для последующего анализа) движения денежных средств организации.

Третий этап – оперативно-следственная деятельность по поиску фактов преднамеренности банкротства. На данном этапе осуществляются выборочная (критическая) и сплошная проверка всех операций и заключенных сделок организации. Используя оперативные средства и методы получения информации, в данный период устанавливаются все возможные формальные и неформальные признаки связей между сторонами заключенных и проводимых сделок, производится выемка, исследование и анализ переписок сторон сделок, получаются иные доказательства о возможных связях и фактах аффилированности сторон сделок.

Четвертый этап – уголовно-правовая и гражданско-правовая квалификация заключенных сделок, проведенных операций. После выявления подозрительных сделок и операций необходимо выстроить версию о ее настоящей правовой природе, при которой каждая сделка и операция хозяйствующего субъекта исследуется, анализируется и проверяется на факты мнимости, присутствия нарушений внутренних процедур делового оборота организации, а также причинения вреда.

Пятый этап – действия по собиранию общей доказательственной базы, на основе которого будет выдвигаться обвинение. На этом этапе необходимо наладить взаимодействие следователя и арбитражного управляющего по собиранию доказательств преднамеренного банкротства. Оно строится на следующей основе и в то же время цели: материалы уголовного дела по преднамеренному банкротству используются в арбитражном суде для оспаривания сделок, а решения арбитражного суда о признании сделок и иных операций организации недействительными служат доказательствами в расследуемом уголовном деле.

Шестой этап (он самый важный) – в нем формируется обвинение по уголовному делу о преднамеренном банкротстве. В формирующемся обвинительном заключении находит отражение информация, полученная на всех предыдущих этапах, и выстраивается тесная связь между всеми выявленными эпизодами преступления. В заключение нужно проиллюстрировать истинный преступный замысел, закладываемый злоумышленниками при совершении данных операций и сделок, приведший хозяйствующий субъект к банкротству и доказать их вину в совершенном преднамеренном банкротстве[12].

В статье показаны существующие пробелы методики расследования преднамеренных банкротств, имеющийся сегодня разрыв между существующим и необходимым уров-

[10] Михайлов А.С. Гражданско-правовые средства в криминалистике. Казань, 2021. С. 67.

[11] Орлова Г.К. Проблемы доказывания вины в делах о преднамеренном банкротстве. Ростов н/Д, 2018. С. 102.

[12] Захаров И.П. Взаимодействие следователя и арбитражного управляющего. М., 2022. С. 155.

нем применения уголовно-правовых и гражданско-правовых средств и методов доказывания, которые, на наш взгляд, с легкостью могут быть преодолены существующими возможностями криминалистики.

Интеграция знаний гражданского, арбитражного, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики предоставляет возможность всецело восстановить следовую картину преднамеренного банкротства, устранить пробелы, возникающие при применении классической методики расследования экономических преступлений в ходе расследования рассматриваемых нами преступлений, тем самым наполняя ее актуальной и необходимо полезной информацией. Применение вышеуказанного подхода включает в расследование данных преступлений постоянного дополнительного участника расследования – арбитражного управляющего. В сути своей нормы гражданского права и разработанные ею правовые конструкции в методике расследования преднамеренного банкротства выступают как инструменты расследования. Выработанные рекомендации можно использовать как в практике расследования преднамеренных банкротств, так и в качестве основы для создания бизнес-структурами систем выявления и защиты от подозрительных и причиняющих ущерб хозяйствующему субъекту сделок и операций.

Список источников

1. Алексеев Д.В. Доказывание умысла в преступлениях в сфере экономики. М., 2022.
2. Захаров И.П. Взаимодействие следователя и арбитражного управляющего. М., 2022.
3. Иванов А.А. Криминалистические аспекты экономических преступлений. М., 2020.
4. Козлова Е.Н. Недействительные сделки в практике арбитражных управляющих. Екатеринбург, 2018.
5. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
6. Михайлов А.С. Гражданско-правовые средства в криминалистике. Казань, 2021.
7. Никифорова Л.Р. Сделки с предпочтением: теория и практика оспаривания. Новосибирск, 2020.
8. Орлова Г.К. Проблемы доказывания вины в делах о преднамеренном банкротстве. Ростов-н/Д, 2018.
9. Петров С.И. Методика расследования преднамеренного банкротства. СПб., 2019.
10. Сидоров В.В. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика финансовых преступлений. М., 2021.
11. Фролов К.Д. Судебная финансово-экономическая экспертиза. М., 2019.

References

1. Alekseev D.V. Proving intent in economic crimes. Moscow, 2022.
2. Zakharov I.P. Interaction of the investigator and the arbitration manager. Moscow, 2022.
3. Ivanov A.A. Criminalistic aspects of economic crimes. Moscow, 2020.
4. Kozlova E.N. Invalid transactions in the practice of arbitration managers. Yekaterinburg, 2018.
5. Criminalistics: a textbook for universities / edited by A.F. Volynsky, V.P. Lavrov. – 2nd ed., reprint. and additional. Moscow, 2018.
6. Mikhailov A.S. Civil law tools in criminalistics. Kazan, 2021.
7. Nikiforova L.R. Preference transactions: theory and practice of contesting. Novosibirsk, 2020.
8. Orlova G.K. Problems of proving guilt in cases of intentional bankruptcy. Rostov-on-Don, 2018.
9. Petrov S.I. Methodology of investigation of deliberate bankruptcy. St. Petersburg, 2019.
10. Sidorov V.V. Criminal law and criminalistic characteristics of financial crimes. Moscow, 2021.
11. Frolov K.D. Judicial financial and economic expertise. Moscow, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

К. А. Курбанов, *аспирант юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1/13.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

K. A. Kurbanov, *postgraduate student of the Faculty of Law of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. 1/13, Leninskiye gory, Moscow 119991 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 125–129.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 125–129.

Научная статья
УДК 343.98

ВЛИЯНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ШКОЛ НА РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Карина Петровна Малянова[1], Елена Игоревна Фойгель[2]
[1] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, kari_rostov@mail.ru
[2] Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация, foiguelelena@gmail.com

Введение: *до недавнего времени научные школы формировались исключительно по традиционной схеме – вокруг ученого-новатора сплачивалась команда единомышленников, которые развивали его основные научные идеи, реализуя единую исследовательскую программу. В условиях современных реалий наблюдается тенденция к совершенствованию преступной деятельности, соответственно, процесс выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений значительно затрудняется, в связи с чем возрастает необходимость разработки новых методов борьбы с ней. Поэтому только объединившись, ученые-криминалисты способны найти подход к решению этой проблемы.*

Материалы и методы: *теоретической основой настоящего исследования выступает всеобщий диалектический метод познания, позволяющий раскрыть сущность проблем уголовно-правовых проблем, выяснить, какую роль играет объединение научных школ для криминалистической науки в целом.*

Результаты исследования: *проведенное исследование показало значимость взаимодействия криминалистических научных школ. Авторы отмечают, что разрабатываемые учеными-криминалистами практические рекомендации по выявлению, расследованию, раскрытию и предотвращению преступлений должны иметь серьезный научно-методологический базис, поэтому взаимодействие между представителями различных школ будет способствовать не только всестороннему рассмотрению проблем, но и глубокому анализу их сущности.*

Выводы и заключения: *проведенное исследование показало значимость творческого объединения научных школ для решения актуальных проблем постоянно развивающейся криминалистической науки, ведь одной из главных задач такой интеграции научных идей является переосмысление и передача следующим поколениям знаний и бесценного опыта.*

Ключевые слова: *научая школа, криминалистическая наука, взаимодействие, научные взгляды, социальная значимость*

Для цитирования: Малянова К. П., Фойгель Е. И. *Влияние криминалистических школ на развитие криминалистической науки // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 125–129.*

Original paper

THE IMPACT OF FORENSIC SCHOOLS ON THE DEVELOPMENT OF FORENSIC SCIENCE

Karina Petrovna Malyanova[1], Elena Igorevna Foiguel[2]
[1] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: *until recently, scientific schools were formed exclusively according to the traditional scheme – a team of like-minded people rallied around an innovative scientist, who developed his main scientific ideas by implementing a single research program. In the conditions*

© Малянова К.П., Фойгель Е.И., 2026

of modern realities, there is a tendency to improve criminal activity, respectively, the process of detection, disclosure, investigation and prevention of crimes is significantly hampered, and therefore the need to develop new methods of combating it is increasing. Therefore, only by joining forces, criminologists are able to find an approach to solving this problem.

Materials and methods: *the theoretical basis of this research is the universal dialectical method of cognition, which allows us to reveal the essence of the problems of criminal law problems, to find out what role the association of scientific schools plays for criminalistic science as a whole.*

Results of the study: *the conducted research has shown the importance of the interaction of criminalistic scientific schools. The authors note that the practical recommendations developed by criminologists for the identification, investigation, disclosure and prevention of crimes should have a serious scientific and methodological basis, therefore, interaction between representatives of various schools will contribute not only to a comprehensive examination of problems, but also to a deep analysis of their essence.*

Findings and conclusions: *the conducted research has shown the importance of the creative association of scientific schools for solving urgent problems of constantly developing forensic science, because one of the main tasks of such integration of scientific ideas is to rethink and transfer knowledge and invaluable experience to the next generations*

Keywords: *scientific school, forensic science, interaction, scientific views, social significance*

For citation: Malyanova K. P., Foiguel E. I. *The impact of forensic schools on the development of forensic science / K. P. Malyanova, E. I. Foiguel // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 125–129.*

Криминалистическая наука выполняет особую социальную функцию, реализуя общественную потребность в систематизированном научном продукте, содержащем основанные на историческом опыте современные рекомендации по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению преступлений посредством комплексного применения совокупности уголовно-процессуальных, организационных, тактических и методических мер. Будучи правовой наукой синтетического характера, криминалистика призвана аккумулировать и анализировать достижения множества наук неюридического цикла – химии, биологии, психологии, физики, математики, кибернетики и др., и разрабатывать на их основе адаптированные и специфичные меры криминалистического характера, предназначенные для применения специальными субъектами – правоприменителями в сфере уголовного судопроизводства.

Разрабатывая научные и методологические основы применения данных мер, криминалистическая наука призвана сохранять, переосмысливать и передавать следующим поколениям бесценный следственный, оперативный опыт, а также опыт мэтров прошедших лет. В настоящее время существует разнообразие научных взглядов, сторонники которых, объединяясь, образуют научные школы. Особое внимание в рамках исследования хотелось бы уделить криминалистической научной школе Ростовского юридического института МВД России под руководством А.В. Варданяна и Иркутской криминалистической школе по двум направлениям: «Теоретико-методологические основы расследования преступлений, совершенных в информационно-коммуникационной среде, и цифровизации криминалистической деятельности» под руководством Д.А. Степанченко и «Криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, посягающих на национальные интересы Российской Федерации» под руководством О.П. Грибунова.

Научная школа «Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики» осуществляет свою деятельность с 2000 г. Руководит научной школой начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации А.В. Варданян. Он является автором более 260 научных и научно-методических работ, им опубликовано более 400 статей в научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Под его научным руководством более 40 адъюнктов и соискателей защитили кандидатские диссертации.

Сфера познавательного интереса представителей научной школы включает такие актуальные для современного юридического знания аспекты, как теоретико-методологические основы криминалистики и других уголовно-правовых наук, вопросы повыше-

ния результативности следственных и иных процессуальных действий в контексте новой законодательной парадигмы. Кроме того, в рамках деятельности научной школы ведутся разработки по следующим частным теориям: закономерности совершения, раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности [1; 2, с. 33–35; 3, с. 36–39; 4, с. 25–28; 5, с. 6–10]; теоретико-методологические основы криминалистики [6; 7, с. 60–70]; криминалистическая систематика [8]; закономерности преступной деятельности лиц, имеющих психические расстройства, против жизни и здоровья личности, и диалектически обусловленные ими закономерности раскрытия и расследования указанных преступлений [9]; закономерности механизма совершения преступлений в сфере экономической деятельности [10; 11; 12]; оперативно-розыскная информация: тактико-криминалистический потенциал, проблемы реализации в уголовное судопроизводство и пути их разрешения [13].

Иркутская криминалистическая школа – это не просто дорогое наследие, но и фундамент, на котором нынешние ученые выстраивают современные парадигмы.

Отправной точкой научно-методологического аппарата криминалистической науки являются представления о предмете криминалистики, в формирование которого внес существенный вклад знаменитый иркутский ученый-криминалист Г.Ю. Маннс [14], который первым в советский период предпринял попытку сформулировать понятие криминалистики. Его учение о профессиональных особенностях и быте преступников как части предмета криминалистики легло в основу современных научных представлений о криминалистическом исследовании личности преступника.

Трудно также переоценить социальную значимость основателя иркутской научной криминалистической научной школы – В.И. Шиканова [15; 16; 17], благодаря которому криминалистическая наука обогатилась фундаментальными научными исследованиями, посвященными комплексной судебной экспертизе, методу моделирования и реконструкции в следственно-судебной практике, тактическим операциям, эксгумации и атрибуции трупа, алиби и другим важным вопросам.

Любые практические рекомендации по выявлению, расследованию, раскрытию и предотвращению преступлений должны иметь серьезный научно-методологический базис. Решение вопросов о целях и задачах, объекте и предмете исследования, его методологии имеет первоначальное значение при осуществлении научных исследований, и невозможно без анализа существующих точек зрения и научных взглядов, высказанных основоположниками криминалистической науки. Ретроспективный анализ позволяет уточнить степень научной разработки проблемы, учесть допущенные ошибки и правильно определить ее дальнейшие перспективы.

В отличие от большинства отраслевых юридических наук, криминалистика не имеет жесткой обусловленности нормами существующего законодательства, а располагает возможностью корректировки и дополнения разработанных ранее положений с учетом изменений нормативной базы. Вот почему достижения криминалистической науки и практики дореволюционного и советского периода, практические приемы российского сыска, оперативной работы не теряют своей актуальности и сегодня. Тактические приемы собирания, исследования и использования криминалистически значимой информации, разработанные в прошлые века, используются и сегодня, являясь востребованными и результативными. Несмотря на свой относительно молодой возраст, ведущий свое начало с конца XIX в., криминалистика сформировала серьезный научный фундамент, что позволило ей обеспечить свою самостоятельность и доказать исключительность, теоретическую и практическую значимость для современного российского общества. Многие современные частные криминалистические теории являются закономерным продолжением научных взглядов, высказанных учеными на заре криминалистической науки, и базируются на фундаментальных научных исследованиях прошлых лет.

Иркутская научная криминалистическая школа принимала активное участие в формировании криминалистической науки, стояла у ее истоков, вносила существенный вклад в ее развитие и популяризацию. Труды иркутских криминалистов широко известны не только на территории нашей страны, но и за рубежом. Однако, к сожалению, не все исторические первоисточники – работы иркутских криминалистов дореволюционного и советского периодов доступны для использования в силу редкости, уникальности и локализации хранения.

Современный исследователь привык широко пользоваться электронным ресурсом, основывая свои исследования на трудах, опубликованных в сети Интернет, оцифрованных и отсканированных. Поэтому нередко оригинальные источники используются опосредованно, цитируются по трудам других исследователей, что может привести к их искажению или излишнему субъективному пониманию. Такое положение вещей

не всегда связано с ленью и поверхностным отношением, а зачастую вызвано отсутствием возможности ознакомиться с первоисточниками. Предлагаемый проект – не только дань истории, но и импульс к новому осмыслению классических трудов и дальнейшему совершенствованию криминалистической науки.

Таким образом, эффективная организация проведения научных исследований невозможна без интеграции усилий ученых для достижения научных результатов. Основную объединяющую роль в творческом союзе научной школы А.В. Варданяна и Иркутской юридической школы играет постоянно развивающаяся криминалистическая наука, выступающая фундаментом для зарождения научных идей. Задача современного поколения криминалистов – не только осуществить преемственность поколений, сохраняя, продолжая и развивая научные исследования патриархов криминалистической науки, но и передать следующим поколениям научные труды и достижения наших земляков, обеспечив их сохранность, первозданность и доступность для изучения широкому кругу исследователей.

Список источников

1. Варданян А.В. Криминологическая характеристика и социально-правовые меры предупреждения изнасилований: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.

2. Варданян А.В. Некоторые аспекты проблемы раскрытия тяжких преступлений против личности, совершаемых по сексуальным мотивам // Российский следователь. 2003. № 11.

3. Варданян А.В. Некоторые проблемы раскрытия тяжких преступлений против личности в семейно-бытовой сфере // Российский следователь. 2004. № 11.

4. Варданян А.В. Виктимологический аспект личности потерпевшего в структуре криминалистически значимых признаков тяжких преступлений против жизни и здоровья человека // Философия права. 2010. № 6 (43).

5. Варданян А.В. Концепция предупреждения тяжких насильственных преступлений: гносеологический, оперативно-разыскной и криминалистический аспекты // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 2 (45).

6. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: Современное состояние и проблемы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001.

7. Коновалов С.И., Маркова-Мурашова С.А. Преступная деятельность как объект криминалистического познания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016.

8. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002.

9. Точилкина А.А. Особенности расследования преступлений против жизни и здоровья личности, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2023.

10. Малянова К.П. Общие положения криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3(86).

References

1. Vardanyan A.V. Criminological characteristics and socio-legal measures to prevent rape: diss. … of PhD in Law. Moscow, 1996.

2. Vardanyan A.V. Some aspects of the problem of solving serious crimes against a person committed for sexual motives // Russian investigator. 2003. № 11.

3. Vardanyan A.V. Some problems of solving serious crimes against the person in the family and household sphere // Russian investigator. 2004. № 11.

4. Vardanyan A.V. The victimological aspect of the victim's personality in the structure of criminalistically significant signs of serious crimes against human life and health // Philosophy of Law. 2010. № 6 (43).

5. Vardanyan A.V. The concept of preventing serious violent crimes: epistemological, operational-investigative and criminalistic aspects // Jurist-Pravoved. 2011. № 2 (45).

6. Konovalov S.I. Theoretical and methodological foundations of criminology: Current state and problems of development: diss. … Grand PhD in Law. Volgograd, 2001.

7. Konovalov S.I., Markova-Murashova S.A. Criminal activity as an object of criminalistic cognition // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016.

8. Golovin A.Y. Criminalistic systematics. Moscow, 2002.

9. Tochilkina A.A. Features of the investigation of crimes against the life and health of a person committed under the influence of traumatic situations: criminal law, criminal procedure and criminalistic aspects: diss. … PhD in Law. Rostov-on-Don, 2023.

10. Malyanova K.P. General provisions of the criminalistic characteristics of crimes related to the illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3(86).

11. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Official crimes in the sphere of economics as an object of criminalistic scientific analysis. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dolzhnostnye-

11. Варданян А.В., Айвазова О.В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dolzhnostnye-prestupleniya-v-sfere-ekonomiki-kak-obekt-kriminalisticheskogo-nauchnogo-analiza (дата обращения: 10.10.2025).
12. Бондарева Г.В. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика коммерческого подкупа = Legal and forensic characteristics of commercial bribery: учеб. пособие / Г.В. Бондарева, Ф.Г. Шахкелдов. Изд. 2-е, перераб. М., 2020.
13. Щербаченко А.К. Базовая методика расследования мошенничеств, совершенных группой лиц: теоретические основы и прикладные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2022.
14. Маннс Г.Ю. Криминалистика, как прикладная дисциплина и предмет преподавания. Иркутск, 1921.
15. Шиканов В.И. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств: учеб. пособие. Иркутск, 1979.
16. Степаненко Д.А. Шиканов В.И. – основоположник иркутской научной криминалистической школы. Вклад ученого в науку. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/v-i-shikanov-osnovopolozhnik-irkutskoy-nauchnoy-kriminalisticheskoy-shkoly-vklad-uchenogo-v-nauku (дата обращения: 10.10.2025).
17. Койсин А.А., Фомина И.А. Владимир Иванович Шиканов – воин, следователь, судья, ученый. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-ivanovich-shikanov-voin-sledovatel-sudya-uchenyy (дата обращения: 10.10.2025).

prestupleniya-v-sfere-ekonomiki-kak-obekt-kriminalisticheskogo-nauchnogo-analiza (date of access: 10.10.2025).
12. Bondareva G.V. Criminal law and criminalistic characteristics of commercial bribery = Legal and forensic characteristics of commercial bribery: textbook. manual / G.V. Bondareva, F.G. Shakhkeldov. 2nd Ed., revised Moscow, 2020.
13. Shcherbachenko A.K. Basic methodology for investigating fraud committed by a group of persons: theoretical foundations and applied aspects: diss. ... Grand PhD in Law. Rostov n/A, 2022.
14. Manns G.Y. Criminalistics as an applied discipline and subject of teaching. Irkutsk, 1921.
15. Shikanov V.I. Criminalistic victimology and the practice of murder investigation: textbook. stipend. Irkutsk, 1979.
16. Stepanenko D.A. Shikanov V.I. – founder of the Irkutsk scientific criminalistic school. The scientist's contribution to science. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/v-i-shikanov-osnovopolozhnik-irkutskoy-nauchnoy-kriminalisticheskoy-shkoly-vklad-uchenogo-v-nauku (date of access: 10.10.2025).
17. Koisin A.A., Fomina I.A. Vladimir Ivanovich Shikanov – soldier, investigator, judge, scientist. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vladimir-ivanovich-shikanov-voin-sledovatel-sudya-uchenyy (date of access: 10.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

К. П. Малянова, *кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Е. И. Фойгель, *доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции Байкальского государственного университета. 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

K. P. Malyanova, *PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminology and Operational Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

E. I. Voigel, *Grand PhD in Law, Associate Professor, Director of the Institute of Justice of Baikal State University. 11, Lenin St., Irkutsk 664003 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 130–137.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 130–137.

Научная статья
УДК 343.3.7

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТРАНСГРАНИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Алена Анатольевна Никифорова
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация, luckyalenka@rambler.ru

Введение: *актуальность выбранной темы обусловлена развитием международных отношений, которые способствуют трансформации отечественного законодательства, в том числе уголовного. Нормы об ответ-ственности за совершение преступлений трансграничного характера представляют собой сложную систему уголовно-правовых запретов, требующих особого внимания со стороны законодателя, т. к. имеющиеся на сегодняшний день несовершенства напрямую влияют на вопросы правоприменительной деятельности.*

Материалы и методы: *при подготовке статьи были использованы научные публикации отечественных специалистов, посвященные различным аспектам противодействия трансграничным преступлениям. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (метод системного анализа, диалектический метод и др.), а также частнонаучные методы (формально-юридический метод).*

Результаты исследования: *в результате исследования сформулированы авторские предложения по внесению изменений в действующее уголовное законодательство, а именно в нормы, закрепляющие ответственность за совершение преступлений трансграничного характера.*

Выводы и заключения: *имеющееся в настоящее время разнообразие формулировок относительно места и способов совершения преступлений трансграничного характера ведет к рассистематизации законодательства и негативно сказывается на вопросах правоприменения в процессе квалификации совершенных противоправных деяний. В связи с этим необходимо обеспечить максимально унифицированный подход в рамках технико-юридического конструирования уголовного и смешного законодательства с целью повышения эффективности противодействия исследуемым уголовно-наказуемым деяниям.*

Ключевые слова: *преступления трансграничного характера, трансграничное перемещение, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, контрабанда, ввоз, вывоз, граница Российской Федерации, территория Российской Федерации*

Для цитирования: Никифорова А. А. *К вопросу о признаках преступлений трансграничного характера // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 130–137.*

Original paper

TO THE ISSUE OF THE SIGNS OF CRIMES OF A CROSS-BORDER NATURE

Alyona Anatolyevna Nikiforova
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russian Federation

Introduction: *the relevance of the chosen topic is due to the development of inter-national relations, which contribute to the transformation of domestic legislation, including criminal legislation. The norms on responsibility for the commission of crimes of a cross-border nature represent a complex system of criminal law prohibitions that require special attention from the legislator, since the current imperfections directly affect the issues of law enforcement.*

Materials and methods: *scientific publications of domestic experts devoted to various aspects of countering cross-border crimes were used in the preparation of the article. The methodological basis of the research was made up of general scientific methods (the method of system analysis, the dialectical method, etc.), as well as private scientific methods (the formal legal method).*

© Никифорова А.А., 2026

Results of the study: *as a result of the research, the author's proposals were formulated to amend the current criminal legislation, namely, the norms that establish responsibility for the commission of crimes of a cross-border nature.*

Findings and conclusions: *the current variety of formulations regarding the location and methods of committing crimes of a cross-border nature leads to the de-systematization of legislation and negatively affects law enforcement issues in the process of qualifying committed illegal acts. In this regard, it is necessary to ensure the most unified approach within the framework of the technical and legal construction of criminal and disciplinary legislation in order to increase the effectiveness of countering the criminally punishable acts under investigation.*

Keywords: *cross-border crimes, cross-border movement, Eurasian Economic Un-ion, EAEU, contraband, import, export, border of the Russian Federation, territory of the Russian Federation*

For citation: Nikiforova A. A. *To the issue of the signs of crimes of a cross-border nature // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 130–137.*

В настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) признак преступлений трансграничного характера в виде перемещения предметов и людей, осуществления денежных переводов и передачи информации с территории одного государства на территорию другой страны, одной из которых является Российская Федерация, представлен в различных вариациях, что представляется нарушением системного подхода при конструировании уголовно-правовых запретов, влияющих в первую очередь на сложности в их трактовке правоприменителем и последующей квалификации противоправных посягательств. Также, соглашаясь с тем, что «территория России способна одновременно играть одну или несколько ролей: быть страной, из которой исходит, где частично протекает или оканчивается преступная активность» [1, с. 11], необходимо учитывать все эти нюансы при законотворческой и правоприменительной деятельности.

Развитие международных отношений, в том числе заключение Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС)[1], «требует разработки единых правил взаимоотношений, означающих унификацию и гармонизацию законодательства, в том числе уголовного» и представляет собой системный процесс приведения национальных норм в соответствие международным договорам и соглашениям.

В действующем уголовном законе закрепление действия в виде перемещения предметов, людей или информации через границу России можно наблюдать в виде следующих групп противоправных посягательств:

I группа: действия в виде **перемещения через Государственную границу Российской Федерации или таможенную границу Евразийского экономического союза, пределы Российской Федерации** (выделено нами. – А.Н.):

– **… перемещение потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации** или с незаконное удержание его за границей – п. «г» ч. 2 ст. 127[1] УК РФ;

– **незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза** наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, совершенное в крупном размере – ч. 1 ст. 200[1] УК РФ;

– **незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза** стратегически важных товаров и ресурсов … – ч. 1 ст. 226[1] УК РФ;

– **незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза** наркотических средств, психотропных веществ … – ч. 1 ст. 229[1] УК РФ;

– вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией, совершенное с перемещением потерпевшего **через Государственную границу Российской Федерации** или с незаконным удержанием его за границей – п. «4» ч. 2 ст. 240 УК РФ;

– … **перемещение через Государственную границу Российской Федерации** в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования либо распространение … порнографических материалов или предметов – ч. 1 ст. 242 УК РФ;

– … **перемещение через Государственную границу Российской Федерации** … материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних – ч. 1 ст. 242[1] УК РФ;

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 15.01.2026).

– … сопряженное с … **перемещением** носителей таких сведений **за пределы Российской Федерации** – п. «д» ч. 2 ст. 283[1] УК РФ;

– незаконные перемещение или пересылка носителей, содержащих сведения, составляющие государственную, за пределы Российской Федерации – ч. 2 ст. 2832 УК РФ;

II группа: действия в виде **ввоза на территорию Российской Федерации, ввоза, вывоза, импорта** или **экспорта**:

– производство, закупка (в том числе **импорт**), поставки (в том числе **экспорт**) … этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции … – ч. 1 ст. 1713 УК РФ;

– производство, поставка, закупка (в том числе **при ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации)**, хранение табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья … – ч. 11 ст. 1713 УК РФ;

– … **экспорт из Российской Федерации** … товаров или технологий, вооружения или военной техники … – ч. 1 ст. 189 УК РФ;

– нарушение правил … **ввоза, вывоза** либо уничтожения наркотических средств или психотропных веществ … ввоза, вывоза либо уничтожения растений, содержащих наркотические средства … – ч. 1 ст. 2282 УК РФ;

– … **ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации** … новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен – ч. 1 ст. 2341 УК РФ;

– … **ввоз на территорию Российской Федерации** фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий … **ввоз на территорию Российской Федерации** в целях сбыта незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий … **ввоз на территорию Российской Федерации** фальсифицированных биологически активных добавок … – ч. 1 ст. 2381 УК РФ.

III группа: деяния, непосредственно **связанные с перемещением через Государственную границу Российской Федерации предметов**, но выражающиеся в ином противоправном поведении:

– **невозвращение** в установленный срок **на территорию Российской Федерации** культурных ценностей … – ст. 190 УК РФ;

– уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин … – ч. 1 ст. 194 УК РФ;

– **нарушение требований валютного законодательства Российской Федерации** … на счета резидента в уполномоченном банке или на счета резидента в банках, расположенных **за пределами территории Российской Федерации** … а равно нарушение требований валютного законодательства Российской Федерации о **возврате в Российскую Федерацию** на счета резидента в уполномоченном банке или на счета резидента в банках, расположенных **за пределами территории Российской Федерации** … за не ввезенные **на территорию Российской Федерации (не полученные на территории Российской Федерации)** товары, невыполненные работы, неоказанные услуги, непереданные информацию и результаты интеллектуальной деятельности … – ч. 1 ст. 193 УК РФ;

– **совершение валютных операций** по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации ... – ч. 1 ст. 1931 УК РФ.

IV группа: действия в виде трансграничной передачи или трансграничного перемещения:

– … сопряженные с **трансграничной передачей** компьютерной информации, содержащей персональные данные, и (или) **трансграничным перемещением** носителей информации, содержащих персональные данные – ч. 4 ст. 2721 УК РФ.

Представляется, что такое многообразие формулировок места и способа совершения преступлений является свидетельством отсутствия единого подхода в законотворческой деятельности при формулировании норм об ответственности за преступления трансграничного характера. Именно поэтому считаем, что необходимо рассмотреть имеющиеся способы технико-юридического конструирования уголовно-правовых запретов и предложить варианты унификации действующего законодательства.

Рассматривая *I группу* деяний, в первую очередь необходимо отметить, что уже с него начинается демонстрация законодательной разрозненности в правотворчестве. Нельзя не согласиться в данном случае с В.К. Заиграевой в том, что изменения, которые коснулись уголовного закона в связи с развитием международных отношений в условиях функционирования ЕАЭС, «влекут определенные сложности в правоприменительной деятельности правоохранительных органов при квалификации контрабанды» [2, с. 3–4].

Место совершения преступления представлено в виде:

– Государственной границы Российской Федерации;

– таможенной границы Евразийского экономического союза;

– пределов Российской Федерации.

Начнем с раскрытия характеристики **Государственной границы Российской Федерации**. Согласно Закону Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» под Государственной границей Российской Федерации понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, т. е. пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации[2]. Помимо этого, следует учитывать международные договоры, закрепляющие положения, которые определяют государственные границы между конкретными государствами[3].

Приступая к определению **таможенной границы Евразийского экономического союза**, в первую очередь следует отметить, что в состав ЕАЭС в соответствии с действующим международным договором входят такие страны, как Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Армения, Российская Федерация, Киргизская Республика[4]. В соответствии с ч. 2 ст. 5 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза под таможенной границей ЕАЭС необходимо понимать пределы его таможенной территории и пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств-членов ЕАЭС[5]. Одновременно с этим, согласно ч. 1 ст. 5 Таможенного кодекса, таможенная территория ЕАЭС определяется территориями государств-членов и также находящимися за пределами территорий государств-членов искусственными островами, сооружениями, установками и иными объектами, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией.

К сухопутным границам ЕАЭС относятся границы [3, с. 5]:

1. России: российско-норвежской, российско-финляндской, российско-латвийской, российско-литовской, российско-польской, российско-украинской, российско-грузинской, российско-азербайджанской, российско-китайской, российско-монгольской, российско-северокорейской;

2. Белоруссии: белорусско-латвийской, белорусско-литовской, белорусско-польской, белорусско-украинской;

3. Армении: армяно-грузинской, армяно-азербайджанской, армяно-иранской, армяно-турецкой;

4. Казахстана: казахстанско-туркменской, казахстанско-узбекской, казахстанско-киргизской, казахстанско-китайской;

5. Киргизии: киргизско-узбекской, киргизско-таджикской, киргизско-китайской.

Кроме того, в соответствии с Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны[6] пределы портовой и логистической свободной экономической зоны являются таможенной границей Евразийского экономического союза.

В свою очередь закрепление определения понятия **«пределы Российской Федерации»** не нашло отражения в действующем законодательстве. Подобное словосочетание можно встретить на законодательном уровне лишь в дефиниции «Государственная граница Российской Федерации», из чего можно сделать вывод о том, что подобная формулировка не имеет юридического закрепления, а само место является составляющей Государственной границы Российской Федерации.

Перейдем ко *II группе* способов совершения преступлений трансграничного характера в виде ввоза на территорию Российской Федерации, ввоза или вывоза, импорта или экспорта.

Действия по ввозу и вывозу в большей степени в рассматриваемых уголовно-правовых запретах привязаны к территории России. Так, согласно ч. 1 ст. 67 Конституции Российской Федерации, **территория России включает** в себя территории ее субъектов,

[2] О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 // Российская газета. 1993. № 84.

3 Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о российско-латвийской государственной границе, Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «О российско-казахстанской государственной границе», Договор между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией о государственной границе, Договор между Российской Федерацией и Монголией о режиме российско-монгольской государственной границы, а также иные договоры.

[4] Договор о Евразийском экономическом союзе. Указ. соч.

[5] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 15.01.2026).

[6] Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7.

внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними[7].

Также нельзя в данном случае обойти стороной принцип действия уголовного закона в пространстве, согласно которому если лицо совершило преступление на территории Росси, то оно подлежит уголовной ответственности в соответствии с уголовным законом России. Помимо этого, в ч. 2 ст. 11 УК РФ закреплены территории, совершение преступлений на которых признается деянием, совершенным на территории России, – это пределы территориального моря или воздушного пространства. Также отечественный уголовный закон распространяет свое действие на территорию континентального шельфа, исключительной экономической зоны, судна, приписанного к порту Российской Федерации, находящемся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов России, военного корабля или военного воздушного судна России вне зависимости от их местонахождения. При этом в территорию Российской Федерации они не включены, также как и территории консульских учреждений, посольств Российской Федерации и представительств России и ее субъектов.

В п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляется определение понятия **ввоз товаров в Российскую Федерацию**. Под ним понимается «фактическое перемещение товаров через Государственную границу Российской Федерации и (или) пределы искусственных островов, установок и сооружений, в отношении которых Российская Федерация имеет суверенные права и юрисдикцию в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормами международного права, в результате которого товары прибыли из других государств-членов Союза или с территорий, не входящих в единую таможенную территорию Союза (далее – таможенная территория Союза), на территорию Российской Федерации и (или) на территории искусственных островов, установок и сооружений, в отношении которых Российская Федерация имеет суверенные права и юрисдикцию в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормами международного права, а также все последующие действия с указанными товарами до их выпуска таможенными органами, если такой выпуск предусмотрен международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования и (или) настоящим Федеральным законом»[8].

При этом важно отметить, что в вышеупомянутом законе указывается ввоз не на территорию Российской Федерации, а просто ввоз в Российскую Федерацию, однако в самом определении говорится и о границе Российской Федерации и о ее территории. Также в ст. 2282 УК РФ отсутствует конкретизация места совершения преступления, в диспозиции статьи просто перечисляются противоправные действия, в числе которых ввоз и вывоз. Вероятно, по мнению законодателя, упоминание таких действий автоматически подразумевает пересечение Государственной границы Российской Федерации. Однако, полагаем, что в данном случае это является примером ограничительного толкования, не всегда благоприятно сказывающегося на процессе правоприменения, потому представляется, что указание конкретного места или территории должно в обязательном порядке присутствовать в правовой норме в подобных случаях. Следует констатировать, что прослеживается рассогласованность законодательных формулировок, не только внутри одного нормативного правового акта, но и межотраслевая.

В ст. 2 Федерального закона от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»[9] под **импортом товара** понимается ввоз товара в Российскую Федерацию без обязательства об обратном вывозе, под **экспортом товара** – вывоз товара из Российской Федерации без обязательства об обратном ввозе. Таким образом, слова «экспорт» и «импорт» заимствованы из английского языка и фактически означают вывоз и ввоз товаров [4, с. 215, 573], при этом законодатель использует при конструировании норм УК РФ данные синонимичные понятия в нарушение правил унифицированного подхода, когда описыва-

[7] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.01.2026).

[8] О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.

[9] Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федер. закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

ются аналогичные по характеру действия. Считаем, что следует придерживаться единого подхода в данном вопросе, и в процессе законотворчества использовать во всех случаях слова «ввоз» и «вывоз», учитывая, что данные понятия активно применяются в современном русском языке и в полной мере отражают сущность совершаемых действий.

Приступая к исследованию *III группы* действий (бездействия), содержащих признаки трансграничных преступлений, следует указать на тот факт, что действия, связанные с перемещением предметов через Государственную границу Российской Федерации или осуществлением трансграничных переводов денежных средств либо изначально являются законными, а дальнейшие действия (бездействие) влекут за собой уголовную ответственность (ст. 190, 193 УК РФ), либо совершаются под видом законных действий (ст. 1931, 194 УК РФ).

В данном случае полагаем необходимо обратить внимание на определение понятия **«трансграничный перевод денежных средств»**, которое нашло свое отражение в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Так, под такими действиями следует понимать «перевод денежных средств, при осуществлении которого плательщик либо получатель средств находится за пределами Российской Федерации, и (или) перевод денежных средств, при осуществлении которого плательщика или получателя средств обслуживает иностранный центральный (национальный) банк или иностранный банк»[10].

В заключительной *IV группе* противоправных действий определены трансграничная передача или трансграничное перемещение. Данные относительно новые понятия появились в уголовном законе в ноябре 2024 г. в качестве квалифицирующих признаков в ч. 4 ст. 2721 УК РФ. При этом трансграничная передача относится к перемещению компьютерной информации, а трансграничное перемещение – к ее носителям. Вместе с этим законодательного закрепления в Примечании 2 к ст. 2721 УК РФ нашло лишь определение **трансграничного перемещения** носителей информации, содержащих персональные данные. Так, под ними следует понимать «совершение действий по ввозу на территорию Российской Федерации и (или) вывозу с территории Российской Федерации машиночитаемого носителя информации (в том числе магнитного и электронного), на который осуществлены запись и хранение такой информации».

В свою очередь, п. 11 ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» раскрывается смежное с трансграничной передачей компьютерной информации определение понятия **«трансграничная передача персональных данных»**, под которым следует понимать передачу персональных данных на территорию иностранного государства органу власти иностранного государства, иностранному физическому лицу или иностранному юридическому лицу[11].

Представленные варианты законодательного закрепления признаков преступлений трансграничного характера, связанные с указанием способов и места совершения преступления, демонстрируют рассистематизацию уголовного и смежного законодательства, а также служат свидетельством отсутствия единого унифицированного подхода в процессе технико-юридического конструирования уголовно-правовых норм. В первую очередь такая ситуация негативно сказывается на процессе правоприменительной деятельности, т. к. сотрудникам правоохранительных органов с первого взгляда сложно выявить разницу между законодательными формулировками, максимально близкими по значению, а в определенных случаях ее вовсе нет в содержании, но имеется в словесной форме выражения.

Проанализировав существующие в уголовном законе формулировки, раскрывающие признаки состава трансграничного преступления, представляется необходимым предложить внесение изменений в соответствующие статьи УК РФ с целью совершенствования действующего отечественного законодательства и практики применения положений закона при квалификации противоправных посягательств.

Так, во-первых, видится потребность в исключении таких словоформ, которые законодательно не закреплены, либо происходит дублирование русских выражений иностранными с тем же содержанием. К ним следует отнести: пределы Российской Федерации, экспорт, импорт.

Во-вторых, считаем, что понятие «границы» становится достаточно расплывчатым и размытым в условиях информатизации общества, т. к. распространение информа-

[10] О национальной платежной системе: Федер. закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

[11] О персональных данных: Федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

ции посредством сети Интернет ни к каким территориям фактически не привязано, также как и осуществление онлайн-платежей и переводов, по крайней мере физически границы не пересекаются. Следует признать справедливым мнение А.Х-А. Пихова о том, что глобализационные процессы сопровождаются «размыванием границ, расширением и взаимопроникновением экономических рынков» [1, с. 3]. Потому более целесообразным представляется использовать понятие «территория Российской Федерации» при обозначении места совершения противоправного посягательства, а не «Государственная граница Российской Федерации», так же как и «территория ЕАЭС» – вместо «таможенная граница ЕАЭС», т. к. в случае не физического перемещения предметов через границу России или ЕАЭС, а, например, осуществления электронных платежей или банковский операций, связанных с незаконным переводом денежных средств из другого государства в Россию или из России в зарубежные страны, фактического пересечения границы по сути не происходит, но тем не менее осуществляется перемещение финансовых активов в виртуальном пространстве.

В-третьих, с учетом того факта, что «в официальном, общественном и академическом дискурсе отсутствует понимание «трансграничности» [5, с. 35], следует включить в уголовный закон унифицированное понятие «трансграничное перемещение», которое будет распространять свое действие на перемещение людей и предметов, разместив его в Примечании 3 ст. 1271 УК РФ в следующей редакции: «Под трансграничным перемещением в статьях настоящего Кодекса следует понимать ввоз на территорию Российской Федерации и (или) вывоз с территории Российской Федерации».

В-четвертых, во всех нормах, закрепляющих действия по перемещению людей или предметов через Государственную границу Российской Федерации, за пределы Российской Федерации, ввозу в Российскую Федерацию и вывозу из Российской Федерации, ввозу на территорию Российской Федерации, ввозу, вывозу, экспорту, импорту, заменить указанные формулировки на «трансграничное перемещение». Как верно отмечено А.А. Зыковым и М.Ю. Шинковским, «многие планетарные процессы принимают трансграничный характер» [5, с. 34], потому данное законодательное решение позволит отразить изменения, неизбежно сопутствующее трансформации в обществе, государстве и в мире в целом.

В-пятых, в диспозиции ст. 193 УК РФ словесную конструкцию «за пределами территории Российской Федерации» заменить на следующую: «не на территории Российской Федерации».

В-шестых, формулировку «перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза» заменить на «ввоз на территорию Евразийского экономического союза и (или) вывоз с территории Евразийского экономического союза».

В-седьмых, дополнить ст. 2721 УК РФ Примечанием 3, раскрыв в нем определение понятия «трансграничная передача компьютерной информации» следующим образом: передача компьютерной информации, при осуществлении которой ее получатель или отправитель находится на территории иностранного государства.

Список источников

1. Пихов А.Х.-А. Теоретические основы противодействия транснациональной преступности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2018.

2. Заиграева В.К. Уголовная ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в условиях функционирования Евразийского экономического союза: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2023.

3. Федоров А.В. Место совершения контрабанды // Российский следователь. 2017. № 16.

4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 4.

References

1. Pikhov A.Kh.-A. Theoretical foundations of countering transnational crime: abstract of the diss. ... Grand PhD in Law. Krasnodar, 2018.

2. Zaigraeva V.K. Criminal liability for the smuggling of strategically important goods and resources in the context of the functioning of the Eurasian Economic Union: abstract of the diss. ... PhD in Law. Moscow, 2023.

3. Fedorov A.V. The place of the smuggling // Russian investigator. 2017. № 16.

4. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / edited by A.P. Evgenieva. 4th ed., ster. Moscow, 1999. Vol. 4.

5. Zykov A.A., Shinkovsky M.Yu. The problem of defining the phenomenon

5. Зыков А.А., Шинковский М.Ю. Проблема дефиниции феномена «трансграничность» // Территория новых возможностей. 2009. № 1 (1).

of "transborderness" // Territory of new opportunities. 2009. № 1 (1).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. А. Никифорова, *кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России. 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. A. Nikiforova, *PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3, Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod 603950 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 18.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 138–143.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 138–143.

Научная статья
УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОЙ СРЕДЫ

Денис Геннадьевич Овечкин[1], Николай Сергеевич Сорокун[2], Роман Валерьевич Подгурский[3]
[1] Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, ovechkin223@mail.ru
[2] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, nik-sorokun@yandex.ru
[3] Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, millerovyevea@yandex.ru

Введение: *актуальность исследований эффективности оперативно-розыскной деятельности в контексте киберпреступности очевидна в связи с проблематикой фиксации доказательств в цифровой среде. Вектор развития цифровых оперативно-розыскных инструментов становится условием совершенствования специализированного законодательства и должен быть направлен на масштабирование организационно-технических возможностей мониторинга интернет-сетей, систематизацию массива данных для анализа цифровых следов, внедрение средств удаленной фиксации информации и т. п. Реализация данного направления развития оперативно-розыскной деятельности позволит в условиях «кадрового голода» не просто минимизировать «человеческий фактор», но и при наименьших затратах человеческого ресурса решать более значимые задачи.*

Материалы и методы: *проведение данного исследования потребовало применения традиционных методов научного поиска, таких как диалектический подход к изучению сущности оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) как достаточно систематизированных правовых категорий. В совокупности с такими методами, как системный, метод анализа и синтеза, это позволило формулировать выводы о перспективах ревизии специализированного законодательства. Статистический, сравнительно-правовой и метод правового моделирования создали условия для внесения предложений по совершенствованию оперативно-розыскного законодательства.*

Результаты исследования: *результатом проведенного исследования стало понимание целесообразности категоризации ОРМ на имеющие информационно-цифровую природу и связанные с информационно-цифровым инструментарием их реализации. В связи с этим сформировано научно обоснованное видение потенциала для выделения данных ОРМ в относительно обособленный «кластер», состоящий с общей системой ОРМ в связи «частное и общее».*

Выводы и заключения: *во-первых, специализированный закон об оперативно-розыскной деятельности требует устранения терминологических пробелов (понятие ОРМ, понятие каждого ОРМ в перечне, условия и основания проведения ОРМ); во-вторых, назрела необходимость создания инновационной технологичной цифровой инфраструктуры, координирующей имеющиеся разрозненные информационные системы и позволяющей получать, обрабатывать, анализировать и хранить для перспективного использования оперативно значимую информацию в форме массива данных, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта; в-третьих, легализованный судебной системой режим видео-конференц-связи может быть закреплен в оперативно-розыскном законодательстве.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, информационно-телекоммуникационные технологии, киберпреступность, кластер информационно-цифровых ОРМ*

Для цитирования: Овечкин Д. Г., Сорокун Н. С., Подгурский Р. В. *Особенности реализации некоторых оперативно-розыскных мероприятий в условиях цифровизации преступной среды // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 138–143.*

© Овечкин Д.Г., Сорокун Н.С., Подгурский Р.В., 2026

Original paper

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE CRIMINAL ENVIRONMENT

Denis Gennadievich Ovechkin[1], Nikolay Sergeevich Sorokun[2], Roman Valerievich Podgursky[3]
[1] Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation
[2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation
[3] Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *the relevance of research on the effectiveness of operational investigative activities in the context of cybercrime is obvious in connection with the problem of evidence fixation in the digital environment. The vector of development of digital operational investigative tools is becoming a condition for improving specialized legislation and should be aimed at scaling up the organizational and technical capabilities of monitoring Internet networks, systematizing an array of data for analyzing digital footprints, introducing remote information recording tools, etc. The implementation of this area of development of operational investigative activities will allow, in conditions of "personnel starvation", not only to minimize the "human factor", but also to solve more significant tasks with the least expenditure of human resources.*

Materials and methods: *conducting this research required the use of traditional scientific research methods, such as a dialectical approach to studying the essence of operational investigative measures (hereinafter referred to as OPM) as sufficiently systematized legal categories. In combination with such methods as the system method, the method of analysis and synthesis, this allowed us to formulate conclusions about the prospects for the revision of specialized legislation. Statistical, comparative law, and the method of legal modeling have created the conditions for making proposals to improve operational investigative legislation.*

Results of the study: *the result of the conducted research was an understanding of the expediency of categorizing MPas into those having an information-digital nature and related to information-digital tools for their implementation. In this regard, a scientifically based vision has been formed of the potential for allocating MPM data into a relatively isolated "cluster" consisting of a common MPM system in the context of "private and general".*

Findings and conclusions: *firstly, the specialized law on operational investigative activities requires the elimination of terminological gaps (the concept of MPM, the concept of each MPM in the list, the conditions and grounds for conducting MPM); secondly, there is a need to create an innovative technological digital infrastructure that coordinates the existing disparate information systems and allows you to receive, process, analyze and store operationally relevant information for future use in the form of an array of data, including using artificial intelligence technologies.; Thirdly, the video conferencing mode legalized by the judicial system can be fixed in operational investigative legislation.*

Keywords: *operational search activity, operational search event, information and telecommunication technolobgies, cybercrime, cluster of information and digital ORMs*

For citation: Ovechkin D. G., Sorokun N. S., Podgursky R. V. *Features of the implementation of certain operational investigative activities in the context of digitalization of the criminal environment // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 138–143.*

Уже ставший глобальным фактор цифровизации общественной жизни и реализации всех государственных функций выступает очевидным доказательством информационной стадии развития общества, в том числе и криминальной сферы его жизнедеятельности. Объективной причиной тому выступают достаточно быстро и не всегда системно развивающиеся цифровые и информационно-телекоммуникационные технологии (дале – ИТТ), которые существенно влияют на количественные и качественные свойства информационного потока и цифровой среды общества. Как следствие – потребность в эффективном правовом воздействии и обоснованном контроле со стороны государства за обозначенной сферой, а также в обеспечении надлежащего уровня защиты информационно-цифрового статуса гражданина от преступных посягательств.

Применение информационно-телекоммуникационных технологий в преступной

деятельности показывает особую и неоднозначную статистику. С одной стороны, наблюдается общий рост за последние пять лет примерно на 200 000 [1], что вполне объяснимо масштабированием цифровизации как таковой. Однако показатели выявления этих преступлений несколько ниже. Если использовать для демонстрации динамику преступлений, совершенных с применением ИТТ, то она показывает разнонаправленное движение, которое может быть связано с развитием в том числе оперативно-розыскного инструментария. Для сравнения: за период с января по декабрь 2024 г. 40 % преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. При сопоставлении с аналогичным периодом 2023 г. был зафиксирован рост на 13,1 %, в том числе тяжких и особо тяжких составов – на 7,8 %. В значительной степени этот фактор повлиял на рост в 2024 г. общего числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8 %.

Однако период с января по ноябрь 2025 г. (по данным на 24 декабря 2025 г.) продемонстрировал снижение динамики преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, т. к. их было зарегистрировано на 10,8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом количество преступлений в сфере компьютерной информации снизилось на 40,6 %, дистанционных краж – на 23,6 %, ИТТ-мошенничеств – на 8,3 % [2].

Статистические данные заставляют теоретиков права в академической и прикладной плоскостях, а также с учетом накопленного опыта правоприменения развивать наиболее эффективные механизмы борьбы с преступностью, к числу которых однозначно следует отнести оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), законодательство о которой должно окончательно избавиться от содержательно-смысловых нормативных пробелов.

В информационно-цифровом контексте проведение некоторых оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), использующих информационные технологии и цифровую среду, требует особого внимания к обеспечению информационной безопасности с точки зрения четкого обозначения угроз этой безопасности и соответствующей этим угрозам защите информации. Однако при современном уровне развития технологий и внедрения их в социальную коммуникацию, в том числе при совершении преступлений, цифровые (информационные) результаты ОРМ не отражены в нормативном уголовно-процессуальном формате в перечне доказательств по уголовному делу.

Понимание того, что «цифровая революция» произошла не вчера, вызывает одновременно и недоумение отсутствия оперативности законодателя в вопросах правовой определенности условий проведения ОРМ в сети Интернет [3]. Необходимость разработки новых нормативных актов и уточнения существующих становится все более актуальной. Особую важность этот вопрос приобретает в условиях агрессивного захвата технологией искусственного интеллекта все больших сфер общественной жизни, так или иначе использующих информационные ресурсы.

Своевременное осознание того, что ОРМ должны проводиться с использованием инновационных технологий (например, программы аналитики интернет-трафика, системы мониторинга социальных сетей, искусственный интеллект и машинное обучение), приведет к повышению их эффективности и нивелированию так называемого «человеческого фактора». Важное значение в деятельности оперативных подразделений по выявлению, пресечению, раскрытию преступлений имеет грамотно сформированная их оперативно-розыскная характеристика, которая, по сути, представляет собой информационно-наглядную модель преступления, что позволило бы оперативным сотрудникам применить наиболее эффективное ОРМ с учетом складывающейся оперативно-розыскной ситуации в ее развитии.

Однозначно идентичная информационно-цифровая природа ряда ОРМ, считываемая уже по их наименованиям, предусмотренным законом об ОРД (например, получение компьютерной информации, снятие информации с технических каналов связи), позволяет увидеть научно обоснованный ресурс формирования на их основе опорного понятия (термина), обозначающего некий «кластер» ОРМ данного вида, и сформировать системное представление об ОРМ в целом. В предлагаемой системе ключевое понятие ОРМ соотносимо с его кластерными группами как «общее» и «частное», а именно с традиционными ОРМ, информационно-цифровыми и связанными с информационными технологиями.

При этом фундаментальное понятие ОРМ должно быть определенно универсальным и не зависящим от механизма создания, получения, передачи оперативно значимой ин-

формации. В то время как «кластер» информационно-цифровых ОРМ должен системно отражать техническую сторону цикла формирования и функционирования такой информации (компьютерные системы, телеграф, факс, телефон и т. п.).

Относительно группы ОРМ, связанных с информационными технологиями, можно привести в качестве примера опрос в случаях, когда лицо, представляющее оперативный интерес, находится вне территории оперативного подразделения, уполномоченного на проведение данного ОРМ. Практика решает эту проблему командированием сотрудника (а это затраты и отрыв сотрудника от иных дел, находящихся в его производстве) либо направлением запроса, что тоже имеет недостатки ввиду того, что проводящее по поручению опрос лицо не сможет верно оценить изменение оперативной обстановки во время опроса и незамедлительно принять необходимые меры. В такой ситуации разумно использовать режим видео-конференц-связи, легализованный и хорошо зарекомендовавший себя в судопроизводстве. В связи с этим имеет смысл обсудить дополнение п. 1 абз. 1 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) фразой «в том числе с применением информационно-телекоммуникационных технологий и средств (видео-конференц-связи)». Поскольку данное ОРМ не требует судебного санкционирования, то данную информацию следует отразить в рапорте оперативного сотрудника (факт использования, условия, характеристики технического устройства).

Цифровизация общественной жизни влияет и на такие ОРМ, как проверочная закупка (п. 4 абз. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД) и наблюдение (п. 6 абз. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД). И проверочная закупка, и наблюдение представляют собой ресурсные ОРМ в сфере борьбы с использованием и распространением вредоносных компьютерных программ и технологий. Подробно на примерах судебной практики этот вопрос изучен в актуальной оперативно-розыскной теории [4]. С доктринальных позиций проверочная закупка характеризуется как инициативное, простое, единовременное ОРМ, направленное на получение информации о возможном наличии в деянии лица, представляющего оперативный интерес, признаков преступления под прикрытием совершения оперативным сотрудником мнимой сделки (приобретение вредоносной программы на учетную запись оперативного сотрудника в сети Интернет). Содержание самого ОРМ имеет специфику – полное легендирование ситуации, вследствие чего уязвимо по признаку «провокационности».

Наблюдение же в данном случае будет характеризоваться пассивным поведением оперативного сотрудника, воспринимающего оперативно значимую информацию с применением технических средств визуально, на слух или в смешанном порядке. Также имеет сложный по своему составу и негласный характер. Кроме того, наблюдение может быть реализовано путем осмотра специального протокола передачи информации в сети Интернет или локальной компьютерной сети и пиринговой сети с последующим копированием информации оперативным сотрудником.

Ресурсы ОРМ, как связанные с информационными технологиями, так и не связанные, следует прочно координировать с иными возможностями технологий, которые имеют иную, не правоохранительную природу, но могут существенно помочь в решении задач ОРД. В частности, такие разрозненные инструменты получения, аккумулирования и анализа информации: системы «умный город», камеры видеонаблюдения частных организаций и лиц, рубрика «Внимание, розыск!», системы распознавания лиц и номеров транспортных средств, ресурсы спутниковой группировки России (аэрокосмическая съемка), программы восстановления удаленных сообщений. Приведенная малая часть из известных современных цифровых достижений науки и техники может быть объединена в комплексную видеоаналитическую систему наряду с системами учета, используемыми правоохранительными и иными органами в целях оперативного анализа значительных объемов информации, идентификации предмета оперативного интереса и адекватного реагирования на перспективные угрозы с учетом их опасности, не говоря уже о том, что могут выступать основой качественной доказательственной базы для уголовного процесса.

Приведенные примеры как традиционных информационно-цифровых ОРМ, так и не имеющих таковой природы, позволяют смело утверждать о необходимости концептуального подхода к инновационно-цифровой ревизии самой системы ОРМ и условий их проведения. Теоретики и практики ОРД настаивают не столько на интенсификации получения оперативно значимой информации, сколько на необходимости обработки массивов неструктурированной информации.

В рамках этой работы проведение ОРМ в новом формате, нацеленное на получение и обработку оперативно значимой информа-

ции, должно предполагать создание необходимой инновационной технологичной цифровой инфраструктуры, разработку новых форм оперативно-аналитической работы, использование технологий искусственного интеллекта. Кроме того, в рамках системной ревизии оперативно-розыскной нормативно-правовой базы следует учитывать потребности организационно-технического и кадрового свойства.

Подводя итоги изучения особенностей реализации ОРМ с учетом информационной стадии развития общества и его активной цифровизации, можно предложить в качестве вывода тезис-декларацию о том, что Интернет стал архетипом реальной жизни с переносом в него криминальной ее части. Следует ожидать от законодателя активной информационно-цифровой адаптации ОРМ.

При этом ресурсы ОРМ следует прочно координировать с разрозненными информационными и цифровыми инструментами получения, аккумулирования и анализа информации, такими как «умный город», камеры видеонаблюдения частных организаций и лиц, рубрика «Внимание, розыск!», системы распознавания лиц и номеров транспортных средств, ресурсы спутниковой группировки России (аэрокосмическая съемка), программы восстановления удаленных сообщений, в том числе с технологиями, не имеющими правоохранительной направленности. Объединение перечисленного с традиционными правоохранительными учетами сделает возможным создание комплексной информационно-цифровой аналитической системы.

Кроме того, информационно-цифровая реформа ОРМ может предусмотреть использование режима видео-конференц-связи, легализованного и хорошо зарекомендовавшего себя в судопроизводстве. В связи с этим имеет смысл обсудить дополнение п. 1 абз. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД фразой «в том числе с применением информационно-телекоммуникационных технологий и средств (видео-конференц-связи)».

Список источников

1. Захаров Н.Д. Актуальные вопросы оперативно-розыскного противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности, совершаемым с использованием сети Интернет. URL: https://mvd.ru/upload/site119/folder_page/003/494/680/v-2024-264_compressed.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 г. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/75687768 (дата обращения: 10.12.2025).

3. Фурлет Я.П. Оперативно-розыскные мероприятия как средство контроля электронных сообщений. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknye-meropriyatiya-kak-sredstvo-kontrolya-elektronnyh-soobscheniy (дата обращения: 11.12.2025).

4. Герасимова Е.Ю. Особенности возбуждения уголовного дела по признакам создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela-po-priznakam-sozdaniya-ispolzovaniya-i-rasprostraneniya-vredonosnyh-kompyuternyh-programm (дата обращения: 05.01.2026).

References

1. Zakharov N.D. Topical issues of operational and investigative counteraction to crimes of a terrorist nature and extremist orientation committed using the Internet. URL: https://mvd.ru/upload/site119/folder_page/003/494/680/v-2024-264_compressed.pdf (date of access: 10.12.2025).

2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2025. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/75687768 (date of access: 10.12.2025).

3. Furlet Ya.P. Operational search measures as a means of controlling electronic messages. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknye-meropriyatiya-kak-sredstvo-kontrolya-elektronnyh-soobscheniy (date of access: 11.12.2025).

4. Gerasimova E.Yu. The specifics of initiating criminal proceedings based on the creation, use and distribution of malicious computer programs. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela-po-priznakam-sozdaniya-ispolzovaniya-i-rasprostraneniya-vredonosnyh-kompyuternyh-programm (date of access: 05.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Д. Г. Овечкин, *кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.*

Н. С. Сорокун, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Р. В. Подгурский, *старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Краснодарского университета МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

D. G. Ovechkin, *PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Training of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.*

N. S. Sorokun, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

R. V. Podgursky, *Senior Lecturer at the Department of Tactical and Special Training of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 04.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 144–150.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 144–150.

Научная статья
УДК 343

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Валерьевна Полянская[1], Денис Васильевич Трофимов[2], Ирина Михайловна Коротова[3]
[1] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, epol1980@mail.ru
[2] Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация, denis_trofimov75@mail.ru
[3] Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, scernysev566@gmail.com

Введение: *углубленное и масштабное внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД) ставит перед законодателем и правоохранительной системой вопросы об эффективном продвижении цифровизации в сферу защиты конституционных прав, свобод и различного рода неприкосновенностей. К числу таких вопросов закономерно относить определение порядка построения и содержания алгоритмов отнесения человека к числу потенциальных правонарушителей (за исключением того, что сейчас фиксируется в автоматическом режиме) и угроз совершения латентных преступлений; определение объективных и субъективных оснований и поводов массового применения систем ИИ в ОРД; допуск тех или иных субъектов к процессам создания программных алгоритмов решения тех или иных задач ОРД. В то же время массовость процессов перехода преступности в виртуальную среду заставляет ускорять процессы расширения направлений внедрения ИИ в ОРД.*

Материалы и методы: *в основу исследования положен комплекс общенаучных методов, в основу которых положен диалектический подход к познанию правовых институтов и категорий в совокупности с такими методами как логический и системный, так и группа частно-научных методов, в частности сравнительно-правовой, метод системного анализа, который позволил рассмотреть ОРД как элемент государственной системы обеспечения безопасности, взаимодействующий с технологиями ИИ в рамках единой цели – противодействия информационным и криминальным угрозам. Эмпирический анализ научной литературы и публикаций по теме ИИ в правоохранительной сфере, а также обобщение существующего зарубежного опыта (на примере США) в области получения цифровой информации.*

Результаты исследования: *проведенный анализ позволил выявить ряд ключевых проблем и сформулировать конкретные направления модернизации ОРД в контексте внедрения ИИ, так, например, действующая Доктрина информационной безопасности и Стратегия развития ИИ создают общую рамку, но требуют конкретизации применительно к ОРД. Для этого предложено дополнить п. 24 Стратегии указанием на повышение компетенций в сфере ИИ для правоохранительных органов и научно обоснованное внедрение соответствующих технологий. Сравнительно-правовой анализ позволил определить направления по совершенствованию законодательства в области легализации «инициативных ОРМ» для проактивного выявления латентных преступлений, и внесения их в ст. 7 ФЗ об ОРД в форме административного надзора, проводимого исключительно по судебному решению на ограниченный срок. Проанализирован феномен деликтоспособности ИИ. Сделан вывод о целесообразности адаптации для него (в определенных контекстах применения) модели право субъектности юридического лица как правовой фикции, с одновременным отнесением сложных самообучающихся систем к источникам повышенной опасности.*

Выводы и заключения: *в результате проведенного авторами исследования было установлено, что масштабирование применения ИИ в ОРД является не технологической прихотью, а императивом национальной безопасности. Ответ преступному миру, активно осваивающему цифровые технологии, должен быть асимметричным и опережающим.*

© Полянская Е.В., Трофимов Д.В., Коротова И.М., 2026

Предложенные направления представляют собой взаимосвязанную систему мер. Их реализация позволит трансформировать ОРД, обеспечив ей способность эффективно противодействовать вызовам информационной эпохи, защищать информационный суверенитет государства и права граждан в цифровой среде. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на детальной проработке механизмов судебного контроля за «инициативными ОРМ», разработке модельных алгоритмов ИИ для конкретных оперативных задач и создании практических рекомендаций по внедрению этических принципов.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, преступность, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, информационная безопасность*

Для цитирования: Полянская Е. В., Трофимов Д. В., Коротова И. М. *Вопросы развития правового направления использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 144–150.*

Original paper

ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL DIRECTION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Elena Valeryevna Polyanskaya[1], Denis Vasilyevich Trofimov[2], Irina Mikhailovna Korotova[3]
[1] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russian Federation
[3] Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russian Federation

Introduction: *the in–depth and large-scale implementation of artificial intelligence (AI) in operational investigative activities (ARD) raises questions for the legislator and the law enforcement system about the effective promotion of digitalization in the field of protection of constitutional rights, freedoms and various kinds of inviolability. It is natural to include among such issues the definition of the order of construction and the content of algorithms for classifying a person as a potential offender (with the exception of what is now recorded in automatic mode) and threats of latent crimes.; identification of objective and subjective grounds and reasons for the mass use of AI systems in the ORD; admission of certain subjects to the processes of creating software algorithms for solving certain tasks of the ORD. At the same time, the massive processes of crime transition to a virtual environment makes it necessary to accelerate the expansion of AI implementation in the criminal justice system.*

Materials and methods: *the research is based on a set of general scientific methods, which are based on a dialectical approach to the knowledge of legal institutions and categories in combination with such methods as logical and systematic, as well as a group of private scientific methods, in particular the comparative legal method of system analysis, which allowed us to consider the ORDO as an element of the state system. ensuring security, interacting with AI technologies within the framework of a single goal – countering information and criminal threats. Empirical analysis of scientific literature and publications on the topic of AI in law enforcement, as well as a generalization of existing foreign experience (using the example of the United States) in the field of obtaining digital information.*

Results of the study: *the analysis made it possible to identify a number of key problems and formulate specific directions for the modernization of the Information Security System in the context of the introduction of AI, for example, the current Information Security Doctrine and the AI Development Strategy create a common framework, but require specification in relation to the Information Security System. To this end, it is proposed to supplement paragraph 24 of the Strategy with an indication of increasing AI competencies for law enforcement agencies and the scientifically based introduction of appropriate technologies. The comparative legal analysis allowed us to identify areas for improving legislation in the field of legalizing "initiative MPas" for proactive detection of latent crimes, and introducing them into art. 7 of the Federal Law on MPas in the form of administrative supervision carried out exclusively by court order for a limited period. The phenomenon of AI delicacy is analyzed. The conclusion is made about the expediency*

of adapting for it (in certain contexts of application) the model of legal subjectivity of a legal entity as a legal fiction, while simultaneously attributing complex self-learning systems to sources of increased danger.

Findings and conclusions: *as a result of the research conducted by the authors, it was found that scaling up the use of IIvORD is not a technological whim, but an imperative of national security. The response to the criminal world, which is actively developing digital technologies, should be asymmetric and proactive. The proposed directions represent an interconnected system of measures. Their implementation will transform the ORD, providing it with the ability to effectively counter the challenges of the information age, protect the information sovereignty of the state and the rights of citizens in the digital environment. It is advisable to focus further research on the detailed elaboration of judicial control mechanisms for "initiative OPS", the development of AI model algorithms for specific operational tasks, and the creation of practical recommendations for the implementation of ethical principles.*

Keywords: *artificial intelligence, crime, operational investigative activities, operational investigative measures, information security*

For citation: Polyanskaya E. V., Trofimov D. V., Korotova I. M. *Issues of the development of the legal direction of the use of artificial intelligence in operational investigative activities // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 144–150.*

Повышенный интерес преступного сообщества к технологии ИИ опасен тем, что его реализация может вывести преступность из-под контроля правоохранительных органов в целом и органов ОРД в частности. Ресурсы ИИ способны оптимизировать преступную деятельность, увеличить ее прибыльность, минимизировать вероятность обнаружения и привлечения к ответственности. По этой комплексной причине в современной повестке развития ОРД сформирован ряд направлений, создающих механизм расширения возможностей ИИ применительно к оперативно-розыскным задачам.

Предлагаемые направления внедрения и масштабирования применения ИИ в ОРД основаны на том факте, что ИИ со всей очевидностью становится эффективным инструментарием обеспечения современного суверенного статуса государства и его информационной безопасности, что требует качественного правового обеспечения. Правовые основы информационной безопасности и информационно-цифрового суверенитета были заложены еще в Указе Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»[1], в котором на уровень национального интереса поднято развитие информационных технологий и электронной промышленности до уровня способности максимально эффективно обеспечивать информационную безопасность в различных сферах жизнедеятельности российского общества (далее – Доктрина).

Данный правовой акт создал условия для системного подхода к процессам масштабирования применения ИИ в оперативно-розыскных процессах и создал самостоятельное – правовое – направление этой деятельности. В данном случае в качестве еще одного опорного нормативного акта видится Национальная стратегия развития ИИ в России (далее – Стратегия), утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2]. Сама по себе данная стратегия носит декларативный характер, что позволяет конкретизировать ее положения в специальном, даже ведомственного уровня, законодательстве.

Сравнительно-правовой и системный анализ приведенных актов показал перспективы ревизии и конкретизации общей концепции национальной информатизации и цифровизации применительно к ОРД посредством дополнения п. 24 упомянутой Стратегии указанием на «повышение уровня компетенций в области искусственного интеллекта при реализации правоохранительной функции государства», «научно обоснованное внедрение технологий искусственного интеллекта в те области его использования, которые направлены на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности».

Эмпирический анализ тематики ИИ показывает, что устоявшимся выступает обозначение его в качестве родового понятия по отношению к категории «информационные технологии», из чего следует обоснованный вывод о том, что указанная выше Доктрина не просто не исключает, но напрямую предполагает применение ИИ в качестве высокоразвитого социально-технологического инструмента обеспечения информационной безопасности государства, общества, информационно-цифрового статуса отдельного человека и его личности, а также способ формирования «информационной гигиены».

Более того, с учетом современных геополитических угроз в отношении России и того, что немалую роль в их массе играют информационные угрозы, необходимо корректировать позицию в отношении мер обеспечения безопасности человека, общества, государства. В условиях минимального или практически нулевого уровня сотрудничества иностранных государств в этом направлении органам ОРД необходимо создать правовую основу получения оперативно значимой информации в одностороннем режиме [3]. Представляется, что ИИ может оказать существенное содействие в этом в силу своего масштабного охвата информации. Тем более что современные технологии и нейросети позволяют проводить ОРМ «получение компьютерной информации» с носителей, находящихся за пределами российской территории. Такой опыт уже есть у правоохранительных органов США.

В свою очередь, в основу всего массива мероприятий обеспечения информационной безопасности заложены меры не только организационно-правового, технологического, образовательного характера, но и взаимоувязанные с ними оперативно-розыскные и информационно-аналитические меры. Данное мнение отражает тот факт, что основную цель ОРД составляет оперативно значимая информация, которая в данном направлении реализации ОРМ предназначена для выявления, сдерживания, предупреждения, противодействия угроз информационно-цифрового свойства и устранения последствий их проявления. Такой мультифункционал ОРД обусловлен тем, что она ставит перед собой в качестве одной из основных задач обеспечение информационно-цифровой безопасности, но одновременно выступает ее результатом как оперативно значимая.

Современные требования адаптации ОРД к условиям информационно-цифровой реальности поставили вопрос о проактивной работе оперативных подразделений и соответствующих этому средствах. Конкретно предлагается включить категорию «инициативные ОРМ» [4] в Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) [5]. Действительно, сравнительно-правовой анализ оснований проведения ОРМ не предусматривает проявления инициативы со стороны оперативных подразделений по установлению признаков преступления, подготовка к которому осуществляется в условиях строгой конспирации, а значит, информация о нем может поступать с опозданием, когда цифровые следы подготовки к преступлению исчезли или труднодоступны.

Представляется, что нормативно-правовое оформление инициативных ОРМ может быть осуществлено посредством включения в перечень оснований в ст. 7 ФЗ об ОРД административного надзора. А в ст. 6 ФЗ об ОРД нормы, которой допускают применение при проведении ОРМ «информационных систем, видео- и аудиозаписей, кино- и фотосъемки» в качестве средств и источников получения информации, следует дополнить термином «технологии», поскольку ИИ не может быть ассоциирован только с техническими и иными средствами. Важно сделать акцент на том, что такое инициативное ОРМ может проводиться исключительно на основании судебного акта и в течение ограниченного промежутка времени, необходимого для получения искомой информации, с возможностью досрочного прекращения и обжалования.

Правовое направление развития возможностей ИИ применительно к ОРД с необходимостью должно учитывать вопросы ответственности, на что в целом направлены нормы Распоряжения Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники» [6]. Надо понимать при этом, что это не революция института юридической ответственности, а только обозначение направления совершенствования некоторых ее элементов, в частности деликтоспособности ИИ, а с учетом способности его к самообучению он может быть обозначен еще и как источник повышенной опасности.

Феномен деликтоспособности ИИ целесообразно поставить на обсуждение с точки зрения допустимости применения к нему правовой фикции, а именно право субъектности юридического лица как нетипичного субъекта правоотношений для целей правового оформления его функционала. Сходство ИИ и юридического лица есть: квазиволя, нематериальный «юридический» способ существования, наличие механизмов социальной коммуникации, способность к удовлетворению интересов общества, пригодность для регистрации и учета. Все это говорит о том, что новой модели право субъектности не создается, а имеющаяся адаптируется для нужд правового регулирования нового общественного феномена.

Одним из ключевых направлений адаптации ОРМ к реалиям глобального внедрения

ИИ должна быть работа с кадровым потенциалом ОРД. Имея в виду тот факт, что ОРД может быть инициирована до возбуждения уголовного дела и, по сравнению с уголовным процессом, она менее «казуистична», а это значит, что оперативные сотрудники первыми сталкиваются с криминальными проявлениями информационно-цифрового свойства. Это может означать потребность ОРД в повышении качества и масштабировании кадрового ресурса, работающего в режиме таких ОРМ, как получение компьютерной информации и снятие информации с технических каналов связи. Из этого следует очевидный вывод о том, что высокая технологичность данных ОРМ и значительные объемы информации ставят вопросы подготовки оперативных сотрудников как высококлассных специалистов в сфере компьютерных, цифровых и информационных технологий, включая ИИ.

С правовым вектором расширения возможностей ИИ для нужд ОРД тесно связано еще одно, не совсем очевидное и, возможно, преждевременное в контексте задач именно ОРД направление – этическое. Национальный кодекс этики в сфере искусственного интеллекта мог бы стать частью упомянутой выше Стратегии развития ИИ в РФ с возможностью расширительного толкования на оперативно-розыскную сферу.

Развивая идею актуализации и инновационного развития ОРД за счет ИИ, необходимо учитывать зависимость самого ИИ от так называемого «железа» (машин, компьютерных устройств) и их программного обеспечения. В связи с этим целесообразно обозначить вопрос о совершенствовании компьютерной лингвистики и программных инструментов получения метаданных пользователей как оперативно значимой информации.

Криминалистическое направление расширения возможностей ИИ в сфере ОРД показывает, что криминалистика всегда была, а в современных условиях информационно-цифрового этапа развития общества стала еще более восприимчива к инновационным технологиям, перспективно применимым к деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. Именно поэтому потенциал ИИ в сфере криминалистического обеспечения борьбы с преступностью достаточно актуален и своевременен.

В оперативно-розыскной доктрине вопрос эффективности ИИ не рассматривается отдельно от работы следствия. Это может означать: повышение «производительности» на оперативно-розыскном этапе существенно повысит эффективность расследования и раскрытия преступлений. Учитывая такой подход, имеет смысл компилировать идеи расширения перспектив использования ИИ в механизмах осуществления ОРД и свести к следующему: начальный этап – сбор и анализ данных для построение первичных версий и планирования перспективных оперативно-следственных мероприятий; основной этап – обработка массива оперативно значимой информации на предмет достаточности и получения при помощи ИИ доступа к информации, скрытой от свободного доступа при помощи специфических способов шифрования, а также обеспечения результативности вероятных экспертиз; заключительный этап – придание оперативно значимой информации формы, пригодной для уголовно-процессуального доказательственного применения с учетом ее масштаба и вариативности оперативно-розыскной тактики и стратегии; вспомогательный этап – прогнозный, то есть определение вероятных направлений развития оперативной обстановки в пределах определенной локации (территории).

Подводя итоги изучения перспективных направлений масштабирования применения ИИ в ОРД, можно выделить следующие:

1) кадровое направление требует подготовки и масштабирования количества оперативных сотрудников как высококлассных специалистов в сфере компьютерных, цифровых и информационных технологий, включая ИИ, за счет специализированной профподготовки;

2) научно-техническое направление требует стратегического мониторинга оперативно значимой информации на основе неперсонифицированного сбора и анализа массива данных по маркерам искомой информации для установления подлинности объектов, предметов, событий, явлений, а также отождествления личности всеми ресурсами биометрии;

3) правовое направление требует: а) конкретизировать п. 24 Стратегии развития информационного общества до 2030 г. указанием на «повышение уровня компетенций в области искусственного интеллекта при реализации правоохранительной функции государства» и «научно обоснованное внедрение технологий искусственного интеллекта в те области его использования, которые направлены на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности»; б) дополнить ст. 7 ФЗ об ОРД инициативным ОРМ в форме административного надзора;

в) ст. 6 ФЗ об ОРД о применении при проведении ОРМ «информационных систем, видео- и аудиозаписей, кино- и фотосъемки» в качестве средств и источников получения информации дополнить термином «технологии», что напрямую свяжет ИИ с ОРМ); г) обозначить направления совершенствования юридической ответственности при применении ИИ в сфере ОРД посредством решения вопроса о его деликтоспособности с возможным применением к нему модели правосубъектности юридического лица, но с условием отнесения к источникам повышенной опасности;

4) нормы Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», даже без прямого упоминания ИИ, следует толковать как элемент нормативной основы применения ИИ в качестве высокоразвитого социально-технологического инструмента обеспечения информационной безопасности государства, общества, информационно-цифрового статуса отдельного человека и его личности, а также способ формирования «информационной гигиены», поскольку именно информационная безопасность приобрела актуальный статус «национального интереса»;

5) с учетом современных геополитических угроз в отношении России и практически нулевого уровня сотрудничества иностранных государств в направлении обмена оперативно значимой информацией органам ОРД необходимо создать правовую основу получения оперативно значимой информации в одностороннем режиме на основе ресурсов ИИ, например, при проведении ОРМ «получение компьютерной информации» с носителей, находящихся за пределами российской территории (приняв во внимание опыт США);

6) кодификация этических норм и правил в контексте расширения возможностей ИИ для нужд ОРД, хотя и не совсем очевидное и даже преждевременное направление, тем не менее делает целесообразным движение научной мысли в направлении разработки этического кодекса в связи с применением ИИ в сфере обеспечения общественной безопасности с акцентом на ОРД и с учетом опыта кодификации правил этики в системе органов внутренних дел;

7) криминалистическое направление применения ИИ для решения задач масштабного и подробного анализа материалов уголовных дел, прежде всего доказательственного значения, с целью обнаружения посредством формально-логического анализа процессуальных ошибок, допущенных на этапе расследования уголовного дела, а также выявления признаков серийности или схожести каких-либо обстоятельств совер-

Список источников

1. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

3. Семенчук В.В., Батоев В.Б. Предпосылки формирования концепции развития оперативно-разыскной деятельности в цифровой сфере (часть 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67).

4. Семенчук В.В., Батоев В.Б. Предпосылки формирования концепции развития оперативно-розыскной деятельности в цифровой сфере (часть 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67).

5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

References

1. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646. Access from the legal system "Garant".

2. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 № 490. Access from the legal system "Garant".

3. Semenchuk V.V., Batoev V.B. Prerequisites for the formation of a concept for the development of operational investigative activities in the digital sphere (part 2) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (67).

4. Semenchuk V.V., Batoev V.B. Prerequisites for the formation of a concept for the development of operational investigative activities in the digital sphere (part 2) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (67).

5. About operational investigative activities: Feder. The law of 12.08.1995 № 144-FL. Access from the legal system "Garant".

6. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

6. On the approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the field of artificial intelligence and Robotics technologies: Decree of the Government of the Russian Federation dated 19.08.2020 № 2129-R. Access from the legal system "Garant".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. В. Полянская, *старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Д. В. Трофимов, *старший преподаватель кафедры физической подготовки Уральского юридического института МВД России. 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.*

И. М. Коротова, *преподаватель кафедры специальной подготовки Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. V. Polyanskaya, *Senior lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

D. V. Trofimov, *Senior lecturer of the Department Physical Training of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 66, Korepina St., Ekaterinburg 620057 Russian Federation.*

I. M. Korotova, *Lecturer at the Department of Special Training of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatov St., Oryol 302027 Russian Federaion.*

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 24.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 24.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 151–156.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 151–156.

Научная статья
УДК 343.985

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ БЕСКОНТАКТНОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ И СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИХ МИНИМИЗАЦИИ

Ольга Александровна Решняк
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, pushistiklis@mail.ru

Введение: *незаконный сбыт наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ всегда являлся опаснейшей угрозой жизни, здоровья людей и в конечном итоге развития государства. Особую тревогу на сегодня вызывает маскировка наркотических средств и психотропных веществ под различные виды легальных продуктов, таких как конфеты, жвачки, бады, чаи и т. д., сбыт которых осуществляется как через маркетплейсы, так и через Dark Net. Кроме того, одним из популярнейших способов маскировки наркотиков стало использование фруктов, завозимых в Россию из-за рубежа, которые официально продают через сети супермаркетов. Таким образом, обычные граждане могут вовсе и не знать о том, что при покупке бада, чая или бананов они получают наркотическое средство, употребляя которое приобретают зависимость. Расследование таких преступлений особо затруднено, так как основная часть наркотических средств в Россию поступает из-за границы, а в связи с недружественным отношением к нам взаимодействие с правоохранительными органами иностранных государств отсутствует. Еще одной проблемой является анонимность продавцов и покупателей, что затрудняет возможность их идентификации и установления местонахождения. Очевидно, что при таких обстоятельствах правоохранительные органы должны приискивать новые средства и методы установления обстоятельств незаконного сбыта наркотиков, основанные на современных возможностях, для установления и наказания виновных.*

Материалы и методы: *в исследовании использовались общенаучные методы познания, анализа и синтеза теоретических и практических материалов, дедукции и индукции мыслительного процесса, обобщение судебно-следственной практики, статистические данные.*

Результаты исследования: *проведенное исследование имеет теоретическую значимость в области совершенствования криминалистических методик по раскрытию и расследованию бесконтактного сбыта наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования рекомендаций, предложенных автором, для разработки криминалистических методик раскрытия и расследования бесконтактного сбыта наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ и внедрения их в практическую деятельность.*

Выводы и заключения: *на основе анализа следственной практики выявлены проблемы расследования бесконтактного сбыта наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Изучение достижений современного общества позволило предпринять попытку внесения предложения о рассмотрении возможности их внедрения в расследование данных преступлений, что могло бы существенным образом повлиять на ситуацию в сфере незаконного оборота наркотиков.*

Ключевые слова: *наркотические средства, психотропные вещества, расследование, бесконтактный сбыт, даркнет, дипвеб*

Для цитирования: Решняк О. А. *Проблемы расследования бесконтактного сбыта наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, предложения по их минимизации // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 151–156.*

© Решняк О.А., 2026

Original paper

PROBLEMS OF INVESTIGATING THE CONTACTLESS SALE OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC AND POTENT SUBSTANCES, AND PROPOSALS FOR THEIR MINIMIZATION

Olga Alexandrovna Reshnyak
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: *the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic and potent substances has always been a dangerous threat to human life, health and, ultimately, the development of the state. Of particular concern today is the disguising of narcotic drugs and psychotropic substances under various types of legal products, such as sweets, chewing gum, dietary supplements, teas, etc., which are marketed both through marketplaces and through the Dark Net. In addition, one of the most popular ways to disguise drugs has become the use of fruits imported into Russia from abroad, which are officially sold through supermarket chains. Thus, ordinary citizens may not even know that when they buy a dietary supplement, tea or bananas, they receive a narcotic drug, using which they become addicted. The investigation of such crimes is particularly difficult, since the bulk of narcotic drugs in Russia come from abroad, and due to the unfriendly attitude towards us, there is no interaction with law enforcement agencies of foreign countries. Another problem is the anonymity of sellers and buyers, which makes it difficult to identify and locate them.*

Obviously, in such circumstances, law enforcement agencies should look for new means and methods of establishing the circumstances of illegal drug trafficking, based on modern capabilities, to identify and punish those responsible.

Materials and methods: *the research used general scientific methods of cognition, analysis and synthesis of theoretical and practical materials, deduction and induction of the thought process, generalization of judicial and investigative practice, statistical data.*

Results of the study: *the conducted research has theoretical significance in the field of improving forensic techniques for the disclosure and investigation of the contactless sale of narcotic drugs, psychotropic and potent substances.*

The practical significance of the study lies in the possibility of using the recommendations proposed by the author to develop forensic methods for the disclosure and investigation of the contactless sale of narcotic drugs, psychotropic and potent substances and their implementation in practice.

Findings and conclusions: *based on the analysis of investigative practice, the problems of investigating the contactless sale of narcotic drugs, psychotropic and potent substances have been identified. The study of the achievements of modern society made it possible to make an attempt to propose the possibility of their implementation in the investigation of these crimes, which could significantly affect the situation in the field of drug trafficking.*

Keywords: *narcotic drugs, psychotropic substances, investigation, contactless sales, darknet, deepweb*

For citation: Reshnyak O. A. *Problems of investigating the contactless sale of narcotic drugs, psychotropic and potent substances, and proposals for their minimization // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 151–156.*

Согласно данным официальной статистики, в России в 2024 г. было выявлено 198,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем-декабрем 2023 г. на 7,0% увеличилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. За период январь-октябрь 2025 г., данные преступления выросли на 11,5 %, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. На 23,2 % выросло число указанных преступлений, совершенных с целью сбыта[1]. Таким образом, к сожалению, можно констатировать отрицательную динамику в работе правоохранительных органов в данном направлении.

7 июля 2025 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин на оперативном совещании с постоянными членами Совета безопасности России обозначил: «Одним из

[1] Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности. URL: https://мвд.рф/reports/ (дата обращения 24.12.2025).

важнейших направлений правоохранительной деятельности является борьба с незаконным оборотом наркотиков. У нас приняты и действуют стратегии до 2030 года борьбы с наркогрузами». Кроме того, в марте на расширенном заседании коллегии МВД России президент призвал силовиков: активнее выявлять наркодилеров; пресекать наркотрафик, в том числе трансграничный; совершенствовать механизмы борьбы с агрессивной рекламой и площадками по продаже наркотиков в Интернете[2].

Исследуя данную проблематику, А.В. Богданов, И.И. Ильинский и Е.Н. Хазов утверждают, что особенностью сбыта наркотических средств в современное время является использование интернет-сайтов, программ для мгновенного обмена сообщениями (мессенджеров) и электронных платежных систем. Сложности в выявлении и отслеживании действий преступников в сети Интернет заключаются в возможностях использования шифрования (например, VPN и TOR). Кроме того, они считают, что в целях противодействия незаконному обороту наркотиков, совершаемому с использованием телекоммуникационных технологий, одним из наиболее востребованных ресурсов будет являться сеть Интернет [1, с. 174].

Такого же мнения придерживается Е.А. Лушин, говоря о возникающих трудностях при расследовании подобных преступлений и возможностях получения о них информации правоохранительными органами в сети Интернет и на электронных носителях информации [2, с. 9–10].

Серьезную проблему выявления распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также их аналогов правоохранительными органами представляет тот факт, что каналами сбыта в настоящее время являются даркнет и дипвеб. Привлекательность этих сегментов Интернета заключается в том, что они представляют преступникам высокую степень анонимности, которая заключается в наличии собственных DNS-систем, нескольких уровней шифрования и адресных пространств, отсутствии привычных адресов вроде .com или .ru, позволяющих скрывать IP-адреса серверов, что затрудняет выявление и пресечение их деятельности правоохранительными органами.

Свою солидарную точку зрения в отношении данной позиции выражают Р.В. Исаков и Д.В. Теткин, говоря о том, что: «… DarkNet используется как отдельными лицами с целью конфиденциального посещения различных ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет, так и преступниками для сокрытия цифровых и финансовых следов незаконных операций, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов» [3, с. 120].

Отдельную озабоченность вызывает тот факт, что в сетевом ресурсе DarkNet и DipWeb сконцентрировано большое количество нелегальных торговых площадок, дающих возможность приобрести различные наркотические средства и психотропные вещества любому пользователю, независимо от возраста. Для обозначения магазинов используются метафоры, не связанные с названием наркотических средств, например, Амбрелла, Kraken, BlackSprut, Mega, OMG! Market. Каждый пользователь скрыт за цепочкой промежуточных серверов. При этом проблемой является то, что любой магазин «живет» примерно месяц, после чего прекращает свою работу, либо его блокируют спецслужбы, а взамен открывается новый. Данные факторы приводят к масштабности проблем распространения наркотиков и борьбы с ними.

Еще одной проблемой раскрытия и расследования бесконтактного сбыта наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ является оплата криптовалютой за покупку товара на всех даркет-маркетах. Использование банковских карт запрещено, они являются деанонимайзерами. Поэтому с целью конспирации они не применяются. Использование цифровых финансовых активов затрудняет процесс отслеживания транзакций. Bitcoin (далее – BTC) – представляет стандартную криптовалюту, которая широко используется в DarkNete. Она является буквально родоначальником всех криптовалют. Monero (далее – XMR) имеет повышенную анонимность, она является приватной криптовалютой с обязательным шифрованием всех транзакций, когда все операции скрываются по умолчанию, а с использованием USDT TRC20 – можно

[2] Путин обсудил с Совбезом борьбу с незаконным оборотом наркотиков. URL: https://ria.ru/20250704/putin-2027178762.html (дата обращения: 24.12.2025).

проводить быстрые транзакции. Обменники криптовалюты также имеют анонимность. Например, Aleo или Mina – это блокчейны первого уровня, ориентированные на конфиденциальность, позволяющие сохранять данные пользователей приватными с помощью криптографии[3].

Ключевой причиной популярности использования криптовалюты в теневом бизнесе стало то, что она децентрализована, то есть не имеет органа, который бы мог контролировать все переводы (например, банк) и блокировать их в случае установления подозрительности транзакции. Кроме того, она имеет глобальный охват территории и может быть отправлена в любую точку планеты, минуя бюрократические ограничения. Относительная анонимность дает возможность платежу оставаться конфиденциальным. Но при небрежном использовании каналов ввода/вывода средств анонимность может быть раскрыта.

Так, например, BTC является уязвимой криптовалютой с «прозрачным» блокчейном, и всего лишь в несколько кликов любой пользователь может посмотреть, какая сумма и на какой адрес пришла и куда ушла. В связи с этим наркодиллеры для маскировки цепочки совершения транзакций в даркнете используют: миксеры (tumblers) – сервисы, которые смешивают биткоины разных клиентов, чтобы скрыть исходный адрес; CoinJoin – технологию объединения переводов пользователей в один общий «пакет», где вычленить одну транзакцию из множества, достаточно сложно; TOR и VPN – программы для сокрытия IP-адреса при работе с кошельком и обменником.

При работе правоохранительных органов по выявлению лиц, совершивших транзакции с криптовалютами, необходимо постоянно и внимательно их мониторить, так как человеческий фактор не исключает допущение ошибок, которые ведут к засвечиванию данных. Например, забыли включить VPN, не использовали микширование и т.д.

Для борьбы с наркопреступлениями, необходимо развивать взаимодействие с IT-компаниями, аналитическими центрами для создания программ искусственного интеллекта, который бы помогал устанавливать и мгновенно реагировать на допускаемые преступниками ошибки, перерабатывать их, анализировать, устанавливать взаимосвязи, после чего направлять информацию в правоохранительные органы. Также следовало бы обучить машины расшифровывать криптографию и шифрование и восстанавливать микширование, что значительно бы способствовало раскрытию преступления.

Кроме того, на законодательном уровне стоило бы проработать вопрос о контроле всех транзакций с криптовалютой, назначить за это ответственный орган.

Также в качестве проблемы борьбы с распространением наркотиков стоит выделить продажу в свободном доступе на маркетплейсах различных разрешенных лекарств, бадов, чаев и т. д., содержащих психотропные вещества. Так, примером может выступать лекарство для собак – габапентин, которое в настоящее время стали массово скупать подростки. По данным средств массовой информации, фиксируется устойчивый ряд опасных инцидентов, связанных с употреблением школьниками и студентами лекарств для собак, вызывающих сильное отравление. Сами же подростки на маркетплейсах оставляют отзывы о «наркотическом эффекте» и обмениваются опытом употребления[4]. Суть в том, что габапентин – это ветеринарный препарат, который дают собакам и кошкам для предотвращения боли, тревоги и судорог, а при неправильном его употреблении может вызывать ряд побочных эффектов[5].

В Самарской области выявлены случаи продажи детям «фруктов в никотине». Сообщается, что яблоки вымачиваются в специальном никотиновом растворе, и их действие аналогично снюсу. Продаются они на маркетплейсах, без каких-либо возрастных ограничений[6].

Для борьбы с данными фактами стоило бы создать программу на базе искусствен-

[3] Тренд на приватность. Какие из анонимных токенов выиграли от роста Zcash. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/68e4e7fc9a7947c85bcf8504 (дата обращения: 23.01.2026).

[4] «Собачий кайф»: российские подростки массово травятся таблетками для животных, которые покупают на маркетплейсах. URL: https://bloknot.ru/rossia/sobachij-kajf-rossijskie-podrostki-massovo-travyatsya-tabletkami-dlya-zhivotnyh-kotorye-pokupayut-na-marketplejsah-1486634.html (дата обращения: 12.01.2026).

[5] Продажу таблеток для собак в РФ потребовали ограничить из-за подростков-наркоманов. URL: https://dzen.ru/a/aWPx3bQyR0fExgX6?ysclid=mkav4hmie669118759 (дата обращения: 12.01.2026)

[6] В Самаре обнаружили «детские» фрукты в никотине. https://www.vesti.ru/article/1275389?ysclid=ml9dznxqdh593712862. (дата обращения: 05.02.2026).

ного интеллекта, которая бы работала непосредственно по маркетплейсам и собирала информацию о подобных отзывах, характеристиках товаров, лицах, его приобретающих, анализировала бы ее и передавала правоохранительным органам.

Отдельного внимания заслуживает изучение проблемы сбыта наркотиков путем их маскировки фруктами, бадами, чаями завозимыми в Россию из-за рубежа и официально продаваемыми через сети супермаркетов или маркетплейсы. Покупая такие фрукты, граждане могут вовсе и не знать о том, что при покупке бананов или апельсинов они получают наркотическое средство, ведущее к зависимости после его употребления. Расследование таких преступлений особо затруднено, так как основная часть наркотических средств в Россию поступает из-за границы, а в связи с недружественным отношением к нам взаимодействие с правоохранительными органами иностранных государств отсутствует.

Так, одним из примеров можно привести факт завоза в Россию яблок, «накачанных» наркотиками, из Молдавии. При этом республика отказалась сотрудничать с нашей страной для пресечения криминальной логистики[7].

Еще одним примером стал случай завоза из Бельгии бананов, «начиненных» кокаином[8].

Проблемы борьбы с данными преступлениями заключаются в напряженной политической обстановке в странах ближнего зарубежья, а также недружественном отношении к России. Так, поручения России не исполняются, на контакт правоохранительные органы некоторых иностранных государств не идут.

Вероятнее, могло бы поспособствовать улучшению деятельности в данном направлении:

– создание общей международной информационной базы обмена данными по вопросам выявления незаконной деятельности наркопреступников, которая содержала бы информацию о наркокортелях, организованных группах, логистических компаниях и др.;

– усиление таможенного контроля, за поставками товаров из-за границы; для этого проводить периодические внезапные проверки деятельности работников таможни и качества их контроля. Также разработать механизм проверки качества товара на месте, то есть установления состава и качества товаров;

– уделение более пристального внимания коррупционному сегменту за органами, осуществляющими пропускной режим;

– укрепление взаимодействия с дружественными странами, проработка вопроса оказания помощи в выявлении незаконных наркопоставок иными государствами.

С учетом комплексного подхода к решению проблем расследования бесконтактного сбыта наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ деятельность правоохранительных органов в данном направлении может быть существенно трансформирована, а динамика борьбы с преступностью дать положительный результат.

Список источников

1. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет – как один из наиболее востребованных ресурсов в противодействии незаконному обороту наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3.

2. Лушин Е.А. Проблемы расследования сбыта наркотических средств с использованием сети интернет // Актуальные исследования. 2021. № 6 (33).

References

1. Bogdanov A.V., Ilyinsky I.I., Khazov E.N. The Internet information and telecommunications network as one of the most in-demand resources in countering drug trafficking // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3.

2. Lushin E.A. Problems of investigating the sale of narcotic drugs using the Internet // Current research. 2021. № 6 (33).

[7] «Отравленные» яблоки: Молдавия отправила в Россию фрукты с начинкой. URL: https://dzen.ru/a/aMvjeyKnIyONVNpg?ysclid=ml9br82scu277136639. (дата обращения: 05.02.2026).

[8] Российские таможенники нашли кокаин в бананах. https://vk.com/wall-67991642_7859108 (дата обращения: 05.02.2026).

3. Исаков Р.В., Теткин Д.В. Проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств в DarkNet // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57).

3. Isakov R.V., Tetkin D.V. Problems of countering illicit drug trafficking on the DarkNet // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (57).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

О. А. Решняк, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России. 400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

O. A. Reshnyak, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of criminology of the educational and scientific complex for preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400089 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 04.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 157–162.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 157–162.

Научная статья
УДК 343.98

О РОЛИ ОТРАЖЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ

Ольга Александровна Славгородская
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Российская Федерация,
slavkur-htc@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6652-0744

Введение: *статья посвящена исследованию процесса отражения события преступления в сознании свидетелей и возможности повышения качества показаний свидетелей на основе познания особенностей данного процесса.*

Материалы и методы: *в статье анализируется генезис категории «отражение» на основе исследований, проведенных представителями различных наук. При изучении материалов использовался сравнительно-исторический метод, метод анализа и синтеза, методы индукции и дедукции.*

Результаты исследования: *в статье определяются особенности отражения и возможности его изучения как перспективное направление повышения эффективности расследования.*

Выводы и заключения: *отражение обладает особенностями, выражающимися в невозможности абсолютно точно передать образ познаваемого события. Эти особенности необходимо учитывать в процессе получения показаний свидетелей.*

Ключевые слова: *допрос, отражение, преступление, познание, свидетель, следователь, сознание*

Для цитирования: Славгородская О. А. *О роли отражения в формировании показаний свидетелей // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 157–162.*

Original paper

ON THE ROLE OF REFLECTION IN THE FORMATION OF WITNESS TESTIMONY

Olga Alexandrovna Slavgorodskaya
Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Introduction: *the article is devoted to the study of the process of reflecting the crime event in the minds of witnesses and the possibility of improving the quality of witness testimony based on knowledge of the specifics of this process.*

Materials and methods: *the article analyzes the genesis of the "reflection" category based on research conducted by representatives of various sciences. The materials were studied using the comparative historical method, the method of analysis and synthesis, methods of induction and deduction.*

Results of the study: *the article defines the features of reflection and the possibility of studying it as a promising direction for improving the effectiveness of the investigation.*

Findings and conclusions: *reflection has features that are expressed in the inability to accurately convey the image of a recognizable event. These features must be taken into account in the process of obtaining witness testimony*

Keywords: *interrogation, reflection, crime, cognition, witness, investigator, consciousness*

For citation: Slavgorodskaya O. A. *On the role of reflection in the formation of witness testimony // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 157–162.*

© Славгородская О.А., 2026

Основная задача криминалистики направлена на разработку совокупности приемов и методов, позволяющих наиболее оптимально осуществлять расследование по уголовным делам. Методически обоснованный, теоретически сформировавшийся и практически апробированный подход ориентирован на оказание содействия правоохранительным органам в борьбе с преступностью.

Вопросы разработки инструментов, обеспечивающих получение наиболее полной и достоверной информации, относительно события преступления всегда относились к числу наиболее приоритетных для криминалистики. Отдельное внимание уделялось процессу получения объективных показаний от свидетелей. Потребность в формировании более точных и совершенных инструментов для выявления признаков добросовестного заблуждения, ложности показаний, а также способствующих оживлению памяти допрашиваемых свидетелей и решения других вопросов при проведении допросов по-прежнему представляет одну из наиболее актуальных задач. Критерием оценки показаний свидетелей до настоящего времени выступает личное восприятие и оценка следователем сообщаемой ему свидетелем криминалистически значимой информации.

Поиски инструментов, использование которых позволит на качественно новом уровне производить оценку получаемой от свидетелей информации, являются задачами не только сегодняшнего дня, но и основой для будущих исследований. Однако базируется данный процесс, несомненно, на существующих положениях, которые составляют сущность криминалистического учения о свидетеле. Одной из основ фундамента, на котором выстраивается учение о свидетеле как участнике деятельности по расследованию преступлений, выступают положения теории отражения.

Событие преступления, являясь актом человеческой деятельности, с одной стороны, с другой – рассматривается в качестве объекта познания. Процесс познания материального мира основан на законах диалектики. Диалектика, представляя собой метод творчески познающего мышления [1, с. 154], лежит в основе познания всех явлений действительности. Следовательно, познание события преступления происходит в рамках диалектического познания.

Ведущую роль в познании окружающей действительности играет процесс отражения. К числу познаваемых объектов действительности относится также и преступная деятельность. Преступление является одним из событий, происходящих в материальном мире, проявлением результата взаимодействия человека или нескольких лиц, с иными материальными объектами, в число которых входят объекты как одушевленные, так и объекты неживой природы. К числу объектов живой природы, на которые преступное действие оказывает воздействие, в первую очередь относится человек.

Исследуя понятие отражения, необходимо в первую очередь опираться на его философскую трактовку, исходя из которой отражение, по сути, есть «всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении признаков, свойств и отношений отражаемого объекта» [1, с. 470].

Отражение, порождающее образы, как философская категория давно интересовала ученых. Древнегреческий философ Аристотель (IV в. до н. э.) высказывал соображение о том, что объекты материального мира испускают материальные частицы, которые проникают в голову человека и оставляют на ней отпечаток, как на глине или воске. В результате и возникает отражение события в сознании человека. Происходит процесс получения образа или следа отображения [2, с. 22].

Отражение как концепция рассматривалось философами в рамках более широких тем, таких как природа реальности, восприятие и знание.

Наиболее серьезного прогресса в исследовании отражения достиг И. Кант. В «Критике чистого разума» Кант рассматривает, как наше восприятие предназначено для отражения «вещей самих по себе», но ограничено формами нашего восприятия (пространство и время) [3]. Таким образом, отражение становится центральным в понимании знания и опыта.

В «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегель рассмотрел процесс познания как диалектический, где сознание отражает объективный дух через различные стадии самосознания [4].

Хайдеггер М., являясь ярким представителем экзистенциональной философии, в своей работе «Бытие и время» исследует связь между бытием и восприятием, указывая на то, что мы можем воспринимать мир только как отражение нашего существования [5].

Интерес, несомненно, представляют и работы Д. Хебба, который преимущественно занимался исследованиями в области психологии и нейробиологии, но он также затрагивает концепции отражения в контексте

восприятия и взаимодействия разума и окружающего мира [6].

Особенности формирования образа события через призму отражения в науке вызывали интерес у самых различных исследователей. В своей работе 1932 г. английский психолог Ф. Бартлетт пришел к выводу о том, что образ воспринимаемого объекта не идентичен его отображению.

В частности, он указывал на то, «что память, воображение и мышление различаются только в отношении точности деталей, с которыми они имеют дело» [7, с. 312]. Основываясь на результатах проведенных многочисленных исследований, ученый пришел к выводу, что при запоминании происходят искажения различных деталей. Эти искажения зависят не только от условий объективной действительности, но и от привычных конструктов восприятия, которые существуют у определенного индивида [7]. Эти конструкты получили название схемы. «Иными словами, люди предпочитают запоминать то, что считается ими наиболее важным, а не то, что есть на самом деле. При этом экспериментатор указывал, что процесс искажения фактов начинается уже в ходе запоминания. Информация, формируемая воспоминаниями, во многом отличается от первоначальной, исходной информации. Точность воспроизведения, за редкими исключениями, не предусмотрена» [8, с. 55–56].

Процесс исследования отражения не прекращался, и одним из направлений исследований стало формирование представления о том, на каких основах оно осуществляется.

Классическое определение, данное В.И. Лениным о том, что «вся материя обладает свойством по существу, родственным с ощущением, свойством отражения» [9, с. 91], позволило профессору А.М. Коршунову определить сущность отражения как «свойство материальных систем в процессе взаимодействия воспроизводить посредством своих особенностей особенности других систем» [10, с. 21].

Исходя из сущности отражения, были выделены два его вида: нефункциональное и функциональное. Нефункциональное отражение характерно для объектов неживой природы, функциональное способно проявляться в двух уровнях – биологическом и социальном. Функциональное отражение выступает в качестве более высокого по отношению к нефункциональному уровню отражения [10, с. 24].

Отдельно теория отражения была исследована в работе Р.С. Белкина «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики», вышедшей в 1970 г., посвященной значению данной теории как методологической основе криминалистики и практики расследования преступлений.

Подчеркивая, что отражение присуще всей материи, всякий материальный процесс отражается в других материальных процессах, связанных с ним, Р.С. Белкин в оценке события преступления указывал на то, что «событие преступления есть один из материальных процессов действительности. Для того чтобы узнать о событии, мы должны выделить связанные с ним изменения. Связь изменений с событием существует объективно» [11, с. 33–34]. Это означает, что всегда любое событие отражается в окружающей действительности. И субъекты, воспринявшие отражение, способны передать информацию о событии преступления.

В определение отражения наряду с самим процессом включается и тот результат, который воспроизводится в процессе. Отражение не является синонимом взаимодействия, но тесно с ним взаимосвязано. Следовательно, по справедливому мнению В.П. Тугаринова, оно рассматривается как «воздействие одного явления на другое, при котором воспроизводятся те или иные черты внешности, функций или структуры первого во втором, измененные или преобразованные средой, в которой осуществляется это воздействие» [12, с. 21]. Исходя из вышесказанного, отражение не является абсолютно точной копией отражаемого объекта. В зависимости от свойств отражающего объекта отражаемое «изменяется или преобразуется» [12, с. 19].

Аналогичные взгляды на способность определенной передачи событий через призму отражения высказывают и другие исследователи. Так, по мнению В.В. Грецкова, «...отражение не является простым воспроизведением, оно всегда зависит от среды и личных качеств и установок отражающего субъекта. Вторично отражение ведет к тому, что оно не является простым повторением исходного объекта. В процессе отражения объект всегда преобразуется в зависимости от того, какими свойствами обладает отражающий субъект» [13, с. 3]. Проведенное исследование подходов к теории отражения от классических теорий познания до неклассической эпистемологии, включающих концепции отражения в кибернетике, конструктивистской философии и других, позволили ученому сделать вывод о том, что принцип отражения остается одной из основ совре-

менной теории познания. И отражение выступает следствием познавательной активности [13, с. 10].

Избирательность отражения, которое не только не является точной копией отражающего объекта, но может исключать его отдельные элементы, отмечала в свое время Я.В. Комиссарова. Характеризуя избирательность отражения, автор подчеркивает, что запоминается именно то, что оказало на человека наиболее сильное влияние. «Сенсорные системы являются не пассивными передатчиками, а активными преобразователями поступающей информации, обеспечивая ее переработку в соответствии с потребностями индивида, имеющимися в данный момент» [14, с. 195–1964]. Все это накладывает определенный субъективизм на особенности сохранения и передачи информации индивидом.

Подобными вопросами в соотношении с показаниями свидетелей задавались еще дореволюционные ученые: профессор Л.Е. Владимиров подчеркивал, что «…недочеты в свидетельских показаниях всегда бывают. Свидетельство очевидца не есть фотография и в поле нашего зрения, равно как и внимания не все попадает, а лишь то, что повелительно призывает внимание» [15, с. 348–349].

Возможность более полного и точного получения той информации, которой располагает свидетель, зависит от различных факторов объективного и субъективного характера, степени прикосновенности к событию преступления и той роли, которую лицо, привлекаемое в качестве свидетеля, должно будет сыграть в рамках своего правового статуса. Вся особенность восприятия и сохранения информации фундаментально основана на осуществлении процесса отражения.

К характерным признакам отражения В.П. Тугаринов относит: подобие, выражающееся в изоморфизме или гомоморфизме; зависимость отражения от отражаемого, его вторичность. Подобно тому, как сознание вторично по отношению к бытию, указывает философ, так и всякое отражение вторично по отношению к физическому [12, с. 20–21]. Следовательно, необходимо учитывать, что в процессе отражения происходят определенные трансформации, влияющие на его окончательный результат.

«Когда исчезает внешний реальный предмет, который в процессе взаимодействия с отражающим отразил себя в последнем, отражение не уничтожается сразу и абсолютно, а продолжает существовать в отражающем или как «след», или как простая возможность, или как предположение» [16, с. 2]. Возникновение любого следа, таким образом, связано с процессами отражения. Различия образования следов зависит от того какова форма движения материи. Иначе говоря, отражение происходит в живой или неживой материи.

Белкин Р.С. подчеркивал то, что формы отражения в живой природе являются более высокими. Так, если в неживой природе к формам отражения относятся механические, физические и химические, то в живой это раздражение, ощущение и сознание [17, с. 170]. До недавнего времени теория отражения, трансформированная в криминалистику Р.С. Белкиным, на основе ленинской теории отражения затрагивала преимущественно вопросы только отражения в неживой природе.

Отражение в живой природе стало рассматриваться относительно недавно. Однако его рассмотрение охватывает исключительно деятельность следователя как познающего субъекта. Этот уровень относится к психологическому отражению второго уровня.

Профессор В.Ю. Толстолуцкий акцентирует на данном уровне внимание применительно к деятельности следователя. Отмечая необходимость выделения в отличие от Р.С. Белкина криминалистической теории отражения, ученый поднимает вопросы следственного познания, которое относится к субъективному познанию, но имеет особенности. Это отражение, реализуемое через копирование и кодирование, не являющиеся аналогами чувственного и рационального познания, а отнесенные более к техническим аналогам хранения информации [18, с. 23–209].

Отражение информации, получаемой от свидетелей, которые непосредственно наблюдали событие преступления и его участников, характеризуется в ее передачи следователю, по сути, через процесс двойного отражения. Свидетель несет отражение преступления в своем сознании, и в нем уже присутствует элемент субъективизма и избирательности восприятия. Затем это отображение воспринимается следователем, и в его восприятии информации, полученной от свидетеля, присутствует уже его личностно окрашенное восприятие. Таким образом, результатом неоднократного отражения расследуемого события становится его итоговый образ, формирующийся в сознании следователя. Этот образ не является точной копией события. Он преобразовывается под воздействием особенностей восприятия всех участников данного процесса.

Проходя через такую сложную систему копирования, информация способна теряться или гипертрофироваться, утрачивать конкретность или же, напротив, приобретать новые детали и подробности. Окончательный информационный образ события преступления, которое следователь процессуально оформит в качестве такого вида доказательств, как показания свидетеля, будет зависеть от совокупности факторов, к числу которых необходимо отнести: особенности самого свидетеля и способности к восприятию, сохранению и передаче информации; особенности следователя как индивида, способного воспринимать, фиксировать информацию, и от следователя как процессуальной фигуры, осуществляющей процесс расследования, способного оценивать и использовать полученную от свидетеля информацию. Результатом передачи информации будет являться окончательный образ события.

В этой системе взаимосвязанных и взаимодействующих элементов в настоящее время наименее исследованными остаются особенности свидетеля как лица, воспринимающего, сохраняющего и передающего следователю криминалистически значимую информацию.

Рассматривая перспективы совершенствования возможностей получения при допросах свидетелей наиболее полной и объективной информации, необходимо учитывать особенности формирования образа события преступления через призму отражения: 1. Отражение существует всегда вне зависимости от внешней среды или иных условий. 2. Процесс отражения оставляет отпечатки в криминалистике, именуемые следами. 3. Отображение в сознании свидетеля события преступления не является его точной копией. 4. Результат отражения события преступления отражается в сознании следователя опосредованно в результате дачи свидетелем показаний и несет на себе особенности восприятия как свидетеля, так и следователя. 5. Познание закономерностей отражения способствует формированию наиболее точного образа события преступления.

Список источников

1. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев [и др.]. М., 1983.
2. Павлов Н.Е. Долг свидетеля. М., 1989.
3. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М., 2020.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков, 2003.
6. Hebb D.O. The Organization of Behavior: A Neuropsychological Theory. Taylor&Francis, 2012.
7. Frederic c. Bartlett. Remembering a study in experimental and social psychology. Cambridge, 2003.
8. Воробьев В.С., Малых Т.Б. К анализу творчества английского психолога Ф. Бартлетта // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. № 1. Т. 14.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18: Материализм и эмпириокритицизм. М., 1968.
10. Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979.
11. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. [и др.]. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 1999.
12. Тугаринов В.П. Философия сознания. М., 1971.
13. Грецков В.В. Развитие гносеологических концепций отражения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Киров, 2012.

References

1. Philosophical encyclopedic dictionary / chief editors: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev [and others]. Moscow, 1983.
2. Pavlov N.E. Duty of witness. Moscow, 1989.
3. Kant I. Criticism of pure reason / translated from German by N.O. Lossky, Moscow, 2020.
4. Hegel, G.V.F. Phenomenology of the Spirit, Moscow, 2000.
5. Heidegger, M. Being and Time / translated from German by V.V. Bibikhin. Kharkiv, 2003.
6. Hebb D.O. The Organization of Behavior: A Neuropsychological Theory. Taylor&Francis, 2012.
7. Frederic c. Bartlett. Remembering a study in experimental and social psychology. Cambridge, 2003.
8. Vorobyov V.S., Malykh T.B. On the analysis of creativity of the English psychologist F. Bartlett // Theoretical and experimental psychology. 2021. № 1. Vol. 14.
9. Lenin V.I. The Complete works. Vol. 18: Materialism and empirio-criticism. Moscow, 1968.
10. Korshunov A.M. Reflection, activity, cognition. Moscow, 1979.
11. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G. [et al.] Criminalistics: a textbook for universities / ed. by R.S. Belkin, Moscow, 1999.
12. Tugarinov V.P. Philosophy of Consciousness, Moscow, 1971.
13. Gretskov V.V. Development of epistemological concepts of reflection: abstract of the diss. ... PhD in Law. Kirov, 2012.

14. Комиссарова Я.В. К вопросу об особенности личных доказательств // Криминалистические чтения на Байкале-2015: материалы Международной научно-практ. конф. / отв. ред. Д.А. Степаненко. Иркутск, 2015.

15. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.

16. Павлов Т. Избранные философские произведения. Собр. соч. в 4 т. М., 1962.

17. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М., 1969.

18. Толстолуцкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 2.

14. Komissarova Ya.V. On the issue of the specifics of personal evidence // Criminalistic readings on Lake Baikal-2015: materials of the International Scientific and Practical Conference / ed. by D.A. Stepanenko. Irkutsk, 2015.

15. Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence. St. Petersburg, 1910.

16. Pavlov T. Selected philosophical works. Collected works in 4 volumes. Moscow, 1962.

17. Belkin R.S., Vinberg A.I. Criminalistics and evidence (methodological problems). Moscow, 1969.

18. Tolstolutsky V.Y. Patterns of the criminalistic theory of reflection inherent in the subjective stage // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2008. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

О. А. Славгородская, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии. 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

O. A. Slavgorodskaya, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology of the Saratov State Law Academy. 1, Volskaya St., Saratov 410056 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 163–168.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 163–168.

Научная статья
УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОБЕГОВ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ

Анастасия Андреевна Тюнь
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Anastasia.tyun@mail.ru

Введение: *побеги из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи представляют серьезную угрозу для общественного порядка и безопасности, подрывая при этом не только доверие к системе исполнения наказаний, но и создавая потенциальные угрозы для общества, поскольку лица, совершившие побег, продолжают свою преступную деятельность находясь вне правового поля. Потребность в исследовании современных элементов криминалистической характеристики побегов заключенных обусловлена необходимостью учета современных способов совершения побегов, мест и времени совершения преступлений, что будет способствовать оперативному выявлению, расследованию и предотвращению побегов.*

Материалы и методы: *теоретической основой исследования является анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение. Эмпирической основой исследования является анализ судебных приговоров, нормативных правовых актов, специальной литературы.*

Результаты исследования: *автором исследованы уголовные дела, судебные приговоры по ст. 313 УК РФ за последние 10 лет, в частности изучены немаловажные аспекты криминалистической характеристики, такие как способ, время и место совершения преступления. Выявлены актуальные способы совершения побегов не только из мест лишения свободы, но и из-под ареста или из-под стражи; исследовано время совершения побегов и места, которые чаще всего становятся уязвимыми и слабо контролируются сотрудниками.*

Выводы и заключения: *в настоящее время отсутствует определение криминалистической характеристики побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Криминалистическую характеристику можно определить, как систему взаимосвязанных элементов, которые отражают типичные признаки, закономерности и элементы определенного преступления или группы преступлений, где для элементов обязательно наличие корреляционной связи. Выявлены актуальные типичные способы совершения побегов. Стоит отметить позитивную тенденцию, свидетельствующую о том, что за последние 10 лет новые способы побегов не выявлены. Сделан вывод, что побеги совершаются чаще в весенне-летний период, также выявлены факторы, влияющие на это. Установлены частые места совершения побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи.*

Ключевые слова: *криминалистическая характеристика, побег, места лишения свободы, способ совершения побега, место совершения побега, время совершения побега*

Для цитирования: Тюнь А. А. *Некоторые современные аспекты криминалистической характеристики побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 163–168.*

Original paper

SOME MODERN ASPECTS OF CRIMINALISTIC CHARACTERIZATION OF ESCAPES FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY, FROM ARREST OR FROM CUSTODY

Anastasia Andreevna Tyun
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

© Тюнь А.А., 2026

Introduction: *escapes from places of deprivation of liberty, from arrest or from custody pose a serious threat to public order and security, while undermining not only confidence in the penal enforcement system, but also creating potential threats to society, since the escapees continue their criminal activities outside the legal framework. The need to study modern elements of the criminalistic characteristics of prisoner escapes is due to the need to take into account modern methods of escapes, places and times of crimes, which will contribute to the prompt detection, investigation and prevention of escapes.*

Materials and methods: *the theoretical basis of the research is analysis and synthesis, induction and deduction, generalization. The empirical basis of the research is the analysis of court verdicts, regulatory legal acts, and specialized literature.*

Results of the study: *the author has studied criminal cases and court verdicts under Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation over the past 10 years, in particular, he has studied important aspects of criminalistic characteristics, such as the method, time and place of the crime. The current methods of escaping not only from places of detention, but also from arrest or custody have been identified; the time of escapes and places that most often become vulnerable and poorly controlled by employees have been investigated.*

Findings and conclusions: *currently, there is no definition of the criminalistic characteristics of escapes from places of deprivation of liberty, from arrest or from custody. A criminalistic characteristic can be defined as a system of interrelated elements that reflect typical features, patterns, and elements of a particular crime or group of crimes, where the elements necessarily have a correlation. The actual typical methods of escapes have been identified. It is worth noting a positive trend, indicating that no new escape routes have been identified over the past 10 years. It is concluded that shoots occur more frequently in the spring and summer period, and the factors influencing this have also been identified. Frequent places of escapes from places of detention, from arrest or from custody have been identified.*

Keywords: *criminalistic characteristics, escape, places of imprisonment, method of escape, place of escape, time of escape*

For citation: Tyun A. A. *Some modern aspects of criminalistic characterization of escapes from places of deprivation of liberty, from arrest or from custody // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 163–168.*

В настоящее время отсутствует единое мнение по поводу определения криминалистической характеристики побегов из мест лишения свободы. Белкин Р.С. понимает под криминалистической характеристикой преступлений единую систему, включающую в себя характеристику исходной информации, систему данных о способе совершения и сокрытия преступления, личности вероятного преступника, мотивы, обстоятельства совершения преступления [1, с. 48]. Впервые упоминания о криминалистической характеристике было сделано в 1927 г. П.И. Люблинским, который предполагал, что криминалистической характеристикой уголовного дела является формула: кто, что, где, с чьей помощью, почему, каким образом, когда [2]. Люблинский П.И., связывая криминалистическую характеристику с уголовным делом, составлял криминалистическую характеристику происшествия, которое необходимо расследовать. В 1966 г. Л.А. Сергеев предложил в своей работе следующие элементы криминалистической характеристики: способы совершения преступлений, обстоятельства преступных посягательств, связь определенных видов преступлений с определенными действиями или преступлениями, которые не подлежат ответственности, но схожи по объективным признакам [3, с. 298].

Белкин Р.С., исследуя вопрос о криминалистической характеристике, выявил следующие общие элементы: способ совершения и сокрытия преступления, типичные следы и следственные ситуации.

Таким образом, можно определить криминалистическую характеристику как систему взаимосвязанных элементов, которые отражают типичные признаки, закономерности и элементы определенного преступления или группы преступлений, где для элементов обязательно наличие корреляционной связи.

Важностью криминалистической характеристики преступлений является повышение эффективности процессов раскрытия и расследования преступлений посредством формирования частной методики расследования отдельных видов преступлений, познания способа, обстановки преступления, личности преступника и других элементов, характерных для конкретного вида преступлений, построения следственных версий, планирования расследования, разработки тактики следственных действий.

Белкин Р.С. рассматривает следующие структурные элементы криминалистической характеристики преступлений:

– характеристика исходной информации;

– способ совершения и сокрытия преступления;

– личность вероятного преступника, его мотивы и цели;

– личность вероятной жертвы преступления;

– обстоятельства совершения преступления (место, время, обстановка) [4, с. 125].

Специфика преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, предусматривает изучение побегов не только из мест лишения свободы, но и из-под ареста или из-под стражи. Для того, чтобы исследовать криминалистическую характеристику каждого явления, рассмотрим их специфику.

Первый критерий – место совершения побега. Побег совершается из исправительных и воспитательных колоний, тюрем, лечебных исправительных учреждений, дисциплинарных воинских частей. Побег из-под стражи или из-под ареста совершается путем самовольного оставления конвоя или мест временного содержания, к которым относятся следственные изоляторы, изоляторы временного содержания. Поэтому побег может быть совершен в следующих случаях: из кабинета следователя или любого лица, участвующего в уголовном судопроизводстве; при производстве следственных и иных действий; при доставлении в зал судебного заседания либо непременно из зала судебного заседания; при этапировании и т. д.

Второй критерий – правовой статус лица. В местах лишения свободы пребывают лица уже осужденные, а под стражей находятся лица, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, либо лицо имеет статус подозреваемого, обвиняемого до момента получения обвинительного приговора.

Третий критерий – момент окончания преступления. При побеге из мест лишения свободы моментом совершения преступления считается пересечение внешнего периметра учреждения. При побеге из-под стражи момент окончания наступает при лишении возможности осуществлять над лицом надзор охраняющих лиц и получении возможности самостоятельно изменять место нахождения.

Таким образом, учитывая специфику изучаемых преступлений, ключевыми аспектами их криминалистической характеристики являются: способ совершения, личность преступника и жертвы, а также место, время и обстоятельства побега.

Рассмотрим первый элемент – способ совершения побега. Анализируя материалы уголовных дел по ст. 313 УК РФ за последние 10 лет, можно сделать вывод, что наиболее часто побеги из мест лишения свободы были совершены следующим образом:

1. Преодоление ограждений. Способ не теряет своей актуальности по настоящее время. Сущность заключается в преодолении непосредственно любых препятствий. Осужденные могут повредить забор, стену при помощи подручных инструментов, сделав отверстие, достаточное для прохода. Высокие ограждения, такие как колючая проволока, преодолеваются путем перелаза. Например, С.О. Камате, осужденный по приговору Коптевского районного суда г. Москвы по ч. 3 ст. 30 – п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ к 11 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, примерно в 23 часа 13 минут 13 мая 2015 г. перелез через входную дверь прогулочного двора. После этого он вышел на прилегающую территорию внутренней запретной зоны, преодолев участок 15-метровой полосы, и, применив физическую силу, перелез через калитку нулевого рубежа внутренней запретной зоны ФКУ ИК-№ УФСИН России по РМ [5].

2. Подкоп. Подготовка подкопа зачастую осуществляется группой лиц и занимает от нескольких недель до месяцев. Для этого используются лопаты, совки либо самодельные инструменты, которые осужденные могут похитить с рабочих мест, либо изготовить кустарным методом. Места для подкопа обычно труднодоступны и редко посещаются сотрудниками. Например, в исправительной колонии № 2 г. Липецка шестеро заключенных на протяжении четырех месяцев, покидая рабочие места в производственной зоне, самодельными лопатами рыли тоннель. В итоге через тоннель протяженностью 40 м они совершили побег 25 октября 2024 г. [6].

3. Захват заложников. Способ состоит из нескольких этапов, первым из которых является подготовка и изучение плана учреждения, а затем непосредственно покидание камеры и нападение на сотрудников. Применение изучаемого способа иллюстрирует следующий пример: 16 июня 2024 г. в Ростове-на-Дону в СИЗО № 1 произошел побег шестерых заключенных. Подготовка длилась несколько месяцев: заключенные ослабляли решетки, чтобы выбить окна. После этого заключенные спустились по самодельному канату с третьего и четвертого этажа и спрятались на территории изолятора, дожидаясь утра с целью объединения и захва-

та заложников. Впоследствии вооруженные заточками, ножами и топорами заключенные взяли в заложники младшего инспектора дежурной смены и начальника оперативного управления ФСИН по Ростовской области. Свои требования заключенные записали на видео, в котором требовали предоставления им автомобиля и беспрепятственного возвращение к месту проживания.

4. Использование тайников. Способ включает в себя создание скрытых мест для временного укрытия осужденных или хранения предметов, необходимых для осуществления побега. Тайниками могут быть как транспортные средства, так и грузы, временно находящиеся на территории и покидающие учреждения. Тайники также могут быть в грузах или транспортных средствах, которые могут быть использованы для вывоза осужденных или их вещей за пределы учреждения.

5. Проход через контрольно-пропускной пункт. При рассматриваемом способе осужденные используют поддельные документы, изменение внешности, сговор с сотрудниками учреждения, применение насилия или угроз. Например, в 2020 г. Октябрьский районный суд Ростова-на-Дону вынес приговор в отношении Погребнякова А., который, вступив в преступный сговор с А. Давковым, совершил побег из СИЗО № 5. Давков А., используя поддельное удостоверение адвоката, парик и очки, прошел контрольно-пропускной пункт и зашел на территорию изолятора для встречи со своим «подзащитным» Погребняковым. Находясь в комнате для допросов, он обменялся одеждой и поддельными документами с Погребняковым, после чего тот, пройдя контрольно-пропускной пункт, покинул изолятор, а Давков занял его место [7].

Вышеуказанные способы не являются исчерпывающими. Нами выделены лишь те способы, которые чаще всего использовались осужденными за последние 10 лет. При этом новых способов побегов обнаружено не было.

Исследуя побеги из-под стражи, были сделаны следующие выводы: побеги при конвоировании подозреваемые осуществляют, пользуясь фактором внезапности, при этом могут быть использованы любые попытки дезориентировать сотрудников. Например, 24 марта 2015 г. заключенный завладел оружием сотрудника полиции, застрелил его и сбежал [8].

24 октября 2025 г. в Казани осужденный совершил побег при конвоировании после проведения следственных действий. Когда автомобиль с заключенным остановился на светофоре, осужденного силой вытащил из автомобиля его сослуживец, который организовал побег [9].

Вышеуказанные ситуации подтверждают, что тенденции побегов из-под конвоя актуальны по настоящее время. Таким же образом побеги совершаются из кабинета лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, либо при проведении следственных действий.

Немаловажными элементами криминалистической характеристики являются место и время совершения побегов. Перечисленные элементы помогают определить механизм преступления и дальнейшие действия преступников, а также сузить круг подозреваемых, определить сохранность следов и сопоставить показания подозреваемых, свидетелей и т. д.

Говоря о месте совершения побегов, необходимо отметить, что побеги из мест лишения свободы чаще осуществляются непосредственно из камер, где заключенные находят уязвимые и слабо контролируемые сотрудниками места: прогулочные площадки, производственные объекты, подземные коммуникации. Если говорить о побегах из-под ареста или из-под стражи, то подозреваемые или обвиняемые могут совершить побег непосредственно при конвоировании, в особенности в этом им может способствовать большое скопление людей.

Что касается времени совершения преступления, то здесь немаловажно не только время самого побега, но и время нахождения на свободе. Исходя из этого, считаем необходимым говорить о временном промежутке с момента преодоления ограждения либо выхода из-под контроля надзорных лиц до момента установления места нахождения осужденного. В случае, если отсутствие лица было замечено сразу, необходимо провести розыскные мероприятия по горячим следам. Если временной период с момента установления отсутствия заключенного составляет более пяти часов, необходимо установить возможные места нахождения осужденного и взять их под особый контроль.

Чаще всего побеги из мест лишения свободы совершаются в весенне-летний период, что обусловлено следующими факторами:

1. Улучшение погодных условий. Теплое время года позволяет проводить больше времени на улице (прогулки, работы), что создает дополнительную возможность побега, а растительность способствует появлению

дополнительного укрытия, что облегчает возможность дольше скрываться от сотрудников. Однако есть случаи, когда зимние погодные условия, наоборот, способствуют побегу. К примеру, туман или снегопад создают условия плохой видимости и затрудняют поиск осужденных. Поэтому криминалистическая характеристика времени побега может изменяться в зависимости от региона, вида учреждения и других параметров.

2. Длина светового дня. Увеличение продолжительности светового дня позволяет осужденным уделять больше времени планированию и осуществлению побега.

3. Организационный фактор. Весной и летом нагрузка на сотрудников исправительных учреждений возрастает из-за увеличения объема работ, что приводит к снижению внимания и ошибкам в системе надзора.

Анализ времени совершения побега из-под ареста или из-под стражи в основном не имеет связи со временем года, а зависит от удачно складывающихся обстоятельств для побега, к которым относятся невнимательность и халатность сотрудников.

Таким образом, проведенный анализ современных аспектов криминалистической характеристики побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи позволяет утверждать, что несмотря на отсутствие унифицированного определения криминалистическая характеристика побегов утверждается как самостоятельный научно-практический инструмент. Установлено, что криминалистическая характеристика должна учитывать специфику побегов, при этом важно разграничивать побеги из мест лишения свободы и из-под стражи или из-под ареста. Отмечено, что криминалистическая характеристика является динамичной и объединяет типовые закономерности и индивидуальные особенности каждого побега.

Список источников

1. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966.

2. Крылов И.Ф. Криминалистическая характеристика и ее место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. научных трудов. М., 1984.

3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3.

4. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 1.

5. Приговор Зубово-Полянский районный суд Республика Мордовия от 16 мая 2016 г. по Делу № 1-51/2016. URL:http://sudact.ru (дата обращения: 15.01.2026).

6. В Липецке вынесен приговор бывшим сотрудникам исправительной колонии, откуда совершен побег заключенными. URL: https://lipetsk.sledcom.ru/news/item/2005670/ (дата обращения: 15.01.2026).

7. СК завел дело на сотрудника ростовского СИЗО после побега заключенного. URL:https://ria.ru/20200405/1569597121.html (дата обращения: 16.01.2026).

8. Побег перед приговором: как подсудимые сбегали из зала суда. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59808f8e9a794742910a338d (дата обращения: 16.01.2026).

9. СМИ сообщили о дерзком побеге заключенного в Казани, что произошло? URL: https://www.sovsekretno.ru/news/smi-soobshchili-o-derzkom-pobege-zaklyuchennogo-v-kazani-chto-proizoshlo/ (дата обращения: 17.01.2026).

References

1. Belkin R.S. Collection, research and evaluation of evidence. Moscow, 1966.

2. Krylov I.F. Criminalistic characteristics and its place in the system of criminalistics science and in the university curriculum // Criminalistic characteristics of crimes: collection of scientific papers. Moscow, 1984.

3. Belkin R.S. Course of criminalistics: in 3 volumes. Moscow, 1997. Vol. 3.

4. Belkin R. S. Course of criminalistics: in 3 volumes. T. Moscow, 1997. Vol. 1.

5. Verdict of the Zubovo-Polyansky District Court of the Republic of Mordovia dated May 16, 2016 in Case № 1-51/2016. URL:http://sudact.ru (date of access: 15.01.2026).

6. In Lipetsk, former employees of a correctional colony were sentenced, from where prisoners escaped. URL: https://lipetsk.sledcom.ru/news/item/2005670/ (date of access: 15.01.2026).

7. The Investigative Committee opened a case against an employee of the Rostov SIZO after the prisoner's escape. URL:https://ria.ru/20200405/1569597121.html (date of access: 16.01.2026).

8. Escape before the verdict: how the defendants escaped from the courtroom. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59808f8e9a794742910a338d (date of access: 16.01.2026).

9. The media reported on the daring escape of a prisoner in Kazan, what happened? URL: https://www.sovsekretno.ru/news/smi-soobshchili-o-derzkom-pobege-zaklyuchennogo-v-kazani-chto-proizoshlo / (date of access: 17.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. А. Тюнь, *адъюнкт адъюнктуры Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. A. Tyun, *adjunct of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 169–174.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 169–174.

Научная статья
УДК 343.851

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МИГРАНТАМИ

Александр Константинович Щербаченко
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, stas-serb@yandex.ru

Введение: *проблема возрастающего числа корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами на территории Российской Федерации, в современных условиях имеет сложный многоплановый характер и требует комплексного подхода к ее решению. Соответственно необходима бескомпромиссная реализация существующих и разработка новых эффективных мер предупреждения корыстно-насильственной преступности мигрантов.*

Материалы и методы: *методологической основой исследования в представленной работе является всеобщий метод познания, а также такие методы, как сравнительно-правовой, исторический, конкретно-социологический и статистического анализа.*

Результаты исследования: *в ходе исследования проводился анализ современных статистических данных, подтверждающих масштаб распространения корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами на территории Российской Федерации, а также изучены теоретические основы и практический опыт виктимологического предупреждения рассматриваемой группы преступлений.*

Выводы и заключения: *исследование виктимологических аспектов предупреждения корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами на территории Российской Федерации, позволило сделать вывод о необходимости углубленного изучения виктимологической профилактики данной группы преступлений, путем создания отдельных научных ответвлений, центров и виктимологических клиник. Они не только будут способствовать выработке теоретических положений, но и будут направлены на непосредственно саму виктимологическую профилактику – работу как с большими социальными группами, так и индивидуальную практику по устранению причин и условий, способствующих возможности становления лица жертвой подобного преступного посягательства.*

Ключевые слова: *корыстно-насильственная преступность, преступность мигрантов, виктимология, виктимологическое предупреждение преступности*

Для цитирования: Щербаченко А. К. *Виктимологические меры по предупреждению корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 169–174.*

Original paper

IMPROVING THE METHODOLOGY FOR INVESTIGATING MERCENARY AND VIOLENT CRIMES COMMITTED BY MIGRANTS

Alexander Konstantinovich Scherbachenko
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the problem of the increasing number of mercenary and violent crimes committed by migrants on the territory of the Russian Federation in modern conditions has a complex multidimensional character and requires an integrated approach to its solution. Accordingly, it is necessary to uncompromisingly implement existing and develop new effective measures to prevent the mercenary and violent crime of migrants.*

© Щербаченко А.К., 2026

Materials and methods: *the methodological basis of the research in the presented work is the universal method of cognition, as well as methods such as comparative legal, historical, concrete sociological and statistical analysis.*

Results of the study: *the study analyzed modern statistical data confirming the scale of the spread of mercenary and violent crimes committed by migrants on the territory of the Russian Federation, as well as studied the theoretical foundations and practical experience of victimological prevention of this group of crimes.*

Findings and conclusions: *the study of the victimological aspects of the prevention of mercenary and violent crimes committed by migrants in the territory of the Russian Federation has led to the conclusion that it is necessary to study in-depth the victimological prevention of this group of crimes by creating separate scientific branches, centers and victimological clinics. They will not only contribute to the development of theoretical provisions, but will also be aimed directly at victimological prevention itself – working with large social groups as well as individual practice to eliminate the causes and conditions conducive to the possibility of a person becoming a victim of such a criminal attack.*

Keywords: *mercenary and violent crime, migrant crime, victimology, victimological crime prevention*

For citation: Scherbachenko A. K. *Improving the methodology for investigating mercenary and violent crimes committed by migrants // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 169–174.*

Миграция – это специфический процесс перемещения людей из одной географической точки в другую. Целью перемещения людей является изменение постоянного места жительства по политическим, религиозным и иным соображениям либо с целью получения образования или более высокооплачиваемой работы.

Международная практика демонстрирует, что управляемые потоки миграции содействуют экономическому и социальному развитию государства, восполняя пустоты и пробелы внутренней экономики страны, компенсируя существующие потери в демографической сфере. Однако их наличие имеет и обратную сторону медали, выраженную, в частности, в росте преступности принимающего государства [1].

Рассмотрим статистику миграционной преступности, приведенную председателем Следственного комитета России (далее – СК России) А. Бастрыкиным на оперативном совещании по вопросам расследования преступлений в сфере миграции.

Так, за пять месяцев 2025 г. количество преступлений, совершенных иностранными гражданами, в сравнении с прошлым годом увеличилось на 10 % и составило 18 873 деяния. Удельный вес преступности мигрантов в общем криминальном массиве по стране также увеличился (с 4,3 до 5 %). Всего в текущем году нарушили уголовный закон Российской Федерации почти 12,5 тыс. иностранцев. На совещании отмечено, что за пять месяцев 2025 г. увеличилось на 15 % количество уголовных дел, направленных в суд органами СК России в отношении мигрантов.

Председатель СК России подчеркнул: «Антисоциальное поведение приезжих, в том числе женщин и их детей, имеет серьезный деструктивный потенциал». Перечислив примеры резонансных преступлений с участием мигрантов, он добавил: «Криминальные сводки и социальные сети пополняются новыми и новыми инцидентами, которые накаляют общественное недовольство». Также А. Бастрыкин отметил, что многие приезжие не только не желают соблюдать российские законы, пренебрегая общепринятыми нормами, традициями и ценностями, но и пытаются установить собственные правила поведения [2].

Криминальный аспект миграции – это одна из наиболее сложных проблем, включающая в себя как преступления, совершаемые самими мигрантами, так и преступления, направленные против мигрантов [3]. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в Российской Федерации необходимо корректировать систему профилактики преступлений, совершенных мигрантами.

Основной путь борьбы с корыстно-насильственными преступлениями, совершаемыми мигрантами на территории Российской Федерации, наряду с ужесточением миграционной политики государства, по нашему мнению, состоит в повышении эффективности комплекса превентивных мер. Считаем, что одним из наиболее перспективных направлений для его теоретического изучения является виктимологический аспект данного комплекса.

Виктимность – это предрасположенность человека быть жертвой. При этом различается социальная предрасположенность,

где вероятность стать жертвой зависит от криминогенной обстановки региона, а также психологическая виктимность, когда характерологические и личностные черты, приобретенные вследствие воспитания или полученных психологических травм, способствуют провоцирующему поведению. Вне зависимости от вида виктимности она справедливо требует осуществления мер по ее минимизации у тех лиц, которым она свойственна в наибольшей степени.

Наличие виктимных качеств у конкретного лица и общества в целом представляет собой существование вероятности становления жертвой того или иного преступного посягательства. Насильственная преступность относится к категории наиболее опасных для общества явлений. Это обусловлено тем, что ее основным предметом является здоровье и/или жизнь человека. В связи с этим устранение или минимизация факторов, обуславливающих возможность лица стать жертвой того или иного насильственного акта, является острой необходимостью, с чем связан повышенный научный интерес к рассматриваемой теме [4].

Так, виктимологическая профилактика корыстно-насильственной преступности мигрантов представляет собой наименее детализованную и мало санкционированную государством форму реализации превентивных мер. Заблаговременное выявление лиц, в большей мере обладающих виктимными признаками, влияющими на повышение вероятности стать жертвой преступного посягательства, играет важную роль в защите жизни и здоровья населения. С наиболее уязвимыми категориями лиц, обладающими высокой виктимностью, целесообразно незамедлительное осуществление мер по ее минимизации, посредством корректировки поведенческих и иных привычек.

Для всесторонней превенции рассматриваемой группы преступлений важно учитывать каждый фактор, способствующий ей, в том числе и предкриминальное поведение жертвы.

Анализируя практику раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступлений, отметим, что мигрантам свойственен ситуативный подбор жертвы, в связи с этим нельзя определить конкретный типаж жертв. Однако можно отметить, что их общей чертой в большинстве случаев является неспособность по той или иной причине оказать полноценное сопротивление. К такой категории жертв относятся:

– пожилые люди;

– несовершеннолетние;

– женщины;

– лица с ограниченными физическими возможностями;

– лица, находящиеся в алкогольном или наркотическом опьянении.

Вышеизложенная информация подтверждает необходимость анализа обстоятельств, влияющих на виктимность рассмотренных категорий граждан.

Вероятность становления жертвой мигранта, у которого возник преступный умысел на совершение корыстно-насильственного преступления, возрастает по ряду следующих причин:

– проживание возможной жертвы в том районе города, на территории которого находятся продуктовые или вещевые рынки (в большинстве случаев, мигранты проживают вблизи от места их работы);

– проживание либо частое нахождение лица вблизи с большими строительными объектами, на территории которых осуществляют работы мигранты (часто недобросовестные работодатели нанимают незаконных мигрантов для осуществления строительных работ по низкой цене, из-за чего проживание мигрантов может осуществляться в палатках или бараках, установленных вблизи со строящимся объектом);

– профессионально обусловленная виктимность также имеет место при рассматриваемой группе преступлений. Работники миграционного контроля нередко становятся жертвами нападений со стороны мигрантов, которые обращаются для постановки на учет и в прочих случаях;

– проживание потенциальной жертвы в общежитиях, предоставляемых образовательными учреждениями для размещения иногородних и иностранных обучающихся. На территории общежитий нередки конфликты на почве национальных особенностей и политических разногласий студентов [5].

Также отдельно рассмотрим криминальную ситуацию, при которой жертвой корыстно-насильственного преступления становится другой мигрант. Это может быть результатом как случайно сложившихся обстоятельств, так и результатом совокупности этнических, политических, профессиональных и религиозных причин.

Например, мигранты одной национальной принадлежности могут вступить в конфликт с представителями другой нации. Часто подобные ситуации приобретают насильственный характер и перерастают в массовую этническую вражду, сопровождающуюся длящимся совершением правонарушений и преступлений различной тяжести.

Также достаточно распространены кражи, разбои и причинение вреда здоровью той или иной степени тяжести среди мигрантов, входящих в одну строительную бригаду, что непосредственно связано с малым или вовсе отсутствующим контролем со стороны работодателей за безопасностью труда, осуществляемого мигрантами.

Нами были рассмотрены обстоятельства, которые могут способствовать повышению вероятности становления той или иной личности жертвой корыстно-насильственного преступления мигранта. При этом нельзя исключать тот факт, что выбор жертвы может быть абсолютно случайным и не зависеть от тех или иных личностных качеств.

Выбор жертвы может быть связан со складывающимися в определенный момент обстоятельствами преступления. Умысел на совершение мигрантом корыстно-насильственного преступления может быть внезапно возникшим, ввиду нахождения мигранта в темном безлюдном переулке, в пустом вагоне метро либо в ином месте, где он может находиться наедине со случайной жертвой. То есть мигрант как субъект изучаемой нами группы преступлений мог заранее не обдумывать ни сам факт преступления, ни наиболее для него подходящий тип жертвы. Проблема феномена «случайная жертва» является одной из наиболее сложных с точки зрения теоретического осмысления в науке виктимология. Это связано с тем, что меры по снижению виктимности населения в данном случае могут заключаться только лишь в разъяснении общих правил безопасности и никак не могут быть расширены какой-либо конкретикой. Как таковые специфические виктимные характеристики у случайной жертвы отсутствуют, целенаправленная работа над их снижением априори невозможна.

Для уменьшения количества корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами, в Российской Федерации разработаны меры профилактики как на общегосударственном, так и на индивидуальном уровнях. Далее проанализируем комплекс уже имеющихся мер и предложим новеллы в этой сфере, которые направлены не только на общую профилактику преступности мигрантов, но и на ее виктимологическую составляющую.

Перейдем к рассмотрению уже существующих превентивных мер, направленных на снижение количества корыстно-насильственных преступлений, совершенных мигрантами:

1. Увеличение перечня преступлений, совершение которых влечет наложение на лицо такой санкции, как прекращение ранее приобретенного гражданства.

2. Проведение мероприятий, осуществляемых в рамках федеральной комплексной оперативно-профилактической операции «Нелегал». Задачей данных мероприятий выступает стабилизация миграционной ситуации на территории государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В рамках данного мероприятия сотрудники правоохранительных органов осуществляют проверки мигрантов с целью выявления нарушения ими законодательства Российской Федерации, а также установления фактов и каналов незаконной миграции с дальнейшим их пресечением.

3. Внедрение доступных информационных ресурсов, позволяющих мигрантам получать официальные сведения о пребывании в субъектах Российской Федерации. Например, в Республике Дагестан разработано приложение Daghelping, а в Республике Саха (Якутия) – «Содружество» [6].

Далее рассмотрим комплекс мер, предлагаемых нами:

1. Проведение адресных мероприятий в жилом секторе. Под данной мерой мы подразумеваем осуществление сотрудниками правоохранительных органов регулярных проверок по месту жительства мигрантов с целью установления их условий проживания, характеристики по месту жительства от соседей, а также контроля образа жизни.

2. Осуществление мер социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

3. Соблюдение наиболее виктимными категориями граждан (рассмотрены выше) мер личной безопасности:

– ограничение пеших прогулок в ночное и вечернее время в безлюдных или плохо освещенных местах;

– нахождение вблизи мест массового скопления мигрантов (вблизи строек и иных распространенных мет работы мигрантов);

– минимизация демонстрации благосостояния (дорогих украшений, крупных денежных сумм);

– быть более внимательным к окружающей обстановке. Например, при обнаружении подозрительного лица на своем пути следования необходимо сменить маршрут;

– использование средств самозащиты. Например, в случае острой необходимости прибегнуть к применению перцового баллончика;

– обязательное сообщение в полицию о подозрительном поведении мигрантов для обеспечения возможности осуществления их дальнейших проверок;

– при возникновении конфликтных ситуаций с мигрантами необходимо стараться сохранять спокойствие, избегать обвинений и оскорблений с целью минимизации негативных последствий.

4. Ограничение пребывания на территории Российской Федерации мигрантов с судимостью.

5. Совершенствование мер социально-экономической поддержки мигрантов. Например, оказание помощи в трудоустройстве и т. д. Такая мера позволит снизить мотивацию совершения корыстно-насильственных преступлений, т. к. у данной категории лиц будет достаточно средств для проживания.

6. Разработка новых интеграционных программ, которые позволят мигрантам пройти базовое обучение, направленное на изучение языка, культуры и законов Российской Федерации.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что борьба с корыстно-насильственной преступностью носит комплексный характер. И одним из элементов структуры методов и способов предупреждения рассматриваемого вида преступлений выступает виктимологическая профилактика, которая представляет собой совокупность мер, направленных на снижение риска стать жертвой преступления.

На основе научно-исследовательского опыта зарубежных стран считаем целесообразным углубленное изучение виктимологической профилактики преступлений путем создания отдельных научных ответвлений, центров и виктимологических клиник. Они не только будут способствовать выработке теоретических положений, но и будут направлены непосредственно на саму виктимологическую профилактику – работу как с большими социальными группами, так и индивидуальную практику по устранению причин и условий, способствующих возможности становления лица жертвой преступного посягательства.

Список источников

1. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов [и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

2. В России на 10 % выросло число преступлений, совершенных мигрантами. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7872128 (дата обращения: 17.08.2025).

3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 г. и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М.В. Гончарова, М.М. Бабаев, С.А. Невский и др. М., 2025.

4. Волчецкая Т.С., Рябенькая Н.Л. Особенности криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kriminalisticheskoy-harakteristiki-korystno-nasilstvennyh-prestupleniy-sovershaemyh-migrantami (дата обращения: 20.08.2025).

5. Султангалеева А.Б. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinatsiya-prestupnosti-migrantov-inostrantsev (дата обращения: 19.08.2025).

6. Попова В.А. Теоретические основы и причины преступности мигрантов. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-i-richiny-prestupnosti-migrantov (дата обращения: 16.08.2025).

7. Сердюков К.Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы. URL: https://cyberleninka.ru/

References

1. Criminalistics: textbook / T.V. Averyanova, R.S. Belkin, Yu.G. Korukhov [et al.]. 4th ed., reprint. Moscow, 2013.

2. In Russia, the number of crimes committed by migrants increased by 10%. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7872128 (date of access: 17.08.2025).

3. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2024 and expected trends in its development: an analytical review / M.V. Goncharova, M.M. Babaev, S.A. Nevsky et al. Moscow, 2025.

4. Volchetskaya T.S., Ryabenkaya N.L. Features of criminalistic characteristics of mercenary and violent crimes committed by migrants. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kriminalisticheskoy-harakteristiki-korystno-nasilstvennyh-prestupleniy-sovershaemyh-migrantami (date of access: 20.08.2025).

5. Sultangaleeva A.B. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinatsiya-prestupnosti-migrantov-inostrantsev (date of access: 19.08.2025).

6. Popova V.A. Theoretical foundations and causes of migrant crime. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-i-richiny-prestupnosti-migrantov (date of access: 16.08.2025).

7. Serdyukov K.N. Crime of foreign migrants in Russia: facts and conjectures. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-

article/n/prestupnost-inostrannyh-migrantov-v-rossii-fakty-i-domysly (дата обращения: 19.08.2025).

inostrannyh-migrantov-v-rossii-fakty-i-domysly (date of access: 19.08.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. К. Щербаченко, *доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. K. Scherbachenko, *Grand PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 21.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 21.02.2026; approved after reviewing 01.03.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 175–180.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 175–180.

Научная статья
УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Мария Андреевна Ячменева
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация, yachmenevalaw@yandex.ru

Введение: *преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, представляют собой повышенную общественную опасность, так как посягают на здоровье населения и общественную нравственность. Совершение данной категории преступлений несовершеннолетними представляет собой еще большую угрозу для государства, что обуславливает актуальность исследований на тему предупреждения и расследования наркопреступности среди подростков. Стадия возбуждения по делам указанной категории играет особенно важную роль, так как именно в ходе этой стадии может быть обнаружено и зафиксировано большое количество следов преступления, а также установлены обстоятельства, имеющие значение для дела.*

Материалы и методы: *работа основана на материалах судебно-следственной практики, а также научных трудах ученых-криминалистов. В ходе исследования были использованы методы классификации, анализа и обобщения.*

Результаты исследования: *проведенный анализ практических материалов и научных исследований позволил выявить особенности стадии возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних и классифицировать их по двум основаниям: связанные с субъектом преступления и связанные с предметом преступного посягательства.*

Выводы и заключения: *на стадии возбуждения уголовных дел рассматриваемой категории необходимо уделять особое внимание факту установления не только физического, но и психологического возраста несовершеннолетнего. Также автором предложена возможность законодательного закрепления участия законного представителя на данной стадии уголовного судопроизводства. Спецификой является бесконтактный способ совершения преступления, и как следствие, необходимость неотложной фиксации цифровых следов. Отмечена важность планирования процесса установления предмета преступления.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, возбуждение уголовного дела, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков*

Для цитирования: Ячменева М. А. *Особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 175–180.*

Original paper

FEATURES OF THE INITIATION OF CRIMINAL CASES RELATED TO DRUG TRAFFICKING COMMITTED WITH THE PARTICIPATION OF MINORS

Maria Andreevna Yachmeneva
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Introduction: *crimes related to drug trafficking pose an increased public danger, as they infringe on public health and public morals. The commission of this category of crimes by minors poses an even greater threat to the State, which determines the relevance of research on the prevention and investigation of drug crime among adolescents. The stage of initiation of cases in this category plays a particularly important role, since it is during this stage that a large number of traces of a crime can be detected and recorded, as well as circumstances relevant to the case.*

© Ячменева М.А., 2026

Materials and methods: *the work is based on materials from forensic investigative practice, as well as scientific works by criminologists. The research used methods of classification, analysis and generalization.*

Results of the study: *the analysis of practical materials and scientific research made it possible to identify the features of the stage of initiation of criminal cases on crimes related to drug trafficking committed with the participation of minors and classify them on two grounds: related to the subject of the crime and related to the subject of criminal encroachment.*

Findings and conclusions: *at the stage of initiation of criminal cases in this category, special attention should be paid to the fact that not only the physical but also the psychological age of the minor has been established. The author also suggests the possibility of legislating the participation of a legal representative at this stage of criminal proceedings. The specifics are the contactless method of committing a crime, and as a result, the need for urgent fixation of digital traces. The importance of planning the process of establishing the subject of the crime was noted.*

Keywords: *minor, initiation of criminal proceedings, crimes related to drug trafficking*

For citation: Yachmeneva M. A. *Features of the Initiation of criminal cases related to Drug Trafficking committed with the participation of minors // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 175–180.*

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством возбуждение уголовного дела является первой стадией уголовного судопроизводства. Порядок действий следственных органов на данной стадии регламентирован разделом VII Уголовно-процессуального кодекса РФ [4].

Особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних, можно разделить на две группы. Первая – особенности возбуждения уголовного дела вследствие наличия специального субъекта, вторая – особенности возбуждения, основанные на специфике предмета преступления.

Относительно расследования уголовных дел, совершенных несовершеннолетними, законодательством установлены особые правила, что обусловлено психологическим, психическим и физиологическим состоянием, характерным для подростков. Однако стадия возбуждения уголовного дела производится по общим правилам, что на практике вызывает ряд вопросов, которые не урегулированы действующим законом.

Проверка сообщения о наркопреступлении, если сведений о его субъекте нет, безусловно, проводится в общем порядке. Для возбуждения уголовного дела необходимо наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Под такими данными, понимаются те, которые свидетельствуют о наличии в действиях лица состава преступления. Для того, чтобы принять решение о возбуждении уголовного дела, прежде всего, нужно установить объективные признаки преступления, а именно: объект преступления и, если необходимо, факт наличия последствий. Из чего следует, что данные, например, о личности преступника, могут отсутствовать, что не препятствует возбуждению уголовного дела.

Если при проверке уже существует несовершеннолетнее лицо, предположительно совершившее преступление, для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо установить факт: является ли несовершеннолетний субъектом преступления, то есть достиг ли он возраста уголовной ответственности по данной категории преступлений. Кроме того, на данном этапе следственным органам нужно установить наличие либо отсутствие обстоятельств, которые в силу возрастных особенностей исключают преступность деяния несовершеннолетнего.

Установление возраста подростка не является затруднительным, если при нем есть паспорт или иной документ, удостоверяющий личность [4, с. 57]. В случае отсутствия документов или при сомнениях в их подлинности, уголовно-процессуальный закон обязывает назначить судебно-медицинскую экспертизу по определению возраста несовершеннолетнего. При назначении такой экспертизы срок проверки сообщения о преступления может быть продлен до 30 суток. В основе судебно-медицинской экспертизы лежат научные данные об изменениях организма с учетом возраста, который устанавливается с некоторым приближением, в день и месяц рождения, установленного экспертами года. При этом нужно учитывать, что лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность,

не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т. е. с ноля часов следующих суток.

Однако даже при установлении физического возраста лица могут иметь место особенности его развития, которые являются основанием для невозможности привлечения его к уголовной ответственности. В соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ, «если несовершеннолетний достиг возраста, … но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности» [4]. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъясняет, что при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии несовершеннолетнего, в силу ст. 195, 196, ч. 2 ст. 421 УПК РФ [3] следует назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу в целях решения вопроса о его психическом состоянии и способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. При этом перед экспертами должен быть поставлен вопрос о влиянии психического состояния несовершеннолетнего на его интеллектуальное развитие с учетом возраста. Особенности проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы также будут рассмотрены нами в главе 3 исследования.

Факт назначения двух, приведенных выше, экспертиз приводит к увеличению сроков проверки сообщения о преступлении. На практике следователи, боясь пропуска установленных УПК РФ сроков, возбуждают уголовные дела по факту совершения преступления неустановленными лицами. И если впоследствии выясняются обстоятельства, которые предполагают, что несовершеннолетний не может являться субъектом преступления, выносят постановление о прекращении уголовного дела.

Изучая судебно-следственную практику Республики Башкортостан за последние годы, нами не были установлены случаи производства данных экспертиз, возможно, и по причине опасения следователей нарушить сроки доследственной проверки. По нашему мнению, при наличии оснований проведения такой экспертизы следователю необходимо выносить постановление о ее назначении, так как только при комплексном подходе могут быть установлены особенности личности несовершеннолетнего. Исходя из результатов такой экспертизы, следователь получит ответ на вопрос о том, подлежит ли лицо уголовной ответственности, а также будет знать уровень психического развития личности, что поможет при дальнейшем расследовании. Для устранения вероятности пропуска процессуальных сроков предлагается внести изменения в действующий закон об увеличении срока проверки сообщения о преступлении, в случае назначения двух и более экспертиз до возбуждения уголовного дела. Кроме того, для возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, обязательно назначение судебно-химической экспертизы, поэтому в данном случае введение такого пункта в ч. 3 ст. 144 УПК РФ является актуальным.

Еще одним действием, которое необходимо провести в рамках проверки сообщения о преступлении, является получение объяснений от задержанного несовершеннолетнего лица. Действующим УПК РФ процессуальные требования к получению объяснений практически не урегулированы, в связи с чем некоторыми учеными выдвигается мнение, что такие объяснения не могут стать доказательствами по уголовному делу [5, с. 63]. Как показывает практика, если получение объяснений происходило в присутствии адвоката (защитника), то такие сведения можно использовать в качестве доказательств по уголовному делу, так как права и законные интересы несовершеннолетнего при данном действии были обеспечены участием адвоката. Однако на данном этапе также возникает вопрос о необходимости участия законного представителя несовершеннолетнего. В соответствии со ст. 426 УПК РФ «законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиня-

емого» [4]. При получении объяснений их участие не регламентировано, соответственно, можем ли мы в данном случае говорить о полноценной защите прав и законных интересов несовершеннолетних, которая обеспечивается им на других стадиях уголовного судопроизводства. По нашему мнению, возможно рассмотрение вопроса о внесении изменений в действующее законодательство касаемо участия законного представителя несовершеннолетнего на этапе проверки сообщения о преступлении.

Следующая группа особенностей возбуждения рассматриваемых нами уголовных дел связана с предметом преступного посягательства – наркотическими средствами и психотропными веществами.

При анализе судебно-следственной практики установлено, что главным поводом для возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является сообщение о преступлении, полученное из иных источников, а именно: сообщение органов дознания при обнаружении ими фактов совершенного преступления в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Видеозаписи, фотоснимки, различные носители электронной информации, непосредственно сами наркотические средства и иные объекты материального мира приобщаются к рапорту о совершенном преступлении и могут быть признаны вещественными доказательствами по делу. Основными оперативно-розыскными мероприятиями, при проведении которых устанавливаются признаки совершения преступления, являются проверочная закупка, наведение справок, оперативный эксперимент, скрытое наблюдение, зашифрованные опросы граждан.

Следующая особенность связана с распространенностью бесконтактного способа и проявляется в момент сбора информации для подачи рапорта о совершенном преступлении. Оперативным сотрудникам необходимо безотлагательно произвести осмотр электронных носителей, которые могут быть изъяты в ходе задержания, осмотра или обыска. Это связано с тем, что большинство бесконтактных преступлений совершаются путем продажи наркотиков через даркнет-маркетплейс Hydra. Данная площадка характеризуется тем, что при отсутствии на ней действий от лица некоторое время вся информация о его деятельности автоматически удаляется. Экспресс-исследование электронных носителей позволяет открыть сайт Hydra, выполнить авторизацию пользователя, зафиксировать факты сбыта наркотических средств. Соответственно, оперативные сотрудники должны обладать достаточными знаниями в этой области, знать о важности такой экспресс-проверки, навыками и умениями использования даркнет-маркеплейсов для успешного сбора доказательственной базы и, как следствие, достаточности данных для дальнейшего возбуждения уголовного дела.

Важной особенностью возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних, является необходимость определения на данной стадии предмета преступления. Для признания деяния уголовно наказуемым и его квалификации нужно определить качественные и количественные признаки изъятого вещества. Например, если в ходе приобретения лицо успевает употребить или сбросить наркотическое средство, возбуждение уголовного дела может быть затруднительным. Отсутствие наркотического средства вследствие его употребления или уменьшение его веса приводит к вынесению постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Кроме того, с апреля 2021 г. вступила в силу ч. 4 ст. 140 УПК РФ, согласно которой нахождение лица в состоянии наркотического опьянения или обнаружение в его организме наркотических средств не является основанием для возбуждения уголовного дела, если не установлены данные о факте незаконной передачи наркотиков. Данная норма касается ситуаций, когда в материалах доследственной проверки отсутствуют данные о месте сбыта/приобретения наркотических средств, о точной массе вещества, о лице, совершившем деяние.

Однако есть примеры, когда уголовное дело все-таки возбуждается и приговор выносится обвинительный при отсутствии сведений о виде и массе наркотического вещества, а также изменений, внесенных в ст. 140 УПК РФ. Например, Верховный Суд РФ в своем кассационном Определении от 24.12.2020 по делу № 3-УДП20-22-К3 отменил оправдательный приговор нижестоящего суда, которым установлено, что лицо не подлежит ответственности вследствие отсутствия дан-

ных о массе и виде наркотического вещества [2]. Верховным судом РФ указано, что в данном случае для установления факта сбыта достаточно имеющейся базы доказательств, а именно: показаний свидетелей, материалов фото- и видеосъемок, исследований, обнаруженных в организме лица следов, свидетельствующих об употреблении наркотического средства. Данный пример показывает, что при наличии в материалах дела справки о результатах химико-токсикологических исследований биологических образцов, акта медицинского освидетельствования, комиссионного заключения экспертов о том, что химические следы в организме являются производными от наркотика, наличие состава преступления может быть доказано.

Мнения ученых относительно использования химико-токсикологических исследований неоднозначны. Высказываются точки зрения о том, что они не являются достоверным доказательством, не могут быть положены в основу обвинения и противоречат положениям ч. 4 ст. 140 УПК РФ. Однако приведенное выше кассационное Определение свидетельствует о том, что возможны исключения, но только при комплексном подходе подтверждения факта наличия следов наркотического средства в организме обвиняемого лица.

Помимо перечисленных, к особенностям стадии возбуждения уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории можно отнести:

– отсутствие потерпевшего лица. По рассматриваемой категории дел потерпевшая сторона присутствует только в случае совершения преступления путем хищения наркотических средств из аптек и медицинских организаций. Однако анализ практики позволяет сделать вывод о том, что несовершеннолетними преступления таким способом практически не совершаются;

– в большинстве случаев отсутствуют очевидцы преступления, а также свидетели. Исключение составляют сотрудники правоохранительных органов, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия. Так, при изучении материалов уголовных дел установлено, что свидетелями выступали именно оперативные работники;

– высокий уровень конспирации преступных действий, что влечет необходимость получения доказательственной базы путем проведения оперативно-розыскных мероприятий;

– оказание сопротивления и противодействия расследованию со стороны задержанных лиц. Если мы говорим о несовершеннолетних, данный факт усиливается особенностями возрастного развития, страхом перед уголовным наказанием и другими соучастниками преступления. Нередко задержанные дают ложные показания, указывают на приобретение наркотических средств у неизвестных лиц, обвиняют сотрудников полиции в том, что наркотические средства им были подброшены [1, с. 73].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что стадия возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних, имеет характерные особенности, обусловленные как специальным субъектом, так и предметом преступного посягательства. Учет этих особенностей необходим для установления факта совершения преступления, его квалификации, а также составления правильного плана действий на этапе проверки сообщения о преступлении.

Список источников

1. Бушков Д.В., Эфрикян Р.А. Квалификация посреднических действий и сбыта при незаконном обороте наркотических средств // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 6.

2. Определение от 24.12.2020 по делу № 3-УДП20-22-К3 в отношении Быркanова М.И. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1954970. (дата обращения: 01.06.2025).

References

1. Bushkov D.V., Efrikyan R.A. Qualification of mediation and sale in the illicit trafficking of narcotic drugs // Lawyer-Jurist. 2014. № 6.

2. Definition of 24.12.2020 in case № 3-UDP20-22-K3 in respect of Birkanov M.I. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1954970 (date of access: 01.06.2025).

3. On the judicial practice of applying legislation regulating the Specifics of criminal

3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума ВС РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Соколов А.Б. Расследование краж, совершаемых группами несовершеннолетних: уч. пособие. Омск, 2014.

5. Усманов И.М. Противодействие преступной деятельности ОПГ, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств: уч. пособие. Казань, 2016.

liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.02.2011 № 1 (ed. from 29.11.2016). Access from the legal system "ConsultantPlus".

4. Sokolov A.B. Investigation of thefts committed by groups of minors: textbook. Omsk, 2014.

5. Usmanov I.M. Countering the criminal activities of organized crime groups related to the contactless sale of narcotic drugs: textbook. Kazan, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. А. Ячменева, *ассистент кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий. 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. A. Yachmeneva, *assistant at the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology. 131, Dostoevsky St., Ufa 450005 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 181–189.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 181–189.

Научная статья
УДК 32.019.5

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Олег Александрович Артюхин[1], Анастасия Борисовна Шумилина[2], Анна Борисовна Малявина[3]
[1,2] Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
[3] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[1] oart1969@bk.ru
[2] nashum82@mail.ru
[3] vicktoria22@mail.ru

Введение: *статья посвящена анализу трансформации российской идентичности в современный период, рассматриваемой как интегральное явление, включающее социально-политические, правовые и культурно-ценностные измерения. Цель исследования заключается в выявлении ключевых факторов и механизмов формирования современной российской политической и гражданской идентичности, а также в оценке роли патриотизма, традиционных духовно-нравственных ценностей и исторической памяти в консолидации общества. Особое внимание уделено институционализации этатистской модели патриотизма и закреплению традиционных ценностей в государственной политике через Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», что обеспечивает формирование единой ценностной основы для устойчивого развития общества.*

Материалы и методы: *исследования включают системный и сравнительно-исторический анализ, контент-анализ нормативных и медиатекстов, а также институциональный подход к изучению механизмов формирования идентичности.*

Результаты исследования: *в ходе исследования рассмотрены внешне и внутриполитические факторы, влияние информационного противоборства на историко-политические нарративы, а также взаимодействие граждан с государственными институтами и роль патриотизма как инструмента социокультурной интеграции.*

Выводы и заключения: *результаты исследования демонстрируют, что современная российская идентичность формируется через синтез традиционных ценностей, институциональной поддержки патриотических практик и адаптации к глобальным и внутренним вызовам, что обеспечивает легитимность государственной власти, укрепление национального единства и преемственность культурно-ценностных ориентиров.*

Ключевые слова: *российская идентичность, политическая идентичность, патриотизм, традиционные ценности, государственная политика, этатистская модель, политическая социализация, историко-политический нарратив, гражданская идентификация*

Для цитирования: Артюхин О. А., Шумилина А. Б., Малявина А. Б. *Формирование современной российской идентичности в условиях геополитического противостояния: ценностно-правовые и политико-культурные аспекты // Философия права: науч.-теоретич. жур. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 181–189.*

© Артюхин О.А., Шумилина А.Б., Малявина А.Б., 2026

Original paper

THE FORMATION OF MODERN RUSSIAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CONFRONTATION: VALUE-LEGAL AND POLITICAL-CULTURAL ASPECTS

Oleg Alexandrovich Artyukhin[1], Anastasia Borisovna Shumilina[2], Anna Borisovna Malyavina[3]
[1,2] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[3] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article is devoted to the analysis of the transformation of Russian identity in the modern period, considered as an integral phenomenon, including socio-political, legal, cultural and value dimensions. The purpose of the study is to identify the key factors and mechanisms of the formation of modern Russian political and civic identity, as well as to assess the role of patriotism, traditional spiritual and moral values and historical memory in the consolidation of society. Special attention is paid to the institutionalization of the statist model of patriotism and the consolidation of traditional values in state policy through Decree of the President of the Russian Federation № 809 dated November 9, 2022 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values", which ensures the formation of a unified value framework for the sustainable development of society.*

Materials and methods: *research includes systematic and comparative historical analysis, content analysis of normative and media texts, as well as an institutional approach to the study of mechanisms of identity formation.*

Results of the study: *the study examines external and internal political factors, the influence of information warfare on historical and political narratives, as well as the interaction of citizens with state institutions and the role of patriotism as a tool of socio-cultural integration.*

Findings and conclusions: *the results of the study demonstrate that modern Russian identity is formed through the synthesis of traditional values, institutional support for patriotic practices and adaptation to global and internal challenges, which ensures the legitimacy of state power, strengthening national unity and continuity of cultural and value orientations.*

Keywords: *Russian identity, political identity, patriotism, traditional values, state policy, statist model, political socialization, historical and political narrative, civic identification*

For citation: Artyukhin O. A., Shumilina A. B., Malyavina A. B. *The formation of modern Russian Identity in the context of geopolitical confrontation: value-legal and political-cultural aspects // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 181–189.*

Геополитическое противостояние и санкционная политика Запада стали катализатором трансформации российской государственности и ее цивилизационной идентичности. Происходит переосмысление ценностно-нормативных ориентиров общественного сознания с акцентом на национальный суверенитет, безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности.

Формирование новой политико-правовой и социокультурной парадигмы происходит под воздействием совокупности внешних и внутренних факторов. Внешнеполитическим детерминантом выступила откровенно конфронтационная линия западных государств, направленная на сдерживание России посредством инструментов экономического давления, санкционных ограничений и информационно-психологических операций, что объективно усилило акцент на обеспечении национальных российских интересов [1, с. 190–196].

В настоящее время во внутриполитическом пространстве наблюдается закрепление тенденции, ориентированной на укрепление государственности, восстановление правопорядка и легитимных основ власти. В общественном и экспертном дискурсе получает развитие идея необходимости преодоления последствий либеральных реформ 1990-х гг., которые, по оценкам значительной части научного сообщества, привели к эрозии институциональных структур, ослаблению механизмов правового регулирования и девальвации базовых ценностей российского общества.

В современной научной доктрине наблюдается укоренение аксиологического и пра-

вового дискурса, посвященного исследованию феномена идентичности как ключевого элемента социальной и политико-правовой системы. На протяжении последних десятилетий данная категория подвергалась всестороннему междисциплинарному анализу в рамках философских, социологических, политологических и юридических подходов. Такой комплексный интерес способствовал уточнению смыслового поля понятия «идентичность» и выявлению его структурных уровней – индивидуального, коллективного, национального и гражданского, что позволило рассматривать идентичность не только как культурный, но и как юридико-институциональный феномен, закрепленный в нормах публичного права и государственной политики.

При анализе идентичности возникает ряд теоретических проблем. Центральным гносеологическим вопросом по-прежнему выступает установление онтологического статуса идентичности: может ли она трактоваться как объективно заданная, субстанциональная сущность с устойчивым содержанием и институционально-правовой фиксацией, либо же ее следует понимать как дискурсивно сконструированное образование, возникающее в процессе социальных взаимодействий и функционирующее как средство репрезентации и интерпретации коллективного опыта в публично-правовом пространстве [2, с. 31–38.].

Разрешение данной дилеммы имеет принципиальное значение для политической и юридической наук, поскольку от этого зависит понимание природы правосубъектности, механизмов гражданской интеграции и конституционного регулирования общественных отношений, связанных с формированием национальной и гражданской идентичности в современной Российской Федерации.

В наиболее широком лексико-семантическом понимании термин «идентичность» в русском языке интерпретируется как «тождество», «эквивалентность» либо «самоидентификация», что находит отражение в научных трудах начала XX столетия. Уже на этом этапе категория идентичности осмыслялась как выражение устойчивости и непрерывности субъектного бытия в пространстве культуры и общественных отношений. Согласно позиции отечественных исследователей Т.В. Беспаловой и В.Н. Расторгуева, понятие «идентичность» нуждается в непрерывном теоретическом уточнении и контекстуальном осмыслении, поскольку каждая историческая эпоха вырабатывает специфическое понимание его содержания, функциональной роли и аксиологической насыщенности» [3, с. 8.].

Значительный вклад в разработку концепта идентичности принадлежит Ю. Хабермасу, который трактовал ее как продукт общественного конструирования, коллективно формируемое состояние солидарности и сопричастности, складывающееся в ходе социального взаимодействия и нормативно-коммуникативных практик. В контексте рассматриваемого подхода идентичность предстает не как статически заданная черта, а как непрерывно развивающийся процесс конструирования и переосмысления смысловых и нормативных границ между «своим» и «чужим», личным и коллективным, индивидуальным и институциональным. Она выступает как динамическая структура, в рамках которой социальные, культурные и политические различия осмысливаются, артикулируются и стабилизируются через взаимодействие субъекта с общественными и государственными институтами, формируя постоянное напряжение между личностной автономией и коллективной принадлежностью [4, с. 8.].

Современная политическая теория позволяет структурировать исследование идентичности по нескольким методологическим направлениям. Наиболее продуктивными являются социально-политический, цивилизационный, культурно-ценностный, правовой и международный аспекты анализа, каждый из которых раскрывает различные уровни и механизмы формирования идентификационных структур. В настоящем исследовании акцент сделан на изучении идентичности в контексте социально-политических и культурно-ценностных установок российского общества, что позволяет рассмотреть ее как элемент правосознания, гражданской лояльности и культурного самоопределения в системе современных политико-правовых координат.

В историко-цивилизационном развитии человечества можно выделить ряд ключевых этапов, определивших возникновение и эволюцию феномена идентичности как со-

циально-психологической и культурно-нормативной категории. В условиях первобытнообщинного строя, когда человеческие коллективы существовали в формате родовых и племенных объединений, отсутствовало социальное расслоение, а человек воспринимался как неотделимая часть группы. Индивидуальная идентификация в этот период не имела самостоятельного значения, поскольку самосознание личности полностью совпадало с коллективным сознанием рода. Основной механизм социальной самоидентификации был дихотомичен – разделение на «своих» и «чужих», что служило фундаментом для выстраивания системы взаимопомощи и защиты. Этот архетипический принцип в измененной форме сохраняется и в современных обществах, проявляясь в разнообразных формах групповой, этнической, религиозной и политической самоидентификации [2, с. 31–38].

В эпоху рабовладельческого и феодального строя принадлежность индивида к определенной социальной группе определялась происхождением и правовым статусом. Идентичность имела сословно-правовой характер и закреплялась через систему норм, традиций и обычаев, регулирующих поведение человека в рамках его социального положения.

Переход к капиталистическому и индустриальному обществу, вызванный промышленными переворотами и буржуазными революциями, радикально изменил структуру общественных отношений. На первый план выдвинулись новые формы социальной идентичности: классовая, профессиональная, политическая, религиозно-идеологическая. В условиях ускоряющейся модернизации и индивидуализации формируется представление о личности как самостоятельном носителе прав, обязанностей и социальной ответственности. Процесс усложнения социальных ролей и взаимодействий привел к многоуровневому характеру идентичности, объединяющему правовые, культурные и ценностные измерения человеческого бытия.

Таким образом, эволюция форм идентичности тесно связана с изменением общественно-экономических формаций и механизмов социальной стратификации, что делает ее неотъемлемым элементом историко-правового и цивилизационного развития человечества [5].

Особенностью политической идентификации является ее рефлексивно-интерактивный характер: с одной стороны, личность самостоятельно соотносит себя с определенной политической группой или идеологией на основе внутренней убежденности и рационального выбора; с другой – данная самоидентификация проходит своеобразную «ратификацию» со стороны самой политической общности, которая, исходя из своих норм, символов и ожиданий, признает или не признает индивида в качестве «своего». Таким образом, политическая идентичность формируется как результат взаимной корреляции индивидуального самосознания и коллективного признания, обеспечивая тем самым интеграцию личности в политическое пространство общества

В научной традиции принято различать два фундаментальных типа политической идентичности:

1. Базисную (устойчивую), складывающуюся на основе индивидуального политического опыта, долговременных ценностных ориентаций, социальных диспозиций и идеологических установок.

2. Ситуативную (конъюнктурную), детерминированную воздействием краткосрочных внешних факторов, таких как актуальная политическая конъюнктура, персоналистское лидерство, медийная повестка или кризисные условия [6].

С правовой точки зрения политическая идентичность может рассматриваться как элемент конституционно гарантированной свободы политического самовыражения, находящей отражение в нормах о свободе совести, слова и объединений (ст. 29, 30 Конституции РФ). Она проявляется в выборе гражданином политических предпочтений, участии в избирательных процессах, общественных движениях, а также в выражении гражданской позиции в пределах правового поля.

Знаковым этапом в нормативном оформлении и институциональном закреплении данного цивилизационно-ценностного курса стало издание Президентом Российской Федерации Указа от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809, Указ). Принятый Указ закрепил правовой статус тради-

ционных духовно-нравственных ценностей, зафиксировав их в качестве концептуально-идеологического фундамента государственной политики Российской Федерации.

Данный указ конкретизируют отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., Основ государственной культурной политики, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., Указов Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» и от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.».

В документе традиционные ценности интерпретируются как целостная система морально-нравственных ориентиров, определяющих мировоззренческие основания личности гражданина Российской Федерации, обеспечивающих межпоколенческую преемственность, а также устойчивость и интегративный характер общероссийской гражданской идентичности. Они рассматриваются как структурообразующий компонент национального культурного кода, направленный на сохранение единого духовно-культурного пространства, укрепление гражданского согласия и межэтнического единства.

К числу фундаментальных ценностных категорий, получивших нормативно-правовое закрепление и выступающих как институционально легитимизированные ориентиры государственной политики, относятся патриотизм и преданность Отечеству, сохранение и трансляция исторической памяти, приоритет духовно-нравственных начал над материальными интересами, институциализация семейных отношений, коллективистские и социально-кооперативные установки, созидательный труд, а также гуманистические практики, милосердие, справедливость и поддержание единства народов Российской Федерации. Эти ценности формируют когнитивно-нормативную и социально-политическую основу российской идентичности, выступая одновременно интегративным элементом национальной культурной матрицы и регулятором социального поведения граждан, обеспечивая преемственность культурных и исторических традиций в рамках институционально детерминированной системы. Таким образом, Указ № 809 стал правовым актом стратегического характера, формализующим переход к модели ценностно-ориентированной государственной политики, направленной на укрепление суверенной идентичности и духовного потенциала российского общества.

В соответствии с положениями Указа к целям государственной политики в сфере сохранения и укрепления традиционных ценностей можно отнести:

а) обеспечение сохранности и воспроизводства традиционных ценностей, а также их межпоколенческой трансляции;

б) противодействие распространению деструктивных идеологических установок;

в) формирование на международной арене образа Российской Федерации как государства-цивилизации, хранителя и защитника традиционных универсальных духовно-нравственных ценностей.

В целом Указ ориентирован на конституирование самобытной идентичности российского общества, что непосредственно соотносится с концептом России как государства-цивилизации.

Таким образом, политическая идентификация выступает не статичным, а динамическим процессом, обеспечивающим правовую и социокультурную адаптацию личности в политической системе. Она соединяет внутренние мотивационно-ценностные структуры человека с институциональной средой государства, формируя фундамент гражданской активности и политической легитимности [7, с. 8].

Формирование политической идентичности следует рассматривать как продукт сложной и многоуровневой динамики политической социализации, в рамках которой индивид усваивает комплекс социальных и политических ролей, нормативных предписаний и ожиданий, детерминированных конкретной социокультурной и институциональной средой. В этом ключе политическая идентичность выступает интегративным элементом более обширного социализационного процесса, включающего поэтапное конструирование у субъекта когнитивной и

нормативной схемы политической реальности, систематизацию личного политического опыта и формирование адаптивных моделей и стратегий политического поведения, обеспечивающих взаимодействие с институциональными структурами и социокультурными практиками. При этом она не представляет собой статическую характеристику личности, а динамически конституируется через непрерывное соотнесение индивидуальных убеждений, ценностных установок и идентификационных ориентиров с изменяющимися общественными, политическими и культурными условиями [8, с. 80–95].

По мнению Т. Парсонса, социализация выступает как ключевой механизм включения индивида в сложносистемную нормативно-ценностную структуру общества, формируя когнитивно-нормативные ориентиры и регуляторы политического поведения, обеспечивающие адекватное взаимодействие с институтами власти и социальными структурами. Процесс социализации таким образом обеспечивает не только внутреннее усвоение социальных ожиданий, но и воспроизводство политической и культурной стабильности общества [9].

В классической теории П. Бергера и Т. Лукмана политическая социализация рассматривается как многоуровневый и дифференцированный процесс конституирования индивидом политической реальности, включающий две взаимосвязанные фазы.

Первичная социализация характеризуется усвоением фундаментальных политических норм, ценностных ориентиров и доминирующих социальных представлений, закрепленных в институциональных структурах, что формирует исходные когнитивно-нормативные рамки восприятия политического мира.

Вторичная социализация связана с наращиванием специализированного политического опыта через непосредственное вовлечение субъекта в политические практики и социальные взаимодействия. Она обеспечивает адаптацию и калибровку политических установок в условиях динамично изменяющейся социокультурной среды, создавая механизмы согласования индивидуальных убеждений с трансформациями общественно-политических процессов и выработку устойчивых стратегий рационального, нормативно и институционально легитимного политического поведения.

В целом данная дифференциация подчеркивает, что политическая социализация – это непрерывный процесс, в котором усвоение норм и ценностей тесно связано с практическим опытом, а формируемая идентичность является результатом постоянного взаимодействия индивида с институциональной и культурной средой общества [10].

Политическая идентичность формируется как результат интеграции личного опыта и коллективных норм, обеспечивая устойчивую связь между индивидуальной позицией и институциональной политической системой, что является ключевым условием легитимного участия граждан в политическом пространстве.

Распад Советского Союза стал ключевым фактором глубинной трансформации российской национально-государственной идентичности, сопровождавшейся переосмыслением исторических нарративов, реконфигурацией ценностно-нормативных ориентиров и перестройкой социокультурных стандартов. В рамках данного процесса политическая идентичность предстает как интегративный системный конструкт национальных ценностей, признанных и разделяемых субъектами общества, формирующий когнитивно-эмоциональную и нормативную основу патриотического сознания [3, с. 8].

Геополитическая позиция Российской Федерации на перекрестке западных и восточных цивилизационных пространств, многоуровневое и исторически обусловленное культурное наследие современного общества, а также целенаправленный поиск новых траекторий политического развития в условиях ускоренных глобализационных трансформаций выступают ключевыми детерминантами конституирования политической идентичности, формируя ее комплексный когнитивно-нормативный и ценностно-институциональный каркас.

Вместе с тем именно конвергенция этих факторов создает когнитивные и нормативные условия, способствующие снижению уровня политической сознательности значительной части гражданского населения [11].

В современной геополитической конъюнктуре, сочетающей информационное воздействие с реальными военно-политическими действиями, политические акторы осуществляют целенаправленное конструирование и фильтрацию информационного

пространства, что ограничивает возможности граждан формировать объективное представление о политической реальности. Параллельно наблюдается институционально и культурно детерминированная переориентация ценностной базы общества на традиционные духовно-нравственные ориентиры, которые, как отмечается в научной литературе, обеспечивают преемственность культурных практик и сохранение подлинной идентичности.

Этот процесс не только укрепляет национальную идентичность, но и формирует устойчивую когнитивно-нормативную основу для ориентации граждан в условиях внешнего давления и внутренней социальной динамики, способствуя институциональной консолидации и культурной устойчивости общества [5].

В условиях информационной войны именно историко-политический нарратив выступает одним из ключевых объектов дискурсивного противоборства. В условиях современного глобального политического противостояния оппоненты Российской Федерации осуществляют системные и стратегически выверенные действия по подрыву существующего мирового порядка, преследуя цель маргинализации роли России в глобальных процессах. Параллельно наблюдается целенаправленная манипуляция историческим знанием и девальвация ценностного потенциала патриотизма как ключевого институционального и идеологического компонента государственной политики. В данной ситуации политический дискурс выступает не просто инструментом коммуникации, а механизмом конституирования содержания патриотизма.

Подготовка к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне продемонстрировала попытки внутренних и внешних оппонентов России умалить значение события, искажая роль СССР в победе над нацизмом. Эти действия требуют скоординированного институционального и идеологического ответа. Российская Федерация в ответ укрепляет цивилизационный статус, формируя патриотическое сознание и когнитивно-нормативную консолидацию общества.

В контексте формирования общероссийской идентичности сохраняется задача балансирования между инклюзивным патриотизмом, основанным на полиэтничности и поликонфессиональности, и эксклюзивными этнокультурными моделями, обеспечивая устойчивость национальной идентичности.

Плюрализм интерпретаций истории генерирует дискуссии о содержании, институционализации и легитимации современного российского патриотизма [13].

В последние годы происходит институционализация этатистской модели патриотизма, где ключевым ориентиром выступает лояльность к государству. Она закрепляется через образовательные программы и деятельность молодежных организаций, формируя когнитивно-нормативные и ценностные ориентиры.

Патриотизм как ценностно-политический конструкт выражается в эмоциональной привязанности к Родине, гражданском участии, уважении к символике и историческому наследию, а также в соблюдении морально-культурных ориентиров, обеспечивающих устойчивость национальной идентичности [14. с. 69–81].

В заключение следует отметить, что ключевым приоритетом современной государственной политики является преобразование патриотизма в системообразующую идеологическую категорию, которая обеспечивает когнитивно-нормативную и институциональную легитимизацию управленческих решений, укрепляет социокультурную интеграцию и формирует мобилизационный потенциал общества.

Консолидация общества будет эффективной лишь при способности государства интегрировать разнородные элементы политической культуры в единую когнитивно-нормативную и идеологическую систему, обеспечивая устойчивость и преемственность национальной идентичности.

Список источников

1. Артюхин О.А., Иванова Л.Л., Батов А.Т. Мировоззренческие компоненты модели «пентабазиса» в современной политике

References

1. Artyukhin O.A., Ivanova L.L., Batov A.T. Ideological components of the "pentabasis" model in modern Russian politics // State and

России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2.

2. Арекеева Ю.Е. Философское осмысление оппозиции «свой – чужой» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2.

3. Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. М., 2017.

4. Хабермас Ю.В. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк, 1999.

5. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018.

6. Янакова В.Р. Политическая идентичность: концептуализация понятий // Социально-политические науки. 2017. № 5.

7. Волков М.П. Патриотизм и этатистская модель государства: точки напряжений // Формирование российского патриотизма: опыт интернационализма XX века и современный этатизм: сб. научных трудов. Ульяновск, 2017.

8. Акиншева И.П. Политическая социализация в контексте социализационного процесса // Человек. Наука. Социум. 2022. № 4-2 (12).

9. Парсонс Т. Система современных обществ. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5395/5403 (дата обращения: 07.10.2025).

10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М., 1995.

11. Фролов В.А. Историческое сознание российской молодежи: условия формирования и проявления в социальных практиках: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2014.

12. Бережная Н.В. Философия инклюзивности и эксклюзивности современного патриотизма // Q.E.D. Медиация: политика, философия, право. 2023. № 1.

13. Седова Л.И. Национальная идентичность: тенденции трансформации // Гуманитарный вектор, Т. 17. № 2.

municipal administration. Scientific notes. 2023. № 2.

2. Arekeeva Yu.E. Philosophical understanding of the "friend–foe" opposition // Eurasian Humanitarian Journal. 2023. № 2.

3. Bespalova T.V., Rastorguev V.N. Patriotism and Russian civilizational identity in modern Russian society. Moscow, 2017.

4. Habermas Yu.V. In search of national identity. Philosophical and political articles. Donetsk, 1999.

5. Historical memory and Russian identity / edited by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva, Moscow, 2018.

6. Yanakova V.R. Political identity: conceptualization of concepts // Socio-political Sciences. 2017. № 5.

7. Volkov M.P. Patriotism and the statist model of the state: points of tension // Formation of Russian patriotism: the experience of internationalism of the XX century and modern statism: collection of scientific papers. Ulyanovsk, 2017.

8. Akinsheva I.P. Political socialization in the context of the socialization process. Science. Socium. 2022. № 4-2 (12).

9. Parsons T. The system of modern societies. On the construction of the theory of social systems: an intellectual autobiography. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5395/5403 (date of access: 07.10.2025).

10. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge / translated by E.D. Rutkevich, Moscow, 1995.

11. Frolov V.A. Historical consciousness of Russian youth: conditions of formation and manifestation in social practices: dissertation of the Candidate of Social Sciences. Krasnodar, 2014.

12. Berezhnaya N.V. Philosophy of inclusivity and exclusivity of modern patriotism // Q.E.D. Mediation: politics, philosophy, law. 2023. № 1.

13. Sedova L.I. National identity: transformation trends // Humanitarian Vector, V. 17. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

О. А. Артюхин, *кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Донского государственного технического университета. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*

А. Б. Шумилина, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*

А. Б. Малявина, *кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

O. A. Artyukhin, *PhD in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.*

A. B. Shumilina, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Commercial and Business Law of the Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.*

A. B. Malyavina, *PhD in Political Sciences, Researcher at the Research Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 190–195.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 190–195.

Научная статья
УДК 340.115

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: КРИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГРАНИЦ ЮРИДИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Дмитрий Владимирович Глущенко
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dmitriy218@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0005-1606-3326

Введение: *в рамках данного исследования поднимается вопрос философского осмысления принципа правового принуждения. Несмотря на неизбежность принудительных мер в любой правовой системе, данный принцип не всегда ориентируется на обеспечение правового баланса между справедливым соблюдением прав человека и поддержанием государственной стабильности. В связи с этим целью работы является определение границ допустимости и необходимости юридического воздействия на поведение индивидов и социальных групп в качестве принципа добросовестности и эффективности государственного контроля.*

Материалы и методы: *посредством критического анализа критериальной обоснованности принципа принуждения, систематизации и сравнения философско-правовых подходов к интерпретации изучаемого концепта становится возможным выявление основных противоречий и проблемных аспектов, сопутствующих реализации правового принуждения.*

Результаты исследования: *критический анализ вариативных подходов к определению исследуемого понятия показал, что процесс принуждения может быть морализирован и деморализирован, относителен в рамках определенного социального, культурного, политического контекста, уравновешен юридически закрепленными универсальными подходами или же, наоборот, несогласован и противоречив в законодательном определении принудительных механизмов, что приводит к их искаженному толкованию и, как следствие, неправомерному осуществлению.*

Выводы и заключения: *несмотря на размытость границ правового принуждения и интерпретационную неопределенность, достижение баланса между принуждением и защиты прав человека является объективной задачей трансформации и мониторинга управленческих структур современных государств, что представляется достижимым посредством соразмерности принудительных мер правонарушению, определенности законодательных формулировок характера действий, влекущих за собой принудительные меры, а также систематическому надзору, мониторингу и прозрачности процессов подотчетности.*

Ключевые слова: *правовое принуждение, философия права, естественное право, позитивное право, критический подход*

Для цитирования: Глущенко Д. В. *Концепция правового принуждения: критическое переосмысление границ юридического воздействия // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 190–195.*

Original paper

THE CONCEPT OF LEGAL COERCION: A CRITICAL RETHINKING OF THE BOUNDARIES OF LEGAL INFLEUNCE

Dmitry Vladimirovich Glushchenko
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *within the framework of this study, the issue of philosophical understanding of the principle of legal coercion is raised. Despite the inevitability of coercive measures in any legal system, this principle is not always oriented towards ensuring a legal balance between the fair*

© Глущенко Д.В., 2026

observance of human rights and the maintenance of State stability. In this regard, the purpose of the work is to define the boundaries of the permissibility and necessity of legal influence on the behavior of individuals and social groups as a principle of good faith and effectiveness of state control.

Materials and methods: *through a critical analysis of the criterion validity of the principle of coercion, systematization and comparison of philosophical and legal approaches to the interpretation of the concept under study, it becomes possible to identify the main contradictions and problematic aspects associated with the implementation of legal coercion.*

Results of the study: *a critical analysis of variable approaches to the definition of the concept under study has shown that the process of coercion can be moralized and demoralized, relative within a certain social, cultural, and political context, balanced by legally established universal approaches, or, conversely, inconsistent and contradictory in the legislative definition of coercive mechanisms, which leads to their distorted interpretation and, as a result, the illegal implementation.*

Findings and conclusions: *despite the blurred boundaries of legal coercion and interpretative uncertainty, achieving a balance between coercion and the protection of human rights is an objective task of transforming and monitoring the management structures of modern states, which seems achievable through proportionality of coercive measures to the offense, certainty of legislative formulations of the nature of actions entailing coercive measures, as well as systematic supervision, monitoring and transparency of accountability processes.*

Keywords: *legal coercion, philosophy of law, natural law, positive law, critical approach*

For citation: Glushchenko D. V. *The concept of legal coercion: a critical rethinking of the boundaries of legal infleunce // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 190–195.*

Многомерная социально-правовая реальность не может существовать без соблюдения определенных ограничений и правовых требований органов государственного регулирования, действующих в рамках закона. Целью подобных мер воздействия является поддержание социально-политической безопасности человека и общества от потенциальных и реальных угроз.

Концепция правового принуждения относится к способам государственного наказания лиц, нарушающих закон и правопорядок, преступающих границы дозволенного, а также не исполняющих собственные правовые обязанности по отношению к другим гражданам и обществу.

Изучению сущности концепта правового принуждения с точки зрения разных научных подходов (психологический (эмоционально-волевой), социальный, регулятивный (управленческий), правовой и т. д.) [1] посвящено множество работ современных исследователей (Л.В. Асилян, И.Е. Некрасова, С. Третьяков, Г.Л.А. Харт и др.), что представляется особенно актуальным в обеспечении правового баланса между справедливым соблюдением прав человека и обеспечением государственной стабильности.

С этой позиции можно обосновать цель данной работы, заключающуюся в определение границ допустимости и необходимости юридического воздействия на поведение индивидов и социальных групп в рамках критического анализа критериальной обоснованности принуждения как принципа добросовестности и эффективности государственного контроля.

Несмотря на многовековой исторический опыт правительственных воздействий и ограничений по отношению к волеизъявлению личности и общества, сам термин «правовое принуждение» появился относительно недавно. Как отмечает В.А. Чашников, в отечественной юридической науке данное понятие появилось во второй половине прошлого столетия (с 60–70-х гг.) [2, с. 4].

На сегодняшний день конституционное закрепление принципов государственного принуждения относится к категории верховенства права и необходимости защиты интересов граждан. Соответственно, обеспечение безопасности и справедливости определяют смысл существования институтов правового регулирования, контроля и принуждения.

Как отмечают Л.В. Асилян и И.Е. Некрасова, «под принуждением в правовой интерпретации следует понимать метод воздействия, проявляющийся в применении государственными органами установленных законом норм поведения, которые составляют совокупность правовых санкций, ограничений, лишений или иных мер, направленных на принуждение лица к соблюдению установленных требований закона» [1]. Меры государственного принуждения, закрепленные в действующем законодательстве, разнообразны и в зависимости от

основания их применения могут быть разделены на две группы: меры, имеющие юридическую силу, и прескриптивные меры [1]. Первая категория подразумевает строгое вмешательство органов государственного регулирования, ограничение свободы и иные штрафные санкции за противоправную деятельность нарушителя. Вторая категория может включать в себя механизмы восстановления правовой защиты, исполнительные предписания, превентивные процессуальные меры, меры государственного принуждения, направленные на поддержание общественных нужд и обеспечение функционирования регулятивных институтов [1].

Наиболее приемлемым вариантом правового принуждения являются нормативные предписания в отношении установления определенного набора вариантов выбора правовых субъектов (в их поведении, действиях и решениях). Если интерпретировать принуждение как ограничение диапазона возможных вариантов выбора, то в контексте правовых полномочий и формальных требований этот концепт не кажется противоречивым [3, с. 35]. Однако вариативные философско-правовые течения и юридические практики разных государств предлагают иные взгляды на реализацию правового принуждения: справедливость закона может обеспечиваться только посредством принудительных мер (санкций, ограничений, лишений и наказаний) [4, с. 127].

Выделяя наиболее распространенные течения философии права, в рамках которых рассматриваемое понятие получает отличные от других интерпретации, можно назвать следующие подходы: правовой позитивизм, естественное право (натурализм и юснатурализм), правовой реализм, правовая психология, правовая антропология и аксиология. Рассмотрим подробнее критериальные подходы к определению и реализации концепта «правовое принуждение» в рамках данных принципов (см. таблицу 1).

Таблица 1. Анализ критериальных подходов философско-правовых течений к определению принципа правового принуждения (составлено автором)

Философско-правовое течение	**Концептуальная интерпретация понятия «правовое принуждение»**	**Критерии реализации принципа принуждения**
Естественное право	Принуждение – средство обеспечения соблюдения законов, которые являются справедливыми и соответствуют морально-нравственным принципам общества [5, с. 27]	• Моральная основа • Контекстуальная вариативность • Принцип гуманности и ненасильственности
Юснатурализм	Принуждение имеет место только вследствие объективных требований закона, а не в качестве исходного правообразующего фактора (ненасильственный источник права) [5, с. 27]	• Принцип справедливости • Защита естественных прав • Морально-нравственная основа
Правовой позитивизм	Принуждение является неотъемлемым и необходимым компонентом правоохранной деятельности любого общества в качестве меры поддержания порядка и безопасности [6, с. 7]	• Обязательность принуждения • Верховенство права • Правовая объективность
Правовой реализм	Государственное принуждения – это механизм нормативного воздействия, обусловленного необходимостью корректирования и ограничения поведения граждан. Обязательства к подчинению и страх перед санкциями мотивируется возможностью применения властного принуждения [7, с. 9]	• Формальность закона • Разграничение права и морали • Теоретическая и эмпирическая объективность
Правовая психология	Принуждение представляет собой процесс внешнего воздействия на волеизъявление и сознание индивида в интересах власти [8, с. 34]	• Эмоционально-волевой компонент • Единство сознания и деятельности • Бихевиористический подход

Правовая антропология	Принуждение подразумевает систематизацию правовых форм и стабилизацию условий жизни человека и общества, т. е. обеспечение правопорядка и справедливости без властного подчинения [9, с. 8–9]	• Правовой плюрализм • Разрешение конфликтов • Правосознание и правовая культура
Правовая аксиология	Правовое принуждение рассматривается как ценность формально-юридического значения дисциплины и правопорядка [10, с. 245]	• Ценностный подход • Этические принципы • Принцип правовых коллизий

Из рассмотренных выше подходов к интерпретации концепта «правовое принуждение» можно заметить мультифакторную основу данного процесса. Понимание многогранной сущности и вариативного сочетания факторов, воздействующих на реализацию системы принуждения, имеет решающее значение для обеспечения порядка в конкретных правовых условиях (демократическое, либеральное, авторитарное общество и т. д.) при соблюдении прав человека и верховенства права (в разных видах государств акценты могут смещаться в одну или другую сторону).

Однако по мере развития правовых систем должно развиваться и наше понимание роли государственного принуждения в них. Так, по мнению С. Третьякова, насильственное принуждение, исходящее из принципа верховенства власти, неразрывно связано с деморализацией, поскольку любая морализованная теория переносит акцент с принуждения на распределение справедливости [3, с. 55].

Как отмечают исследователи, крайняя степень принуждения отражает принцип наделения властью посредством права, при котором главенствующие органы и лица, вероятно, преследуют не столько намерение побудить принуждаемых к определенным действиям или поведению, сколько свои собственные управленческие интересы [11, с. 138]. Это можно объяснить тем, что существуют гораздо более эффективные способы достижения цели побуждения и принуждения, не подразумевающие насильственных мер («наложить обязанность или запретить альтернативные неюридические методы достижения аналогичного результата» [3, с. 51]).

С другой стороны, слишком морализованное, либеральное и генерализованное понятие принуждения не представляется достаточно последовательным и эффективным, поскольку такая интерпретация делает принуждение относительным (вопрос контекста) и, соответственно, подвергает риску общественно-политическую стабильность.

Развитие правовых подходов приводит нас к умозаключению о том, что закон способен создавать новые возможности, не подавляя ранее существовавшие, а модернизируя их. В связи с этим система права может прийти к состоянию, когда не будет необходимости в принудительном подавлении, поскольку добиться того же результата можно посредством признания статуса юридической нерелевантности за нежелательным действием или поведением. Однако на практике закон пытается исключить тип поведения, который нельзя просто считать юридически недействительным именно потому, что он существует в реальности [3, с. 37]. «Единственный возможный способ подавить его – это наложить на соответствующую группу или лицо обязанность с санкциями за несоблюдение закона, тем самым отбивая у субъектов права желание заниматься запрещенной деятельностью, повышая цену для потенциальных нарушителей» [3, с. 37].

Кроме того, в рамках многих правовых режимов закон просто лишен ненасильственных средств предотвращения нежелательного поведения. Однако реализуемые меры принуждения можно привести к определению условий допустимой действительности и установления нормативных границ. Соответственно, все, что не вписывается в эти условия, считается нелегитимным. Таким образом, не всегда есть необходимость реализации мер правового принуждения, иногда нужно лишь определить условия действительности и границы допустимости.

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что воздействие правового принуждения комплексно и многогранно, оно затрагивает как отдельных лиц, так и все общество; принуждение преследует цели поддержания справедливости и правопорядка, в то время как злоупотребление им может привести к нарушениям прав и свобод человека, социальным волнениям и общественному недоверию к деятельности правовых институтов.

Критический анализ вариативных подходов к определению исследуемого понятия

показал, что процесс принуждения может быть морализирован и деморализирован, относителен в рамках определенного социального, культурного, политического контекста, уравновешен юридически закрепленными универсальными подходами или же, наоборот, несогласован и противоречив в законодательном определении принудительных механизмов, что приводит к их искаженному толкованию и, как следствие, неправомерному осуществлению.

Достижение баланса между правовым принуждением и системой защиты прав человека является объективной задачей трансформации и мониторинга управленческих принципов современных государств. Несмотря на все сложности осуществления обозначенного принципа существуют практические методы гарантии справедливости принуждения:

1. Соразмерность принудительных мер правонарушению.

2. Законодательная определенность характера действий, влекущих за собой принудительные меры.

3. Систематический надзор, мониторинг и прозрачность процессов подотчетности.

Таким образом, учитывая отмеченные принципы, можно преодолеть многие сложившейся проблемы в сфере правового принуждения и установить объективные ненасильственные меры юридической защиты и ответственности.

Список источников

1. Asilyan L.V., Necrasova I.E. The essence of state coercion in the mechanism of legal regulation // SHS Web of Conferences. 2023. V. 164.

2. Чашников В.А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

3. Tretyakov S. The Concept of Legal Coercion and Power Conferring Legal Regimes // Russian Law Journal. 2017. № 5 (1).

4. Hart H.L.A. The Concept of Law // Oxford University Press. 2012.

5. Яркова Е.Н. История и методология юридической науки. Тюмень, 2012.

6. Асташов Д.С., Петров А.В., Соловьева А.А. К вопросу о понятии правового отражения: легистский тип правопонимания. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-pravo… (дата обращения: 11.12.2025).

7. Шапсугов Д.Ю. Правовой реализм как осуществляющаяся нормативная коммуникация людей и разновидность юридического мышления. Размышления о правовой реальности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2.

8. Косарев А.В. Психическое принуждение и уголовная ответственность // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 5.

9. Агафонова Е.А. Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

10. Николаев А.Г. Аксиология дисциплинарного принуждения // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179).

11. Powers P. Persuasion and Coercion: a critical review of philosophical and empirical approaches // HEC Forum. 2007. № 19.

References

1. Asilyan L.V., Necrasova I.E. The essence of state coercion in the mechanism of legal regulation // SHS Web of Conferences. 2023. V. 164.

2. Chashnikov V.A. State-legal coercion: general theoretical issues: author's abstract. diss. ... PhD in Law. Ekaterinburg, 2006.

3. Tretyakov S. The Concept of Legal Coercion and Power Conferring Legal Regimes // Russian Law Journal. 2017. № 5 (1).

4. Hart H.L.A. The Concept of Law // Oxford University Press. 2012.

5. Yarkova E.N. History and methodology of legal science. Tyumen, 2012.

6. Astashov D.S., Petrov A.V., Solovieva A.A. On the Concept of Legal Reflection: A Legist Type of Understanding of Law. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-pravo… (date of access: 12.11.2025).

7. Shapsugov D. Yu. Legal Realism as an Implemented Normative Communication of People and a Type of Legal Thinking. Reflections on Legal Reality // North Caucasian Legal Bulletin. 2023. № 2.

8. Kosarev A. V. Mental Coercion and Criminal Liability // News of Universities. North Caucasian Region. Series: Social Sciences. 2006. № 5.

9. Agafonova E. A. Legal Anthropology: Conceptual Ideas and Principles: diss. … PhD in Law. Rostov-on-Don, 2009.

10. Nikolaev A.G. Axiology of Disciplinary Coercion // Law and State: Theory and Practice. 2019. № 11 (179).

11. Powers P. Persuasion and Coercion: a critical review of philosophical and empirical approaches // HEC Forum. 2007. № 19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Д. В. Глущенко, *кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

D. V. Glushchenko, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Humanities and socio-economic disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 196–201.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 196–201.

Научная статья
УДК 342.721.3

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Виктор Васильевич Денисенко
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, profdenisenko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4704-0774

Введение: *миграционная политика анализируется как категория философии права, отражающая напряжение между суверенитетом и правами человека.*

Материалы и методы: *использованы диалектический метод, аксиологический подход, формально-юридический анализ.*

Результаты исследования: *определен онтологический статус политики, выявлен аксиологический конфликт безопасности, справедливости, гуманизма. Введено понятие «миграционный правопорядок».*

Выводы и заключения: *легитимность власти обеспечивается балансом интересов. Необходим переход к ценностно-ориентированной модели регулирования на основе правовой определенности.*

Ключевые слова: *философия права, миграционная политика, публичный правопорядок, государственный суверенитет, права человека, юридическая аксиология, правовая интеграция, легитимность власти*

Для цитирования: Денисенко В. В. *Философско-правовое осмысление миграционной политики как элемента обеспечения публичного правопорядка // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 196–201.*

Original paper

PHILOSOPHICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF MIGRATION POLICY AS AN ELEMENT OF ENSURING PUBLIC LAW AND ORDER

Viktor Vasilievich Denisenko
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *migration policy is analyzed as a category of legal philosophy reflecting the tension between sovereignty and human rights.*

Materials and methods: *the dialectical method, the axiological approach, the formal legal analysis are used.*

Results of the study: *the ontological status of politics is determined, the axiological conflict of security, justice, and humanism is revealed. The concept of "migration law and order" has been introduced.*

Findings and conclusions: *the legitimacy of government is ensured by a balance of interests. A transition to a value-based regulatory model based on legal certainty is needed.*

Keywords: *philosophy of law, migration policy, public order, state sovereignty, human rights, legal axiology, legal integration, legitimacy of power*

For citation: Denisenko V. V. *Philosophical and legal understanding of migration policy as an element of ensuring public law and order // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116) – Pp. 196–201.*

© Денисенко В.В., 2026

Современное состояние мировой политики и права характеризуется беспрецедентной интенсивностью трансграничных перемещений людей, что ставит перед правовой теорией новые вызовы. Для Российской Федерации, являющейся одним из ключевых центров притяжения миграционных потоков на постсоветском пространстве, данный вопрос приобретает особую остроту в контексте обеспечения национальной безопасности, демографического развития и экономической стабильности [1; 2, с. 37–43; 3, с. 71–78; 4]. Традиционное юридическое осмысление миграции ограничивается преимущественно административно-правовым анализом нормативного регулирования, процедур легализации, контроля и надзора [5; 6, с. 8–10; 7, с. 50–54]. Однако такая узкоотраслевая парадигма не позволяет ответить на фундаментальные вопросы о природе миграционного права, его месте в системе правовых ценностей, соотношении с принципами справедливости и гуманизма. Миграционная политика перестает быть исключительно ведомственной задачей министерств и ведомств и приобретает статус категории философии права, требующей глубокого теоретического осмысления.

Актуальность исследования заявленной проблематики обусловлена несколькими обстоятельствами теоретического и практического характера. Во-первых, существующее миграционное законодательство многих государств, включая Российскую Федерацию, демонстрирует внутреннюю противоречивость, колеблясь между жестким этатизмом, где приоритет отдается государственной безопасности, и либеральным универсализмом, ставящим во главу угла права человека. Эта двойственность порождает правовую неопределенность, снижает эффективность правоприменения и провоцирует социальные конфликты. Во-вторых, глобализационные процессы ставят под вопрос классическое понимание государственного суверенитета как абсолютного контроля над территорией и населением, требуя переосмысления границ компетенции власти. В-третьих, формирование устойчивого публичного правопорядка невозможно без философского обоснования тех ценностей, которые лежат в основе миграционного регулирования.

Фундаментальным аспектом, требующим детального философско-правового осмысления, выступает онтология миграционной политики, неразрывно связанная с базовыми категориями государственного суверенитета, границы и правовой идентичности. В классической философии права государство традиционно определяется через три конститутивных элемента: территорию, население и публичную власть. Миграционная политика находится на стыке всех трех элементов, что придает ей особый онтологический статус и выделяет в системе государственного управления. Контроль над перемещением людей через границу является практическим воплощением права государства на самоопределение и защиту своих границ. Классическая вестфальская модель суверенитета, сформировавшаяся в XVII в., предполагала абсолютный контроль государства над своей территорией [8, с. 11–23]. Однако в современном мире абсолютный суверенитет подвергается серьезной ревизии под давлением нескольких факторов, что требует пересмотра онтологических основ управления миграцией.

Во-первых, развитие международного права прав человека создало систему обязательств, ограничивающих дискреционные полномочия государства в отношении иностранцев. Международные стандарты[1], устанавливают минимальные требования обращения с мигрантами [9, с. 51–53]. В соответствии с положениями Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей «государства-участники обязуются в соответствии с международными документами по правам человека уважать и обеспечивать права всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, которые находятся на их территории или под их юрисдикцией, предусмотренные в настоящей Конвенции, без какого бы то ни было различия как то в отношении пола, расы, цвета кожи, языка, религии или убеждений, политических или иных взглядов, национального, этнического или социального происхождения, гражданства, возраста, экономического, имущественного, семейного и сословного положения или по любому другому признаку»[2]. И в связи с этим государства не могут игнорировать без ущерба для

[1] Конвенция Международной организации труда № 97 о трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 г.). Доступ из справ. правовой системы «Гарант»; Конвенция Международной организации труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

[2] Ст. 7 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г.). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

своей репутации и международно-правовой ответственности. Во-вторых, глобализация экономики на фоне демографических проблем сделала трансграничное перемещение рабочей силы объективной необходимостью. По этому поводу Т.А. Бараненкова и И.В. Соболева очень точно отмечают, что «дефициты рынка труда, с одной стороны, могут иметь демографические корни, т. е. быть связаны с неблагоприятными изменениями в численности демографических характеристик населения, с другой – вытекать из экономических и институциональных особенностей рынка труда и эжкономической системы в целом, а также зависеть от таких свойств населения, как образование и квалификация, размещение на территории страны, мотивации, установки и притязания к рабочим местам» [10, с. 66–67]. Демографический дисбаланс между развитыми и развивающимися странами создает структурный спрос на миграцию, который не может быть полностью заблокирован административными барьерами. В-третьих, несмотря на то, что «международные акты о правах человека позволяют государству принимать законы, устанавливающие необходимые в демократическом обществе ограничения прав иностранцев» [11, с. 35], региональная интеграция добровольно ограничивает суверенные права государств в миграционной сфере в пользу наднационального регулирования.

Таким образом, онтологически миграционная политика находится в точке бифуркации, т. е. раздвоения двух правовых начал. С одной стороны, существует публично-властное начало, где государство выступает как гарант порядка, обладающее правом ограничивать въезд, приоритезирующее национальную безопасность и коллективную идентичность. С другой стороны, присутствует частно-правовое начало, где индивид рассматривается как носитель прав, обладающий свободой передвижения, где приоритет отдается правам человека и индивидуальной автономии. Этот дуализм порождает фундаментальный вопрос философии миграционного права: является ли мигрант субъектом права в полной мере или объектом управления? С точки зрения классического правового позитивизма права мигранта производны от воли государства и могут быть ограничены в интересах общественного порядка. Однако естественно-правовая школа настаивает на том, что человеческое достоинство и базовые права не зависят от гражданства или легального статуса пребывания. Национальная правовая доктрина занимает промежуточную позицию, сочетая конституционный приоритет международных стандартов в области прав человека при регулировании миграционных процессов с правом государства определять условия въезда и пребывания иностранцев.

Онтологический анализ обусловливает рассмотрение границы в миграционном праве не просто как физической линии, а как фундаментального акта пространственного упорядочивания, конституирующего политическое сообщество. В философско-правовом измерении граница определяет принадлежность к сообществу через дихотомию «мы» и «они», а миграционная политика выступает инструментом управления ее проницаемостью. Современная доктрина выделяет три концепции границы: запретительную стену, избирательную мембрану и пространство диалога, предполагающие различные режимы правового регулирования. Национальная государственная политика демонстрирует эволюцию от первой модели ко второй, сочетая селективный подход к трудовой миграции с защитой традиционных ценностей. Таким образом, категория границы является центральной для онтологии миграционного права, определяющей условия трансформации статуса «чужого» в «своего».

Онтологический анализ миграционной политики требует рассмотрения правовой идентичности мигранта, оказывающегося в ситуации «правового пограничья», когда он уже не защищен правом государства исхода, но еще не признан субъектом права государства пребывания. В качестве базовых определений правовой идентичности можно использовать определение Е.В. Резникова, который рассматривает ее как «такое состояние человека, когда он не только является членом какой-либо социальной группы, но и придает этому факту достаточно высокую значимость, осознает его как принципиально важное качество собственной личности» [12, с. 14], и высказывание Г.М. Лановой, которая под правовой идентификацией понимает «установление тождественности объекта с другими правовыми объектами того же вида или рода» [13, с. 58]. Обратим внимание и на точку зрения О.В. Белянской, которая справедливо отмечает, что «правовая самоидентификация иностранного лица связана с усвоением определенных ролей и моделей поведения, признаваемых правомерными в рамках новой для него правовой системы. Выделяются три стадии правовой самоидентификации иностранных граждан: правовая адаптация – процесс приспособления иностранного гражданина к новой для него правовой системе и получение им правовой информации, правовых зна-

ний, которые меняют его правопонимание и правосознание; правовая интеграция – это инклюзия в российскую правовую среду, основанная на сформированном правосознании, высоком уровне правовой культуры, представляет собой двусторонний процесс, полноценное протекание которого возможно исключительно при условии совместных усилий иностранца и принимающего сообщества; правовая ассимиляция – полное растворение иностранного гражданина в правовом поле принимающего государства, уничтожение каких бы то ни было различий в правовом статусе с гражданами принимающего государства» [14].

Проблема признания правовой идентичности мигранта является центральной, поскольку без него мигрант остается в состоянии «правовой невидимости», уязвимым для эксплуатации, а процедуры легализации, реализуя институт признания, не устраняют подвешенного статуса до их завершения. Это актуализирует вопрос о минимальном стандарте прав, гарантируемых любому человеку на территории государства независимо от легального статуса, философско-правовое обоснование которого находится в концепции человеческого достоинства как неотчуждаемой ценности.

В рамках рассмотрения заявленной проблематики проанализируем публичный правопорядок как аксиологическую категорию в миграционной сфере. В философии права различают негативный подход (отсутствие правонарушений, контроль) и позитивный (устойчивые связи, справедливость, интеграция). Современная национальная доктрина смещается к позитивному пониманию, признавая невозможность устойчивости правопорядка без включения мигрантов в правовое пространство.

Структура правопорядка включает нормативный, институциональный и ценностный уровни. Традиционные исследования игнорируют ценностный уровень, однако именно он определяет долгосрочную стабильность, поскольку без разделения ценностей права административные меры неэффективны. Вводится понятие «миграционный правопорядок» как специфической формы, обладающей транснациональным характером, динамичностью, повышенным конфликтным потенциалом и асимметрией правового статуса участников.

Особое значение имеет правовая культура мигрантов. Концепция миграционной политики указывает на недопустимость анклавов, требуя обеспечения единства правового пространства не запретительными мерами, а через позитивную работу по формированию общей правовой культуры посредством образования, языковой подготовки и интеграции.

Центральное место в предлагаемой концепции занимает аксиологический конфликт между безопасностью, справедливостью и гуманизмом. Безопасность, обосновывающая существование государства, защищает от угроз, но ее абсолютизация превращает право в инструмент контроля, а человека – в потенциальную угрозу, что противоречит презумпции добропорядочности. Чрезмерно жесткие меры провоцируют рост нелегальной миграции и эрозию легитимности власти. Новеллы законодательства, включая биометрическую идентификацию и ограничение сроков пребывания, смещают баланс в сторону безопасности, однако устойчивость правопорядка требует восстановления равновесия ценностей.

Справедливость в миграционном контексте многомерна. Она включает распределительный аспект (соотношение благ и вклада), процедурный (прозрачность и доступность правил), восстановительный (защита нарушенных прав) и межпоколенческий (учет долгосрочных последствий). Теория справедливости предлагает методологический инструмент для обоснования базовой защиты прав любого человека независимо от места рождения.

Принцип гуманизма, закрепленный конституционно, утверждает человека высшей ценностью. Мигрант обладает неотчуждаемым достоинством независимо от статуса. Хотя государство вправе регулировать потоки, базовое уважение прав (запрет бесчеловечного обращения, доступ к правосудию, защита детей-мигрантов и беженцев) должно сохраняться. Баланс ценностей динамичен, но долгосрочная устойчивость правопорядка возможна только при сохранении безопасности, справедливости и гуманизма в состоянии равновесия.

Исходя из выявленных аксиологических противоречий, сформулируем принципы построения ценностно-ориентированной модели миграционного правопорядка. Современное регулирование, включая российское, построено преимущественно на инструментальном подходе: миграция рассматривается как ресурс для решения экономических и демографических задач. Это редуцирует человека до средства достижения государственных целей, что противоречит принципу гуманизма. Ценностно-ориентированная модель предполагает иной подход: политика

строится вокруг системы ценностей общества, а в центре стоит построение устойчивого правового сообщества. Переход требует смены приоритетов: от контроля к интеграции, от краткосрочной эффективности к долгосрочной устойчивости, от мигранта как ресурса к мигранту как субъекту права.

На основе философско-правового анализа могут быть сформулированы принципы устойчивой системы. Первый – правовая определенность: закон должен быть стабильным и предсказуемым, что требует кодификации законодательства. Второй – взаимная ответственность: права мигрантов коррелируют с обязанностями по соблюдению законов. Третий – пропорциональность: ограничения прав соответствуют легитимным целям политики. Четвертый – субсидиарность: регулирование осуществляется на наиболее эффективном уровне с учетом региональной специфики. Пятый – интеграция: двусторонний процесс адаптации при фасилитации государством. Шестой – цифровая этика: внедрение технологий контроля сопровождается гарантиями защиты персональных данных.

По результатам проведенного философско-правового исследования сформулированы следующие положения и выводы.

Миграционная политика не может редуцироваться исключительно к управленческому инструментарию. Она представляет собой фундаментальную категорию философии права, в которой кристаллизуется напряжение между классическим пониманием государственного суверенитета и современными стандартами универсальных прав человека. Онтологический статус миграционной политики определяется ее положением на стыке территории, населения и власти, что требует переосмысления границ государственной компетенции в условиях глобализации.

«Миграционный правопорядок» – специфическая форма публичного правопорядка, обладающая транснациональным характером, динамичностью и повышенным конфликтным потенциалом. Устойчивость миграционного правопорядка зависит не столько от эффективности карательных механизмов, сколько от качества ценностного уровня регулирования, включающего правосознание и правовую культуру всех участников правоотношений.

Ключевым противоречием миграционного права является аксиологический конфликт между безопасностью, справедливостью и гуманизмом. Абсолютизация любой из этих ценностей ведет к дестабилизации системы: безопасность без справедливости порождает авторитаризм, справедливость без безопасности ведет к анархии, гуманизм без учета реальных ограничений становится утопией. Легитимность власти в миграционной сфере обеспечивается через поддержание динамического равновесия между этими ценностями.

Будущее миграционного регулирования лежит в плоскости синтеза государственных интересов и прав человека. Государство должно эволюционировать от функции контролера к функции гаранта интеграции, обеспечивая условия, при которых соблюдение закона становится выгоднее и престижнее, чем его нарушение.

Список источников

1. Петрова О. В. Незаконные миграционные процессы как угроза экономической безопасности России: дис. … канд. эконом. наук. М., 2020.

2. Пименов Н.А., Молчанова Е.С. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности // Безопасность в современном мире. 2024. № 2 (3).

3. Сизов С.Г. Бесконтрольная миграция как угроза национальной безопасности России // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Вып. 35. Барнаул, 2024.

4. Чертков А.Н. Нелегальная миграция – угроза национальной безопасности и национальной идентичности России. Российское право онлайн. URL: https://doi.org/10.17803/2542-2472.2025.34.2.026-034.

References

1. Petrova O. V. Illegal migration processes as a threat to Russia's economic security: diss. ... PhD in Economics. Moscow, 2020.

2. Pimenov N.A., Molchanova E.S. Illegal migration as a threat to national security // Security in the modern world. 2024. № 2 (3).

3. Sizov S.G. Uncontrolled migration as a threat to Russia's national security // Socio-Humanitarian Bulletin. All-Russian collection of scientific papers. Issue 35. Barnaul, 2024.

4. Chertkov A.N. Illegal migration is a threat to national security and national identity of Russia. Russian law online. URL: https://doi.org/10.17803/2542-2472.2025.34.2.026-034

5. Sazonova O.A. Administrative and legal regulation in the field of migration: problems and prospects for improvement: diss. ... PhD in Law. M., 2019.

5. Сазонова О.А. Административно-правовое регулирование в сфере миграции: проблемы и перспективы совершенствования: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019.

6. Корнеева Д.А. Административно-правовое регулирование миграции в России // Новый юридический вестник. 2020. № 7 (21).

7. Степенко В.Е., Пацевич В.С. Правовая природа государственной функции контроля (надзора) в сфере миграции: ее формирование и развитие в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 5.

8. Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4.

9. Михайлова О.Э. Международные стандарты обеспечения прав и свобод трудящихся-мигрантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55).

10. Бараненкова Т.А., Соболева И.В. Структурные дефициты российского рынка труда и риски миграции // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5.

11. Подмарев А.А. Конституционно-правовое регулирование ограничения прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75).

12. Резников Е.В. Понятие правовой идентичности // Право и современные государства. 2014. № 1.

13. Лановая Г.М. Правовая идентификация и правовая самоидентификация: содержание понятий // Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 2.

14. Белянская О.В. Правовая самоидентификация иностранного лица к российской правовой системе // Электронное издание: Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 1.

6. Korneeva D.A. Administrative and legal regulation of migration in Russia // New Legal Bulletin. 2020. № 7 (21).

7. Stepenko V.E., Patsevich V.S. The legal nature of the state function of control (supervision) in the field of migration: its formation and development in the Russian Federation // Administrative law and process. 2022. № 5.

8. Kupriyanov A.V. "The Westphalian myth" and "Westphalian" sovereignty // Analysis and forecast. IMEMO RAS Journal. 2019. № 4.

9. Mikhailova O.E. International standards for ensuring the rights and freedoms of migrant workers // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2013. № 4 (55).

10. Baranenkova T.A., Soboleva I.V. Structural deficits of the Russian labor market and migration risks // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 5.

11. Podmarev A.A. Constitutional and legal regulation of restrictions on the rights and freedoms of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (75).

12. Reznikov E.V. The concept of legal identity // Law and modern States. 2014. № 1.

13. Lanovaya G.M. Legal identification and legal self-identification: the content of concepts // International Journal of Constitutional and State Law. 2016. № 2.

14. Belyanskaya O.V. Legal self-identification of a foreign person to the Russian legal system // Electronic edition: Man: crime and punishment. 2019. Vol 27. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. В. Денисенко, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного, административного и гражданского права Краснодарского университета МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. V. Denisenko, *Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Civil Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 202–208.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 202–208.

Научная статья
УДК 340.1

СПЕКУЛЯТИВНО-НАРРАТИВНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРАВА: К ПОЛИФОНИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Александр Викторович Марков[1], Оксана Александровна Штайн[2]
[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация, markovius@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6874-1073
[2] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация, shtaynshtayn@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-1701-3147

Введение: *современная философия права переживает кризис методологических оснований. Классические парадигмы оказываются недостаточными для осмысления вызовов антропоцена, цифровизации, экологического коллапса и цивилизационного раскола, описанного в работах В.В. Бибихина как противостояние римско-западного модуса права и византийско-восточного. Статья ставит задачу конструирования новой философско-правовой модели, способной преодолеть антропоцентризм и стать основой для правовой системы эпохи глобальной сложности.*

Материалы и методы: *методологическую основу исследования составляют: нарративный подход; феноменологический анализ В.В. Бибихина; спекулятивный реализм и объектно-ориентированная онтология (Й. Богост); компаративный анализ римской (договорной) и византийской (гармонизирующей) правовых традиций. Метод синтеза позволяет соединить эти разнородные подходы в единую теоретическую конструкцию.*

Результаты исследования: *на основе проведенного анализа предложена новая концепция – спекулятивно-нарративная феноменология права. Право действует в поле «плоской онтологии», где равноправными акторами выступают не только люди и коллективы, но и экосистемы, виды, алгоритмы, технические системы. Фигура бибихинского «Ревизора» переосмысляется как имманентная процессу инстанция, ответственная за целостность диалога. Данная модель предлагает мета-язык для перевода между римско-западным модусом «права-как-договора» (где субъект суверенен) и византийско-восточным модусом «права-как-гармонии» (где субъект растворен в целом). Она превращает право в инфраструктуру для встречи несоизмеримого.*

Выводы и заключения: *спекулятивно-нарративная феноменология права предлагает радикальный пересмотр оснований юридического мышления. Право в ней – это не социальный регулятор, а экзистенциальная и онтологическая практика. Ее внедрение предполагает переход от права как «линейки» (regula) к праву как «искусству реальности» (generativa harmonia).*

Ключевые слова: *философия права, спекулятивный реализм, нарративная теория, объектно-ориентированная онтология, нечеловеческие акторы, Византия, правовая антропология, генеративное право, полифония*

Для цитирования: Марков А. В., Штайн О. А. *Спекулятивно-нарративная феноменология права: к полифонической модели юридической реальности // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 202–208.*

Original paper

SPECULATIVE-NARRATIVE PHENOMENOLOGY OF LAW: TOWARDS A POLYPHONIC MODEL OF LEGAL REALITY

Alexander Viktorovich Markov[1], Oksana Aleksandrovna Schtein[2]
[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
[2] Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

© Марков А.В., Штайн О.А., 2026

Introduction: *contemporary legal philosophy is experiencing a crisis of methodological foundations. Classical paradigms prove insufficient to understand the challenges of the Anthropocene, digitalization, ecological collapse, and the civilizational schism described in the works of V.V. Bibikhin as the confrontation between the Roman-Western mode of law and the Byzantine-Eastern mode of law. This article seeks to construct a new philosophical and legal model capable of overcoming anthropocentrism and becoming the foundation for a legal system in the era of global complexity.*

Materials and methods: *the methodological basis of the study consists of a narrative approach; V.V. Bibikhin's phenomenological analysis; speculative realism and object-oriented ontology (J. Bogost); and a comparative analysis of the Roman (contractual) and Byzantine (harmonizing) legal traditions. The method of synthesis allows us to combine these disparate approaches into a single theoretical construct.*

Results of the study: *based on the conducted analysis, a new concept is proposed – a speculative-narrative phenomenology of law. Law operates within the field of a "flat ontology," where equal actors include not only individuals and groups, but also ecosystems, species, algorithms, and technical systems. The figure of Bibikhin's "Inspector General" is reimagined as an agency immanent in the process, responsible for the integrity of the dialogue. This model offers a meta-language for translation between the Roman-Western mode of "law-as-contract" (where the subject is sovereign) and the Byzantine-Eastern mode of "law-as-harmony" (where the subject is dissolved into the whole). It transforms law into an infrastructure for encountering the incommensurable.*

Findings and conclusions: *the speculative-narrative phenomenology of law offers a radical reconsideration of the foundations of legal thought. In it, law is not a social regulator, but an existential and ontological practice. Its implementation presupposes a transition from law as a "ruler" (regula) to law as an "art of reality" (generativa harmonia).*

Keywords: *philosophy of law, speculative realism, narrative theory, object-oriented ontology, non-human actors, Byzantium, legal anthropology, generative law, polyphony*

For citation: Markov A. V., Schtein O. A. *Speculative-narrative phenomenology of law: towards a polyphonic model of legal reality // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 202–208.*

Современная философия права испытывает симптоматичную и глубокую тревогу – тревогу языка, утратившего силу называния. Мы живем в эпоху, которую можно описать как перманентный онтологический сдвиг: экосистемы предъявляют молчаливый иск своей тысячелетней истории против краткосрочного расчета; алгоритмы, наделенные агентностью своих создателей, но лишенные их ответственности, перераспределяют возможности и судьбы; древние культурные нарративы сталкиваются в публичном пространстве, требуя не просто толерантности, но признания своей правдообразующей силы. Перед лицом этих вызовов классические парадигмы юридической мысли, от изящной чистоты кельзеновского нормативизма до гуманистического пафоса либертарной юриспруденции, обнаруживают одно общее, роковое ограничение: они мыслят в рамках антропоцентрического универсума, где единственным подлинным субъектом, носителем воли и смысла, остается человек.

Этот кризис усугубляется тем, что сама почва, на которой стоит западное правовое мышление – почва римского понятия о договоре между суверенными индивидами, – оказывается не универсальной, а локальной. Гениальная интуиция В.В. Бибихина [1], прочитанная сквозь призму его анализа византийского наследства, вскрывает цивилизационный раскол. С одной стороны – право-как-договор: кристаллическое, публичное, рациональное пространство Рима, где гражданин, обладающий дистанцией и мужеством (virtus), отстаивает своё jus. С другой – право-как-гармония Византии и ее наследников: право как внешний, часто чуждый инструмент, служащий поддержанию сакральной целостности «симфонии», в которой индивидуальный взгляд растворен в тотальном лике иконостаса, а не отделен от него, как в театре. Россия, по Бибихину, – лаборатория этой второй, «византийской» модели, доведенной до секулярного абсолюта, где подвижная гармония силовых линий заменяет собой кристаллическую структуру закона.

Таким образом, мы оказываемся в двойной ловушке: антропоцентризм классических теорий слеп к нечеловеческим акторам, а цивилизационный раскол делает диалог между логикой договора и логикой гармонии

почти невозможным. Требуется не реформа, а радикальный проект. Не очередная попытка «вписать» новые реалии в старые схемы, а конструирование новой онтологии права, способной стать не просто теорией, но методологическим инструментом и проектом для права эпохи глобальной сложности.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что выход из этого тупика лежит на пути парадоксального, но необходимого синтеза. Для этого мы обращаемся к трем, казалось бы, разнородным интеллектуальным традициям. К феноменолого-герменевтической проницательности Бибихина, увидевшего в праве «пороговое явление», пространство экзистенциального решения перед лицом незримого «Ревизора». К нарративному подходу, который смещает фокус с формального субъекта на конституирующую его историю, на способ бытия рассказом. И, наконец, к радикальному жесту спекулятивного реализма и акторно-сетевой теории (Йен Богост [2], Б. Латур [3]), низвергающих человека с трона центра мироздания и утверждающих «плоскую онтологию», где все сущее – от камня до корпорации – обладает своей собственной, неустранимой реальностью и агентностью.

Результатом такого синтеза должна стать не просто новая теория, а целостная модель – спекулятивно-нарративная феноменология права. Ее цель – переосмыслить право из инструмента регуляции (regulatio) в технологию генеративной гармонизации – искусство порождающего согласования нарративов в полифоническом мире, где человек – лишь один голос в сложном, напряженном и прекрасном хоре. Сложность объекта требует отказа от методологической чистоты в пользу сознательно выстроенного соединения подходов. Наш инструментарий – это не единый ключ, а набор кодов для разных замков на двери к новой юридической реальности.

Во-первых, это глубоко укорененный в российской философской почве феноменологический анализ В.В. Бибихина. Его ценность – в остром, почти болезненном восприятии права не как системы, а как события. Право для Бибихина – это «порог», момент волеизъявления и решения, который всегда свершается перед лицом незримого Другого – «Ревизора» [1, с. 72–74]. Этот «Ревизор» – не конкретный начальник, а метафизический гарант правды, взгляд совести, трансцендентная инстанция, перед которой происходит суд. Такой анализ позволяет вырвать право из пут позитивистской догматики и увидеть его экзистенциальное, почти сакральное измерение. Одновременно Бибихин дает нам бесценный компаративный ключ, противопоставляя римскую модель суверенного гражданина-зрителя византийской модели участника, растворенного в гармонии целого. Это противостояние права-договора и права-гармонии становится для нас структурной рамкой проблемы.

Во-вторых, нарративный подход, заимствованный из философии сознания, истории и культурологии. Его суть – в утверждении, что наша идентичность, наши ценности и сама наша субъектность конституируются не набором атрибутов, а историями, которые мы о себе рассказываем и которые рассказывают о нас. Человек – это «нарративное животное» (А. МакИнтайр) [4, с. 293], чье бытие пронизано сюжетностью. Перенос этой оптики в право позволяет сместить акцент с абстрактного «правосубъекта», носителя прав и обязанностей, на конкретного субъекта-рассказчика, чье правовое требование есть всегда фрагмент более крупной, жизненной истории, требующей признания, продолжения или исцеления.

В-третьих, самый радикальный элемент – спекулятивный реализм и акторно-сетевая теория (АСТ). От Йена Богоста мы берем два центральных понятия: «чуждую феноменологию» (alien phenomenology) и «трансляционное моделирование» (carpentry). Богост настаивает: внутренний опыт другого существа, будь то животное, растение, камень или компьютерная программа, принципиально недоступен нам. Мы не можем знать, каково быть летучей мышью, рекой или сервером. Но мы можем и должны это моделировать – строить спекулятивные, художественные, технические гипотезы об их «способе бытия». Это не антропоморфизм, а создание карт незнаемой территории. От Б. Латура мы заимствуем демократический импульс его «парламента вещей» и методологию прослеживания связей в гетерогенных сетях, где люди, документы, технологии, идеи и природные силы выступают равноценными акторами, совместно производящими социальное.

Наконец, сквозной нитью проходит компаративно-исторический метод, позволяю-

щий не просто противопоставить римскую [5, с. 125–166] и византийскую традиции [6, с. 157–174], но увидеть в их противостоянии два фундаментальных, онтологически укорененных модуса правового мышления [7], которые необходимо не отбросить, а снять в синтезе.

Соединение этих разнородных линий позволило сформулировать контуры новой модели, ядром которой является переход от права как социального регулятора к праву как технологии порождающего согласования (генеративной гармонизации, generativa harmonia). Порождающее – потому что оно не просто охраняет существующий порядок, а создает условия для появления новых, еще немыслимых форм достойного сосуществования. Согласование – потому что его цель не тишина и единообразие, а сложное, напряженное, полифоническое созвучие разных правд, где даже конфликт становится источником обновления целого. Право в этой философии – это не линейка (regula), а скорее, дирижер в оркестре, который не заставляет всех играть одну ноту, а извлекает музыку из различий; садовник экосистемы, который не выпалывает все под одну грядку, а укрепляет жизнеспособность всего биоценоза; переводчик на Вавилонском соборе, который не навязывает единый язык, а делает возможным взаимопонимание в его отсутствие. Наконец, сценарист коллективного единства, который не пишет жесткий сценарий, а задает правила, по которым бесконечное множество сознаний совместно видит все более сложную и осмысленную реальность. Следовательно, это право как искусство, а не как инженерия. Его метод – не регулирование, а созидательное упорядочивание хаоса в живой, дышащий, меняющийся порядок-из-беспорядка (ordo ab chao).

Мы предлагаем мыслить правовое поле в терминах «плоской онтологии». Это означает радикальный отказ от антропоцентрической иерархии. Правосубъектностью потенциально обладают не только индивиды и корпорации, но и экосистемы (река Волга, сибирская тайга), виды (атлантический тунец, популяция пчел), ландшафты, технические системы (интернет-протокол TCP/IP) и автономные алгоритмы. Это не метафора и не юридическая фикция по аналогии с юридическим лицом. Это признание за ними собственного, уникального и непрозрачного для нас способа бытия. У реки есть свой нарратив – история ее течения, пойм, паводков, ее связь с биотой и культурами по берегам. Этот нарратив принципиально не познаваем прямо, как не познаваем до конца внутренний мир другого человека. Но, следуя Богосту, он подлежит не познанию, а спекулятивному моделированию. Таким образом, право получает неслыханную ранее эпистемологическую задачу: стать не приложением к социальным наукам, а самостоятельной машиной по производству переводов между несоизмеримыми онтологиями.

Из этого следует революция в процессуальной форме. Традиционный суд, где истина устанавливается через подведение установленных фактов под готовую норму, уступает место иной процедуре. Судебное заседание становится лабораторией спекулятивного моделирования. Стороны представляют не только и не столько доказательства в классическом смысле, сколько «онтологические модели» – нарративные реконструкции, основанные на данных экологического мониторинга, художественные инсталляции, поэтические доклады, алгоритмические симуляции, которые служат гипотезами о внутреннем мире и интересах представляемого актора. Как может звучать голос реки, страдающей от загрязнения? Каковы «интересы» древнего леса в споре с проектом разработки полезных ископаемых? Адвокат или уполномоченный представитель (новый тип юридической профессии – «онтологический переводчик») строит такую модель и предъявляет ее суду. Судья и присяжные (или специально обученная коллегия «нарративных герменевтов») выступают здесь не арбитрами факта, а коллективными интерпретаторами, оценивающими убедительность, внутреннюю непротиворечивость, этическую плодотворность и жизнеспособность конкурирующих моделей. Правосудие превращается, по выражению Богоста, в сравнительное картографирование чужих вселенных.

Цель – генеративная гармонизация нарративов. Если процедура меняется, то меняется и конечная цель права. Она смещается с утилитарных задач поддержания порядка и разрешения споров в пользу генеративной гармонизации. Решение суда или текст закона перестают быть конечным приговором или жестким предписанием. Они становятся временным, подвижным, всегда открытым

для пересмотра протоколом взаимодействия. Это новый, коллективно сочиненный эпизод в общем нарративе сосуществования различных акторов. Успешность правового акта измеряется не степенью его принудительного исполнения, а его способностью минимизировать «нарративную травму» – насильственный разрыв, мертвую зону в истории сообщества или экосистемы (например, вымирание вида, уничтожение памятника, цифровая катастрофа). И, наоборот, он должен максимизировать «нарративную жизнеспособность» – возможность для всех вовлеченных акторов (людей, не-людей, коллективов) продолжать и развивать свои собственные истории, не уничтожая при этом возможности для продолжения историй других. Право в этой парадигме становится своего рода терапией смысла для поврежденного коллективного тела, способом залечивания разрывов в ткани совместного бытия.

Здесь мы возвращаемся к Бибихину, чтобы переосмыслить его ключевую интуицию. В его анализе «Ревизор» Гоголя – это трансцендентный взгляд, суд перед лицом высшей правды, который неизбежен. В нашей модели эта инстанция подвергается имманентизации. Она не исчезает, но рассредоточивается, встраивается в саму ткань процедуры. «Ревизор» превращается в имманентного «Архитектора Полифонии». Это не личность (судья, правитель), а сам алгоритм процесса, его ритуальная и процедурная рамка, коллективная внимательность участников. Его задача – следить не за формальным соблюдением нормы, а за тем, чтобы в правовом «храме» (вспомним византийский собор, который не смотрели, а в котором пребывали) был услышан, представлен, смоделирован каждый голос, в том числе самый тихий, маргинальный и «чуждый». Цель – не добиться унисонного единодушия (это путь к тоталитарной гармонии), а сохранить, защитить и обогатить сложную, напряженную, иногда диссонирующую полифонию. Справедливость теперь – это не соответствие правилу, а качество этой полифонии, способность системы включать в себя различие, не уничтожая его.

Наконец, предложенная модель предлагает себя в качестве мета-языка, способного снять многовековую антиномию, описанную Бибихиным. С одной стороны, западная, римская традиция (право-как-договор) постулирует суверенного, дистанцированного субъекта, чья свобода и автономия предшествуют любой связи. Ее слабость – в абстрактном универсализме, зачастую глухом к коллективным нарративам и нечеловеческим формам жизни. С другой – восточная, византийско-московская традиция (право-как-гармония) видит в субъекте прежде всего участника целого, чье бытие растворено в «симфонии». Ее слабость – в тенденции к подавлению индивидуального голоса во имя целого, к подмене права идеологией или «понятиями».

Спекулятивно-нарративная модель снимает это противоречие, предлагая синтез. Она признает абсолютную ценность индивидуального нарратива (западный момент), но помещает его с самого начала в поле взаимообусловленности с другими нарративами – не только человеческими, но и коллективными, историческими, экологическими (момент, преодолевающий западный антропоцентризм). Она стремится к гармонии, но не тоталитарной, а полифонической, где диссонанс и конфликт не подавляются, а признаются источником нового смысла и двигателем генеративного процесса. Таким образом, право перестает быть инструментом господства одной из этих логик. Оно становится инфраструктурой для встречи несоизмеримого, технологией перевода между мирами, которые, по выражению Латура, еще только предстоит собрать в общий, демократически (а точнее, полиархически) устроенный «коллектив».

Предложенная спекулятивно-нарративная феноменология права – это, прежде всего, методологический проект и критический инструмент для осмысления и преобразования юридической реальности уже сегодня. Как методология она предлагает конкретные, пусть и требующие проработки, векторы для трансформации. Юридическое образование должно воспитывать не только знатоков кодексов, но «юристов-переводчиков» и «юристов-модельеров», владеющих навыками нарративного анализа, основ экологии, цифровой грамотности и спекулятивного мышления. Судопроизводство может экспериментировать с процедурами, допускающими представление интересов нечеловеческих акторов через институт специальных представителей и форматы «онтологического моделирования» (публичные слушания нового

типа, экологические суды с расширенными полномочиями). Законотворчество призвано двигаться от создания закрытых, исчерпывающих кодексов к конструированию открытых, адаптивных протоколов – рамочных правил для ведения переговоров и генерации соглашений между разнородными акторами.

Как критический инструмент эта модель позволяет с новой остротой поставить вечные вопросы философии права – о природе справедливости, легитимности, субъекта – в мире, где «Другой» обретает лица, которые мы едва ли способны распознать: лицо экосистемы, искусственного интеллекта, будущих поколений, иной культурной вселенной. В конечной перспективе предложенный подход обнажает возможность глубочайшей трансформации самого этоса права. Право перестает быть прежде всего карающей или разрешающей инстанцией, становясь экзистенциальной и онтологической практикой совместного бытия-в-мире. Оно экологично по своей сути, ибо расширяет круг правовой озабоченности до пределов всей живой и неживой планеты. Оно процессуально, ибо высшую ценность обретает не итоговое решение, а качество диалога, глубина взаимного (пусть и всегда частичного) понимания, достигнутого в процессе спекулятивного моделирования Другого. Оно терапевтично, ибо работает не с категорией вины и наказания, а с категориями травмы, разрыва, утраты смысла и их возможного исцеления через со-творчество новой истории.

Спекулятивно-нарративная феноменология права предлагает, в конечном счете, увидеть в праве не «писаный разум» государства (ratio scripta), как определяли его римские юристы, а живой, дышащий, коллективно творимый разум самой реальности. Разум, который не предписывает миру порядок извне, но внимает его внутренней, многоголосой логике и стремится помочь ей воплотиться в хрупкой, сложной и бесконечно ценной полифонии сосуществования. Это право как искусство жизни среди различий – искусство, в котором мы только начинаем быть учениками.

Список источников

1. Бибихин В.В. Введение в философию права. М., 2005.
2. Богост И. Чужая феноменология, или Каково быть вещью? Пермь, 2019.
3. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. М., 2018.
4. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали. М.; Екатеринбург, 2000.
5. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. М., 1999.
6. Тойнби А. Византийское наследие России // Цивилизация перед судом истории. М.; Владимир, 2011.
7. Хархордин О.В. Понятие государства в четырех языках: сб. статей / под ред. О. Хархордина. СПб.; М., 2002.

References

1. Bibikhin V.V. Introduction to the Philosophy of Law. Moscow, 2005.
2. Bogost I. Alien Phenomenology, or What is it Like to Be a Thing? Perm, 2019.
3. Latour B. Politics of Nature. How to Instill Democracy in the Sciences. Moscow, 2018.
4. MacIntyre A. After Virtue: Studies in Moral Theory. Moscow; Yekaterinburg, 2000.
5. Bourdieu P. The Spirit of the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field // Poetics and Politics. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy. Moscow, 1999.
6. Toynbee A. Russia's Byzantine Heritage // Civilization Before the Court of History. Moscow; Vladimir, 2011.
7. Kharkhordin O.V. The Concept of the State in Four Languages: Collection of Articles / edited by O. Kharkhordin. St. Petersburg; Moscow, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. В. Марков, *доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета. 125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., 6.*

О. А. Штайн, *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. V. Markov, *Grand PhD in Philology, Professor, Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art of the Russian State University for the Humanities. 6, Miusskaya Sq., Moscow 125047 Russian Federation.*

O. A. Schtein, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Philosophy of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 19, Mira St., Yekaterinburg 620002 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 24.01.2026; одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 24.01.2026; approved after reviewing 05.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 209–215.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 209–215.

Научная статья
УДК 32.327

УКРЕПЛЕНИЕ ЕДИНСТВА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ – ЦЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анна Васильевна Топилина[1], Виталий Борисович Рожковский[2]
[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, spring6@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7811-3633
[2] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, v-rozkovskiy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6423-4664

Введение: *разработка стратегии государственной национальной политики является одной из ключевых задач государственного стратегического планирования, которая отражает текущее состояние дел в указанной области, вызовы, стоящие перед государством и способы реагирования на них, формирующие соответствующую повестку. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г. демонстрирует уникальный поворот государственного аппарата в сторону формирования общероссийской гражданской идентичности, призванной перенести акцент с этнической на гражданскую составляющую и объединить многонациональное население Российской Федерации.*

Материалы и методы: *исследование основано на комплексном подходе, включающем анализ теоретических работ по проблемам национальной идентичности и нормативных правовых актов Российской Федерации. Основными методами исследования являются системный анализ, историко-сравнительный анализ, контент-анализ, а также общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и аналогии.*

Результаты исследования: *в результате исследования были выявлены вызовы, стоящие в настоящее время перед государством в сфере национальной политики и национальной безопасности. Стратегия государственной национальной политики по сравнению с предыдущими внутриполитическими ориентирами характеризуется сдвигом от поддержания этнической идентичности к формированию общероссийской гражданской идентичности, в основе которой будут лежать русский язык и русская культура как язык и культура государствообразующего народа. Проведена аналогия с формированием «советской» идентичности, в свое время решавшей задачу по укреплению межэтнических связей в нашем государстве.*

Выводы и заключения: *в результате проведенного исследования формируется вывод о соответствии содержания Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г. актуальным вызовам нацбезопасности: угрозе суверенитета, беспрецедентному уровню русофобии и др. Формирование общероссийской гражданской идентичности на основе русского языка и русской культуры закономерно, т. к. русский язык является общим для всего населения России, а русская культура веками впитывала в себя культуры всех народов государства, являясь собирательным явлением и носителем культурного кода россиян.*

Ключевые слова: *стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, этническая идентичность, национальная идентичность, общероссийская гражданская идентичность, нация, стратегическое планирование, советская идентичность*

Для цитирования: Топилина А. В., Рожковский В. Б. *Укрепление единства многонационального народа Российской Федерации и общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнокультурного и языкового разнообразия – цель современной национальной политики Российской Федерации // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 209–215.*

© Топилина А.В., Рожковский В.Б., 2026

Original paper

STRENGTHENING THE UNITY OF THE MULTINATIONAL PEOPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE ALL-RUSSIAN CIVIC IDENTITY WHILE PRESERVING ETHNOCULTURAL AND LINGUISTIC DIVERSITY IS THE GOAL OF THE MODERN NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anna Vasilyevna Topilina[1], Vitaly Borisovich Rozhkovsky[2]
[1] Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *developing a state national policy strategy is a key objective of state strategic planning. It reflects the current state of affairs in this area, the challenges facing the state, and the responses to them, thereby shaping the corresponding agenda. The State National Policy Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2036 demonstrates a unique shift in the state apparatus toward the formation of a pan-Russian civic identity, designed to shift the emphasis from ethnic to civic components and unite the multinational population of the Russian Federation.*

Materials and methods: *the study is based on a comprehensive approach, including an analysis of theoretical works on national identity issues and regulatory legal acts of the Russian Federation. The primary research methods are systems analysis, historical and comparative analysis, content analysis, as well as general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, and analogy.*

Results of the study: *the study identified the challenges currently facing the state in the areas of national policy and national security. Compared to previous domestic policy guidelines, the State National Policy Strategy is characterized by a shift from maintaining ethnic identity to developing a pan-Russian civic identity, based on the Russian language and culture as the language and culture of the nation-forming people. A parallel is drawn with the formation of the "Soviet" identity, which at one time addressed the problem of strengthening interethnic ties in our country.*

Findings and conclusions: *the study concludes that the content of the State National Policy Strategy of the Russian Federation through 2036 is consistent with current challenges to national security: threats to sovereignty, unprecedented levels of Russophobia, and others. The formation of a pan-Russian civic identity based on the Russian language and culture is logical, as Russian is a language common to the entire population of Russia, and Russian culture has absorbed the cultures of all peoples of the country for centuries, serving as a collective phenomenon and the bearer of the cultural code of Russians.*

Keywords: *strategy of the state national policy of the Russian Federation, ethnic identity, national identity, all-Russian civic identity, nation, strategic planning, Soviet identity*

For citation: Topilina A. V., Rozhkovsky V. B. *Strengthening the unity of the multinational people of the Russian Federation and the all-Russian civic identity while preserving ethnocultural and linguistic diversity is the goal of the modern national policy of the Russian Federation // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 209–215.*

Функционирование любого современного государства обеспечивается документами государственного стратегического планирования, в которых указаны цели, задачи и средства реализации государственной политики в тех или иных сферах. Одной из важнейших задач государства является обеспечение внутренней стабильности, которая является основой национальной безопасности во всех сферах – от экономической до внешнеполитической.

В многонациональном государстве, которым является Российская Федерация, существуют риски, связанные с дестабилизацией именно по этническому признаку. На протяжении своего существования Россия включала в свой состав, расширяя территории, населяющие их народы, интегрируя их в экономическую и политическую деятельность государства. При этом специфика национальной государственной политики России исторически заключалась в том, чтобы сохранить культурный и языковой облик присоединенных народов: создавалась письменность, которая позволяла сберечь язык, не существовало принудительного обращения в христианство, коренные народы сохранили традиционный образ жизни [1, с. 31–35].

Таким образом, формировалось два типа идентичности – этническая идентичность, обусловленная принадлежностью к этносу, и идентичность государственная, обусловленная принадлежностью к стране. При обсуждении терминов необходимо уточнить, что в отечественной науке сложилась специфическая терминология, связанная с национальным вопросом [2, с. 85–99.], несмотря на официальную концепцию И.В. Сталина, гласящую, что «нация – есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [3, с. 296].

В зарубежных исследованиях термин «национальный» свободно применяется по отношению к населению всего государства, не включая в себя этнической составляющей, так же как в российской государственной системе: национальный доход, национальная валюта, национальная безопасность, национальный суверенитет. В то же время в гуманитарной науке термин «национальный» часто смешивается с «этническим», что отражено даже в преамбуле к Конституции Российской Федерации: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации…»[1]. В гуманитарном знании специфика интерпретации термина «национальный» часто связана с установками на ксенофобию, национализм или этноцентризм.

В свою очередь, при формировании документов государственного стратегического планирования в текст этих документов всегда вносится терминологическая ясность, исключающая противоречивость толкования. Таким образом, «Национальные проекты России» – это проекты, реализация которых предусмотрена для всей нации. В отечественной науке слово «национальный» восходит к слову «нация», а не «национальность». Путаница, связанная с тем, что прилагательное, образованное от слова «национальность», это также «национальный», заставила при формулировании Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2036 г. ввести термины, наиболее конкретно отражающие сущность явления: «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)» и ключевой термин новой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г. (далее – Стратегия) «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)»[2].

Специфика актуальной Стратегии заключается в том, что в связи с необходимостью защиты Русского мира и консолидации граждан внутри России большое внимание уделяется русскому языку, русской культуре, а также формированию общероссийской гражданской идентичности. Термин «национальный», который мог бы означать как производное от «нации», так и от «национальности», не используется, в то же время это первая Стратегия национальной политики с явным поворотом в сторону русского народа как составляющего подавляющее большинство населения России.

Необходимо уточнить, что каждая Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, создаваясь в определенном контексте, несет в себе конкретные посылы. Предыдущая Стратегия, действовавшая до 2025 г., основной упор делала на укреплении межнационального согласия, гражданского единства, поддержке этнокультурного и языкового разнообразия[3]. Эта Стратегия была утверждена Указом Президента РФ от 19.12.2012. В тот период Российская Федерация присоединилась к ВТО, в Санкт-Петербурге прошел саммит «Россия – Европейский Союз». Наша страна уверенно шла по пути евроинтеграции и развития демократических институтов, подразумевающих защиту прав и свобод многочисленных народов, проживающих в России, игнорируя роль русского народа. Однако в период с 2012 по 2025 г. произошли события, заставившие резко сменить вектор национальной политики и задуматься об укреплении не этнической идентичности, а идентичности общегражданской, или национальной.

[1] Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[2] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г.: указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858. URL: https://base.garant.ru/413134563/ (дата обращения: 20.01.2026)

[3] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 20.01.2026).

Этническая идентичность, которая так активно формировалась предыдущей Стратегией национальной политики РФ, замыкает народы в себе, ограничивает эмпатию – способность сопереживать, проецировать на себя события, которые происходят с другими – собственным народом. А Россия – страна многонациональная, в которой проживает более 190 народов. Следовательно, чтобы этническая идентичность не стала фактором, вносящим нестабильность, шовинистические, националистические или ксенофобские идеи, необходимо расширить масштаб идентичности до общегосударственного.

Подобный эксперимент уже был предпринят в СССР: после периода коренизации началась политика формирования образа «советского» интернационального человека, чья этническая принадлежность является второ- или третьестепенной в самоидентификации после идеологической и государственной. Термин «советский народ» начал употребляться для обозначения населения СССР еще в 1920-х гг., а официально был закреплен в Конституции СССР 1977 г., где был обозначен как «новая историческая общность людей – советский народ»[4]. Основой общегражданской советской идентичности была опора на марксистско-ленинскую идеологию, патриотизм и общее культурное пространство. Советские идеи активно продвигались за счет государственного заказа, а продукция, создаваемая на национальных языках в национальных республиках, обязательно переводилась на русский язык – язык внутригосударственного общения.

События, произошедшие с момента создания предыдущей Стратегии национальной политики РФ (на период с 2013 до 2025 г.), показали, что актуальным вызовом сегодня является возвращение к акценту на общегражданской идентичности, которая не разъединяет людей по этническому признаку, а, напротив, объединяет всех граждан государства на основе понимания того, что Родина у всех общая, и что каждый этнос имеет отношение к единой духовной общности. Угрозы, которые стоят сегодня перед Россией, начиная с резкого роста нескрываемой русофобии после победы Евромайдана на Украине, притеснения русских и русскоязычных жителей этой страны и прямого их геноцида, беспрецедентных антироссийских санкций после присоединения Крыма, начала специальной военной операции, присоединения территорий Донецкой и Луганской Народных республик, Херсонской и Запорожской областей с необходимостью интеграции их населения в российской правовое и культурное пространство, рост международной напряженности и эскалация конфликтов во всем мире – все это требует нового подхода к формированию национальной политики, подхода, подобного советскому, который позволит объединить всех граждан общей идентичностью.

Именно реализации этой цели подчинена Стратегия национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г. Помимо введения понятия «общероссийская гражданская идентичность», актуальная Стратегия содержит основы новой национальной политики, направленной на формирование этого типа идентичности.

Прежде всего, в Стратегии впервые делается упор на роль русского народа, русского языка и русской культуры. Согласно поправкам в Конституцию РФ 2020 г. была утверждена роль русского народа как государствообразующего[5]. В Стратегии прямо указывается, что русский народ составляет более 80 % населения Российской Федерации, а русский язык составляя его культурную основу[6]. В пункте 12 раздела II Стратегии указано: «Важнейшим фактором формирования и укрепления общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) является русский язык»[7].

По сравнению с предыдущей, актуальная Стратегия характеризуется большим идеологическим наполнением и конкретностью формулировок. Впервые Россия названа «государством-цивилизацией» со своим культурным кодом, исторической преемственно-

[4] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 20.01.2026).

[5] Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[6] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г.: указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 (раздел II, п. 11). URL: https://base.garant.ru/413134563/ (дата обращения: 20.01.2026)

[7] Там же (раздел II, п. 12).

стью и системой ценностей, русский язык предлагается рассматривать не только как средство межнационального общения, а как основу идентичности и интеграции страны, русская культура подлежит защите (требование не менее 50 % этнокультурных мероприятий посвящать русской культуре). Большое внимание уделено идентификации угроз – русофобии, внешнем вмешательстве, искажении истории, деятельности иностранных НКО, информационно-психологическом воздействии; история и историческая память из элементов культуры становятся составляющими частями национальной безопасности. Кроме того, в Стратегии прописываются механизмы и методы ее реализации, отдельные адресные группы, требующие особого внимания – население территорий, присоединенных в 2022 г., малые коренные народы, мигранты. В отношении каждой из этих групп предпринимаются особые меры по их интеграции в общероссийское культурное пространство, с одной стороны, и поддержании их идентичности – с другой.

Таким образом, действующая Стратегия национальной политики значительно отличается от предыдущей, что обусловлено рядом вызовов. Прежде всего, это притеснение и геноцид русского и русскоязычного населения на территории Украины, спровоцировавшие необходимость ведения полномасштабных боевых действий. Частичная мобилизация 2022 г. и реакция на нее (с одной стороны, патриотический взлет, с другой – идейная и паническая эмиграция) поставила перед властью и обществом задачу – найти скрепы, мотивирующие огромное многонациональное население защищать русских людей на Донбассе.

В связи с этим возникла актуальная необходимость в формировании такого типа идентичности, который соответствует глобальным задачам, решаемым Россией внутри государства и во внешней политике, – формировании общегражданской идентичности. Ни в одном документе это не зафиксировано, но мы видим, что власть и научное сообщество обращаются к советским образцам отказа от этнической идентичности, обращения к Азии больше, чем к Европе, возобновления контактов с «Глобальным Югом» – контактов, налаженных в советский период.

Опора на русский народ, русскую культуру и русский язык естественная и закономерная: русский народ – государствообразующий и составляет подавляющее большинство населения Российской Федерации. Русская культура – величайшая культура, известная во всем мире, русский язык не только объединяет все население России и бывших республик СССР, но и сам по себе представляет ценность в силу того, что содержит культурный код, основу менталитета русского народа, а его средства художественной выразительности позволили создать настоящие жемчужины искусства. Непереводимые слова русского языка содержат ментальные особенности русского народа – «тоска», «простор», «воля», «совесть» [4, с. 220–227]. Необходимо указать, что «русская культура» – это понятие собирательное, как и «русский человек» или «русский народ». В нормах русского языка закреплено, что все население России до 1917 г. называется «русскими», с 1917 до 1991 г. – «советскими» людьми, а с 1991 г. – «россиянами». Все эти понятия – собирательные, не делающие акцента на этнической составляющей. В этом смысле Ф. Белинсгаузен – русский путешественник, Екатерина II – русская императрица, а основатель русского балета Ж.-Б. Ланде – русский деятель культуры.

Именно в этом собирательном смысле, как нам представляется, в Стратегии предлагается понимать русскую культуру, поскольку она включает в себя вклад представителей самых разных этносов, населяющих Россию в различные периоды ее истории.

Особый акцент, сделанный на русском народе, связан также и с тем, что в других языках нет разделения на «россиян» и «русских», феномен русофобии одинаково действует для русских, татар, коми и других народов России. Русофобская повестка, активно артикулируемая сейчас в западном мире, направлена против России и ее населения в целом, следовательно, судьбу России разделят все ее народы.

В механизме формирования идентичности при выборе модели идентичности человек стремится воспроизвести «сильную» модель [2, с. 93]. Помимо эффекта от усилий по формированию общегражданской идентичности, население России должно воспринимать русскую историю и русскую культуру как наиболее привлекательные для самоидентификации. В связи с этим усиле-

ние мер по борьбе с фальсификациями истории России, а также популяризация русской истории, исторических деятелей и их достижений создают прочную базу для обоснования и выработки механизмов формирования общегражданской идентичности.

Таким образом, формирование общероссийской гражданской идентичности – не только ответ на современные актуальные внутри- и внешнеполитические вызовы, но и вклад в будущее развитие государства, в котором единая идентичность граждан является базисом не только для сопротивления внешнему врагу, но и для строительства устойчивого будущего.

Список источников

1. Топилина А.В. Исторический контекст трансформации законодательства о малых коренных народах России // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2025. № 2 (114).

2. Ломанов П.В., Бардаков А.В. Культурологический аспект понятия «гражданская идентичность» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. № 3. Т. 10.

3. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Собр. соч. М., 1951. Т. 2.

4. Топилина А.В. Отражение русского национального менталитета в непереводимых словах русского языка // Актуальные проблемы лингвистики и формирования языковой компетенции юристов в современных условиях: сб. научных трудов Международной научно-теорет. конф. Ростов н/Д, 2024.

5. Музафарова Н.И., Мухтасаров Ф.Ш. Национальная политика государства и ее влияние на формировании этнической и общероссийской гражданской идентичности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2022. № 4 (48).

6. Мякшев А.П. Российская нация: формирование гражданской идентичности – главное направление национальной политики государства: учебное пособие. Саратов, 2020.

7. Разина Т.В. Национальная идентичность VS российская гражданская идентичность // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия 2: Биология. Геология. Химия. Экология. 2022. № 2.

8. Халадов Х.-А. С., Вотинцев А.В., Карпухина А.А. [и др.]. Механизмы исследования практик формирования российской гражданской идентичности // Педагогический журнал Башкортостана. 2023. № 3 (101).

References

1. Topilina AV Historical context of the transformation of the legislation on small indigenous peoples of Russia // Legal Bulletin of the Rostov State University of Economics. 2025. № 2 (114).

2. Lomanov PV, Bardakov AV Culturological aspect of the concept of "civil identity" // Scientific result. Social and humanitarian studies. 2024. № 3. Vol. 10.

3. Stalin IV Marxism and the national question // Collected works. Moscow, 1951. Vol. 2.

4. Topilina AV Reflection of the Russian national mentality in untranslatable words of the Russian language // Actual problems of linguistics and the formation of linguistic competence of lawyers in modern conditions: collection of scientific papers of the International scientific and theoretical conf. Rostov-on-Don, 2024.

5. Muzafarova N.I., Mukhtasarov F.Sh. National policy of the state and its influence on the formation of ethnic and all-Russian civic identity // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences. 2022. № 4 (48).

6. Myakshev A.P. Russian nation: formation of civic identity is the main direction of the state's national policy: a textbook. Saratov, 2020.

7. Razina T.V. National identity VS Russian civic identity // Bulletin of Syktyvkar State University. Series 2: Biology. Geology. Chemistry. Ecology. 2022. № 2.

8. Khaladov H.-A. S., Votintsev A.V., Karpushina A.A. [et al.]. Mechanisms for studying the practices of forming Russian civic identity // Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2023. № 3 (101).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. В. Топилина, *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.*

В. Б. Рожковский, *доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. V. Topilina, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov State University of Economics (RINH). 89, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

V. B. Rozhkovsky, *Grand PhD in Philosophy, Associate professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 28.01.2026; одобрена после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 28.01.2026; approved after reviewing 02.03.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 216–224.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 216–224.

Научная статья
УДК 304.4

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПАТРИОТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ ГРАЖДАН: НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЙНЫХ ПРАКТИК (ЧАСТЬ 2)

Татьяна Викторовна Беспалова[1], Андрей Константинович Беспалов[2]
[1] Совет по делам национальностей при Правительстве г. Москвы, Москва, Российская Федерация, tatianavereshag@yandex.ru
[2] Музейно-храмовый комплекс Вооруженных сил Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, bak2404@bk.ru

Введение: *исследовано влияние средств, методов музейной педагогики, философской трансформации пространства и времени в контексте историко-патриотического воспитания на преобразование культурно-исторического знания в патриотические убеждения граждан.*

Материалы и методы: *ключевую роль в достижении цели исследования играют междисциплинарный подход (философия, политология, история, педагогика), а также ряд общенаучных и специальных научных методов, таких как диалектический, исторический и педагогические технологии воспитания патриотизма, позволившие решить исследовательские задачи в полном объеме.*

Результаты исследования: *определяется сущность патриотизма, его двойственные характеристики, условия обретения Отчизны, «ошибки обретения Родины» и другие аспекты в контексте русской философии. Проанализированы особенности оформления коллективных воспоминаний/умолчаний в музейном пространстве и эффективность традиционных форм коммуникаций в музее с новыми педагогическими методами (виртуальными, цифровыми, квесты, мастер-классы, фотозоны).*

Выводы и заключения: *музей – институт историко-патриотического воспитания, а музейная экскурсия – особая форма коммуникации, в процессе которой раскрывается суть специфики патриотического воспитания в музейном пространстве на основе отечественных патриотических практик и традиций оформления исторической памяти, а культурно-историческое знание преобразуется в патриотические убеждения граждан*

Ключевые слова: *патриотизм, культурно-историческое знание, музей, коммуникации, историческая память, забвение, политические риски, «образ музея»*

Для цитирования: Беспалова Т. В., Беспалов А. К. *Преобразование культурно-исторического знания в патриотические убеждения граждан: на примере музейных практик (часть 2) // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 216–224.*

Original paper

TRANSFORMATION OF CULTURAL AND HISTORICAL KNOWLEDGE INTO PATRIOTIC BELIEFS OF CITIZENS: ON THE EXAMPLE OF MUSEUM PRACTICES (PART 2)

Tatiana Viktorovna Bespalova[1], Andrey Konstantinovich Bespalov[2]
[1] Member of the Council for Nationalities under the Government of Moscow, Moscow, Russian Federation
[2] Federal State Autonomous Institution Museum and Temple Complex of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

© Беспалова Т.В., Беспалов А.К., 2026

Introduction: *the influence of the means and methods of museum pedagogy, the philosophical transformation of space and time in the context of historical and patriotic education on the transformation of cultural and historical knowledge into patriotic beliefs of citizens is studied.*

Materials and methods: *an interdisciplinary approach (philosophy, political science, history, pedagogy), as well as a number of general scientific and special scientific methods, such as dialectical, historical and pedagogical technologies for fostering patriotism, play a key role in achieving the research goal.*

Results of the study: *the essence of patriotism, its dual characteristics, the conditions of finding a Homeland, "mistakes of finding a Homeland" and other aspects in the context of Russian philosophy are determined. The features of the design of collective memories/omissions in the museum space and the effectiveness of traditional forms of communication in the museum with new pedagogical methods (virtual, digital, quests, master classes, photo zones) are analyzed.*

Findings and conclusions: *the museum is an institute of historical and patriotic education, and a museum tour is a special form of communication, during which the essence of the specifics of patriotic education in the museum space is revealed on the basis of domestic patriotic practices and traditions of historical memory design, and cultural and historical knowledge is transformed into patriotic beliefs of citizens.*

Keywords: *patriotism, cultural and historical knowledge, museum, communications, historical memory, oblivion, political risks, "museum image"*

For citation: Bespalova T. V., Bespalov A. K. *Transformation of cultural and historical knowledge into patriotic beliefs of citizens: on the example of museum practices (part 2) // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 216–224.*

Виртуальный музей как наиболее эффективная экономическая культурная форма [6] содержит безграничный информационный потенциал, в силу бесконечности виртуального пространства. Такой тип музея содержит огромный объем эмпирического материала, постоянно обновляется новой информацией – вопрос восприятия такого количества информации («информационное перенасыщение») обычно не стоит. Понятия – виртуальные, компьютерные, мультимедийные, цифровые, электронные музеи, веб-музеи, гипермузеи, кибермузеи, интернет-музеи и музеи онлайн используются как синонимы [1], размытость понятийного аппарата отражает сущность явления.

Виртуальный музей, с одной стороны, новая технология бесконтактного информационного взаимодействия компьютерных пользователей с музейной средой, с другой стороны – мощный информационный ресурс и средство массовой коммуникации [2]. Многие ученые считают, что такой музей, как феномен современной культуры, не сводим к сайтам традиционных музеев в сети Интернет, а является продуктом инновационных технологий. «Типологизация виртуальных музеев возможна по уровню инновационного развития; по функциональным возможностям; по доступности сервисов; системе возрастной классификации; по целям владельца сайта виртуального музея и т. д. он обладает тремя определяющими признаками: присутствием в виртуальном пространстве (сети Интернет, интернет-системах) – это является необходимым условием существования виртуального музея, наличие или отсутствие «физического» музея в данном случае не принципиально; наличием культурного продукта, репрезентирующего модусы как прошлого, так и настоящего и будущего; адресацией широкому кругу лиц»[1].

В приведенном выше определении виртуального музея не обозначены особенности виртуализации музейного пространства в России, специфика оформления виртуального пространства с учетом особенностей российской аудитории, интегративные цели формирования чувства служения России и, шире, национального мировоззрения в виртуальном музейном пространстве. Всегда ли то, что экономически выгодно, перспективно с точки зрения обеспечения национальной безопасности и подлинного сохранения культурных и образовательных традиций народа, цивилизации? Ответ на этот вопрос за пределами нашего исследования, но его постановка представляется важной в русле осмысления музейной педагогики в виртуальном музейном пространстве.

Каким образом в процессах бесконтактного взаимодействия пользователей (уже не посетителей музея, а пользователей) с электронной коллекцией виртуального музея формируется «чувство Родины», историческое самосознание, память, героика, любовь

к русской/российской/советской культуре и искусству? Классические средства музейной педагогики здесь не работают, поскольку реальная коммуникация отсутствует. Приоритетно используются виртуальные технологии, создающие «эффект присутствия» в прошлом. Имеющаяся возможность бесплатного доступа к культурным ценностям в виртуальном музейном пространстве является одним из важнейших факторов приобщения населения к культуре. «Виртуальные музеи делают творчество экономически целесообразным, содействуя благодаря интернет-магазинам на своих сайтах реализации работ мастеров» [3]. Виртуальный музей работает на идею экономической эффективности реализации культурной политики, тогда как проблема социальной эффективности, качество восприятия культурных благ, повышение культуры общества – остаются за кадром.

«Клиповое мышление» современной российской молодежи поддерживается созданием виртуальных музеев, связано с работой с принципиально иным форматом информации – краткая, красочная, эффектная картинка вместо созерцания «на долгом дыхании» меняет не только сущность восприятия, но и культурные формы и институты. В связи с этим классическая музейная педагогика (позиции ученых противоречивы) может быть вообще не востребована или, напротив, может применяться в виртуальном музейном пространстве на более высоком уровне [2].

Ряд исследователей отмечает возможность с помощью средств IT-технологий представить музейные предметы наиболее ярко, что привлечет не только ценителей искусства, но и обычных людей. Однако яркость не характеризует ценность музейного предмета, даже иногда, напротив, блеклость, неприглядность, эстетическое несовершенство (но легендарная история за предметом) являются критерием повышенного культурно-эстетического спроса.

Появление виртуального музея обусловлено рядом причин и целей:

1. Возникновение феномена виртуального музея связано не только с новыми технологическими достижениями, но и с трансформацией экономической политики в сфере культуры. Виртуальный музей как наиболее эффективная культурная форма (хотя под вопросом мотивация туристских потоков) работает на идею экономической эффективности реализации культурной политики, однако социальная эффективность, качество восприятия культурных благ, повышение культуры общества – неизвестны.

2. Очевидно, что виртуальный музей меняет не только сущность музейной деятельности и педагогики, но и восприятие электронной коллекции музейных предметов компьютерными пользователями (меняется даже язык – не посетители музея, а пользователи). Восприятие яркой картинки, видео, 3D-экскурсии и иные виртуальные технологии, безусловно, «украшают», но не формируют историческое самосознание.

3. Достижение «эффекта сопричастности» с прошлым в виртуальном музейном пространстве невозможно, огромное количество факторов определяет эффективность восприятия музейной коллекции в виртуальном пространстве (уровень культуры пользователей, цель посещения виртуального музея и др.). Однако в качестве дополнительного средства при формировании патриотического мировоззрения школьников использование виртуального музея возможно в рамках реальной коммуникации (связанности с конкретными историческими событиями) учителем. Реальное посещение традиционного музея и восприятие музейной коллекции через «созерцание» наиболее эффективно.

Развитие музейно-эстетической культуры молодежи напрямую связано с потенциалом применения музейной педагогики в сферах культуры, образования и просвещения. Насколько востребовано музейное наследие в образовательном процессе? Как изменилась сущность и формы музейной педагогики в условиях трансформации музейной деятельности?

В ряде научных исследований обозначаются сложности реализации музейно-педагогического наследия в образовательном процессе, обусловленные недостаточной подготовленностью педагогов [3]. Нужно ли педагогу наличие дополнительных навыков, позволяющих включать музейно-педагогическое наследие в образовательный процесс (посещение традиционных музеев, использование виртуальных музеев), или вопрос необходимо ставить иначе? Каким образом музейная педагогика влияет на формирование ценности служения России?

Музейные ценности являются средством развития у учащихся способности реализовывать свой творческий потенциал в процессе восприятия, переживания, осмысления, оценки духовных ценностей культуры [3]. На каждом из обозначенных этапов происхо-

дит постижение исторических смыслов через культурные символы, тексты, изображения, скульптуры, восприятие будет наиболее эффективным при условии обладания учащимися навыком «созерцания». Интеллектуальная готовность к восприятию дополняется эмоциональной рефлексией на музейную коллекцию предметов, при умелом использовании педагогики, это происходит незаметно для посетителей музея.

Особо следует остановиться на феномене музейной информации. Музейная информация не сводима ни к научному знанию, ни к публицистическому, так как выстроена на основе совершенно иных критериев. Независимо от научного обоснования музейной экспозиции, при ее создании используются не только научные критерии, но и эстетические, аксиологические, политические, идеологические, пространственные. Музейная информация представляет собой комплекс различных типов знания с безусловным акцентом на редкости экспонатов и их значимости для обоснования великой истории России. Патриотизм как основной мировоззренческий критерий становится основой и для создания музейной экспозиции, и для подбора информации-знания, которое определяет специфику музейного пространства. В процессе работы над музейной информацией акцент делается на «интересной информации», которая должна привлечь внимание, поразить воображение, способствовать максимальному восприятию и переживанию услышанного/увиденного и в итоге – переосмыслению духовных ценностей.

Музейная информация содержит достаточно серьезную методическую составляющую, которая позволяет экскурсоводам выстраивать коммуникации с посетителями на основе проработанных методических рекомендаций. При этом имеется несовпадение прописанных методических рекомендаций с практикой проведения реальной экскурсии, что обусловливается аудиторной спецификой (ситуативный фактор), поскольку требует акцентировки внимания на совершенно иных исторических смыслах.

Включение в вузовские программы элементов музейно-эстетической культуры способствует трансформации музейной деятельности, в рамках проведения культурно-просветительской и образовательной (мастер-классы, лекции) деятельности. Такое диалектическое взаимодействие образования и культуры предполагает определенное содержательное пересечение, заимствование образовательных методик в сферу культуры и наоборот. Применение музейно-педагогических технологий в сфере образования ограничено несколько иными задачами педагога (виртуальный музей, выезд учащихся в традиционный музей как дополнительное средство формирования исторического самосознания, патриотизма), а применение образовательно-педагогических технологий в музейном пространстве практически не имеет границ.

Создание педагогической модели, влияющей на эстетическое и эмоциональное развитие учащихся средствами музейной педагогики – определенный идеал, требующий не только подготовки педагога (знающего не только названия музейных экспонатов), но и готовности учащихся к восприятию такой информации. Создание неразрывной связи «школа-музей-вуз» [3] требует дополнительной подготовки педагогических кадров.

Основные направления музейной педагогики связаны с подготовкой форм обучения (экскурсии, лекции, семинары, мастер-классы) и педагогическим обоснованием музейной экспозиции. Эффективность педагогичес кой деятельности в музейном пространстве обусловлена рядом факторов: педагогический опыт, учет специфики аудитории, обоснование использования специальных знаний в музейно-педагогических коммуникациях, технологии создания эмоционального и нравственно-этического фона в музейном пространстве, умение применять ситуативно методические рекомендации в процессе проведения экскурсии и многие другие.

Воспитательный потенциал музея дает возможность не только выстроить диалог культур в рамках проведения экскурсии или лекции, но и решить сложнейшие конфликты, возникающие в подростковой среде, через актуализацию необходимого исторического знания. Социальная значимость исторических событий, их художественно-эстетическое оформление позволяют создать в музейном пространстве средствами музейной педагогики ощущение «прекрасного», «героического», самобытного, неповторимого измерения русской истории, к которой каждый может «прикоснуться». Однако сложность современных молодежных аудиторий (низкий уровень культуры) требует парадоксальных педагогических решений, не связанных с «яркостью» виртуальных музеев, а скорее требующих применения не-

ожиданных вербальных и визуальных технологий. Аксиологическая обоснованность применения такого рода технологий может быть не видна внешне, но при полном погружении в такой социально-педагогический эксперимент риск абсолютно оправдан.

Трансформация музейной педагогики обусловлена расширением функций в музейной деятельности и новым социокультурным запросом, связанным с иным пониманием педагогической составляющей музейной практики с учетом изменившейся молодежной аудитории.

Для повышения художественно-эстетической, образовательно-воспитательной, ценностно-смысловой функций музеев требуется реализация следующих педагогических условий:

– максимальное использование музейных средств, основанных на диалоге культур и интенсивно влияющих на эмоциональную, эстетическую и нравственную сферу учащихся;

– использование проблемных, эвристических, театрализованных и игровых методов в процессе освоения учащимися музейного компонента;

– стимулирование развития творческих способностей учащихся, проявляющихся в социокультурной деятельности [3].

Исходя из обозначенных выше педагогических условий, возникает устойчивое ощущение создания самых различных форм приобщения учащихся к прошлому, но парадоксом является факт снижения позиции «посещение музея» в иерархии досуга российской молодежи. Приоритетными остаются кинотеатры, концерты и выставки, в крайнем случае – театры. Музей попадает в число организаций, которые посещают коллективно (классы, студенческие группы), что, безусловно, отражает взаимосвязь «школа-музей-вуз», но эта модель по ряду причин пока особо не способствует повышению уровня культуры молодежи, так как на индивидуальном уровне желания «пойти в музей» практически нет.

Музейно-педагогические технологии усложнились, но аудитория, постигающая содержание тщательно подготовленной учеными, методистами, педагогами «музейной информации», кардинально изменилась. Насколько этот факт учитывается в современных музейных практиках? Может быть проблема не в сложности форм музейной педагогики?

Музейная педагогика как инструмент формирования патриотизма была и остается эффектным и эффективным способом воспитания, образования и просвещения молодежи, но, возможно, что в условиях трансформации ценностей молодежи излишняя сложность форм музейной педагогики (имеет избирательный эффект) и не требуется, а разработка парадоксальных музейно-педагогических технологий с целью возвращения молодежи в музей – вопрос будущего и настоящего.

Огромное количество современных музеев, вузов, школ проводят грандиозную работу по проведению социально-педагогических экспериментов, совместных выставок, тематических уроков, конкурсов, видеоэкскурсий на основе музейного наследия, применяя и музейно-педагогические, и образовательные технологии, но общей проблемой практически для всех музейных пространств остается поиск таких коммуникативных ресурсов, которые позволят «вернуть молодежь» в музей. Информационно-коммуникативный потенциал музейной экскурсии и мастерства экскурсовода.

Коммуникации, возникающие в музейном пространстве, не имеют никаких аналогов в рамках исследования коммуникативных процессов в иных институтах культуры образования и просвещения. Одной из эффективных коммуникативных форм, ассоциирующейся только с музеем, является музейная экскурсия. Необходимо констатировать дефицит научных работ по проблеме исследования феномена «музейной экскурсии», тема изучается в рамках музейной педагогики, и чаще акценты делаются на аудиторной специфике, психолого-педагогических приемах, но не на музейной экскурсии как процессе коммуникации, в ходе которой создается и образ музея, и ощущение соприкосновения с историческим прошлым. Проблема формирования патриотизма привычно фиксируется в русле постижения культурно-исторического знания в музейном пространстве, однако «как» это происходит – отражено в исследованиях частных музейных практик, но не на уровне теоретического осмысления.

Каким образом средствами музейной педагогики создается преобразование историко-культурных знаний в патриотические убеждения? [4] Как в условиях временной ограниченности музейной экскурсии происходит воспитательный процесс молодежи? В чем суть психолого-педагогических «механизмов» погружения посетителей музея в «картину прошлого», какими приемами

достигается эффект сопричастности с великой историей России? Всегда ли иллюстративный фон (музейная экспозиция) соответствует педагогическим целям экскурсовода и запросу посетителей?

Сразу отметим некоторые особенности формирования патриотизма в коммуникативном пространстве музея:

– «чувство Родины» в музее формируется в неразрывной связи с исторической памятью, историческим самосознанием молодежи;

– специфика формирования патриотического мировоззрения в музеях, воспевающих воинскую славу и доблесть, особенно тесно связана с формированием «памяти о войне» и «памяти войны», в целом выстраивания взаимосвязи войны и мира;

– музейная экскурсия как особая форма коммуникации может выступать как социально-педагогический эксперимент, позволяющий создать «эффект сопричастности» посетителей с прошлым, а может заставить скучать» отдельные социальные группы посетителей (проблемы и парадоксы формирования патриотизма в музейном пространстве требуют отдельного исследования);

– музейно-педагогические технологии позволяют использовать исторический, политический и философский потенциал музея, создавая его эксклюзивный образ.

Музей, в отличие от иных институтов культуры, способен «оживлять» время, приближать исторические события и явления к жизни современников, создавая эффект осязаемости, наглядности, постижимости истории [4]. Особую роль в формировании чувства служения играют военно-исторические музеи, в коллекциях которых фиксируется память о подвиге предков, героической борьбе народа за независимость российской государственности.

Как возникает эффект «приближения» исторического события к современникам? В музейной экскурсии используются особые коммуникативные навыки, которые отличают экскурсию от иных коммуникативных педагогических форм (лекция, семинар). Классическая музейная экскурсия обычно выстраивается в форме монолога экскурсовода с обозначением проблемных вопросов по ее ходу и ответами посетителям. Однако, приоритетно, это монолог, позволяющий удерживать внимание слушателей до 1,5 часов (в зависимости от типа экскурсии). Экскурсионный маршрут неразрывно связан с содержанием музейной информации (тематическое содержание экскурсии, специфика музейного пространства, нравственно-этическая и психологическая атмосфера, роль экскурсовода в создании «эффекта сопричастности» с прошлым).

Достижение главной цели зависит не только от оформления музейной экспозиции, применения различных психолого-педагогических приемов, но и от личности экскурсовода. Образ музея складывается из множества факторов, но именно личность экскурсовода становится определяющей для посетителей, для которых он выступает своего рода посредником в общении с прошлым. Эмоциональная составляющая экскурсии достигается с помощью особой интонации голоса на определенных точках экскурсионного маршрута, сопутствующей наиболее полному созерцанию музейных ценностей посетителями. Мастерство экскурсовода – это, по сути, искусство оратора, актера и в какой-то мере политика, искусное владение словом в сочетании с актерской подачей материала и «обхождением» острых политических тем. Для посетителей музея «за кадром» остается высшее образование экскурсовода (хотя довольно часто это «люди науки»), в момент экскурсии перед ними человек, создающий «картину прошлого», заставляющий переживать каждый момент исторической судьбы народа как свой собственный.

Огромную значимость приобретает экскурсия в военно-исторических музеях, в которых каждый экспонат связан с героикой русской истории. Оформление «памяти о войне» в музейном пространстве предполагает их увековечивание, вообще способность человека «обессмертить» героев войны связана с желанием мира, счастья не только в отдельно взятой стране, но и на планете. Безусловно, это иллюзия, войны будущего идут полным ходом в современной политической реальности, однако стремление положить «конец войне» неустранимо из человеческой природы, как и желание воевать, защищая свою Отчизну. В музейной экскурсии посетителям предлагается достаточно стремительное погружение в прошлое, поэтому возможно, что эффект сопричастности, восхищение, эмоциональное одухотворение, гордость за страну и народ возникающие после завершения экскурсии, возникает как раз по причине «краткости» коммуникации (время экскурсии). Все прекрасное, что длится не долго, запоминается ярче и дольше. Помимо обозначенного, такой формат коммуника-

ции не является особо распространенным, посетители музея (в большинстве случаев – не часто посещают музей) уже готовы для восприятия музейной информации, настроены на особую атмосферу, имеют определенные интеллектуальные, этические и эстетические ожидания.

С какой аудиторией сложнее работать экскурсоводу – с интеллектуально подготовленной или с обычными людьми? Как зависит содержание экскурсии от аудиторной специфики?

Информационно-коммуникативный потенциал экскурсии позволяет эффективно работать с любой аудиторией, но в зависимости от аудиторной специфики меняется содержание экскурсии (более углубленное или упрощенное для школьников, с акцентом на отдельных символических фигурах памяти или событиях и т. д.), используются различные психолого-педагогические технологии. «Наилучшее восприятие информации достигается при комбинации визуальной и вербальной информации, так как органы зрения и слуха увеличивают коэффициенты раздражителей, воздействуют на долговременную память. Именно такими характеристиками и обладает музейная информация, при восприятии которой на первое место выходит проблема механизма выбора, восприятия и освоения личностью информации» [4]. «Слово» экскурсовода имеет грандиозную силу уже на уровне ожиданий, поскольку экскурсовод восполняет исторические знания посетителей музея и создает «чувство прекрасного». Интерес, с которым слушают экскурсовода, является главным критерием состоявшейся эффективной коммуникации, тогда как формирование чувства служения не сводимо только к вызыванию чувства интереса, а обусловлено как «музейной информацией», миссией экскурсовода, так и культурной подготовкой слушателей. Учет психологических характеристик музейной аудитории (мотивация, уровень культуры, любовь к Родине, владение понятийным аппаратом) влияет на созерцание и на восприятие музейной информации. Спецификой восприятия музейной коллекции является совмещение созерцания с вербальным и визуальным контентом, что позволяет влиять на самые различные уровни восприятия посетителей и формировать долгосрочную память.

Проведение музейных экскурсий, например, для школьников может включать несколько этапов:

1) подготовительный – опрос/анкетирование родителей на предмет интересов учащихся, выбор музея. Предварительная беседа о некоторых экспонатах, которые находятся только в данном музее;

2) посещение музея (желательно совместно с родителями для семейного восприятия культурно-исторического знания). Участие в интерактивных формах работы (квесты и т. д.). Выбор интерактивной коммуникации происходит до посещения музея. По возможности, отдельное общение с экскурсоводом после музейной экскурсии;

3) творческий этап – обсуждение, проведение мероприятий по теме музейной коллекции, написание творческих работ, эссе и др. Поддержание определенного эмоционального состояния школьников в связи с посещением музея, проведение дискуссии в случае достижения противоположного педагогического эффекта.

В процессе проведения экскурсии выявляются наиболее активные посетители, задающие вопросы или проявляющие различного рода природные качества: память, наблюдательность, воображение и сообразительность [4]. «Эффект сопричастности» с прошлым обусловлен мастерством экскурсовода и в процессе диалога именно с активными посетителями, создающего импровизационную атмосферу постижения культурных ценностей.

Музейная экскурсия как социально-педагогический эксперимент представляет собой потенциальную возможность создания особого типа экскурсии, авторской экскурсии (тематической), где можно освоить новые педагогические приемы. Их обозначение возможно в русле анализа конкретных музейных практик с целью актуализации наиболее значимого культурно-исторического знания.

Выводы.

1. История российских музеев самобытна, обусловлена спецификой русской культуры и истории, традициями отечественной педагогики (музейной, в частности), это необходимо учитывать при формировании «образа музея». Отечественные патриотические практики и традиции оформления исторической памяти (героики/предательства, войны/мира, побед/поражений) определяют фундаментальные мировоззренческие основы развития музейной деятельности. Любой музей не только фиксирует культурно-историческое прошлое, но и формирует будущее,

футурологическая функция музея представляется особенно важной в процессах оформления исторической памяти в отношении «сложных» тем истории (войны, революции и т. д.).

2. Проведение политики памяти и забвения требует решения вопроса в музейном пространстве в русле обозначенного в исследовании противоречия «помнить все» и «помнить избирательно», без этого невозможно достижение эффективности патриотического воспитания молодежи. Специфика оформления коллективных воспоминаний/умолчаний в музейном пространстве не сводима к «простому перечислению» музейных предметов в экспозиции, выбор экспонатов происходит на основе комплекса критериев – научных, эстетических, патриотических, исторических, пространственных, хронологических, политических (идеологических).

3. «Чувство Родины» в музейном пространстве формируется латентно, что позволяет средствами музейной педагогики создать «эффект сопричастности» посетителей с великим прошлым России с учетом множества факторов (роль экскурсовода, уровень культуры посетителей и другие). Созерцание является важнейшим способом постижения искусства и культуры, что требует дополнительного обоснования соотнесенности в музейных практиках традиционных и креативных технологий трансляции культурно-исторического знания.

4. Можно вести речь о серьезной трансформации сущности музея, не сводимой к эволюции форм музейной деятельности («музей в чемоданчике», «музей на воздухе» и т. д.). В условиях новых типов войн вытеснение оригиналов и доминирование цифрового контента в музейном пространстве способно привести к смене политического дискурса путем изменения информации-знания. Музей становится площадкой борьбы идеологий, смыслов и ценностей, средством которой является символическое прошлое, поэтому при подготовке музейной экспозиции в патриотическом дискурсе, помимо научного обоснования обычно учитывается политический фактор.

5. Музейная педагогика как инструмент формирования патриотизма была и остается эффектным и эффективным способом воспитания, образования и просвещения молодежи, но возможно, что в условиях трансформации ценностей молодежи излишняя сложность форм музейной педагогики (имеет избирательный эффект) и не требуется, а разработка парадоксальных музейно-педагогических технологий с целью возвращения молодежи в музей – вопрос будущего и настоящего.

Список источников

1. Максимова Т. А., Виртуальные музеи как социокультурный феномен: типология и функциональная специфика: дис. … канд. культурологии. М., 2012.

2. Кузьменко Е.А., Моторина В.А. Виртуальные музеи: проблема цифровизации культурного пространства. URL.: https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1422 (дата обращения: 11.06.2025).

3. Мышева Т.П. Музейная педагогика в современном социокультурном образовательном контексте. URL.: https://www.dissercat.com/content/muzeinaya-pedagogika-v-sovremennom-sotsiokulturnom-obrazovatelnom-kontekste (дата обращения: 11.06.2025).

4. Корчагин Е.Н. Историко-патриотическое воспитание средствами музейной деятельности: дис. … канд. пед. наук. СПб., 2002.

References

1. Maksimova T. A., Virtual museums as a sociocultural phenomenon: typology and functional specificity: diss. ... PhD in Culturology. Moscow, 2012.

2. Kuzmenko E.A., Motorina V.A. Virtual museums: the problem of digitalization of cultural space. URL.: https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1422 (date of access: 11.06.2025).

3. Mysheva T.P. Museum pedagogy in the modern socio-cultural educational context. URL.: https://www.dissercat.com/content/muzeinaya-pedagogika-v-sovremennom-sotsiokulturnom-obrazovatelnom-kontekste (date of access: 11.06.2025).

4. Korchagin E.N. Historical and patriotic education by means of museum activity: diss. ... PhD in Pedagogical Sciences, St. Petersburg, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т. В. Беспалова, *доктор философских наук, кандидат политических наук, профессор, член Совета по делам национальностей при Правительстве г. Москвы. 125032, Российская Федерация, г. Москва, ул. Тверская, 13.*

А. К. Беспалов, *младший научный сотрудник отдела экспозиционно-выставочной и фондовой работы Музейно-храмового комплекса Вооруженных сил Российской Федерации. 143070, Российская Федерация, г.о. Одинцовский, тер. Парк Патриот, д.1 стр. 3.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

T. V. Bespalova, *Grand PhD in Philosophy, PhD in Political Sciences, Professor, Member of the Council for Nationalities under the Government of Moscow. 13, Tverskaya St., Moscow 125032 Russian Federation.*

A. K. Bespalov, *Junior researcher at the Department of Exhibitions and Collections of the Museum and Temple Complex of the Armed Forces of the Russian Federation. 1, b. 3, Park Patriot Territory, Odintsovo District 143070 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 18.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 225–231.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 225–231.

Научная статья
УДК 165.62:004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОМУ ГУМАНИЗМУ

Анвар Юрьевич Исмаилов
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, auisma@gmail.com

Введение: *технологическая экспансия искусственного интеллекта сегодня выступает не просто внешним фактором социальной трансформации, но и радикальным вызовом самой структуре философско-антропологического знания, ставя под вопрос устойчивость классических дефиниций человеческой исключительности. Однако несмотря на масштабную экспансию искусственного интеллекта в поле социально-гуманитарной мысли значительная часть дискурса все еще остается в рамках прагматической парадигмы. В связи с этим возникает необходимость концептуального анализа искусственного интеллекта как специфического феномена, который не просто имитирует человеческие функции, но выступает в роли своеобразного «онтологического зеркала», обнажающего скрытые кризисные процессы внутри современного гуманизма.*

Материалы и методы: *методология исследования базируется на системном подходе и герменевтическом анализе ключевых понятий цифровой среды. Теоретическую основу работы составляют экзистенциальная аналитика М. Хайдеггера и социально-философская концепция Ж. Бодрийяра, позволяющие сопоставить технологические процессы с категориями подлинного бытия и симуляции.*

Результаты исследования: *установлено, что искусственный интеллект не просто отражает реальность, но и задает условия ее видимости, признавая существующим лишь то, что поддается оцифровке и вычислению. Выявлен «метафизический разрыв» между человеческим сознанием как экзистенциальным актом и его алгоритмической имитацией, лишенной телесности и страха смерти.*

Выводы и заключение: *исследование показывает, что в постантропологическую эру человеческая идентичность оказывается в ситуации риска из-за делегирования смыслополагающих функций алгоритмам. Антропологические угрозы, такие как когнитивная атрофия и деградация субъектности, требуют перехода к «критическому гуманизму». Антропологическо-философская перспектива позволяет утверждать, что необходимо удерживать различие между мышлением и вычислением, признавая человека единственным источником подлинных ценностей и ответственности.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, философская антропология, онтологический оператор, кризис субъектности, алгоритмическая рациональность, вызовы искусственного интеллекта, критический гуманизм, постантропологическая перспектива*

Для цитирования: Исмаилов А. Ю. *Искусственный интеллект как онтологическое зеркало: вызовы современному гуманизму // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 225–231.*

Original paper

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN ONTOLOGICAL MIRROR: CHALLENGES TO CONTEMPORARY HUMANISM

Anvar Yuryevich Ismailov
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the technological expansion of artificial intelligence today is not simply an external factor in social transformation but also a radical challenge to the very structure of philosophical*

© Исмаилов А.Ю., 2026

and anthropological knowledge, calling into question the sustainability of classical definitions of human exceptionalism. However, despite the large-scale expansion of artificial intelligence into the field of social and humanitarian thought, a significant portion of the discourse still remains within the pragmatic paradigm. This necessitates a conceptual analysis of artificial intelligence as a specific phenomenon that not only imitates human functions but acts as a kind of "ontological mirror" revealing hidden crisis processes within contemporary humanism.

Materials and methods: *the research methodology is based on a systems approach and a hermeneutic analysis of key concepts in the digital environment. The theoretical foundation of the work is provided by Heidegger's existential analysis and Baudrillard's socio-philosophical concepts, which allow for a comparison of technological processes with the categories of authentic being and simulation.*

Results of the study: *it has been established that artificial intelligence not only reflects reality but also sets the conditions for its visibility, recognizing as existing only that which can be digitized and calculated. A "metaphysical gap" has been identified between human consciousness as an existential act and its algorithmic imitation, devoid of corporeality and the fear of death.*

Findings and conclusions: *the study demonstrates that in the post-anthropological era, human identity is at risk due to the delegation of meaning-making functions to algorithms. Anthropological threats, such as cognitive atrophy and the degradation of subjectivity, require a transition to "critical humanism." An anthropological-philosophical perspective allows us to assert the need to maintain the distinction between thinking and computation, recognizing the human being as the sole source of genuine values and responsibility.*

Keywords: *artificial intelligence, philosophical anthropology, ontological operator, crisis of subjectivity, algorithmic rationality, challenges of artificial intelligence, critical humanism, post-anthropological perspective*

For citation: Ismailov A. Yu. *Artificial intelligence as an ontological mirror: challenges to contemporary humanism // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 225–231.*

Развертывание систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) в современном мире инициирует фундаментальный сдвиг в понимании природы знания, превращая технологический вопрос в проблему эпистемологического и антропологического самоопределения человека. Несмотря на обилие публикаций, посвященных ИИ, преобладающий в научной литературе дискурс зачастую тяготеет к прагматической интерпретации, фокусируясь преимущественно на функциональных аспектах технологической эффективности и нормативном регулировании прикладной этики, оставляя в тени глубинные антропологические трансформации. Это диктует необходимость переосмысления природы искусственного интеллекта в иной плоскости: его следует рассматривать не как технический инструмент, а как онтологическое событие, ставящее под вопрос саму структуру человеческого бытия, знания и субъектности.

Генезис идеи искусственного разума, проходящий путь от алхимических мифологем гомункула и механистических утопий Нового времени до архитектуры современных нейросетей, свидетельствует о том, что технологический поиск всегда был неразрывно связан с попытками человека рационализировать собственную природу. Как отмечают исследователи, вопрос «что такое искусственный интеллект?» неотделим от вопроса «что значит быть?» [1, с. 7]. Знание об ИИ выступает здесь зеркалом – но это зеркало искажает, переформатирует образ человека. Развитие систем ИИ и связанных с ними нейросетей GPT создает предпосылки целенаправленного формирования личности сетевыми платформами, что грозит непредсказуемыми последствиями [2, с. 106]. Вглядываясь в алгоритмические модели, человечество видит не «другого», а редуцированный образ собственных эпистемологических установок, часто доведенных до механистического абсурда.

Цель данной статьи – выявить и систематизировать ключевые вызовы, которые ИИ бросает современному гуманизму. Эти вызовы пересекаются в трех измерениях: эпистемологическом (кризис знания и познания), онтологическом (трансформация структуры реальности) и антропологическом (судьба человеческой субъектности).

Первый вызов, обладающий фундаментальным статусом, сопряжен с радикальной метаморфозой самой категории разума: его переходом от классической логоцентрической модели к парадигме алгоритмической исчислимости. Классическая европейская традиция, восходящая к античному поня-

тию Logos, понимала разум как структуру, нераздельно связанную со смыслом, речью и бытийной укорененностью. Логос был диалогичен, телеологичен; он возникал в речи, в столкновении мнений, в вопрошании о сущем. Разум в этом смысле никогда не был простым инструментом расчета – он был взглядом на порядок бытия. Цифровая эпоха знаменует радикальный переход к вычислительной парадигме, где мышление редуцируется к манипуляции символами по заданным алгоритмам. В фундаменте этой трансформации лежит принцип универсальной вычислимости А. Тьюринга, позволивший концептуализировать рациональность как дискретную совокупность машинных операций [3, с. 480].

Этот принцип предполагает, что любой интеллектуальный акт, включая интуицию и творчество, может быть разложен на последовательность дискретных операций, подлежащих формализации и автоматизации. Но если в естественных науках формализация ведет к приросту точности, то в гуманитарном поле она провоцирует эрозию смыслового ядра. Функционирование ИИ на базе больших языковых моделей доказывает возможность успешного оперирования знаками в отсутствие доступа к их референции, что порождает глубокий эпистемологический разрыв: знание отчуждается от субъекта, а категория истины подменяется статистической вероятностью и корреляцией данных [4, с. 219]. Человек, привыкший делегировать когнитивные функции алгоритму, рискует утратить навык самостоятельного смыслополагания, подменяя живое понимание навыком навигации в готовых информационных потоках.

Анализ масштаба трансформаций, инициированных ИИ, требует обращения к онтологическому измерению проблемы. В этой перспективе ИИ можно концептуализировать как новый онтологический оператор, функционально сопоставимый с трансцендентальным субъектом И. Канта: если классическое «Я» задавало условия возможного опыта, то сегодня эту роль выполняет алгоритм, определяющий границы и режимы видимости реальности [1, с. 7]. Искусственный интеллект определяет режим видимости: существует лишь то, что может быть оцифровано, классифицировано, включено в нейросетевую обработку. В рамках цифровой онтологии статус существующего закрепляется лишь за тем, что поддается оцифровке и алгоритмическому анализу: быть – значит быть вычислимым. Это не просто смена методологии – это фундаментальное преобразование самой реальности. Экономика, образование, право, медицина – все переходит под контроль вычислимости. Человеческий опыт, не поддающийся стандартизации, оказывается вне поля видимости этого нового трансцендентального оператора.

Критическим вопросом здесь становится проблема так называемого «сильного ИИ» – Artificial General Intelligence (AGI) – системы, якобы обладающей самосознанием и способной к целеполаганию на уровне человека. Однако с точки зрения философской антропологии идея самосознания ИИ наталкивается на серьезное препятствие: машина лишена того, что у Хайдеггера суть Dasein. У алгоритма нет тела, он не знает боли, не чувствует заботы и, что самое главное, не ведает страха смерти. Без биологической основы и личной истории машина не способна обрести субъективный опыт. Проще говоря, ИИ не мыслит в человеческом смысле слова, он лишь вычисляет вероятные варианты мышления, имитируя его результат. Онтологическая пропасть между претензией на «сильный ИИ» и человеческим сознанием остается непреодолимой.

Пользователь, беседуя с языковой моделью, испытывает иллюзию диалога с другой сознательной сущностью. Однако за этой иллюзией скрывается не мышление, а усложненный механизм обработки данных, лишенный любого внутреннего опыта. ИИ учреждает новую форму онтологического присутствия: присутствие без сущности, голос без «я», разум без мышления. Традиционные краеугольные характеристики субъекта – самосознание, свобода воли, ответственность – размыты и деформированы, поскольку ИИ успешно моделирует поведение и даже моральные суждения, не обладая ни внутренним опытом, ни способностью к этическому самопониманию.

Это отделение интеллекта от тела и субъекта от воли не просто техническое изобретение, это философская катастрофа. Человек, вглядываясь в зеркало ИИ, видит, что то, что он считал уникально своим – способность мыслить, говорить, судить, творить, – может быть отделено от сознания, от переживания, от ответственности. Это вызывает экзистенциальный кризис, ощущение того, что основы человеческого существования подорваны.

Одной из центральных проблем становится размывание ответственности. Категория ответственности требует субъекта – того, кто может понять смысл своих действий, преду-

смотреть последствия и взять на себя моральную тяжесть выбора. ИИ этого делать не может. Между тем общество делегирует ему решения в критических областях: медицина, юстиция, образование. Мы сталкиваемся с опасным парадоксом: действие совершено, а субъекта действия нет. Ответственность «размывается» между всеми участниками процесса, и в итоге каждый может указать на другого.

Преодолением этой угрозы становится необходимость в этическом аудите ИИ – не просто в проверке соответствия законам, но в форме коллективной рефлексии. Как отмечают исследователи, «этический аудит – это не просто проверка цифровых инноваций... а форма коллективной рефлексии, которая позволяет оценить, как системы ИИ влияют на общество, и выступает мостом между буквой закона и духом справедливости, между кодом и ценностями» [5, с. 19].

Следующий вызов носит политико-экономический характер и коренится в угрозе технологического колониализма. Дело в том, что развитие передовых моделей ИИ требует колоссальных вычислительных ресурсов, доступа к миллиардам данных, финансирования научных исследований. Эти ресурсы сосредоточены в руках узкого круга техногигантов и отдельных государств. И те, кто контролирует ИИ – этот новый онтологический оператор, – контролируют информационный ландшафт, условия видимости реальности, процессы принятия решений на уровне экономики и политики. Это создает угрозу тотальной зависимости и усиления цифрового неравенства. Доступ к передовым ИИ-моделям становится новой формой привилегии. Сегодня два человека с одинаковыми талантами могут оказаться в совершенно разных весовых категориях просто потому, что у одного есть платная подписка на мощный алгоритм, а у другого – нет.

Это углубляет социальное расслоение на новом уровне. Возникает глобальная пропасть между теми, кто имеет доступ к лучшим инструментам когнитивного усиления, и теми, кого можно назвать «цифровым пролетариатом». Образование, карьеру, возможности творчества определяют не талант и способности, а финансовая доступность к технологии. Это подрывает саму основу гуманистического идеала – идеи о равных возможностях человека независимо от происхождения.

Глубинная перестройка социальной ткани составляет суть следующего вызова. Речь идет не об инструментарии, а о новой среде существования. Внедрение ИИ – это не просто использование нового инструмента, это перестройка всех сфер жизни. По мере того как ИИ проникает в экономику, образование, здравоохранение, люди постепенно адаптируют свои привычки, интересы, даже способы мышления в соответствии с требованиями технологии. Люди начинают служить алгоритму, а не наоборот.

Эта опасность часто остается незаметной, скрытой за иллюзией свободного выбора. Рекомендации ИИ начинают определять, что смотреть, кого слушать, чему верить. Люди адаптируют резюме, чтобы пройти автоматический скрининг, создают контент, оптимизированный для алгоритма социальных сетей, принимают решения на основе предложений нейросети. Как предупреждал Ж. Эллюль, техника может приобрести автономию, подчиняя человека логике эффективности и контроля [6, с. 5]. Технология перестает быть средством и становится средой обитания, диктующей свои правила, минимизирующей риск, максимизирующей измеримые результаты. Преодоление этой угрозы требует не луддитского отторжения технологии, а формирования критической культуры использования ИИ.

Отсюда вытекает следующее измерение проблемы. Оно касается фундаментального переопределения самого понятия «труд». В классической философской антропологии труд понимается как деятельность, в которой человек реализует себя, воплощает свой замысел, преобразует мир и одновременно преобразует себя. Работая, человек развивает способности, осознает свою волю, участвует в коллективном процессе создания культуры. ИИ вводит феномен, ранее немыслимый: «труд без субъекта». Человек может остаться на рабочем месте, получать зарплату, но всю работу за него будет делать робот, оснащенный ИИ. Он присутствует физически, но отсутствует функционально. Труд становится театром, в котором человек изображает работника, а реальная работа совершается машиной. И это имеет глубокие антропологические последствия.

Человек, чья работа выполняется машиной, испытывает деградацию. Его навыки атрофируются, поскольку они не используются. Его самооценка падает, поскольку он осознает собственную ненужность, избыточность. Его социальная интеграция ослабляется, поскольку труд часто является основным местом социального взаимодействия и построения идентичности. Возникает парадоксальная ситуация: общество

изобилия, производимого машинами, может стать обществом глубокой экзистенциальной пустоты для людей, лишенных возможности созидательного напряжения, смысла своей деятельности.

Отдельную группу проблем составляет риск атрофии собственных когнитивных способностей человека. Делегируя ИИ функции памяти, навигации, вычисления, принятия решений, человек попадает в зависимость от внешнего цифрового мозга. Это не просто удобство, это фундаментальное изменение того, как функционирует человеческое сознание. Если мышление есть усилие, требующее напряжения, то комфорт, предоставляемый ИИ, устраняет необходимость этого усилия. Мы получаем результат без внутреннего труда. В пределе это может привести к тому, что человек разучится мыслить без машины, ориентироваться в мире без GPS, принимать решения без алгоритма. Это не просто изменение привычек, это мутация антропологического типа: формирование существа, которое теряет способность к самостоятельному синтезу смыслов.

В терминах М. Хайдеггера это означает утрату Dasein – бытия-в-мире, характеризуемого способностью к активной ориентации в реальности, самостоятельному суждению, ответственности за свои действия. Человек, который всегда спрашивает ИИ «что мне делать?», перестает быть полноценным субъектом своей жизни. Опасность состоит в том, что через несколько поколений человечество может утратить способность функционировать без искусственного интеллекта. Если глобальные системы ИИ выйдут из строя, цивилизация окажется парализованной.

Все перечисленные вызовы суммируются в единый экзистенциальный кризис, развивающийся на наших глазах. Развитие ИИ, особенно в форме сложных нейросетей, работающих как «черные ящики», подталкивает человечество к пересмотру своего места в иерархии разумных существ. Мы вступаем в пост-антропологическую эру, в которой монополия человека на разум, творчество, субъектность ставится под сомнение. Результатом такого человеко-машинного симбиотического взаимодействия является формирование субъекта нового типа, значительная часть жизнедеятельности которого протекает в глобальном информационном пространстве... и перманентно контактирующего с искусственным интеллектом [7, с. 126]. Системы ИИ начинают «творить»: генерируют симфонии и картины, пишут стихи и научные статьи, проводят анализ и формулируют гипотезы. Машины моделируют человеческое поведение с такой точностью, что граница между естественным и искусственным становится проницаемой. Исследователи все чаще вынуждены отказываться от жесткой антропоцентрической перспективы [6, с. 8–9]. Разумной начинает признаваться деятельность даже нечеловеческих агентов.

Это не означает, что ИИ действительно творит в человеческом смысле. Но это означает, что различие между человеческим творчеством и машинной обработкой становится размытым. Совместное человеко-машинное творчество становится нормой, поэтому все труднее определить, где заканчивается человеческий вклад и начинается машинный. Этот вызов требует от философии нового определения человеческого – не через исключительность когнитивных функций, которые ИИ успешно имитирует, а через иные основания: этические, духовные, экзистенциальные.

В условиях всепроникающего ИИ категория гуманизма теряет традиционные основания. Быть человеком больше не означает обладать уникальными когнитивными способностями – машина может думать, творить, решать. Быть человеком больше не означает иметь сознание, о котором с уверенностью можно говорить в философском смысле, – ИИ успешно имитирует сознание настолько, что различие становится фактически неуловимым.

Последний вызов, таким образом, – это вызов самому определению человеческого. Гуманизм XXI в. не может опираться на биологическую исключительность homo sapiens. Он должен переопределиться. Гуманизм должен стать критическим, т. е. сохраняющим способность различения между мышлением и его техническим подобием, между свободой и алгоритмом, между смыслом и симуляцией смысла. Цифровой гуманизм – это новая философская этика, которая утверждает: технологии должны развиваться в соответствии с человеческими ценностями, их цель – служить людям, а не переопределять человеческую природу [8, с. 48].

Это означает культивирование в человеке того, что принципиально не поддается алгоритмизации: способности к моральному поступку (которая требует подлинного выбора, а не расчета вероятности), к эмпатии (которая предполагает не анализ паттернов, а встречу с другим субъектом), к парадоксальному мышлению (которое держится в неопределенности, а не стремится к оконча-

тельному решению), к осознанию собственной конечности и смертности (которое невозможно без боли и страха).

Проведенный анализ показывает, что искусственный интеллект является не просто технологическим новшеством, а фундаментальным метафизическим событием. Он принуждает нас заново искать границы человеческого и переосмыслить саму суть мышления в мире, где машина способна имитировать любые внешние атрибуты разума.

Философская рефлексия над ИИ превращает технологию в «онтологическое зеркало». В нем мы видим не столько триумф прогресса, сколько собственные кризисные точки: сведение разума к расчету, отделение интеллекта от живого чувства и опасное размывание личной ответственности.

Опасность состоит не в том, что машины восстанут против человека – это сценарий научной фантастики. Реальная угроза – в «машинизации человека», в том, что человек станет не хозяином технологии, а ее подобием. Если мы позволим ИИ полностью структурировать наше мышление, нашу работу, наши социальные отношения, мы рискуем утратить то, что делает нас людьми – способность к самостоятельному суждению, свободе выбора, ответственности, переживанию уникального, неповторимого существования.

Гуманизм будущего не сможет быть гуманизмом прошлого – защитой биологической исключительности человека. Он должен стать гуманизмом бдительности, критики, сохранения смысла в мире, где смысл может быть вычислен, но не понят, где мышление может быть имитировано, но не пережито, где человек остается единственным существом, способным к подлинному выбору, подлинной ответственности, подлинному страданию и подлинной любви.

Список источников

1. Бекбоев А.А. Искусственный интеллект как метафизика: философский подход / А.А. Бекбоев, А.А. Имашова, Ч.К. Сюоронбаева // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 1 (106). Т. 7.

2. Скородумова О.Б. Антропологические риски искусственного интеллекта и нейросетей GPT / О.Б. Скородумова, Л.Ф. Матронина // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 1.

3. Смирнов С.А. Исчислимо ли бытие человека, или Антропология искусственного интеллекта. Методологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3.

4. Финн В.К. Точная эпистемология, искусственный интеллект и интеллектуальный анализ данных в науках о жизни и социальном поведении / В.К. Финн, М.А. Михеенкова // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 3-й Международной конференции (6–7 февраля 2020 г.). М., 2020.

5. Дедюлина М.А. Этика искусственного интеллекта: от философской критики к практической ответственности / М.А. Дедюлина, Е.В. Папченко // Общество: философия, история, культура. 2025. № 6.

6. Философские проблемы искусственного интеллекта: библиографический указатель / сост. А.В. Гасилин, Н.С. Скипин; отв. ред. А.В. Гасилин. М., 2023.

7. Соловьева Л.Н. Человек и искусственный интеллект: на пути к постантрополо-

References

1. Bekboev A.A. Artificial Intelligence as Metaphysics: A Philosophical Approach / A.A. Bekboev, A.A. Imashova, Ch.K. Syuoronbaeva // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 1 (106). Vol. 7.

2. Skorodumova O.B. Anthropological Risks of Artificial Intelligence and GPT Neural Networks / O.B. Skorodumova, L.F. Matronina // Manuscript. 2025. Vol. 18. Issue 1.

3. Smirnov S.A. Is Human Existence Computable, or Anthropology of Artificial Intelligence. Methodological Aspect // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology. 2023. Vol. 39. Issue 3.

4. Finn V.K. Precise Epistemology, Artificial Intelligence, and Data Mining in the Life Sciences and Social Behavior / V.K. Finn, M.A. Mikheenkova // Designing the Future. Problems of Digital Reality: Proceedings of the 3rd International Conference (February 6–7, 2020). Moscow, 2020.

5. Dedyulina M.A. Ethics of Artificial Intelligence: From Philosophical Criticism to Practical Responsibility / M.A. Dedyulina, E.V. Papchenko // Society: Philosophy, History, Culture. 2025. № 6.

6. Philosophical Problems of Artificial Intelligence: Bibliographic Index / compiled by A.V. Gasilin, N.S. Skipin; ed. by A.V. Gasilin. Moscow, 2023.

7. Solovieva L.N. Humans and Artificial Intelligence: Towards a Post-Anthropological Future / L.N. Solovieva, V.V. Soloviev //

гическому будущему / Л.Н. Соловьева, В.В. Соловьев // Общество: философия, история, культура. 2023. № 11.

8. Белобрагина А.С. Цифровой гуманизм: между апологией и критикой философской концепции // Философия и культура. 2025. № 9.

Society: Philosophy, History, Culture. 2023. № 11.

8. Belobragina A.S. Digital Humanism: Between Apology and Critique of a Philosophical Concept // Philosophy and Culture. 2025. № 9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Ю. Исмаилов, *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. Yu. Ismailov, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 10.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Философия права. 2026. № 1 (116). – С. 232–239.
Philosophiya prava. 2026. № 1 (116). – Pp. 232–239.

Научная статья
УДК 340.12

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ (НА ОСНОВЕ РЕКОНСТРУКЦИИ МЫСЛИ СВ. МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА)

Нина Григорьевна Келеберда
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Домодедово, Российская Федерация, kng07@mail.ru

Введение: *в условиях кризиса оснований правовой антропологии, когда права человека все чаще редуцируются к договорным, прагматическим или биологическим предпосылкам, возрастает необходимость в поиске устойчивого онтологического фундамента, способного обеспечить неотчуждаемость и непрерывность прав личности как таковой. В статье предпринимается реконструкция учения св. Максима Исповедника (ок. 580–662) как источника такой онтологической основы. В отличие от религиозно-апологетического или исключительно богословского прочтения предлагается философско-правовая интерпретация ключевых категорий максимовской антропологии: логоса, ипостаси и тропоса в их взаимосвязи с современными правовыми институтами.*

Материалы и методы: *методологической базой выступает герменевтическая реконструкция, сочетающая историко-философский анализ патристических текстов (Вопросоответы к Фалассию, Письма, Ambigua) с концептуальной интерпретацией в терминах онтологической антропологии (В.В. Петров, Л. Тунберг, С. Митралексис) и сравнительно-правовым сопоставлением с нормами российского и международного права (ст. 244 УК РФ, ст. 1118 ГК РФ, ст. 2 и 8 ЕКПЧ).*

Результаты исследования: *на основе герменевтического анализа концептов «логос», «тропос», «ипостась» в учении святого Максима Исповедника определен онтологический статус личности, обеспечивающий ее неотчуждаемую ценность независимо от возраста, состояния, морального выбора или даже физического существования. Именно эта онтологическая полнота позволяет обосновать непрерывность прав личности, включая посмертные аспекты, а также открывает путь к реститутивным моделям правосудия, ориентированным на изменение отношения, а не только на наказание.*

Выводы и заключения: *реконструированный принцип со-логосности в смысле свободного со-соответствия личности с ее изначальным замыслом позволяет противостоять как юридическому позитивизму, так и технологическому редукционизму, сохраняя личность как субъект права в онтологическом, а не только юридическом смысле.*

Ключевые слова: *правовая антропология, онтология личности, ипостась, логос, тропос, со-логосность, посмертные права*

Для цитирования: Келеберда Н. Г. *Онтологический статус личности в контексте правовой антропологии (на основе реконструкции мысли св. Максима Исповедника) // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). – С. 232–239.*

Original paper

THE ONTOLOGICAL STATUS OF PERSONALITY IN THE CONTEXT OF LEGAL ANTHROPOLOGY (BASED ON THE RECONSTRUCTION OF THE THOUGHT OF ST. MAXIMUS THE CONFESSOR)

Nina Grigorievna Keleberda
All-Russian Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Introduction: *in the context of the crisis in the foundations of legal anthropology, when human rights are increasingly reduced to contractual, pragmatic, or biological premises, there is a growing*

© Келеберда Н.Г., 2026

need to find a stable ontological foundation capable of ensuring the inalienability and continuity of individual rights as such. This article attempts to reconstruct the teachings of St. Maximus the Confessor (c. 580–662) as the source of such an ontological foundation. In contrast to a religious-apologetic or purely theological reading, a philosophical-legal interpretation is offered of the key categories of Maximus's anthropology: logos, hypostasis, and tropos, in their relationship to modern legal institutions.

Materials and methods: *the methodological basis is a hermeneutic reconstruction combining a historical and philosophical analysis of patristic texts (Questions and Answers to Thalassius, Letters, Ambigua) with a conceptual interpretation in terms of ontological anthropology (V.V. Petrov, L. Thunberg, S. Mitralexis) and a comparative legal comparison with the norms of Russian and international law (Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 1118 of the Civil Code of the Russian Federation, Articles 2 and 8 of the ECHR).*

Results of the study: *based on a hermeneutic analysis of the concepts of "logos," "tropos," and "hypostasis" in the teachings of St. Maximus the Confessor, the ontological status of the individual is defined, ensuring their inalienable value regardless of age, condition, moral choice, or even physical existence. It is precisely this ontological fullness that allows us to justify the continuity of individual rights, including posthumous aspects, and opens the way to restorative models of justice focused on changing attitudes, not just punishment.*

Findings and conclusions: *the reconstructed principle of co-logos-ity, in the sense of the free co-correspondence of the individual with its original design, allows us to resist both legal positivism and technological reductionism, preserving the individual as a subject of law in the ontological, and not just legal, sense.*

Keywords: *legal anthropology, ontology of the individual, hypostasis, logos, tropos, co-logos-ity, posthumous rights*

For citation: Keleberda N. G. *The ontological status of personality in the context of legal anthropology (based on the reconstruction of the thought of st. Maximus the Confessor) // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). – Pp. 232–239.*

Современное правопонимание, несмотря на декларированную приверженность идее прав человека, сталкивается с глубоким внутренним противоречием: права личности провозглашаются абсолютными и неотъемлемыми, но их основание остается фрагментарным и условным. Права чаще всего выводятся из договорной теории, социального консенсуса, эволюционной адаптации или прагматической необходимости и потому подвержены ревизии под влиянием политической конъюнктуры, технологических изменений или морального релятивизма. В этом контексте возвращение к патристической антропологии не есть археологический жест, но стратегический ход: восстановление онтологического фундамента, способного удержать права человека от превращения в технические нормы административного управления.

Особое значение приобретает учение св. Максима Исповедника (ок. 580–662), чья философия предлагает не метафизическую систему, а онтологическую практику становления личности через свободное соответствие изначальному замыслу. В реконструированной максимовской антропологии личность не есть субъект права по конвенции, но ипостась, т. е. онтологическое событие, укорененное в Божественном Логосе [1; 2; 3]. Именно это позволяет обосновать непрерывность прав личности не только в условиях жизни, но и после смерти, не только в отношении к государству, но и в отношении к самой структуре бытия. Цель настоящей статьи в том, чтобы показать, как реконструкция учения св. Максима Исповедника о личности может служить основанием для правовой антропологии.

1. Логос как онтологическая мера прав

У Максима Исповедника каждый человек обладает своим логосом не в смысле слова или рассудка, но как изначальный божественный замысел о нем, предсуществующий в Логосе Божием. Как пишет В.В. Петров, «достоинство мира и всех созданий основано на присутствии Логоса в логосах сотворенных существ» [4, с. 45]. Это не метафорическое, а строго онтологическое утверждение, при котором ценность человека не приписывается, не выбирается, не обосновывается, но дается в самом факте его сотворения. Его логос не зависит от расы, пола, возраста, способностей, морального состояния, степени самосознания или даже наличия жизненных функций.

Это означает, что права человека укоренены не в его свойствах, но в его бытии как ипостасно-воипостазированной природы. Человек не имеет права потому, что он разумен или свободен. Он есть правоноситель, потому что он есть личность, предусмотренная в Божественном замысле. Право здесь не юридическая конструкция, но онтологическая данность. Именно поэтому, по Максиму, даже в падении логос остается неизменным: «Хотя человек и отпал от первоначального состояния, его логос продолжает указывать на изначальную цель» [5, с. 89]. Следовательно, человек, совершивший преступление, не перестает быть носителем достоинства, ибо достоинство не есть вознаграждение за добродетель, а условие возможности всякого нравственного выбора.

Такое понимание находит неожиданное подтверждение в современном праве. Например, п. 1 ст. 2 Европейской конвенции по правам человека («Право на жизнь») утверждает: «Право каждого человека на жизнь охраняется законом» [6] без каких-либо оговорок. Это не этическая декларация, но юридический акт, выражающий признание онтологической устойчивости личности. Аналогично, п. 2 ст. 1 Конституции РФ [7] провозглашает человека, его права и свободы «высшей ценностью», а не результатом исторического развития или социального договора. Такая формулировка, пусть и в светской оболочке, интуитивно соотносится с максимовским тезисом: достоинство личности является не продуктом, но причиной правопорядка.

2. Ипостась как носитель непрерывных прав

Ключевая категория в антропологии св. Максима – ипостась (ὑπόστασις), которую он определяет как «сущность со [своими] особенностями» [3, с. 87]. В отличие от природы (φύσις), которая есть общее («человеческое»), ипостась есть уникальное осуществление этого общего: не «часть человечества», но человек в полноте своей личностной целостности. Сократ – не образец, не тип, не индивид, он человек в той же самой полноте, что и Иван. Эта полнота не зависит от внешних характеристик, но задана изначально в самом факте ипостасного бытия.

Именно ипостасный статус обеспечивает непрерывность прав личности, в том числе после смерти. После смерти «человеческая личность продолжает оставаться целостной: Сократ остается Сократом» [5, с. 112]. Личность не растворяется в природе, не распадается на «душу и тело», не сводится к социальному следу или памяти других. Она сохраняет свою идентичность не как формальную стабильность имени, но как онтологическую устойчивость отношения к бытию, выраженного в логосе.

С юридической точки зрения эта онтологическая устойчивость не метафорична, а служит предпосылкой права, которое в своей глубинной структуре есть не только регулятивная система, но и онтологическая практика признания. Оно признает не только дееспособность, но и бытие субъекта в полноте его ипостасного статуса. И когда право продолжает «видеть» человека после его смерти в завещании, в защите его тела и могилы, в уважении к его имени, то оно тем самым подтверждает, что личность не исчерпывается биологическим или социальным присутствием.

В российском праве эта истина выражена в двух ключевых институтах [8]: в праве свободно распорядиться своим имуществом на случай смерти (ст. 1118 ГК РФ) и уголовной ответственности за надругательство над телами умерших и местами захоронения (ст. 244 УК РФ). Оба института отражают разные грани одного и того же онтологического факта: ипостась не уничтожается со смертью тела.

Свобода завещания предполагает, что воля умершего сохраняет юридическую силу. Это означает признание того, что тропос, как свободное отношение личности к миру, не исчезает со смертью тела. Право, давая завещанию силу, по сути подтверждает, что человек не ушел полностью из сферы бытия. Он продолжает действовать уже не телесно, но через выражение своего логоса. Иными словами, человек, уйдя из телесного присутствия, продолжает участвовать в социальном бытии путем выражения своей воли. Воля умершего сохраняет юридическую силу не потому, что закон «вежливо уважает память», а потому, что он признает волю как выражение ипостаси [см. 5]. Завещание становится актом ипостасной ответственности, когда человек участвует в жизни общества даже по ту сторону смерти через заботу, распоряжение, любовь, прощение или осужде-

ние. В таком случае право выступает не как инструмент защиты собственности, но как служитель целостности личности, как охранитель ее онтологического достоинства.

Аналогичным образом, ст. 244 УК РФ защищает не «чувства родственников» и даже не «место захоронения как объект недвижимости». Она защищает самого умершего как ипостась. Что касается уголовной ответственности за надругательство над телами умерших и местами захоронения, то квалификация действий как «вандализма на кладбище» не проходит по ст. 167 УК РФ («Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества»), а специально выделена в отдельную норму именно потому, что объект посягательства личность, а не вещь. Осквернение могилы есть попытка стереть имя, след, воспоминание, или, иначе говоря, логос умершего.

Судебная практика [4] также показывает, что надругательство не исчерпывается физическим разрушением. Ключевой критерий – это наличие умысла унизить, осквернить, демонизировать умершего. Если памятник поврежден случайно, то состава преступления нет. Но если вандалы говорят: «Эти все предатели, им не место в земле нашей», то это прямой мотив ненависти. Когда экстремистская группа разрушает памятники на еврейском кладбище, ее действия направлены не на «камень», а на отрицание права евреев на память, историю, ипостасное бытие в прошлом и будущем. Это не вандализм по ст. 214 УК РФ, а попытка стереть логос целой общины.

Экспертные заключения по таким делам обязаны анализировать не только текст надписей, но и онтологическую направленность: стремится ли преступник к универсализации осквернения («все такие – мерзость»), что свидетельствует об отрицании ипостаси. Таким образом, закон защищает не «покой мертвых», но неприкосновенность ипостаси как онтологической реальности. В этом смысле ст. 244 УК РФ становится одним из самых глубоких признаний в отечественном праве: личность переживает смерть!

Этот же принцип действует в международном праве. Так, Европейский суд по правам человека в деле Pannullo and Forte v. France (жалоба № 43990/98) подтвердил: уважение к захоронению есть часть права на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 ЕКПЧ) [9], поскольку «место захоронения представляет собой символическое продолжение личности умершего». Особенно важно, что суд подчеркнул: интересы умершего не сводятся к интересам родственников; они обладают автономным значением. Это одно из самых радикальных признаний в современном праве: мертвый может быть субъектом права. Такое признание невозможно без онтологической предпосылки: личность есть ипостась, укорененная в логосе, и потому неустранимая.

3. Тропос как этико-правовая ответственность

Если логос понимается как изначальный замысел, а ипостась – его уникальное осуществление, то тропос (τρόπος) определяет свободный выбор отношения к этому замыслу. Тропос – это не характер, не поведение, не социальная роль, но «инновационное отношение к вещам, ставшее устойчивым состоянием душевного склада» [3, с. 102]. Именно через тропос человек раскрывает свою личность. В частности, два человека имеют одну природу, однако один обретается в тропосе любви, другой – в тропосе гнева; один – в тропосе потребления, другой – в тропосе служения.

Для правовой антропологии это означает: ответственность не за то, кто ты есть (это дано в ипостаси), а за то, как ты есть (это выбирается в тропосе). Здесь отвергается как биологический детерминизм («он таков от природы»), так и моральный абсолютизм («он нарушил закон, следовательно, он виновен»). Ответственность становится онтологическим призывом не к наказанию, но к восстановлению логоса через изменение тропоса.

Этот подход находит отклик в современных тенденциях уголовного права, в частности в реститутивной юстиции, где целью наказания является не репрессия, но восстановление отношений, в том числе внутреннего отношения преступника к себе. Как писал А. Э. Мигранян, «восстановительное правосудие предполагает, что человек способен к метанойе – изменению тропоса» [8 10, с. 34]. Идентичность терминологии не есть простое заимствование из богословия, но онтологическое созвучие, когда право признает, что человек не исчерпывается своим деянием.

4. Сологосность как основание правового диалога

Из трех ключевых понятий Максима вырастает принцип со-логосности, представляющий реконструкцию его учения и означающий свободное со-становление личности с Логосом. Сологосность есть соучастие в Божественном домостроительстве через любовь как практику причастия. По мысли Максима, если человек будет следовать своему логосу, то окажется в Боге, в Котором его логос предсуществует [11; 4, с. 67].

В правовом контексте со-логосность становится таким основанием права, при котором норма не навязывается сверху, но рождается в со-бытии равных ипостасей. Это может стать альтернативой как юридическому позитивизму («право – то, что установлено»), так и натурализму («право – то, что естественно»). Право здесь выступает практикой различения логосов в себе, в Другом, в обществе.

Такой подход актуализируется, например, в медиации и переговорах, где цель не победа, но со-творение справедливого решения. Или же в профилактике экстремизма, где важно не «переубедить», но создать условия для встречи с Другим как носителем иного логоса. Это актуально и в работе с беженцами, где человек не «объект перемещения», но ипостась, чей логос требует признания даже в условиях утраты социального статуса.

В этом свете даже антитеррористическая деятельность приобретает антропологическую глубину: борьба с экстремизмом есть не только нейтрализация угрозы, но восстановление логоса там, где он замещен идеологическим тропосом. Как писал Л. Тунберг, «Максим видел в насилии не просто зло, но разрыв со-логосности – отпадение от меры бытия» [3, с. 203].

5. От онтологии к правоприменению: практические следствия

Признание ипостаси как онтологической основы личности, сохраняющей целостность и после смерти, не остается в сфере богословских или философских абстракций. Оно порождает конкретные, измеримые и обязательные следствия для правовой системы особенно в условиях, когда общество сталкивается с вызовами, направленными на стирание личности, будь то терроризм, дезинформация, ненависть на почве расовой, религиозной или этнической принадлежности, или манипуляции с цифровым наследием.

Во-первых, как уже отмечено, ст. 244 УК РФ выделяется из общей категории повреждения имущества именно потому, что охраняемым объектом здесь является ипостась, а не вещь. Это влечет за собой практические последствия при квалификации. Например, если на кладбище неизвестной религиозной общины совершено осквернение надгробий с целью унизить, запугать, демонизировать всю группу, такое деяние должно рассматриваться не только как надругательство над телами умерших, но и как возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ). Почему? Потому что в основе ненависти лежит не просто неприязнь к «группе», но отрицание ипостасного достоинства ее членов как живых, так и умерших. Такое толкование согласуется с подходом ЕСПЧ, где в делах Vejdeland v. Sweden (жалоба № 4800/09) и S.A.S. v. France (жалоба № 43835/11) [6] подчеркивалось: право на выражение включает запрет на языки, отрицающие человеческое достоинство. Признание умершего как ипостаси делает уязвимыми не только живых, но и память о мертвых, а значит, и саму возможность культурной и религиозной идентичности.

Во-вторых, развитием цифровых технологий возникает новый класс конфликтов, трактуемый как защита цифрового наследия и посмертной репутации [12]. В частности, возникают вопросы: кто владеет аккаунтами умершего, кто может управлять его персональными данными, письмами, фотографиями. В России отсутствует прямая норма, аналогичная германскому postmortaler persönlichkeitsschutz или французскому droit au respect de la mémoire des défunts, которые дают право любому заинтересованному лицу (не только родственнику!) требовать защиты памяти умершего. Защита распространяется на имя, честь, достоинство, частную жизнь умершего независимо от воли наследников. Однако существующая конструкция посмертной охраны нематериальных благ [12], таких как права на имя, честь и достоинство и т. д., может и должна интерпретироваться сквозь призму ипостасного подхода. Если «Сократ остается Сократом», то его имя, высказывания, личные данные – уже не просто «информация», но выражение его логоса. Любая фальсификация, троллинг в его адрес, использование имени в порочащем контексте оказывается не «нарушением покоя», а посягательством на ипостасную

целостность. Это дает основания для расширительного толкования ст. 152 ГК РФ, включая в нее цифровую память как продолжение логоса.

В-третьих, следует упомянуть этические обязательства правоохранителей и экспертов. В практике идентификации жертв терактов, массовых захоронений или мигрантов, погибших в пути, нередко преобладает функциональный подход – «установить личность для учета». Но ипостасный подход требует большего: восстановление логоса. Это означает не только фиксирование имени и данных ДНК, но и сбор, по мере возможности, свидетельств о жизненном пути, религиозных предпочтениях, культурной принадлежности жертвы. Такой подход уже применяется в работе Международной комиссии по пропавшим без вести (ICMP) [13]: идентификация – лишь первый шаг; второй – репатриация в уважении к ипостасной идентичности, включая ритуалы, язык, обряд. Работа с жертвами предполагает не только сбор доказательств, но и восстановление достоинства, т. е. признания их как незаменимых личностей, чья смерть не отменила их права быть услышанными.

В заключение отметим, что реконструкция концепции личности в учении св. Максима Исповедника позволяет выстроить онтологически устойчивую правовую антропологию, в которой логос обеспечивает неотчуждаемость прав, заключающихся в самом бытии личности, а не в ее свойствах. Ипостась обеспечивает непрерывность прав, включая посмертные аспекты (завещание, защита захоронений), а тропос обеспечивает этическую ответственность за способ ее осуществления. Сологосность обеспечивает практическую основу права как со-творения справедливости.

Такая антропология не противопоставляет веру и разум, богословие и юриспруденцию, но показывает, что право, лишенное онтологического основания, рано или поздно превращается в инструмент управления. А человек, лишенный признания своей ипостасной целостности, оказывается «объектом» профилактики, коррекции или изоляции.

В условиях, когда технологии предлагают «улучшать» человека с помощью достижений генной инженерии, нейроинтерфейсов или цифровых двойников, когда право все чаще регулирует статусы, например, эмбрион, ИИ, крионированный организм и т. д., возвращение к максимовской антропологии не означает уход в прошлое, но выступает стратегией будущего, потому что актуализирует вопрос о том, кто такой человек, чтобы иметь право на все.

Список источников

1. Бальтазар Г.У. фон. Сердце мира. М., 2006.

2. Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996.

3. Thunberg L. Microcosm and Mediator: the theological anthropology of Maximus the Confessor. URL: https://archive.org/details/microcosmmediato0000thun (дата обращения: 25.04.2025).

4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 280 и 282 УК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.11.2017 № 55 (в ред. от 20.01.2023). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Mitralexis S. Maximus the Confessor as a European Philosopher. Eugene, 2017.

6. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 1950.

References

1. Balthasar G. U. von. The Heart of the World. Moscow, 2006.

2. Epifanovich S. L. St. Maximus the Confessor and Byzantine Theology. Moscow, 1996.

3. Thunberg L. Microcosm and Mediator: the theological anthropology of Maximus the Confessor. URL: https://archive.org/details/microcosmmediato0000thun (date of access: 25.04.2025).

4. On judicial practice in criminal cases under Articles 280 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.11.2017, № 55 (as amended on 20.01.2023). Access from the legal system "ConsultantPlus".

5. Mitralexis S. Maximus the Confessor as a European Philosopher. Eugene, 2017.

7. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. European Court of Human Rights. Guide on Article 8 of the European Convention on Human Rights – Right to respect for private and family life. Updated 31 August 2024. Strasbourg, 2024.

10. Кушнаренко С.П. Онтология личности по учению Максима Исповедника и философская герменевтика Г. Гадамера // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324.

11. Лурье В.М. Ипостась и логос у св. Максима Исповедника // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2010. № 4(10).

12. Зиновьев А.В. Посмертная защита нематериальных благ в цифровой среде // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7.

13. International Commission on Missing Persons (ICMP). Principles on the Identification of Human Remains. Sarajevo, 2022.

14. Ларше Ж.-К. Максим Исповедник – посредник между Востоком и Западом. М., 2004.

15. Максим Исповедник, прп. Вопрососответы к Фалассию. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Ispovednik/Voprosootvety_k_falassiyu/ (дата обращения: 25.04.2025).

16. Мигранян А.Э. Восстановительное правосудие как практика метанойи // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7.

17. Наумов А.В. Российское уголовное право. Особенная часть. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2024.

18. Петров В.В. Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII в. М., 2007.

19. Рябцев А.М. Право на посмертное достоинство: философско-правовой анализ // Журнал российского права. 2021. № 10.

20. Konstas M. St. Maximos the Confessor on Difficulties in Sacred Scripture: the responses to thalassios. Washington, 2018.

6. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 1950.

7. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993. Access from the legal system "ConsultantPlus".

8. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of 13.06.1996, № 63-FL. Access from the legal system "ConsultantPlus".

9. European Court of Human Rights. Guide on Article 8 of the European Convention on Human Rights – Right to respect for private and family life. Updated on 31.08.2024. Strasbourg, 2024.

10. Kushnarenko S.P. The Ontology of the Personality According to the Teachings of Maximus the Confessor and G. Gadamer's Philosophical Hermeneutics // Bulletin of Tomsk State University. 2009. № 324.

11. Lurye, V.M. Hypostasis and Logos in St. Maximus the Confessor // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series III: Philology. 2010. № 4(10).

12. Zinoviev, A.V. Posthumous Protection of Intangible Assets in the Digital Environment // Law and State: Theory and Practice. 2023. № 7.

13. International Commission on Missing Persons (ICMP). Principles on the Identification of Human Remains. Sarajevo, 2022.

14. Larcher, J.-C. Maximus the Confessor – Mediator between East and West. Moscow, 2004.

15. Maximus the Confessor, Venerable One. Questions and Answers to Thalassius. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Ispovednik/Voprosootvety_k_falassiyu/ (date of access: 25.04.2025).

16. Migranyan, A.E. Restorative Justice as a Practice of Metanoia // Law and State: Theory and Practice. 2021. № 7.

17. Naumov, A.V. Russian Criminal Law. Special Part. 8th ed., revised and enlarged. Moscow, 2024.

18. Petrov, V.V. Maximus the Confessor: Ontology and Method in Byzantine Philosophy of the 7th Century. Moscow, 2007.

19. Ryabtsev, A.M. The Right to Posthumous Dignity: A Philosophical and Legal Analysis // Journal of Russian Law. 2021. № 10.

20. Konstas M. St. Maximos the Confessor on Difficulties in Sacred Scripture: The Responses to Thalassios. Washington, 2018.

21. Tanase N. Asceticism for society: in searching of the «real self» that actually is «clothed with Christ». URL: https://www.researchgate.net/publication/337633923 (дата обращения: 25.04.2025).

22. Калаиджишвили С., еп. Современный взгляд на вопрос о месте погребения Максима Исповедника в Грузии // Труды ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. Т. 1.

23. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 3): федер. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Tanase N. Asceticism for Society: In Search of the "Real Self" That Actually Is "Clothed with Christ." URL: https://www.researchgate.net/publication/337633923 (date of access: 25.04.2025).

22. Kalaijishvili S., Bishop. A Modern View on the Burial Place of Maximus the Confessor in Georgia // Proceedings of the Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. 2008. Vol. 1.

23. Civil Code of the Russian Federation (Part 3): Federal Law of November 26, 2001. № 146-FL. Accessed from the legal system "ConsultantPlus".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. Г. Келеберда, *кандидат философских наук, профессор кафедры международного полицейского сотрудничества и борьбы с преступностью по каналам Интерпола, доцент Центра подготовки сотрудников органов внутренних дел для участия в миротворческих миссиях Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 142007, Российская Федерация, г. Домодедово, мкр. Авиационный, ул. Пихтовая, 3.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. G. Keleberda, *PhD in Philosophy, Professor of the Department of International Police Cooperation and Combating Crime via INTERPOL, Associate Professor of the Center for Training Police Officers for Participation in Peacekeeping Missions of the All-Russian Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 3, Pikhtovaya St., Domodedovo 142007 Russian Federation.*

Статья поступила в редакцию 29.12.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 29.12.2025; approved after reviewing 12.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронным адресам: law-journals-rui@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru для – сотрудников, работников МВД России) (тел.: (863) 207-86-35). Автором (-ами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического журнала «Философия права».

1.1. На бумажном носителе (на одной стороне стандартного листа А4). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть подписана автором (соавторами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см, текст выравнивается по ширине, страницы нумеруются (кроме первой) внизу по центру, не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов). Если при наборе текста использовались дополнительные шрифты, автор должен предоставить их в редакцию. В русскоязычном тексте используются кавычки «елочки», в тексте на иностранных языках – «лапки». Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилия, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученая степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором можно связаться) и «Открытый идентификатор исследователя и участника» – ORCID автора (при наличии).

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в пп. 3.2–3.6 осуществляется автором(ами) рукописи.

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (ГОСТ Р 7.0.110-2025).

6. Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

7. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНиПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках. Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!